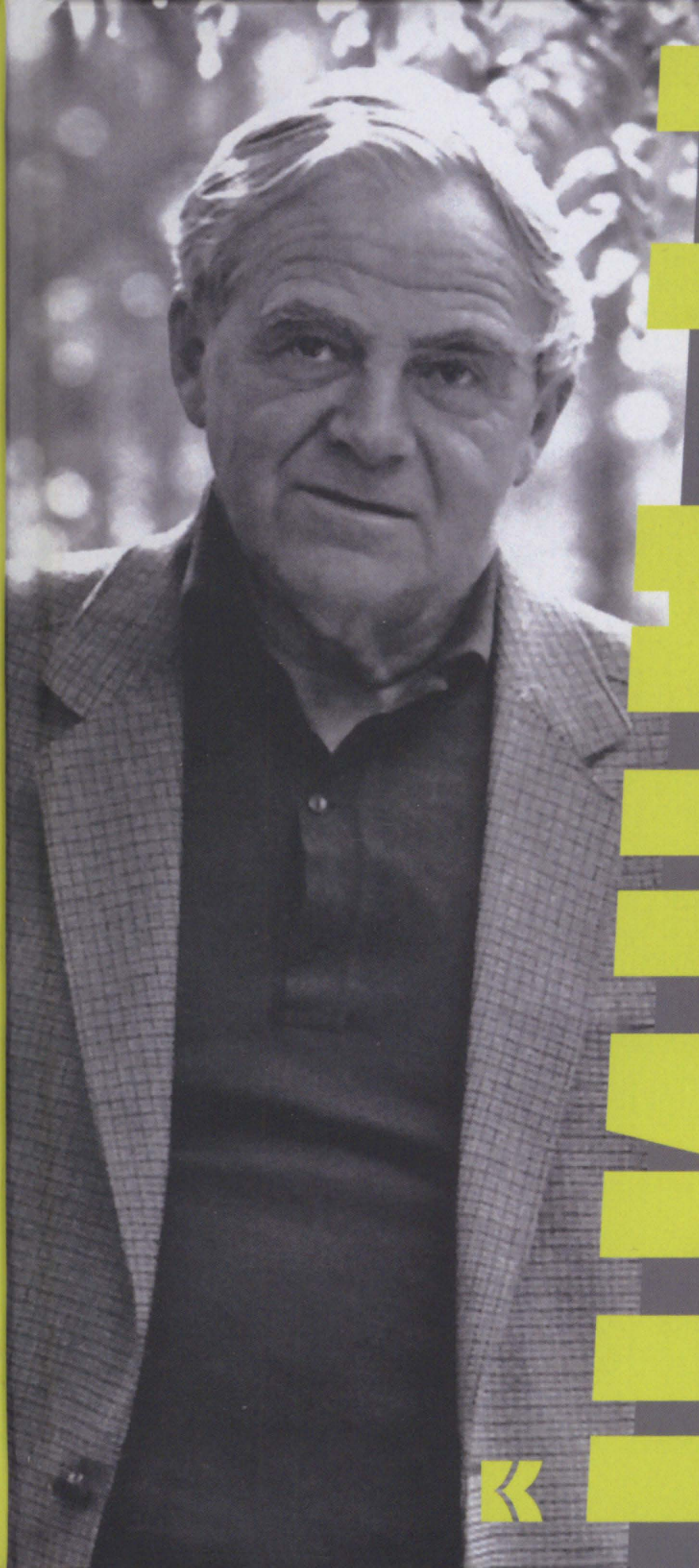

С. Н. Понтопак

ГРАНИН

ГРАНИН

ГРАНИН

Г
Р
А

С. Н. Полторак

НИИ

УДК 929 (092)
ББК 83.3 (2 Рос=Рус) 6-8
П52

Научные консультанты — академик РАН Ю. С. Васильев,
доктор психологических наук, профессор В. П. Третьяков.

Научные редакторы — доктор философских наук, профессор С. Т. Махлина,
доктор педагогических наук, профессор В. Е. Триодин.

Рецензенты — доктор исторических наук, профессор А. Н. Еремеева,
доктор исторических наук, профессор С. С. Минц

Полторак Сергей Николаевич

П 52 Гранин. — М: Издательство «Кучково поле», 2019. — 448 с.: ил.
ISBN 978-5-9950-0966-5

Эта книга — первая попытка комплексного исследования биографии выдающегося отечественного писателя Даниила Александровича Гранина (Германа) (1918–2017).

На основе материалов многочисленных архивов, ряда неизвестных прежде публикаций Д. А. Гранина, а также широкого круга его произведений в монографии прослеживается жизненный путь писателя, осуществляется попытка реконструкции его взглядов на жизнь и литературное творчество на протяжении многих десятилетий.

В книге анализируются взгляды Д. А. Гранина на процесс развития нашей страны, дается оценка гражданской позиции писателя-фронтовика.

Книга рассчитана на историков, литературоведов, а также на широкий круг читателей, которым интересно творчество Д. А. Гранина.

УДК 929 (092)
ББК 83.3 (2 Рос=Рус) 6-8

ISBN 978-5-9950-0966-5

© Полторак С. Н., текст, иллюстрации, 2018
© Зотова А. В., послесловие, 2018
© ООО «Издательство «Кучково поле»,
издание, 2019

Моим сыновьям Игорю, Коле и Сереже
с бесконечной любовью

О тех, кто помогал мне в написании этой книги

Это только кажется, что у книги один автор. Десятки людей влияли на ее содержание. Все они в той или иной мере чем-то мне помогли. Кто-то советом, кто-то информацией, а некоторые самым главным — дружеской поддержкой, которая помогала осуществить задуманное.

Возможно, один из главных толчков для написания этой книги дал мне сам Д. А. Гранин. Несколько лет назад я в очередной раз зашел в гости к Даниилу Александровичу на Малую Посадскую улицу. По обыкновению, писатель задавал мне вопросы, а я, как на экзамене, старался давать «правильные» ответы. Даниил Александрович смотрел на меня, как всегда, с легкой иронией и вдруг сказал: «Вы как историк хватаетесь за многие темы. Но лучше всего у вас получается писать исторические портреты». Он сказал мне, что несколько раз возвращался к моей книге «Разведчик Кент» и считает ее удачной работой. В какой-то момент Даниил Александрович вдруг вышел из комнаты и вскоре вернулся, держа в руках какую-то папку. Он протянул ее мне со словами: «Потом посмотрите, может, пригодится. — И добавил: — Несколько раз пробовал написать что-то вроде мемуаров, но ни черта не получается, сбиваюсь на литературу».

Тогда я не очень понял его слова. Придя домой, открыл папку. В ней лежало несколько документов (копий и оригиналов), касающихся разных периодов жизни Д. А. Гранина, в основном военной и послевоенной поры. Меня растрогала лежавшая поверх документов фотография молодого Д. А. Гранина, на которой стояла дата 17.12.1948 г. Я с интересом просмотрел документы и отложил их до поры, совсем не задумываясь над тем, могут ли они мне пригодиться. Они были для меня просто памятью о дорогом мне человеке. Мне не приходило в голову, что наступит пора, когда я вновь раскрою эту папку, чтобы посмотреть на хранящиеся в ней документы уже взглядом исследователя. Получается, что Даниил Александрович вольно или невольно подтолкнул меня к тому, чтобы эта книга состоялась.

Не стану «ранжировать» своих друзей и коллег в зависимости от их вклада в подготовку монографии. Вклад разный, но всех объединил огромный интерес к главному персонажу повествования — Даниилу Александровичу Гранину. Вероятно, правильнее будет отметить участие близких мне людей в подготовке издания в соответствии с хронологией событий, связанных с написанием книги.

Прежде всего я должен сказать слова благодарности своей жене — Анастасии Валерьевне Зотовой, которая разделила со мной все трудности работы над книгой. Будучи профессиональным историком, доктором наук, она была моим постоянным надежным помощником: мы вместе работали с литературой и источниками в библиотеках и архивах. Каждую страницу рождавшегося текста мы обсуждали вместе, часто споря, но все же приходя к единому мнению. Я по праву считаю ее соавтором этой работы, хотя из-за своей скромности она категорически отказалась, чтобы на обложке книги была ее фамилия. Рад, что она согласилась написать небольшое послесловие к этой книге.

Мне приятно, что во время работы над книгой я всегда мог опереться на твердое плечо своего старшего сына Игоря Полторака. Иногда мне казалось, что мы с ним поменялись местами: он давал мне толковые советы, к которым я прислушивался, как внимательный сын. Бывали случаи, когда я сомневался в принятии того или иного решения. Именно поддержка Игоря придавала мне силы для доведения дела до конца.

Я должен поблагодарить профессора В. П. Яковлева, долгое время работавшего вице-губернатором Санкт-Петербурга по культуре и часто общавшегося с Д. А. Граниным. Именно Владимир Петрович, с которым мы сблизились во время сотрудничества в журнале «История Петербурга», познакомил меня с моим любимым писателем. С легкой руки В. П. Яковлева мы долгие годы общались с Даниилом Александровичем, и это сыграло важную роль в моей жизни.

Когда в июле 2017 г. не стало Д. А. Гранина, я неожиданно для самого себя написал о нем статью, в которой было больше эмоций, чем какого-либо содержания. Прежде чем опубликовать ее в ежемесячном журнале для ученых «Клио», я разослал рукопись своим друзьям, которые тепло откликнулись на нее. Были не только добрые отзывы, но и критические замечания,

полезные советы, которые позже я постарался учесть в книге. Один из моих друзей, самарский профессор-историк Г. М. Ипполитов, прочитав ту статью, посоветовал написать о Д. А. Гранине монографию. Совет был неожиданным. Но это был тот самый толчок, без которого я не взялся бы за этот труд. Так что я очень признателен Георгию Михайловичу и его жене Надежде Валентиновне за то, что они направили меня по сложному, но очень интересному творческому пути.

Научными консультантами во время написания книги стали замечательные ученые и прекрасные люди — академик РАН Ю. С. Васильев и доктор психологических наук, профессор В. П. Третьяков. С Юрием Сергеевичем Васильевым мы знакомы почти 30 лет, с момента моего прихода в Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина на преподавательскую работу. Юрий Сергеевич в то время был ректором. Спустя время стал президентом Политеха, сейчас — главный научный руководитель этого прославленного вуза. Нас связывают многолетние сердечные отношения. Ю. С. Васильев с самого начала одобрил идею написания мною книги о Д. А. Гранине. За полтора года моей работы над ней он много времени потратил на то, чтобы дать мне важные советы, касающиеся как технических аспектов, которыми пронизаны многие произведения Даниила Александровича, так и связанные с восприятием писателя как человека. Юрий Сергеевич не раз встречался с Даниилом Александровичем, и у него сложилось интересное собственное представление об этом выпускнике Политеха. Кроме того, Юрий Сергеевич помог мне ознакомиться с архивными документами. В частности, с личным делом студента Д. А. Германа, хранящимся в архиве Санкт-Петербургского университета Петра Великого.

С профессором В. П. Третьяковым нас связывают многолетняя дружба и совместная работа в редколлегии журнала «История Петербурга». Виталий Петрович обратил мое внимание на то, что Д. А. Гранин — одаренный психолог. Я разделяю эту точку зрения и считаю, что знание психологии позволило Даниилу Александровичу добиться глубины познания своих героев, сделать их яркими, запоминающимися, притягательными. Виталий Петрович Третьяков познакомил меня с заместителем председателя Совета ветеранов ПАО «Ленэнерго», заслуженным энергетиком РФ Виктором Михайловичем Бариновым. Виктор

Михайлович показал мне место работы Д. А. Гранина в «Ленэнерго», провел для меня очень полезную экскурсию в уютном музее филиала «Кабельная сеть» ПАО «Ленэнерго» и рассказал о том, как вчерашний фронтовик Д. А. Герман трудился в кабельной сети, внося большой личный вклад в восстановление Ленинграда после ужасов блокады. Именно В. М. Баринову я обязан тем, что сумел ознакомиться с уникальными документами, хранящимися в фондах архива ПАО «Ленэнерго» — с личным делом его сотрудника Д. А. Германа.

Неоценимую помощь в подготовке монографии мне оказали мои научные редакторы — доктор философских наук, профессор С. Т. Махлина и доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и заслуженный деятель культуры РФ В. Е. Триодин. Светлана Тевельевна помогла мне на протяжении всей работы над рукописью. Она консультировала меня по поводу многих публикаций Д. А. Гранина. Особенно полезными оказались ее советы, связанные с романом «Картина». Неоценимую помощь С. Т. Махлина оказала мне и в изучении жизни и деятельности Даниила Александровича во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг.

Мой близкий друг В. Е. Триодин — бескомпромиссный оппонент и крупный ученый. Он не только хорошо знал Д. А. Гранина, но и имеет четкое представление о его общественной деятельности, о вкладе писателя в развитие культуры Петербурга и России в целом. Я благодарен Владимиру Евгеньевичу за то, что он нашел время прочитать рукопись моей книги, и за те советы, которые позволили мне избежать многих фактических ошибок.

Совершенно неформальной была помощь со стороны рецензентов — докторов исторических наук, профессоров А. Н. Еремеевой и С. С. Минц. Анна Натановна не только выступила в роли строгого рецензента, но и помогла практически. В частности, работая в научных библиотеках Вены, она подобрала для меня ряд зарубежных публикаций, рассказывающих о творчестве Д. А. Гранина и об отношении к этому творчеству зарубежной критики. Светлана Самуиловна Минц с первых дней моей работы над книгой поддержала меня, давая ценные советы по расстановке акцентов в проводимом исследовании. Будучи талантливым специалистом в области истории персоналий и в сфере исторической психологии, она обратила мое внимание на ряд

важных сторон деятельности Даниила Александровича, а также на историко-психологические особенности его произведений о Великой Отечественной войне.

Особые слова благодарности я должен высказать члену редколлегии журнала «История Петербурга», моему большому другу Ольге Ивановне Молкиной. Ее удивительная энергия во многом стимулировала меня в работе, придавала силы. Ольга Ивановна давала мне ценные советы, а также привлекла к консультациям замечательного петербурговеда-подвижника З. А. Рудю. Зоя Абрамовна, в свою очередь, дала очень ценные советы по изучению наследия Д. А. Гранина, связанного с осмыслением личности Петра Великого и его вклада в развитие России.

Я очень благодарен доктору исторических наук, почетному профессору Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ленина В. В. Калашникову, помогшему мне ознакомиться с архивным делом Д. А. Германа, хранящимся в Архиве СПбГЭТУ. С Владимиром Валерьяновичем мы сотрудничаем много лет; он был научным редактором моей предшествующей монографии. Я очень рад, что наше сотворчество продолжается.

В изучении документов, касающихся участия Д. А. Германа в Великой Отечественной войне, мне помог московский историк М. В. Коломиец, за что выражаю ему свою сердечную признательность.

Иногда помощь приходила совершенно неожиданно. Как-то я узнал, что мой близкий товарищ и коллега, заместитель главного редактора ежемесячного журнала для ученых «Клио» доктор исторических наук, профессор В. С. Измозик вместе с супругой собрался на отдых в г. Старую Руссу. Зная, что в детстве Даниил Герман вместе с отцом А. Д. Германом некоторое время жил в этом городе и очень любил его, я попросил Владлена Семеновича выяснить, не осталась ли в этом городе какая-либо память о пребывании в нем будущего писателя. Профессор В. С. Измозик очень ответственно отнесся к моей просьбе. Он сделал ряд фотографий современного города, позволивших мне проникнуться духом тех мест, пообщался с сотрудниками местного краеведческого музея и свои впечатления передал мне. За все это я очень ему благодарен. Это позволило мне лучше прочувствовать место действия, когда я пытался писать о детских годах

Даниила Александровича, о его пребывании на Новгородщине. Впечатления В. С. Измозика помогли мне успешней проникнуть в суть гранинских произведений, события которых разворачивались на Новгородской земле.

Совсем неожиданный, но очень полезной оказалась помощь моего спортивного тренера — мастера спорта СССР по борьбе самбо и дзюдо, чемпиона СНГ, обладателя пятого дана Валерия Петровича Левина, у которого я тренировался с двенадцатилетнего возраста. У него и сейчас тренируются я, моя жена и младшие сыновья. Валерий Петрович рассказал мне о своих впечатлениях, связанных с короткой встречей с Д. А. Граниным. Это позволило мне более четко представить отношение к писателю обычных читателей.

В осмыслении военных аспектов творчества писателя мне очень помогли советы моего близкого друга доктора исторических наук, доктора юридических наук, профессора, советника I класса В. А. Золотарева. Владимир Антонович на протяжении всего периода моей работы над монографией поддерживал меня, давал дельные советы, проявлял дружескую заботу о подготовке рукописи к изданию.

Разобраться в многосложности полутонов характера Д. А. Гранина мне во многом помогли журналисты О. Л. Смирнова, С. Е. Глезеров и доктор исторических наук, профессор Ю. З. Кантор. Ольга Леонидовна Смирнова, удивительный по своему яркому дарованию радиожурналист. С ней мы дружим и сотрудничаем более двадцати лет. Она обратила мое внимание на вклад Даниила Александровича в защиту блокадников, рассказала мне о роли, которую сыграл Д. А. Гранин в отстаивании идеи возрождения уничтоженного музея, сегодня носящего название «Музей обороны и блокады Ленинграда».

Скромный и очень знающий журналист и историк С. Е. Глезеров своими деликатными замечаниями способствовал тому, что я лучше представил себе процесс взаимоотношений Даниила Александровича как с журналистами, так и с широкой читательской аудиторией.

Ценными оказались и беседы с Ю. З. Кантор, которая с большим почтением относясь к Д. А. Гранину как к писателю и незаурядной личности, рассказала мне о некоторых деталях общественной деятельности писателя и, в частности, о его

выступлении в бундестаге в 2014 г., свидетельницей которого в Берлине она была.

Работая над книгой, я ощутил существенную нехватку сведений биографического характера. Восполнить этот пробел по мере сил мне помогла доктор педагогических наук, профессор Г. В. Михеева, с которой мы долгие годы дружим и сотрудничаем в редколлегии журналов «История Петербурга» и «Клио». Галина Васильевна помогла мне связаться с известным генеалогом И. В. Сахаровым, который дал мне ряд дельных советов, за что искренне благодарен этим замечательным ученым.

Пытаясь выяснить место рождения Д. А. Гранина, я обращался в местные архивы и к своим коллегам. Большую помощь в этой работе мне оказал доктор исторических наук, профессор Валерий Яковлевич Ефремов, живущий и работающий в г. Вольске Саратовской области. Именно он по моей просьбе обратился к местному краеведу кандидату педагогических наук, доценту С. В. Постникову, который передал мне исчерпывающую справку, развенчивающую миф о том, что Д. А. Герман родился в г. Вольске. Приношу свою глубокую благодарность за оказанное мне содействие В. Я. Ефремову и С. В. Постникову.

С некоторыми коллегами, оказавшими мне неоценимую помощь, я, к сожалению, лично не знаком. В первую очередь это сотрудники архивов разных городов России. Я сердечно благодарен за предоставленные сведения заместителю директора Государственного архива Липецкой области Е. П. Щукиной, исполняющему обязанности директора Государственного архива Курской области О. В. Пешехоновой, директору Государственного архива Орловской области Ю. В. Апаринной и заведующей отделом использования и публикации документов этого архива Л. М. Кондаковой.

В процессе работы над книгой не удалось найти документальных подтверждений о заведении следственного дела на отца Даниила Александровича — А. Д. Германа. Я благодарен заместителю начальника Центрального архива ФСБ РФ Н. А. Иванову, заместителю начальника службы управления ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области П. А. Крылову, начальнику подразделения управления ФСБ по Новгородской области Г. Э. Кулаковой, начальнику Центра реабилитации жертв политических репрессий и архивной информации Централь-

ного архива МВД России Ю. И. Харину за предоставленную мне информацию.

Хочу выразить слова признательности главному библиографу отдела газет Российской национальной библиотеки Марии Анатольевне Луковской, которая оказала мне неоценимую помощь в получении сведений о работе студента Даниила Германа в качестве внештатного корреспондента многотиражной газеты Ленинградского индустриального института «Индустриальный».

Я очень благодарен докторам исторических наук, профессорам А. В. Лосику и Г. В. Серебрянской за участие в моей работе. Александр Витальевич Лосик не только помогал мне советами, но и по мере сил способствовал налаживанию контактов с представителями администрации Санкт-Петербурга, которые могли бы рассказать о роли Д. А. Гранина в культурном развитии города. Профессор Галина Владимировна Серебрянская — известный нижегородский исследователь — помогла мне разобраться в ряде деталей, связанных с учебой Д. А. Гранина в танковом училище г. Горького в 1943 г.

В период работы меня очень поддерживала своими советами и рекомендациями мой давний друг доктор исторических наук, профессор Б. Д. Гальперина. В частности, мне очень пригодились данные ею сведения о знакомстве Д. А. Гранина с выдающимся петербургским историком В. И. Старцевым.

Существенно помог мне и мой старинный друг и товарищ, кандидат искусствоведения, председатель секции истории города при Музее истории Санкт-Петербурга В. В. Скурлов. Благодаря его усилиям мне удалось пополнить свои знания об учебе капитана танковых войск Д. А. Германа в Ульяновском танковом училище. Именно Валентин Васильевич поделился со мной воспоминаниями о восприятии читателями произведений Д. А. Гранина в 1950-е — 1960-е гг. Часть его воспоминаний вошла в это издание.

На протяжении всего периода работы над книгой меня поддерживал добрым словом и советами мой давний друг и старший товарищ доктор технических наук, профессор, почетный железнодорожник России, член редколлегии журнала «История Петербурга» Владимир Егорович Павлов. Я всегда восхищался добротой и эрудицией этого человека. Владимир Егорович не только давал мне добрые советы, но и обращал мое внимание на различные публикации Д. А. Гранина, которые по разным при-

чинам были мной пропущены в ходе исследования. Сердечное спасибо этому замечательному человеку и талантливому ученому.

Особенно трудно мне было исследовать события последних лет жизни Даниила Александровича. В значительной мере разобраться в некоторых из них мне помог мой давний товарищ, член редколлегии журнала «История Петербурга» доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Юрий Александрович Молин. Профессионально и очень деликатно он консультировал меня по ряду вопросов, что позволило мне лучше понять ряд психологических аспектов, касающихся Д. А. Гранина.

С большой благодарностью хочется вспомнить заведующую отделом использования и публикации документов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга Н. Ю. Черепенину, с которой мы знакомы уже много лет. Она помогла мне ценными советами в поиске документов, касавшихся довоенной жизни Даниила Германа и его родителей.

К сожалению, работа над книгой занимала много времени, что пагубно сказывалось на моей работе главного редактора в журнале «Клио» и в журнале «История Петербурга». Но мне повезло: значительную часть моей нагрузки взяли на себя сотрудники этих изданий И. С. Квачев, А. А. Василькова и Е. А. Тальянова. С Игорем Станиславовичем Квачевым мы дружим с детства, точнее, со школьных лет. Это исключительно надежный человек, которому я в работе и в жизни доверяю больше, чем себе. Он очень внимательный и даже вездливый читатель и критик. Этими качествами своего друга я бессовестно пользовался, давая ему читать фрагменты книги. Анастасия Александровна Василькова — профессиональный специалист издательского дела. Несколько лет назад мне довелось в составе госкомиссии быть на защите ее магистерской диссертации, которая поразила меня своей глубиной. Я рад, что такой образованный и надежный сотрудник, как А. А. Василькова, помогал мне при написании книги. В том числе и в поиске различных книг Д. А. Гранина.

Е. А. Тальянова, с которой мы сотрудничаем и дружим уже двадцать лет, прекрасный дизайнер и очень надежный человек. Зная, что она никогда не подведет в работе, что «Клио» и «История Петербурга» всегда будут сверстаны в срок, я мог позволить себе перекладывать на нее некоторые редакторские дела и заниматься работой над рукописью этой книги.

Я очень признателен писателю и переводчику Ю. М. Лебедеву за то, что на протяжении долгого времени он регулярно присылал мне свои небольшие очерки о Д. А. Гранине. Юрий Михайлович разрешил мне использовать две фотографии из своего личного архива, которые были сделаны незадолго до ухода писателя из жизни.

Важное содействие в поиске произведений Даниила Александровича мне оказала моя ученица — ныне учитель истории одной из петербургских гимназий Екатерина Владимировна Труханович, за что выражаю ей свою искреннюю признательность.

Оглядываясь назад, я хорошо понимаю, что без помощи и поддержки моих коллег и друзей я бы не смог осуществить задуманное. Низкий поклон всем этим людям за их доброту и бескорыстную помощь, за интерес к жизни и творчеству Даниила Александровича Гранина.

Ушедший принадлежит всем,
с этим ничего не поделаешь.

Д. А. Гранин¹

1 *Гранин Д. А. Эта странная жизнь // Однофамилец: Повести. Л., 1984. С. 462.*

Введение

В детстве я мечтал дойти до горизонта, и у меня почти получилось. Тогда, в конце 1950-х, мы с родителями жили в Ленинграде на набережной Фонтанки, в доме 133. Где-то вдалеке, теперь я знаю, что это почти возле Невского проспекта, на противоположной стороне реки, виднелись три трубы какого-то предприятия. На самом деле их было четыре. Но одна из них закрывала собой другую. Поэтому казалось, что труб — три. В моем восприятии это и был горизонт. Спустя почти шестьдесят лет, взявшись за книгу о Д. А. Гранине, я, похоже, пытаюсь опять повторить ту попытку из детства.

Д. А. Гранин известен в России меньше, чем нам иногда кажется. Как-то он захотел познакомить меня с мэром финского городка Лаппеенранта. Встреча почему-то должна была состояться на площади Искусств, в Малом театре оперы и балета. Когда писатель, сдав в гардероб пальто и кепку, отошел в сторону, гардеробщица спросила меня: «Кто это? Лицо знакомое, но вспомнить его не могу». Я обиделся за Д. А. Гранина и неожиданно для себя брякнул: «Это Бельмондо».

Мы еще нескоро поймем огромность личности Д. А. Гранина и его значение для России и мировой культуры.

Среди современников есть много людей, которые лучше меня знали Д. А. Гранина, были ближе к нему. Они еще не раз скажут о нем свое точное слово. Выскажутся, конечно, и те, кому Д. А. Гранин представляется человеком неодаренным и несимпатичным. Они уже давно это делают. Это не хорошо и не плохо: «синдром Моськи» отменить невозможно. Даниил Александрович вспоминал слова, сказанные ему как-то Ольгой Федоровной Берггольц: «У меня никогда не было врагов, которых я заслуживаю,

все какие-то шавки»¹. Словно не только про себя, но и про Д. А. Гранина сказала.

Почему за книгу о Д. А. Гранине взялся я, историк, а не профессиональный писатель, критик, журналист? Потому что в каждой профессии — свои рабочие инструменты. Мне как стороннику Петербургской исторической школы хочется сделать акцент на факты. Там, где их будет недоставать, я постараюсь реконструировать прошлое на основе историко-психологических подходов.

С Д. А. Граниным мы были знакомы около двадцати лет. Нас познакомил бывший вице-губернатор Петербурга по культуре Владимир Петрович Яковлев, за что я ему очень признателен. Разумеется, мое знакомство с книгами Даниила Александровича произошло гораздо раньше, вероятно, в конце 1960-х гг. Так что у меня было время подумать об этом человеке. При всей огромности своей фигуры он все равно по духу, по темпераменту, по культуре был и останется ленинградцем, петербуржцем. В этом во многом состоит притягательность писателя.

На мой взгляд, в Петербурге конца XX — начала XXI в. есть четыре доминанты мировой культуры: Д. С. Лихачев, Д. А. Гранин, А. П. Петров и Ж. И. Алферов. Они и сформировали культурный и интеллектуальный облик современного Петербурга.

В книге, которую вы читаете, собраны архивные сведения, фрагменты газетных и журнальных публикаций о Д. А. Гранине, его собственные высказывания, свидетельства людей, знавших писателя или просто любящих его творчество. Но главным источником этой монографии стали произведения Д. А. Гранина. По ним я попробовал шаг за шагом проследить динамику авторских мыслей и поступков.

В этой книге я попытался понять его жизнь. Я по мере сил вживаюсь в его видение окружающего мира. Мне хочется понять его так, как хотел понять себя он. Но я во многом не понимаю этот мир, как не понимал его и он сам. Возможно, это непонимание жизни, помноженное на желание ее понять, и было тем двигателем, который толкал Д. А. Гранина к ее познанию.

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. М., 2008. С. 358.

Он никогда не был говоруном. Выступал публично часто, но по необходимости. Он никогда не упускал возможность помолчать. Ему было интересней слушать, чем говорить. При этом ему далеко не всегда был интересен собеседник. Но Д. А. Гранину странным образом была интересна его неинтересность, которую писатель препарировал, как зоолог — лягушку. Он изучал совершенно «пресного» человека, чтобы высмотреть в нем толику соли, которая не была заметна другим. Искать необычное в обычном было его постоянным занятием. Д. А. Гранин не выдумывал своих героев, он просто прочитывал тайнопись их мыслей и поступков. Он всегда был не столько писателем, сколько исследователем-психологом. По складу ума и стремлению к аналитической работе он был скорее сугубым технарём, чем гуманитарием. Сочетание инженерного взгляда на все, что его окружало, с умением точно выражать свои мысли и переживания, излагать их на бумаге и делало его ярчайшим в современной российской истории писателем Д. А. Граниным.

Его не знал никто. Думаю, он сам себя толком не знал. Может быть, в этом бесконечном познании самого себя и своих литературных героев, которые были по существу тоже Граниными, помещенными писателем в разные времена и в разные ситуации, в этом вечном удивлении собственной непредсказуемости и есть смысл его незаурядной жизни.

Даниил Александрович, к сожалению, не оставил ни воспоминаний, ни дневников. По его признанию, он пытался написать мемуары: «Давно я хотел написать про свою жизнь, в ней было много всякого — школа, Ленинград, война, которая у меня заняла четыре года. Был институт, было много горького, была работа в научной лаборатории, были путешествия, романы, можно было бы написать немало интересного про себя. Несколько раз я брался за этот персонаж и каждый раз ловил себя на том, что начинаю сочинять. Пишу не о том, что со мной было, а о ком-то другом, у которого куда более необычные приключения. Появлялся сюжет с закрученной интригой. Вместо моих друзей возникали необычные судьбы, злодеи, враги, герои. Писатель — это сочинитель, фантазер, выдумщик. В результате я опять покидал себя, собственная жизнь оставалась в стороне. Самому себе она оставалась

неизвестной. <...> Годы не хотят выстраиваться в шеренгу, и как только начинаешь искать узор, это уже не ты»¹. Очень честное признание, объясняющее многое. Но проследить жизнь большого таланта очень важно. Моя книга — попытка сделать это.

Произведения большого писателя всегда заслоняют его собственную жизнь. Читатели, как по вехам, идут от романа к повести, от нее — к сборнику рассказов. При этом никто не задумывается над тем, что любое произведение писателя — это результат его душевной боли; результат осмысления части прожитого и жизни вообще. Каждое произведение Д. А. Гранина — это биография его совести. С этих позиций я и постараюсь посмотреть на его произведения.

Ко мне как к автору наверняка будет много претензий. Кто-то упрекнет в безоглядной симпатии к писателю, кто-то — в некомпетентности. Обоснованные замечания приму с благодарностью. Я взялся за эту книгу лишь потому, что хотел снять со своей души боль утраты этого человека. Человека, сыгравшего необыкновенную роль в моей самой обычной жизни.

Другие авторы будут писать о Д. А. Гранине много и долго. Они исправят мои ошибки и неточности.

1 *Гранин Д. А. Заговор. М., 2014. С. 38–39.*

Самую важную информацию
мы получаем из того,
что нам недоговаривают.

Д. А. Гранин¹

1 *Гранин Д. А.* Все было не совсем так. М., 2010. С. 254.

Глава 1 /

Неточности в биографических сведениях о Д. А. Германе (Гранине)

В одном из очерков Д. А. Гранина, объединенных общим названием «Неожиданное утро», есть монолог автора с его французским приятелем Пьером. Я часто перечитываю тот монолог:

– А вот наши с тобой жизни вряд ли кого-нибудь заинтересуют, – сказал я.

Пьер непонимающе похлопал глазами.

– И хорошо. Мы, слава богу, не великие люди.

– Не в этом дело, – сказал я со злостью. – Лет через сто выбрал бы ты для своей книги некоего Пьера Д. или меня? Лично мне моя жизнь была бы мало любопытна. Бесконфликтный персонаж¹.

Думаю, в тот момент Даниил Александрович кривил душой: он всю жизнь занимался самокопанием, которое подарило нам множество глубоких по психологическому накалу произведений. Мне он бесконечно интересен, начиная с момента его рождения, в котором есть загадочная неразбериха.

Работая над этой книгой, я немало общался с генеалогами из Москвы и Петербурга. Все они говорили мне, что к корням Даниила Александровича не подобраться. Я тоже пробовал, но у меня из этого почти ничего не получилось. О родителях Д. А. Гранина тоже мало что удалось узнать из архивов, литературы и Интернета.

О маме Д. А. Гранина, Анне Захарьевне² (в некоторых источниках ее называют Анной Захаровной или Анной

1 Гранин Д. А. Неожиданное утро. Л, 1987. С. 29.

2 Архив Университета Петра Великого. Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 6.

Бакировой), известно немного. СМИ сообщают о том, что она была на двадцать лет моложе своего мужа Александра Данииловича¹. Сам же Даниил Александрович писал, что «разница у них составляла двадцать пять лет»².

В одной из автобиографий, написанной еще в 1944 г., будущий писатель отмечал, что мать Анна Захаровна родилась в Вильне в 1891 г.³ Но на самом деле это не так. А. З. Герман указывала в сведениях о себе, предоставленных для домовой книги, что родилась в 1894 г.⁴ Д. А. Гранин в одной из своих автобиографий, датированной 15 февраля 1954 г., писал, что его мать родилась в 1899 г.⁵

Даниил Александрович отмечал, что отец с мамой встретились в 1917 г. Стало быть, Анне Захарьевне было уже 23 года. По тем временам — не юный возраст для невесты. Даже сейчас не юный. Писатель же пытался представить ее в своих воспоминаниях, описывая период встречи с отцом, как молодушку. Получается, что нет. В таком возрасте у каждой девушки уже есть свой жизненный опыт, свои «обжигания» и «остывания».

Даниил Александрович писал о маме скупно, зато не забывал упомянуть любопытные детали. Например, то, что у нее был прекрасный голос, что, как и многие ее современницы, она пользовалась нагревавшимися на огне щипцами для завивки волос⁶. Разумеется, важно не то, какими щипцами она пользовалась, а то, что писатель, вспоминая о быте 1930-х гг., не мог не упомянуть эту небольшую деталь, связанную с мамой. Д. А. Гранин никогда не писал о своей любви к ней. Но о его сыновних чувствах

1 Кто такой Даниил Гранин? // <https://ivbg.ru/7836512-idushhij-nagrozu-chem-zapomnilsya-pisatel-daniil-granin.html> (дата обращения — 11.07.2018).

2 Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 7.

3 Архив ПАО «Ленэнерго». Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 3.

4 Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб.) Ф. 1963. Оп. 180. Д. 5277. Л. 508об.

5 Личный архив С. Н. Полторака. Личное дело капитана Германа Даниила Александровича. Л. 10.

6 Гранин Д. А. Ленинградский каталог: [Рассказ-воспоминание о Ленинграде 30-х гг.]. Л., 1986. С. 14.

говорит та теплота, с которой он вспоминал все, что было связано с Анной Захаровной.

Об отце Д. А. Гранина известно тоже не так много. Даниил Александрович писал о нем с теплотой и грустью. Подробней, чем в других своих произведениях – в книге «Все было не совсем так», где описывал не только фрагменты жизни отца, но и его встречу с будущей женой, мамой Даниила Александровича¹.

Литературовед Анатолий Николаевич Старков (не путать с известным петербургским историком Борисом Анатольевичем Старковым) написал об отце Даниила Александровича: «Отец будущего писателя был лесоустроителем: работал прорабом, десятником, лесников. Годы детства запомнились Гранину частыми переездами с места на место: отца, вспоминал он позже в во многом автобиографической повести «Обратный билет», «переводили время от времени и из леспромхоза в леспромхоз: то в Новгородщину, то на Псковщину, то отправляли куда-то в Бийск, в Невьянск, в Вятку, затем опять под Кингисепп. Не знаю, почему так получалось. Был он человек счастливой мягкости и доброты, счастливой, потому что не страдал от своей мягкости, не считал ее слабостью. Всего, чего он добивался в спорах своих с начальниками, с настырными заготовителями, он добивался добротой. Доброта была его слабостью и силой. Его старались не обижать. Может, скитания наши происходили из-за его покладистого характера?»² Энциклопедическое издание «Who is who в России» отмечало, тем не менее, что отец Д. А. Гранина «Александр Данилович – лесничий, выслан в Сибирь в 30-е гг. за отказ дать показания на нач[альника]»³.

Сам писатель вспоминал, что отца арестовали, когда Даниилу было 13 лет⁴, т. е. в 1931 г. Д. А. Гранин считал, что арест был связан с «Шахтинским делом», а позже – с делом «Промпартии». Но первый процесс проходил в 1928 г., а второй – в 1930 г. Насколько мне известно,

1 *Гранин Д. А.* Все было не совсем так. С. 6–19; С. 21–36.

2 Цит. по: *Старков А. Н.* Нравственный поиск героев Даниила Гранина. М., 1981. С. 5.

3 *Who is who в России.* Энциклопедия личностей. Вып. 4. М., 2010. С. 601.

4 *Гранин Д. А.* Все было не совсем так. С. 46.

в 1931 г. по этим делам аресты уже не проводились, т. к. «расследования» по ним были завершены и суды состоялись. Дела те были уже закрыты. На горизонте маячило дело военспецов — дело «Весна». Но на всякий случай я провел небольшое исследование, связанное с возможным арестом А. Д. Германа.

Учитывая места работы А. Д. Германа в 1920-е — 1930-е гг., разумно было предположить, что арестован и выслан он мог быть либо из Ленинграда, Ленинградской области, либо из Новгородской области. Стало быть, сведения об аресте и высылке должны были храниться в местных архивах ФСБ.

На мой запрос в Службу регистрации и архивных фондов управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области по поводу возможного ареста Александра Даниловича Германа был получен ответ, в котором говорилось, что в архиве ФСБ сведений по этому поводу не имеется¹.

Для надежности подтверждения или опровержения сведений об аресте А. Д. Германа я обращался с запросами в Центральный архив ФСБ и в Архив управления ФСБ по Новгородской области, поскольку нельзя было исключать вероятность того, что арест Александра Даниловича мог быть проведен в г. Старой Руссе Новгородской области.

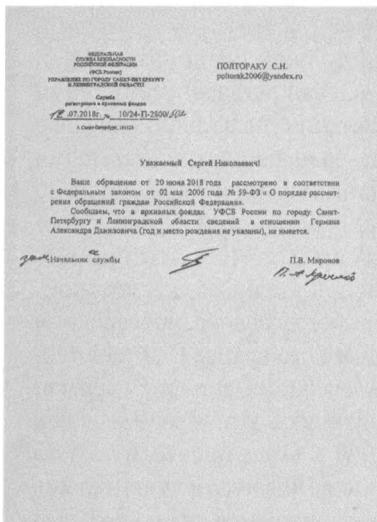
В Центральном архиве ФСБ России также не оказалось сведений об Александре Даниловиче Германе², как нет их и в фондах Архива управления ФСБ России по Новгородской области и в Информационном центре МВД России по Новгородской области³.

Сотрудники Центра реабилитации жертв политических репрессий и архивной информации Центрального архива МВД России сообщили мне, что в фондах их архива нет сведений о применении по отношению к А. Д. Герману

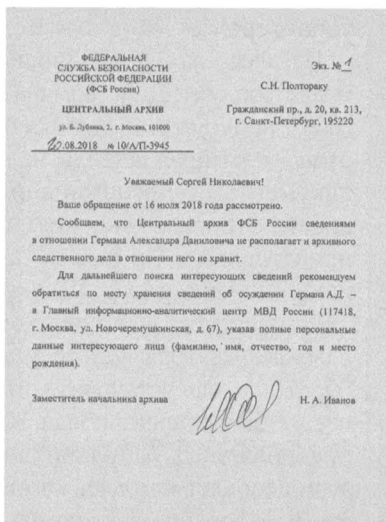
1 Письмо зам. начальника Службы регистрации и архивных фондов управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области П. А. Крылова автору запроса С. Н. Полтораку. № 10/24-П-2800/502 от 12 июля 2018 г.

2 Письмо зам. начальника Центрального архива ФСБ России Н. А. Иванова автору запроса С. Н. Полтораку № 10/А/П-3945 от 10 августа 2018 г.

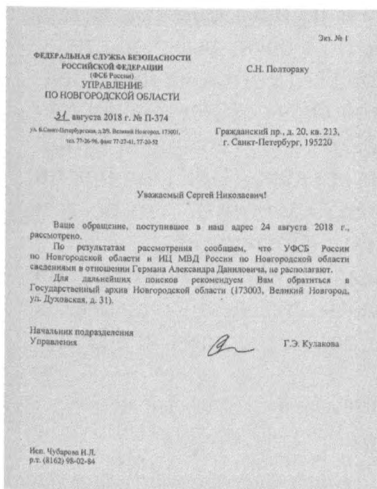
3 Письмо начальника подразделения Управления ФСБ по Новгородской области Г. Э. Кулаковой автору запроса С. Н. Полтораку № П-374 от 31 августа 2018 г.

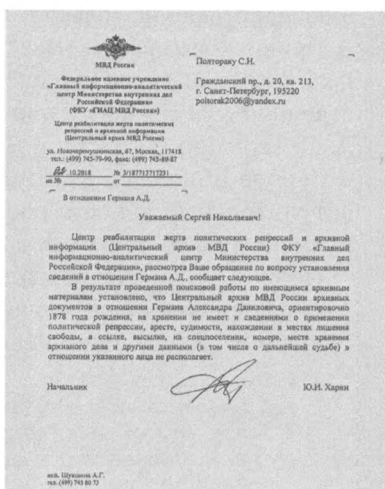
Ответ на обращение С. Н. Полторака в ФСБ РФ, Управление по г. Санкт-Петербургу относительно информации об А. Д. Германе

Ответ на обращение С. Н. Полторака в Центральный архив ФСБ РФ относительно информации об А. Д. Германе

Ответ на обращение С. Н. Полторака в ФСБ РФ, Управление по Новгородской области относительно информации об А. Д. Германе

Ответ на обращение С. Н. Полторака в ФКУ «ГИАЦ МВД России» относительно информации об А. Д. Германе

политических репрессий: он не арестовывался, не осуждался, не находился в общественной изоляции любого характера¹.

Из всего этого, казалось бы, должен следовать вывод о том, что отец Д. А. Германа (Д. А. Гранина) аресту органами НКВД не подвергался, а воспоминания писателя о высылке отца – семейная легенда, не подтвержденная официальными документами. Воспоминания Даниила Александровича об аресте отца, к сожалению, информационной ценности не представляют. Он сам писал об аресте: «Как это произошло – помню плохо. Честно говоря – совсем не помню»².

Разобраться в ситуации помогли исследования, проведенные в фондах Центрального государственного архива Санкт-Петербурга. Удалось установить, что Александр Данилович Герман все же был репрессирован. Но случилось это не в 1931 г., как предполагал Д. А. Гранин, а в 1926 г. Отец писателя сам об этом сообщал, находясь на Алтае, в г. Бийске³. Неудивительно, что Д. А. Гранин плохо помнил о случившемся, поскольку ему в тот момент было всего восемь лет. Подтверждений репрессий А. Д. Германа в архивах ФСБ и внутренних дел не нашлось по простой причине. Он не был арестован и осужден. Его выслали в административном порядке, что широко практиковалось в нашей стране не только в 1920-е, но и в 1930-е гг.

Причина высылки неизвестна. Но с очень высокой степенью вероятности можно предположить, что она непосредственно была связана с профессиональной деятельностью А. Д. Германа. 15 октября 1922 г. А. Д. Герман вступил в Первое общество взаимного кредита (ОВК), заплатив вступительный взнос в размере 90 млн руб., что по тем временам было деньгами совсем небольшими.

Первое ОVK в Петрограде было организовано 1 июня 1922 г. Задачами общества являлось проведение банковских операций, обеспечение членов общества всем необходи-

1 Письмо начальника Центра реабилитации жертв политических репрессий и архивной информации Центрального архива МВД России Ю. И. Харина автору запроса С. Н. Полтораку № 3/187713717231 от 2 октября 2018 г.

2 Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 46.

3 ЦГА СПб. Ф. 1352. Оп. 11. Д. 448. Л. 2.

мым для оборотов кредитов в их промышленной и хозяйственной экономической деятельности¹. Но, несмотря на короткий срок своей работы, то ОВК имело колоссальные традиции финансовой деятельности и огромные партнерские связи с Госбанком. До революции по существу Первое общество взаимного кредита было инструментом Госбанка для осуществления тех финансовых операций, которые не позволяло осуществлять законодательство. В годы Первой мировой войны при всей сложности экономической ситуации в стране Первое общество взаимного кредита не просто оставалось на плаву, а стабильно обеспечивало интересы своих членов. Только революционные потрясения заставили его прекратить свою работу. Но закрытие Первого ОВК в соответствии с циркуляром Наркомфина РСФСР от 10 октября 1918 г.² было следствием внутривополитических решений, а не реального состояния общества. Менее чем на три года оно, по существу, было заморожено. Изменились времена, но остались прежние сотрудники, старые деловые связи и желание развивать бизнес. Так что Первое ОВК вошло в новую эпоху без денег, но сохранив опыт сотрудников и структуру фирмы, что было очень важно. Нет сомнения в том, что Александр Данилович Герман как человек опытный все это хорошо понимал. Он стал членом Первого ОВК, получив 900 млн руб. на развитие собственного дела. Из архивных документов следует, что на полученный кредит Александр Данилович отремонтировал помещение бывшей мелочной лавки по Виленскому переулку, д. 3, оборудовав его под пекарню для организации выпечки хлеба. А на Сенной площади он открыл магазин, или, как тогда говорили, лабаз, чтобы в нем продавать хлеб собственного производства³. Иными словами, Александр Данилович Герман стал настоящим

1 Зотова А. В. Опыт создания кредитных учреждений в Петрограде в первые годы новой экономической политики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук, 2009. Т. 11. № 2. С. 119.

2 О ликвидации обществ взаимного кредита. URL: http://ru.wikisource.org/wiki/Циркуляр_Наркомфина_РСФСР_от_10.10.1918_О_ликвидации_обществ_взаимного_кредита (дата обращения — 18.05.2018).

3 ЦГА СПб. Ф. 1352. Оп. 11. Д. 448. Л. 4.

нэпманом. Насколько успешным было его дело, неизвестно. Можно лишь предположить, что он вполне преуспевал. Иначе зачем бы властям в 1926 г. без суда и следствия высылать его из города в Сибирь в административном порядке? Надо сказать, что именно в 1926 г. в стране наметилась новая тенденция, непосредственно касавшаяся и Первого общества взаимного кредита.

В середине февраля 1926 г. наметилось «наступление» советского государства на частный капитал. Одним из первых сигналов к тому было интервью заместителя начальника экономического управления Народного комиссариата торговли СССР Л. Б. Залкинда. Отвечая на вопросы корреспондента, он высказал убеждение в том, что необходимо «сжать» кредиты, то есть заметно сократить выдачу кредитов частному капиталу¹. Центральные финансовые органы предприняли ряд мер, направленных на резкое сокращение деятельности обществ взаимного кредита. Значительно уменьшилась прибыль по товаро-ссудным операциям. Уменьшение прибыли стало следствием реализации распоряжения Наркомфина об изъятии из круга операций ОВК очень крупных групп товаров, особенно хлеба². Отрицательный эффект имел ряд руководящих документов Наркомфина СССР. Например, среди них был циркуляр НКФ СССР от 25 марта 1926 г. № 398 «О прекращении кредитования обществами взаимного кредита хлебных операций частных лиц и предприятий»³. Анализируя эти документы, несложно понять, что высылка А. Д. Германа стала следствием проводившейся в то время государственной политики.

Разумеется, Даниил Александрович Герман ни до войны, ни во время нее, ни после не писал в своих анкетах и автобиографиях о том, что его отец с 1922 по 1926 г. был нэпманом.

1 Сжатие банковского кредита и торговля (Беседа с зам. нач. экономического управления НКТорга СССР Л. Б. Залкиндом) // Торговые известия. 1926. 13 февр.

2 ЦГА СПб. Ф. Р-1352. Оп. 13. Д. 60. Л. 14.

3 Кредит и банки. Циркуляр НКФ СССР от 25 марта 1926 г. № 398. «О прекращении кредитования обществами взаимного кредита хлебных операций частных лиц и предприятий» // Бюл. финан. и хоз. законодательства. 1926. № 15. 16 апр.

Наоборот, даже в середине 1950-х гг. в своей автобиографии отмечал, что «отец был всю жизнь лесником»¹. Не акцентировал он внимание и на причинах административной высылки отца, благо судим тот не был. Мало ли по каким причинам разъезжались родители. Отец жил в Бийске вполне свободно, работал, зарабатывал неплохие деньги, значительную часть которых высылал семье. В домовый книгу жильцов дома № 24 по проспекту Володарского (так назывался Литейный проспект с 1918 по 1944 г.) за 1927 г. сохранилась запись о семье Германов, проживавшей в квартире № 19: «Муж А. Д. Герман находится в Сибири и является служащим»². То есть то, что муж Анны Захаровны – Александр Данилович – какое-то время проживал отдельно от семьи, ни для кого не было тайной. Акцент же на причине такого положения не делался. Не судим, и слава богу.

Как показывают документы домовый книги, в 1925 г. Александр Данилович еще проживал со своей семьей на проспекте Володарского в доме 24 в квартире 19³. Но в 1927 г. на прежней жилплощади (две комнаты в коммунальной квартире общей площадью 39,74 м²) проживали Анна Захаровна Герман, ее дети Даниил и Ирина, а также домработница Александра Михайловна Чурилова. Кстати, об источниках доходов Анна Захаровна сообщала, что живет за счет домашнего хозяйства и доходов мужа⁴.

Из заявления-анкеты, заполненной Д. А. Германом в ноябре 1944 г., следует, что его родственники «суду и следствию не подвергались и не арестовывались»⁵. На документе стояла подпись Даниила Александровича под словами: «Об ответственности за дачу ложных показаний предупрежден»⁶. Но ложных показаний и не было, поскольку об административной высылке в анкете вопрос не задавался.

1 Личный архив С. Н. Полторака. Личное дело капитана Германа Даниила Александровича. Л. 9.

2 ЦГА СПб. Ф. 1963. Оп. 180. Д. 5277. Л. 509.

3 Там же. Д. 1738. Л. 36.

4 Там же. Д. 5277. Л. 508об.–509.

5 Архив «Ленэнерго». Л. 2.

6 Там же. Л. 1.

Имя, отчество и фамилия	Александр Данилович Герман
Звание	
Роль наемца и торговля	Хлебопекарный и Лаваз
Адрес	Удобненский в. (Светл. Линейный № 41. 10.)

СВЕДЕНИЯ:
 По указанному адресу, в доме. жилищной постройки не имеется — а Герман как-то помещенный бывшей жилищной комиссией в д. № 3 по Удобненскому переулку приспосабливает к отдаленной помещению, и будучи производил выпечку хлеба. Это все касается лавазы, по которой находится на Советской Народной улице.

Н. С. Т.

Сведения о местонахождении хлебопекарни Александра Даниловича Германа

ГРАЖДАНСКАЯ РАЙОННАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЛЕНИНГРАДСКАЯ	
№ документа	Как Восточный район
№	Восточный
Земля	Герман Александрович
Копирование адрес	Пр. Александровский д. № 41 к. 10
Дата	1944 г.
Товариществу за дачу в себе личные сведения о производстве.	Подпись: Герман
ЗАЯВЛЕНИЕ-АНКЕТА	
Роду править меня	в Восточный район
Дата	1944 г.
Сведения могу сообщить следующие:	
ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
Я, или, отчество (полное) и, при необходимости, фамилия в отчестве указать в прилагаемых документах	Герман Даниил Александрович
И место рождения (область, район, уезд в с/ао)	1918 г. в Калинин, Калуж. обл.
Укажите основное или последнее образование (за последние 10 лет, дипломы, свидетельства)	В институте.
Желая перепроверить все учебные записи с указанием их местонахождения.	Министерство Восточный ин. 1936. (Ленинградский ин. фак.)
Место, где я служил или работал, в настоящее время	Был в сельскохозяйственной работе

ВОПРОСЫ	ОТВЕТЫ
Являлся ли в суде, следствии, были ли товарищи, подвергались ли наказаниям в суде или административному наказанию, и за что именно. Если судимость, с какого года.	За нарушение правил поведения в общественных местах и за что-то другое. Судимости не имел.
Являлся ли в суде, следствии, были ли товарищи, подвергались ли наказаниям в суде или административному наказанию, и за что именно. Если судимость, с какого года.	За нарушение правил поведения в общественных местах и за что-то другое. Судимости не имел.
Являлся ли Вы или Ваши родственники и знакомые в настоящее время в органах власти.	В настоящее время родственников и знакомых в органах власти нет.
Есть ли у Вас или у Ваших родственников и знакомых иностранные паспорта (за границей).	Никаких.
Имя, фамилия и отчество жены (девушки), ее, партийность и место работы.	Никаких.
Земельность:	Участок в Холмском районе
Достоинство (гражданство). Если остались родственники, то в какой именно и когда были в гражданство СССР или подданство СССР.	СССР Холмский
Являлся ли в настоящее время, были ли родственники или знакомые в настоящее время в органах власти.	Заграничные не были.
Являлся ли в настоящее время, были ли родственники или знакомые в настоящее время в органах власти.	Заграничные не были.
Являлся ли в настоящее время, были ли родственники или знакомые в настоящее время в органах власти.	Родственников и знакомых в настоящее время не имел.
Являлся ли в настоящее время, были ли родственники или знакомые в настоящее время в органах власти.	В настоящее время родственников и знакомых не имел.

Заявление-анкета Д. А. Германа для предприятия Ленинградская кабельная сеть «Ленэнерго»

Известно, что до войны Александр Данилович жил и трудился в разных районах, по большей части — на Северо-Западе России, а его жена Анна Захаровна проживала с детьми в Ленинграде. Но по сведениям Даниила Александровича на момент 15 ноября 1944 г. родители жили вдвоем на станции Лаврово Ленинградской области, где с июля 1944 г. отец работал директором лесопильной фабрики, а мама была домохозяйкой¹.

Александр Данилович, как вспоминал Д. А. Гранин, был человеком добрым: «...когда проходили мимо нищих, а нищих было много в моем детстве — слепых, калек, просто просящих подавание в поездах, на вокзалах, на рынках, — отец всегда давал медяк и говорил: поди, подай. И я, преодолевая страх — нищенство нередко выглядело довольно страшновато, подавал. Иногда преодолевал и свою жадность — хотелось приберечь деньги для себя, мы жили довольно бедно. Отец никогда не рассуждал, притворяются эти просители, в самом ли деле они калеки или нет. В это он не вникал: раз нищий — надо подавать».

Как теперь я понимаю, это была практика милосердия, то необходимое упражнение в милосердии, без которого это чувство не может жить»².

Д. А. Гранин вспоминал три места, где он жил вместе с отцом: Старая Русса, разъезд Кислицы и Рогавка³.

Писатель был счастлив, что с годами сумел сам разглядеть отцовскую любовь к себе — любовь, о которой тот никогда ему не говорил. Чем больше всякого Даниил Александрович узнавал об отце, чем больше осмысливал, тем сильнее было у него к отцу чувство благодарности и сердечности. Он видел его во всех его противоречиях характера и поступков: «С годами из чужих случайных рассказов я узнал об отце самое разное. Он представлял не только работающим и добрым, но и беспутным, и шальным. Оказывается, был он и картежником, азартно резался в карты, гулял; потом вдруг развелся с первой женой, оставил ей все, а сам поехал за девушкой, в которую влюбился, повенчался с ней и увез ее с собою в лесничество».

1 Архив «Ленэнерго». Л. 3.

2 Гранин Д. А. О милосердии // О наболевшем. С. 58—59.

3 Гранин Д. А. Обратный билет // Однофамилец: Повести. Л., 1984. С. 259.

Был он в летах, а мать моя была девчонка, а оставлял он налаженную семью с детьми, в те времена все это было куда как непросто. Подробностей этой предыстории теперь уже не раскопать, иногда из обрывков полузабытых рассказов я складываю картины, домысливая первые, медовые, месяцы их новой жизни. Мать — тоненькая горожанка, модница, певунья, и отец — на двадцать лет старше ее, кряжистый, медвежастый, какое-то лесничество под Кингисеппом, покинутая помещичья усадьба, где они обосновались, дальние лесные дачи, банды “зеленых”, пожары, напуганные буржуи, которых привозили на заготовки дров для Питера, сплошной лесоповал для железных дорог, митинги, неразбериха лесного хозяйства тех лет, когда одни требовали национализации, другие — отдать лес народу, то бишь местному населению, самовольные вырубки, начальники уездные, питерские, комбедовские, армейские; и они двое — молодожены, влюбленные, то верхами, то на санях по пустынным дорогам вскачь¹.

Точную дату смерти А. Д. Германа мне поначалу установить не удавалось. Было известно со слов Даниила Александровича: «Умер он, когда я вернулся с войны, когда я был уже женат, когда появилась Марина², и он мог внучковаться, так что он мог кое-что увидеть из моей жизни»³. Но в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, в одной из домовых книг, удалось найти сведения о том, что Александр Данилович Герман скончался в 1954 г.⁴ Внучке было уже десять лет. Конечно, дед мог успеть «повнучковаться».

У Даниила Александровича были две сестры. Старшая — дочь отца от первого брака — Софья Александровна Фандрей, 1900 года рождения, член ВКП(б), майор медицинской службы. В конце 1944 г. она служила в Ленинграде в Военно-медицинской академии в должности заместителя начальника кафедры⁵.

1 Гранин Д. А. Обратный билет // Однофамилец: Повести. С. 304–305.

2 Дочь Д. А. Гранина и Р. М. Майоровой. — С. П.

3 Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 49.

4 ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 117. Д. 897. Л. 118об.—119.

5 Архив ПАО «Ленэнерго». Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 4.

Была у Даниила Александровича и младшая сестра — Ирина Александровна Герман, учившаяся в конце войны в Ленинградском театральном институте¹. Позже у нее была фамилия Семенова², а еще позже — Молчанова³. Вероятно, изменения фамилии происходили из-за замужества Ирины Александровны.

Неточности биографических сведений о Д. А. Германе и его близких есть в его автобиографиях, анкетах и других документах в большом количестве. Причины неточностей, вероятно, разные. Есть умышленные, есть допущенные по небрежности или по незнанию. Например, в одной из автобиографий Даниил Александрович писал о том, что его отец — «урож[енец] г. Голованевск[а], Сумск[ой] обл[асти]...». Но г. Голованевск — город не в Сумской, а в Кировоградской области. И город этот известен был в годы детства его отца и позже как еврейское местечко с населением, умевшим постоять за себя во время погромов⁴, тогда как в анкете Д. А. Герман писал о том, что его отец и мать по национальности украинцы⁵.

О себе Д. А. Герман в биографических сведениях во время войны и в первые послевоенные годы писал, что он — украинец⁶, тогда как ранее, в анкете студенческих лет, писал в графе «национальность» — еврей⁷.

В этой «неточности» виновато советское государство, проповедовавшее на всех углах идеи интернационализма, а в повседневной жизни гнобившее евреев как представителей нации, не вписывавшейся в практику коммунистического строительства в СССР.

1 Архив «Ленэнерго». Л. 4об.

2 ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 117. Д. 891. Л. 99об.—100, 113об.—114, 358об.—359.

3 Там же. Д. 899. Л. 354—355.

4 Новоукраинский городской новостной портал. URL: <http://novoukrainka.pp.ua/article/a-8.html> (дата обращения — 18.08.2018).

5 Архив ПАО «Ленэнерго». Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 3.

6 Там же. Л. 2.

7 Архив Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). Личное дело студента Даниила Александровича Германа. Л. 1.

Д. А. Гранин совсем не заботился о том, чтобы сведения о его биографии появлялись в различных изданиях. Подобно сапожнику без сапог, он, человек, трепетно относившийся к достоверному изложению исторических фактов, совершенно равнодушно воспринимал все то, что писали о фактах его личной биографии журналисты, писатели, исследователи. Знаю точно, что о себе он никогда ничего не читал: ему это было неинтересно.

Возможно, впервые ошибочный год рождения писателя был указан в издании библиотеки журнала «Огонек», где была опубликована повесть Д. А. Гранина «Спор через океан», известная также как «Победа инженера Корсакова»¹. В приложении к «Огоньку», вышедшем 150-тысячным тиражом, было отмечено, что «Даниил Александрович Гранин родился в 1919 году. Детство и юность провел в Ленинграде»².

В 1959 г. издательство Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина выпустило многотомный библиографический указатель, в первом томе которого были опубликованы сведения о Д. А. Гранине³. В статье о писателе отмечается, что он «родился 1 января 1919 г. в Ленинграде»⁴.

В 1966 г. из печати двадцатитысячным тиражом вышел очерк О. С. Войтинской о его творчестве⁵. Ольга Сергеевна, автор очерка, тоже одной из первых написала о том, что Даниил Александрович родился в 1919 г.⁶

Однако сохранившееся в личном деле студента Д. А. Германа его свидетельство о рождении документально подтверждает, что будущий писатель Д. А. Гранин родился 1 января 1918 г. В том же документе отмечается, что его место рождения — Волынь Курской области⁷.

1 Гранин Д. А. Спор через океан: Повесть. М., 1950. (Библиотека «Огонек», № 2.)

2 Там же. С. 2.

3 Русские советские писатели-прозаики: Биобиблиогр. указатель. Т. 1: Авдеенко — Жестев: [По 1-е янв. 1959 г.]. Л., 1959.

4 Там же. С. 571.

5 Войтинская О. С. Даниил Гранин: (Очерк творчества). М., 1966.

6 Там же. С. 4.

7 Архив Университета Петра Великого. Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 6. (В документе ошибка: в 1797–1928 гг. существовала не область, а Курская губерния. — Примеч. ред.)

Исследователь А. Н. Старков также ошибочно писал о том, что Д. А. Гранин родился 1 января 1919 г.¹

В 1985 г. автор-составитель В. Бахтин подготовил издание, в которое вошли автобиографии и биографии ленинградских писателей-фронтовиков². Судя по тексту материала о Д. А. Гранине, он представляет собой именно автобиографию, поскольку изложение ведется от первого лица. Текст автобиографии предваряют сведения: «Гранин Даниил Александрович. 1.1.1919, Вольск»³. Как известно, г. Вольск — это райцентр в Саратовской области. Насколько точны сведения о рождении Д. А. Германа в этом городе, будет сказано мною чуть позже.

В 1988 г. в солидном справочном литературном издании, выпущенном на русском языке в Лондоне, было записано, что Д. А. Гранин (Герман) родился «1.1.1919 Вольтынь»⁴.

В вышедшей в 1994 г. из печати Российской еврейской энциклопедии, вопреки часто встречавшимся ранее сведениям, было записано, что Д. А. Гранин (Герман) родился в Волини Курской области в 1918 г.⁵

В справочнике 1998 г., где были размещены биографии русских писателей XX в., отмечалось, что Д. А. Гранин (Герман) родился 1 января 1919 г. в г. Вольске Курской губернии⁶, хотя такого города под Курском нет. В справочном издании, посвященном биографиям писателей, поэтов и драматургов, выпущенном в 2005 г., эта ошибка была скопирована дословно⁷.

Удивительно, но во временном промежутке между изданными и отмеченными в предыдущих строках справочными

1 Старков А. Н. Нравственный поиск героев Даниила Гранина. С. 5.

2 Ленинградские писатели-фронтовики: Автобиографии, биографии, книги / Авт.-сост. [и авт. предисл.] В. Бахтин. Л., 1985.

3 Там же. С. 115.

4 Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года = A dictionary of russian literature since 1917 / Пер. с нем. Елена Варгафтик и Игорь Бурихин. London, 1988. P. 234.

5 Российская еврейская энциклопедия / Гл. ред. Г. Г. Брановер. Т. 1. Биографии: А — К. М., 1994. С. 224.

6 Русские писатели, XX век. Библиогр. слов.: в 2 ч. Ч. 1. А — Л. М., 1998. С. 392.

7 Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги / Биобиблиографический словарь: в 3 томах. Т. 1. М., 2005. С. 552.

изданиями в 2000 г. вышло еще одно, сведения о рождении Д. А. Гранина в котором отличались. В издании «Русские писатели XX века: биографический словарь» было записано, что Д. А. Гранин (Герман) родился 1 января 1918 г. в с. Волынь, ныне Курской области¹.

Справочное издание, посвященное персоналиям, имеющим непосредственное отношение к бывшему Санкт-Петербургскому государственному политехническому университету (ныне – Санкт-Петербургский университет Петра Великого), отметило, что Д. А. Гранин (Герман) родился 1.1.1919 г. в г. Вольске Саратовской губернии².

Из общего ряда сведений о дате и месте рождения Даниила Александровича выбивается всемирно известное издание «Who is who в России», выходявшее на русском языке. По поводу Д. А. Гранина в нем отмечалось: «Р[одился]: 31.12.1919, с. Волын, Курская губ.»³.

В издании одного из петербургских учебных заведений за 2015 г. в очередной раз была растиражирована известная ошибка. На суперобложке о Д. А. Гранине было написано: «Родился 1 января 1919 года в поселке Волынь Курской области»⁴. В том же году в энциклопедическом словаре «Литературный Санкт-Петербург. XX век» указывалась та же дата рождения писателя. Правда, по мнению создателей издания, родился он хотя и в Курской губернии, но в городе Вольске, что, как уже отмечалось, невозможно, поскольку Вольск расположен в Саратовской области, весьма далеко от Курска⁵.

В одном из последних справочных изданий, датированном 2016 г., по-прежнему утверждается, что писатель родился 1 января 1919 г. в г. Вольске Саратовской губернии⁶.

1 Русские писатели XX века: биографический словарь. М., 2000. С. 209.

2 Санкт-Петербургский государственный политехнический университет: биографии. СПб., 2006. С. 205.

3 Who is who в России. Энциклопедия личностей. Вып. 4. М., 2010. С. 601.

4 Гранин Д. А. Интеллегенды: статьи, выступления, эссе. [2-е изд., перераб. и доп.]. СПб., 2015.

5 Литературный Санкт-Петербург. XX век: энц. словарь: в 3 т. Т. 1. 2-е изд. С. 603. СПб., 2015.

6 Российская биографическая энциклопедия «Великая Россия». Т. 23. СПб., 2016. С. 118.

УБЫЙ КОМИССАРИАТ ВЪНТРЕННИХ ДѢЛ С С С Р
ОТДЕЛ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНІЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РОЖДЕНІИ

№ 248
Герман

Даниилъ Даниловичъ
(имя и отчество)
первого класса школы

Отец: Германъ Даниловичъ Даниловичъ
Мать: Германъ Анна Валерьевна
(фамилия, имя и отчество)

Место рождения: Вольскъ Саратовской области

Вольскъ Саратовской области

Секретарь: [подпись]

Директор: [подпись]

Свидетельство о рождении
Д. А. Германа

Российская Федерация
Архивное управление
Курской области
Областное казенное учреждение
«Государственный архив Курской области»
(ОКУ «Госархив Курской области»)
ул. Ленина, д. 57, г. Курск, 305005
Тел. Факс: 51-48-85
e-mail: gosarkh@kursk.yandex.ru
ОГРН 50432586, ОГРН 50460094941
ИНН 50/011655016550432586

Полтораки Сергею Николаевичу
«roltorak2006@yandex.ru»

10.08.2018 № 07/11. 014
от 20 07

Уважаемый Сергей Николаевич!

На Ваш запрос о дате и месте рождения Германа Даниила Александровича сообщаем, что в просматриваемых справочниках административно-территориального деления: «Список населенных мест Российской империи. Т. XX. Курская губерния (СПб., 1863), «XXIX. Орловская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 года (СПб., 1871), «Населенные пункты ЦЧО» (Воронеж, 1932) инвентарный пункт - село Волчанск не значится.

В справочнике «Населенные пункты ЦЧО» (Воронеж, 1932) значится Волчанский район с центром в с. Волчанское (в настоящее время - Орловская область). Инвентарный пункт с названием «Николаевское» в Волчанск был в составе Рыльского уезда Курской губернии, входил в состав артелики Николаевской и Поворонской церковной г. Рыльск; метрические книги этих церквей за 1917-1918 гг. в архивном фонде «Церкви Курской губернии» отсутствуют.

Рекомендуем обратиться в БУОО «Госархив Орловской области» (302040, г. Орел, ул. Ласкина, 24)

И. о. директора [подпись] О.В. Пенскована

А.С. Захаров
4.10.2018

Ответ на обращение С. Н. Полторака
в ОКУ «Госархив Курской области»
относительно даты и места
рождения Д. А. Германа

Меня как исследователя не убедила ни одна из имеющихся публикаций, которые касались места и даты рождения Д. А. Германа. Пришлось осуществить попытки непосредственного обращения в государственные архивы Курской, Орловской и Липецкой областей. Что же касается предположения о том, что Д. А. Герман родился в г. Вольске Саратовской области, то я решил пойти по другому пути — обратился к своему старинному товарищу и коллеге доктору исторических наук, профессору Валерию Яковлевичу Ефремову, который много лет живет и работает в Вольске. Валерий Яковлевич оказался хорошо знакомым с местным историком-краеведом, кандидатом педагогических наук, доцентом Вольского военного института материального обеспечения Сергеем Васильевичем Постниковым, который долгое время собирал сведения о публикациях, посвященных месту рождения Д. А. Германа. По просьбе В. Я. Ефремова доцент С. В. Постников подготовил подробную историческую справку, которую разрешил мне опубликовать полностью:

СПРАВКА

О МЕСТЕ И ДАТЕ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ Д. ГРАНИНА

Даниил Александрович Герман (псевд. Даниил Гранин), по сведениям Википедии, родился 1 января 1919 г. в г. Вольске Саратовской губернии, по другим сведениям — в с. Волянь Курской области. Эти сведения из официальных биографий писателя, опубликованных в различных общественно-политических изданиях и на различных сайтах. Данная информация неопределенна.

Путаницу с местом и датой своего рождения, а также со своей национальностью внес сам писатель.

Так, в своем интервью Аркадию Соснову «Я помню...» (Литературная газета. № 1 (5955) 14–20 января 2004 г.) на вопрос «Вы родом не из Ленинграда, как многие думают, а из городка Вольск Саратовской области. А давно там были?» Д. Гранин ответил: «Давно... Это совсем раннее детство», тем самым подтвердив версию о Вольске.

При составлении биографической справки к интервью Д. Гранина, данному Т. Фроловой о Борисе Васильеве «Порядочность потомственного офицера...», он не возражал против указания как своей родины г. Вольска (см.: журнал «Кольцо А» № 73 за 2014 г.).

«Российская газета» опубликовала статью Д. Григорьева «Петербург поздравил Даниила Гранина с юбилеем», в которой приводится биографическая справка с текстом: «Даниил Гранин родился 1 января 1919 года в городе Вольске Саратовской губернии».

То же место рождения указывают справочные издания: «Кто есть кто в Санкт-Петербурге» (В. К. Васильев, О. С. Кузин, Ю. И. Светов, В. Б. Угрюмов. Вып. 14. СПб., 2010) и «Почетные граждане Санкт-Петербурга» (Санкт-Петербург: изд-во «Композитор», 2007); многие официальные сайты Санкт-Петербурга.

В «Автобиографии» (Даниил Гранин. Собр. соч. Л.: Художественная литература, 1980) сам Д. Гранин написал: «1919 год, год моего рождения — в тех местах еще догорала Гражданская война, свирепствовали банды, вспыхи-

вали мятежи. Они жили вдвоем в разных лесничествах где-то под Кингисеппом».

В наградном листе с представлением к награждению орденом «Красная Звезда» (Приказ по Ленинградскому фронту № 2325/н от 02.11.1942 г.) годом рождения показан 1918, а национальностью – украинец.

В документах о награждении орденом Отечественной войны 2-й степени местом рождения показан г. Вольты Курской области, годом рождения – 1918 (№ 80 от 06.04.1985 г.).

В книге Г. И. Герасимова «История современной России: поиск и обретение свободы. 1985–2008 годы» (М., 2008) читаем: «Гранин Даниил Александрович родился 1 января 1918 года в селе Вольты (ныне Курской области) в семье лесника». Та же информация в кратком биографическом словаре «Русские писатели и поэты» (М., 2000).

В интервью «Курской правде» он прямо говорит, что родился в Курской губернии. Впрочем, эта информация появилась уже после смерти писателя.

Еще более экзотическая информация на с. 552 в 1 томе биобиблиографического словаря «Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги» (М., 2005). Она гласит: «Гранин (настоящая фамилия Герман) Даниил Александрович [1.1.1919, Вольтск, Курской губ.] – прозаик, эссеист».

На сайте «Герои страны» представлена биография, составленная В. С. Смирновым (Северодвинск), в которой говорится, что писатель родился «1 января 1919 года (по документам – 1 января 1918 года) в городе Вольтск, ныне Саратовской области (по другим данным в селе Вольты (ныне – поселок Вольтинка Рыльского района Курской области) в семье лесника. Русский».

Некоторые публицисты, ссылаясь на воспоминания Д. Гранина, указывают, что детство писателя прошло в Поволжье, косвенно указывая на г. Вольтск. Эта легенда связана с его вероятными семейными связями с действительно поволжско-немецкой семьей Германов (их потомок – д-р ист. наук, проф. Герман А. А.). В «Автобиографии» этих данных нет.

Все эти издания относятся ко времени, когда писатель был жив, и, вероятно, данная информация им одобралась.

В год смерти писателя вольский журналист А. Пантюхин, приняв за истину утверждение о Вольске как родине Д. Гранина, написал статью в местной газете.

Еще одна вероятность о месте его рождения — г. Вельск Вологодской губернии (ныне Архангельской области). Его очень часто в документах XIX в. называли Вольском. По географии он более близок к Кингисеппу и Ленинграду и находится в лесной зоне.

Кроме того, если принять за истину польско-еврейское происхождение Д. Гранина, нельзя исключать и район Воля (Вольск) в Варшаве. Хотя об этом уж точно нет никаких данных.

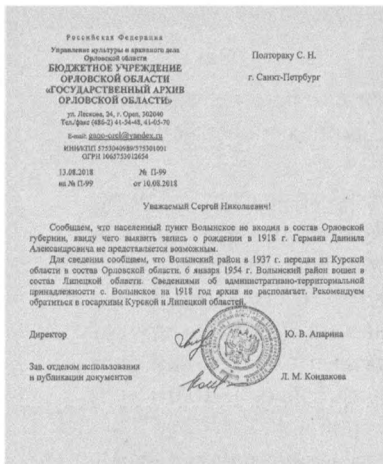
Исследования, проведенные вольскими краеведами в местных архивах, не подтвердили связей Д. А. Германа (Гранина) с Вольском. Аргументы следующие:

1) Упоминаний ни о нем самом, ни о его семье нет.

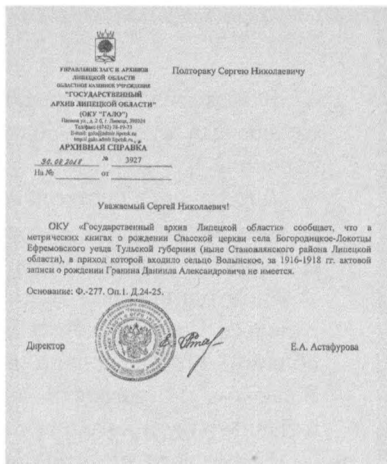
2) Сведений о службе в Вольском лесничестве лесника Германа Александра Даниловича ни в 1917, ни в 1919 (как и 1918) г. не имеется. Хотя обо всех чиновниках данного периода по г. Вольску и Вольскому уезду информация собрана в полном объеме (см.: Чиновники Вольского уезда Саратовской губернии [Текст]: биографический справочник / [С. В. Маркушина и др.]; [под общ. ред. Постникова С. В.]; М-во обороны Российской Федерации, Вольский военный ин-т материального обеспечения. Саратов: Амирит, 2016).

3) Женщин (если говорить о матери писателя Анне Бакировне) в лесничествах г. Вольска и Вольского уезда в указанный период также не было.

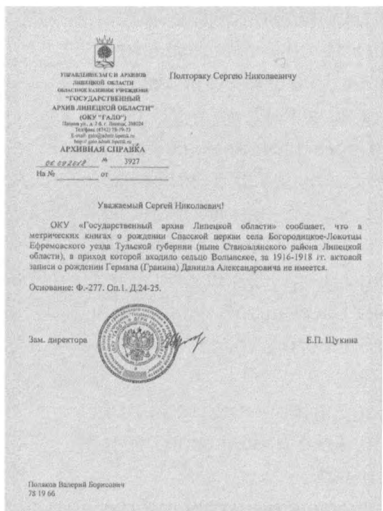
4) В официальной автобиографии писатель ни разу не упоминает Вольск, хотя пишет, что «первые воспоминания мешаются со слышанными от матери рассказыми о тех годах». Неужели мать не нашла ни одного запомнимшегося ему слова о Вольске? А вот музыкальные пристрастия ее были связаны с чисто северным городским жанром.

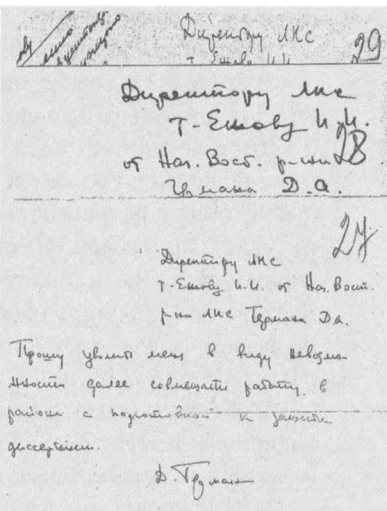
Ответ на обращение С. Н. Полторака в БУОО «Государственный архив Орловской области» относительно места рождения Д. А. Германа

Ответ на обращение С. Н. Полторака в ОКУ «Государственный архив Липецкой области» относительно места рождения Д. А. Гранина

Ответ на обращение С. Н. Полторака в ОКУ «Государственный архив Липецкой области» относительно места рождения Д. А. Германа

Заявление об увольнении Д. А. Германа на имя директора ЛНК И. И. Ежова

5) Сам Д. Гранин ни разу в жизни не задумался о возможности увидеть свою родину.

Справку составил: историк-краевед, доцент Вольского военного института материального обеспечения, канд. пед. наук, доц. Постников Сергей Васильевич¹.

На мой запрос в Государственный архив Курской области 10 августа 2018 г. был получен ответ, из которого следовало, что в архиве сведений о рождении Д. А. Германа нет. Сотрудники архива порекомендовали мне обратиться в Государственный архив Орловской области, что я и сделал.

Коллеги из государственного архива Орловской области сообщили, что село Волыньское никогда не входило в состав Орловской области. Поскольку Волынский район с 6 января 1954 г. был передан в подчинение г. Липецку, мне было рекомендовано обратиться в Государственный архив Липецкой области, а также в Государственный архив Курской области, в который я уже обращался.

Поскольку из Государственного архива Орловской области пришел отрицательный ответ, я был вынужден написать запрос в Государственный архив Липецкой области. Ответ меня несколько удивил тем, что сотрудники архива, видимо, по рассеянности, провели поиски сведений о рождении Даниила Александровича Гранина, хотя в запросе я писал, что его настоящая фамилия – Герман, а Гранин – это псевдоним. Пришлось делать повторный запрос.

Таким образом, ни один из архивов, в котором могли бы храниться сведения о рождении Даниила Александровича Германа, факт его рождения не подтвердился. Грешить на то, что документы по каким-то причинам могли не сохраниться, не следует. Ни в одной из архивных справок не было указаний на то, что какой-то массив архивных сведений не сохранился, что стало следствием отрицательного ответа. Во всех документах говорилось о том, что такого факта попросту нет. Это может означать лишь одно: Даниил Александрович Герман либо родился в каком-то

¹ Из личной переписки автора с профессором Г. М. Ипполитовым по электронной почте от 03.09.2018.

другом регионе, либо родился в одной из этих областей (губерний), но был зарегистрирован под другой фамилией. Например, под фамилией матери. Такое могло быть в том случае, если на момент рождения ребенка его родители не состояли в официальных супружеских отношениях. Но это тот «скелет в шкафу», доступ к которому мне закрыт не по техническим, а по этическим причинам.

В одной из домовых книг Петрограда в сведениях о Данииле Александровиче Германе было написано, что родился он в г. Вильне (современный Вильнюс. — С. П.) в 1918 г.¹ Если это так, то многое становится понятным. В последующие годы родители Даниила в разных сведениях о сыне, в том числе и в домовых книгах по новому месту жительства, писали, что ребенок родился в г. Волынь Курской области². Иначе получалось бы, что Даниил родился (по тем временам) за границей! Еврей, родившийся за границей, — не самый перспективный человек в СССР в 1920-е гг. Родители хотели ребенку счастья, и это правильно.

Ошибочно указана дата рождения Д. А. Гранина (1 января 1919 г.) и в биографическом ежегоднике «Кто есть кто в Санкт-Петербурге»³. При этом отмечается, что Даниил Александрович родился в г. Вольске Саратовской губернии⁴.

В 2010 г. Д. А. Гранин в книге «Все было не совсем так» еще больше запутал историю своего рождения. Он не писал о месте своего рождения, но отметил, описывая время своего рождения в третьем лице, что «он, словно нарочно, появился именно под Новый год, причем данные расходятся: то ли он все же успел проскочить до боя часов, то ли после»⁵.

Думаю, что я добавлю в изучение даты рождения Д. А. Германа еще больше неразберихи, если напомню, что наступавший 1918 г. россияне праздновали еще по старому календарю. Так что, скорее всего, Даниил Александрович родился примерно 16–17 декабря 1917 г. по старому стилю.

1 ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 117. Д. 890. Л. 109об.—110.

2 Там же. Д. 891. Л. 112об.—113, 358—359.

3 Кто есть кто в Санкт-Петербурге. Биографический ежегодник. Вып. 18. / Ю. И. Светов, В. Б. Угрюмов. СПб., 2015. С. 135.

4 Там же.

5 Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 7.

О. С. Войтинская не писала подробно о карьере отца писателя — Александра Данииловича, отметив лишь, что тот «служил лесником, по роду занятий бывал в лесах безвыездно»¹, хотя такая оценка несколько упрощает карьеру А. Д. Германа. Даниил, перейдя в 1938 г. из Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина) в Ленинградский индустриальный институт (с 1940 г. — Политехнический институт), приложил к своему студенческому личному делу послужной список отца. В нем отмечалось, что Александр Даниилович Герман с 1906 г. вплоть до 1917 г. работал приказчиком «у разных лесопромышленников». С марта 1918 г. служил десятником по лесу при Петроградском Горобкомхозе, с февраля 1920 г. — прорабом в Ямбургском² райлесе. С декабря 1921 г. служил в НКВТ (в Народном комиссариате внешней торговли) по экспорту леса в г. Ямбурге. С марта 1922 г. служил лесным техником в одном из государственных учреждений Ленинграда.

Хотя в 1922 г. город еще назывался Петроградом, в Советском Союзе в 1920-е — 1930-е гг. утвердилась неукоснительная традиция: называть в документах город Ленинградом, даже если речь шла о событиях, происходивших до 1924 г. С декабря 1923 г. был лесным техником в другом государственном учреждении, а с февраля 1924 г. — зам. уполномоченного по лесу при сельхозе. С сентября 1925 г., сменив четыре места работы, которые так или иначе были связаны с торговлей лесом, он с 1 января 1933 г. начал работу в Старорусском леспромхозе в должности исполнителя оперативной секции³. Позже в различных автобиографиях Д. А. Гранин заменил эту сложную по названию должность на всем понятную — лесник.

В различных источниках, как и в литературе, есть противоречивые сведения о его национальности. В «Еврейской энциклопедии», например, утверждается, что он еврей. Сам Даниил Александрович во время войны указывал в авто-

1 *Войтинская О. С.* Даниил Гранин: (Очерк творчества). С. 4.

2 Г. Ямбург — ныне г. Кингисепп Ленинградской области, граничит с Эстонией. — С. П.

3 Архив Университета Петра Великого. Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 2.

биографических сведениях, что он украинец¹. С. Д. Довлатов, перечисляя некоторых советских писателей-евреев, уверенно писал: «И Даниил Гранин – еврей»².

К сожалению, биографические сведения, собранные О. С. Войтинской, изобилуют неточностями. Например, она отмечала: «После Политехнического института, где он учился в аспирантуре, молодой инженер направлен на Кировский завод»³. Во-первых, вуз, который окончил в 1940 г. Даниил Герман, в то время назывался Ленинградский индустриальный институт. Лишь осенью 1940 г. вузу было возвращено прежнее название – Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина. Кроме того, с учебой Даниила Александровича в аспирантуре все обстояло непросто. Как свидетельствуют архивные документы, в аспирантуре он сначала учился в НИИ-49, где готовил кандидатскую диссертацию по теме «Силовые сильфоны» (в архивном документе сильфоны ошибочно названы «сильфинами»)⁴. В 1949 г., мотивируя свое желание уйти из «Ленэнерго», Даниил Александрович ссылался на необходимость учебы в аспирантуре в Ленинградском электротехническом институте им. В. И. Ульянова (Ленина). Кстати, в силу производственных причин его уволили из «Ленэнерго» только после второго обращения к руководству⁵. Моя попытка найти аспирантское личное дело Д. А. Германа в ЛЭТИ или в ЛПИ завершилась неудачей. Однако документальные подтверждения того, что Даниил Александрович учился в аспирантуре Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина, есть, но об этом будет сказано позже.

О. С. Войтинская писала в очерке, что Д. А. Герман, будучи молодым инженером, был направлен на Кировский завод. Это так, если не считать важной детали: путь от студенческой скамьи до Кировского завода был не столь

1 Центральный архив Министерства обороны РФ (Далее – ЦАМО). Ф. 33. Оп. 682525. Д. 74. Л. 457.

2 Довлатов С. Д. Литература продолжается // Собр. соч. в 4-х т. Т. 14. СПб., 2008. С. 343.

3 Войтинская О. С. Даниил Гранин: (Очерк творчества). С. 4.

4 Архив ПАО «Ленэнерго». Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 7.

5 Там же. Л. 30–30об.

прямым, как может показаться. Сначала выпускник Электромеханического факультета, защитивший на оценку «хорошо» дипломную работу по теме «Проект ГЭС по р. Серебряной», был направлен на строительство Свирской ГЭС. По неизвестным теперь причинам прежнее распределение было заменено на другое, выданное Наркоматом тяжелого машиностроения. Именно этот наркомат и направил молодого инженера на Кировский завод. Представляется, что это направление было не совсем по специальности, поскольку Даниил был специалистом электрической станции, что не имело отношения к танкостроению — главному направлению деятельности Кировского завода в то время. Не имея сведений о причинах такого перевода, можно лишь предположить, что кто-то поддержал начинающего инженера и помог ему устроиться на работу в Ленинграде, чтобы не уезжать по распределению из города.

Хотя надо признать, что Кировский завод уже был знаком Д. А. Герману. Он сам вспоминал, что проходил на этом предприятии студенческую практику, работая в энерголаборатории, а позже в конструкторском бюро. Мимоходом он замечал, что именно на Кировском заводе еще до войны он «придумывал <...> всякие приборы»¹. В автобиографии, датированной 15 ноября 1944 г., он писал, что после окончания института работал на Кировском заводе в должности старшего инженера электролаборатории, а потом — начальника этой лаборатории. Последней должностью на Кировском заводе у него была должность инженера специального конструкторского бюро № 2².

О жене Д. А. Гранина Римме Михайловне Майоровой известно не много. Есть сведения о том, что с Даниилом Александровичем они познакомились на Кировском заводе. В печати сообщалось, что во время Великой Отечественной войны она была секретарем райкома в Челябинске³. Мне не удалось найти документ, в котором бы сообщалось, когда Р. М. Майорова и Д. А. Герман поженились. Известно

1 *Войтинская О. С.* Даниил Гранин: (Очерк творчества). С. 4.

2 Архив ПАО «Ленэнерго». Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 3.

3 Там же. С. 6.

лишь, что в середине ноября 1944 г. Даниил Александрович официально женат еще не был¹.

Где бы ни родился Д. А. Гранин, он жил и ушел из жизни ленинградцем-петербуржцем. Он глубоко понимал замысел Петра Великого, был уверен в том, что первый российский император строил Петербург с перспективой не на десятилетия, а на столетия. Даниил Александрович утверждал: «Петербург – возможно, единственный в мире город королевского происхождения: он создавался как столица. И отпечаток царского, аристократического происхождения в нем неизгладим. Так же как и присутствие в нем Петра с его ростом и размахом – огромные площади, широкие улицы с прямой перспективой. Наш город прекрасен тем, что он любимец Европы. Итальянцы, немцы, англичане, французы – вся Европа участвовала в создании Петербурга. И как ни странно, получилось удивительное единство архитектурного стиля и замысла.

Этот город имеет свою душу. Душа Петербурга даже на приезжих спустя несколько лет накладывает неизгладимый отпечаток. Академичность, классичность Петербурга неповторимы»².

21 декабря 2017 г. Президент РФ подписал Указ «Об увековечении памяти Д. А. Гранина и праздновании 100-летия со дня его рождения»³. В документе отмечалось, что он принят в связи с выдающимся вкладом Д. А. Гранина в отечественную культуру и «в связи с исполняющимся в 2019 году 100-летием со дня его рождения»⁴.

Не беда, что в силу чьей-то некомпетентности или политических игр столетие со дня рождения Д. А. Гранина отмечается с опозданием на год. Главное – сохранить память об этом выдающемся россияnine.

1 Архив ПАО «Ленэнерго». Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 2.

2 Гранин Д. А. Интелегенды: статьи, выступления, эссе. [2-е изд., перераб. и доп.]. С. 319.

3 Подписан Указ об увековечении памяти Даниила Гранина // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56463> (дата обращения — 19.09.2018).

4 Там же.

...детство — это будущее
взрослого человека.

Д. А. Гранин¹

Глава 2 /

Детство и ранняя юность Даниила Германа

Как свидетельствуют архивные документы, семья А. Д. Германа первое время жила в Петрограде в Ковенском переулке¹. Оттуда рукой подать до Московского вокзала. Одним словом, центр города. Но в скором времени семья переехала на Литейный проспект в дом 28. Там, в квартире 27, семья Германов в разном составе прожила вплоть до августа 1955 г.²

До двенадцатилетнего возраста биография Даниила Германа известна, возможно, лишь его родственникам. Документальных свидетельств биографии будущего писателя до 1930 г. пока обнаружить не удалось. Известно, что до переезда в Ленинград Даниил жил вместе с отцом в Старой Руссе – в городе, о котором навсегда сохранил теплые воспоминания. Даже действие одного из своих романов – «Картина» – он перенес в несуществующий провинциальный городок, который сохранился в его сознании как светлое воспоминание об этом райцентре Новгородской области. Как мне представляется, переезд Даниила в Ленинград связан с проблемами, возникшими у отца на работе в Старой Руссе.

В Ленинграде Даниил Герман учился в средней школе № 15, которая находилась на Моховой улице. Про нее в своих произведениях Д. А. Гранин вспоминал нечасто, а вот о том, что было рядом со школой, – вспоминал. Например, помнился ему кинотеатр с загадочным английским названием «Пикадилли». Писатель отмечал: «До войны

1 ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 117. Д. 890. Л. 109об.–110.

2 Там же. Д. 914. Л. 16–17.

был такой театр в Ленинграде, недалеко от нашей школы. Пока проветривали зал, мы пробирались со двора по черной лестнице. Если не было свободных мест, мы садились в проходе, подложив под себя наши портфельчики. Кругом пахло жареными семечками и галошами. В “Пикадилли” я впервые увидел “Снайпера” и “Путевку в жизнь”. Кинотеатр “Пикадилли” был детство, чернильницы-невыливайки, игры в орлянку. Много позже я узнал, что в Лондоне тоже есть “Пикадилли”...»¹

О своей учебе в школе № 15 Д. А. Гранин вспоминал: «С 6-го класса я учился в школе на Моховой, бывшем Тенишевском училище, с прекрасными традициями и с удивительным составом учителей. Когда-то здесь учились В. В. Набоков, В. М. Жирмунский, В. Г. Адмони. Класс наш был на редкость интересный. Так мне кажется до сих пор. Я упоминаю об этом потому, что школьные друзья, дружба тех лет прошла через всю жизнь и многое определила»². Правда, спустя многие годы о школьном детстве-юношестве он вспоминал немного по-мальчишески. Например, писал, что учился вместе с будущим знаменитым химиком, академиком АН СССР В. В. Воеводским: «В институте я остановился перед портретом: “Академик Воеводский”.

— Это наш корифей, — с гордостью сказала секретарша.

— Я знал его... Мы в школе вместе учились.

— Да что вы говорите! Какой он был?

Я пожал плечами.

— Мы звали его “сеledкой”... Владька.

— Как так можно.

— Били его. Он трусил, — самодовольно сказал я.

Она возмущенно отвернулась»³.

Даниил Александрович всегда помнил своих одноклассников, в том числе и тех, кто не вернулся с войны: Миша Павлов, Вадим Пушкарев, Миша Залкинд⁴. Он очень любил свой класс, все без исключения одноклассники были

1 Гранин Д. А. Неожиданное утро. С. 47.

2 Ленинградские писатели-фронтовики: Автобиографии, биографии, книги / Авт.-сост. [и авт. предисл.] В. Бахтин. С. 115.

3 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 217.

4 Гранин Д. А. Заговор. С. 21.

ему интересны. Все 36 человек. Он с любовью вспоминал подружек-неразлучниц, которых все называли Егорова-Горская. Вспоминал одноклассницу Женю Лякшину, которую прозвал Междуляшкиной, за что его вызывали к директору для проработки. Помнил и Мусю со смешной фамилией «Букашкина»¹.

Класс был непростой, не гладенький. Был в нем, например, хулиган Юзя Ш., сидевший за последней партой и нецензурно шутивший. В конце концов его исключили из школы, и весь класс почувствовал, как его недостает. Был и одноклассник по прозвищу Ван дер Люббе – «тупой, скучный, неинтересный». Но когда он вдруг заболел, классу его стало очень не хватать. Ребята даже навещали его в больнице².

Д. А. Гранин нередко писал о Ленинграде 1930-х гг. Особым местом для него был Литейный проспект, поскольку он жил рядом, на углу Литейного и улицы Пестеля. Поначалу на улице Пестеля проживала мама Даниила вместе с его младшей сестрой. Он с отцом бывал там наездами, приезжая из Старой Руссы. Но потом переехал окончательно. Отец так и остался в своем лесничестве. Странное было какое-то семейство, но оно сумело приспособиться друг к другу. Мама жила городской жизнью и приучала к ней детей, отец же наслаждался раздольной лесной жизнью, но семьей дорожил. Д. А. Гранин вспоминал: «Выкроив несколько отгульных дней, отец приезжал в город повидать нас. Поезд приходил рано, отец поднимался по лестнице, стучал в стенку. Он тащил на спине мешок, в руках корзины, бог знает какую тяжесть – бруснику, грибы, творог, деревянные миски, яблоки, ржаные кокорки. Долго сидел не раздеваясь, потный, было жалко его, гостинцы казались ненужными.

Сколько упрашивали его переехать в город, он так и не мог решиться, уверял, что без леса ему нельзя.

Была тетя Даша, жесткая и резкая старуха, которая сажала меня с собою у печки и внушала, помахивая ко-

1 Гранин Д. А. Заговор. С. 75.

2 Там же. С. 76–77.

чергой: “Ты отца не мучай, ты расти пряменько, шагай в ногу со своими товарищами и не оглядывайся. Считай, что у тебя отец отсталый”.

Отсталость родителей успокаивала и вроде бы все объясняла. И отцу тетя Даша говорила: “Ты детям расти не мешай. У них своя жизнь. Не путай их своим дегтем и шишками”¹. Окрестности были знакомы ему до мелочей. Ближайшие из них ограничивались с одной стороны Пантелеймоновской церковью, а с другой – Спасо-Преображенским собором. Вспоминал Д. А. Гранин последние годы нэпа. Неподалеку от его дома был молочный магазин братьев Чещуриных, где в кадках стояла сметана разных сортов, творог. В изобилии было молоко в бидонах, масло, сыр. Вспоминал он и кондитерскую «Ландрин» на углу Пестеля и Литейного. У Соляного переулка была булочная Филиппова. Мать каждое утро посылала Даниила за шикарными горячими булочками.

По Литейному проспекту ходили трамваи с «колбасой», то есть с резиновым шлангом на задней стенке. Мальчишки цеплялись за него и ехали бесплатно. Кондукторы злились на них и обзывали «колбасниками».

Одни из самых приятных воспоминаний детства были связаны со Спасо-Преображенским собором. Вокруг него в каменные плиты были вмонтированы трофейные турецкие пушки, которые были главной радостью детей во время их игр. Дети были твердо убеждены, что ни у кого в мире нет таких замечательных игрушек: 12 орудий с ядрами. Ограда вокруг храма также была сделана из пушечных стволов и цепей, на которых дети обожали раскачиваться. Д. А. Гранин писал, что «у каждого двора была своя пушка, обтертая нашими штанами до бронзового блеска»². Туда он время от времени приводил своих литературных героев. Например, Ильина и Усанкова из повести «Неизвестный человек»³.

1 Гранин Д. А. Обратный билет // Однофамилец: Повести. С. 318.

2 Там же. С. 283.

3 Гранин Д. А. Неизвестный человек // Запретная глава: Повести. Л., 1991. С. 45–46.

Из его произведений ясно, что он не был «домашним» ребенком. Да и были ли тогда такие в России? Он очень хорошо знал, где какая компания ребят собирается в центре города. Сейчас бы их назвали «тусовками». Писатель вспоминал: «На Невском, у Литейного, постоянно толпились одни и те же компании ребят. А на углу Садовой и Невского были уже другие компании. Тогда не сидели в кафе, тогда топтались на Невском, гуляли по Невскому, шли “прошвырнуться”, встречая знакомых, приятелей... Я пытался вспомнить язык тех лет, и вдруг оказалось, что не так-то это просто. Никто толком не записывал те словечки, и песни тех лет, и всякие истории и легенды, которые ходили по городу. В песенном нашем репертуаре отражалось время, еще взбаламученное, где все переплелось, соседствовало – романтика Гражданской войны, блатное, пионерское и нэповское: “Юный барабанщик” и “Вот умру я, умру, и не станет меня”, “Там, вдали за рекой, догорали огни” и “Кирпичики”. Распевали песни из первых звуковых фильмов: “Златые горы”, “Встречный”, “Путевка в жизнь”...

Одна Лиговка чего стоила с ее жаргоном, ее героями. Лиговка – обиталище гоп-компаний. Обводный канал с его барахолками. А первые танцзалы, первые Дворцы культуры – Выборгский, Нарвский... В этом городе шла жизнь, не похожая на нынешнюю. Носились мальчишки-газетчики с “Вечерней Красной газетой”, на дачу уезжали в Сестрорецк или Тарховку. Не было ни метро, ни троллейбусов. Было много деревянных домов, которые в блокаду разбирали на дрова... Нет, это был во многом другой город, черты его утрачены, а жаль, потому что всегда хочется иметь фотографии своей молодой жизни»¹.

Первым из авторов, затронувших биографию Д. А. Гранина, была О. С. Войтинская. В очерке, посвященном его творчеству, она допустила множество биографических неточностей. Однако ее первенство в изучении биографии писателя очевидно. Это подтверждал и литературный кри-

¹ Гранин Д. А. Ленинградский каталог: [Рассказ-воспоминание о Ленинграде 30-х гг.]. С. 9.

Абитуриент Даниил Герман. 1935

Статья Д. А. Германа в газете
«Индустриальный». 1938

тик из г. Куйбышева (ныне — Самара. — С. П.) Л. А. Финк, посвятивший Д. А. Гранину в конце 1980-х гг. солидную по объему монографию¹. Ценность ее велика в том числе и потому, что Лев Адольфович в процессе работы над нею еще в начале 1980-х гг. общался с Д. А. Граниним². Правда, критик в своей работе допустил ряд неточностей. Например, цитируя сведения О. С. Войтинской о Д. А. Гранине, в которых было сказано, что «его первые шаги в литературе относятся к концу сороковых годов»³, он отсылал читателя к с. 3 очерка Ольги Сергеевны, тогда как такого утверждения у О. С. Войтинской ни на той странице, ни на других нет. Тем не менее заслуга Л. А. Финка в изучении первых литературных шагов Д. А. Гранина велика. В частности, он обратил внимание на публикацию Л. А. Плоткина, который писал о том, что «Гранин взялся за перо, когда ему было

1 Финк Л. А. Необходимость Дон Кихота: Кн. о Д. Гранине. М., 1988.

2 Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.). Ф. Р-107. Оп. 4. Д. 233. Л. 1.

3 Финк Л. А. Необходимость Дон Кихота: Кн. о Д. Гранине. С. 6. Цит. по: Войтинская О. С. Даниил Гранин: (Очерк творчества). С. 3.

14 лет»¹. Л. Плоткин писал о том, что первая публикация Д. А. Гранина (тогда еще — Д. А. Германа) была в 1937 г. в журнале «Резец» № 8, где был опубликован его рассказ «Возвращение Руляка». При этом Л. А. Плоткин отмечал, что рассказ «представляет собой главу из повести “Генерал Коммуны”»². Л. А. Финк вслед за Л. А. Плоткиным утверждает, что в 1937 г., но только уже в № 12 журнала «Резец» была опубликована еще одна статья Д. А. Германа — «Родина», которая также была посвящена Парижской коммуне.

Д. А. Гранин вспоминал свою первую публикацию: «Первый свой рассказ я напечатал в журнале “Резец”. Это был дохлый малотиражный ленинградский журнальчик. Событие это я почему-то хранил в тайне от родных и друзей. И рассказик был никудышный, и было сознание того, что я не писатель»³.

О. С. Войтинская вспоминала: «Корней Иванович Чуковский говорил мне, что на Втором съезде писателей к нему подошел Даниил Александрович: “А я в детстве бывал у вашей дочки в гостях”. “И верно, — вспоминает Чуковский, — бывал. Тогда-то, — шутливо добавляет он, — Гранин приобщился к литературе”»⁴.

В школе Даниил Герман полтора года был редактором стенгазеты⁵. Директор школы № 15 писал в его выпускной характеристике: «Герман Даниил проявил себя как очень способный и развитой ученик, особенно в области гуманитарных предметов»⁶.

Во время учебы в Ленинградском электротехническом институте, а позже — в Ленинградском индустриальном институте он неизменно входил в состав редколлегии вузовских газет. Его первые студенческие публикации появились в газете «Индустриальный». Спустя месяц с небольшим

1 Финк Л. А. Необходимость Дон Кихота: Кн. о Д. Гранине. С. 6. Цит. по: Войтинская О. С. Даниил Гранин: (Очерк творчества). С. 6.

2 Цит. по: Там же.

3 Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 220.

4 Войтинская О. С. Даниил Гранин: (Очерк творчества). С. 9.

5 Архив Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). Личное дело студента Даниила Александровича Германа. Л. 10б.

6 Там же. Л. 7.

после перевода Даниила в Ленинградский индустриальный институт в вузовской многотиражке появилась его первая статья «Лекция», отличавшаяся глубиной суждений и смелостью. Не каждый студент рискнул бы критиковать лекторов, недобросовестно готовившихся к занятиям. Даниил не только критиковал своих педагогов, он писал о том, чего ждут от лекций студенты: «Нашу молодежь волнуют все споры, ведиущиеся в науке, все ее последние достижения. Живой отклик на современность хочет она услышать на лекции»¹. Статья затронула за живое читателей. Спустя пять дней на нее в той же газете был взволнованный отклик².

Через четыре месяца Даниил позволил себе адресный упрек по поводу некачественного чтения лекций: «Лектор тов. Малышев, не говоря уже о сухой манере изложения, допускает во время лекции непродуманные определения вроде “партия есть интеллигенция”. Подобные выражения, естественно, вызывают недоуменные вопросы слушателей»³. Статья была подписана криптонимом «Д. Г.», но если учесть, что в ней речь шла о студентах электромеханического факультета, и вникнуть в стиль изложения материала, то авторство не вызывает сомнения — то была статья студента Даниила Германа. Не думаю, что Д. А. Германа стоило бы обвинить в трусости: дескать, побоялся опубликовать статью под собственным именем. Скорее, у Даниила были соображения этического характера: хотелось формально соблюсти такт по отношению к педагогу.

О том, что Даниил был смелым в своих высказываниях, даже очень смелым, говорит его публикация в институтской газете в начале ноября 1938 г. В большой статье, посвященной анализу итогов Шестой институтской конференции ВЛКСМ, Д. А. Герман позволил себе резкую критику доклада директора Индустриального института С. А. Смирнова: «Все свое выступление директор института тов. Смирнов посвятил мелким бытовым вопросам. Тов. Смирнов не нашел сказать комсомольцам ничего интересного, кроме

1 Герман Д. Лекция // Индустриальный. 1938. 10 окт. С. 2.

2 Герман Д. Лектора не понимают // Там же. 15 окт. С. 3.

3 [Г. Д.]. Студентам — полноценные знания // Там же. 1939. 16 февр.

Индустриальный

РЕДАКТОР: И. А. КОЛОДИЦКИЙ
 Заместитель редактора: А. А. КОЛОДИЦКИЙ
 Главный редактор: А. А. КОЛОДИЦКИЙ
 Редакция: Ленинград, ул. Пискаревский проспект, д. 10
 Телефон: 10-1000
 СРКА, 2 ноября 1938 г., 6-9

К ДАЛЬНЕЙШЕМУ ПОДЪЕМУ КОМСОМОЛЬСКОЙ РАБОТЫ В ИНСТИТУТЕ!
 В 17 Институтской комсомольской организации

В последние дни в комсомольской организации института наблюдается подъем активности. Это связано с тем, что комсомольцы начинают подготовку к предстоящей работе в области народного хозяйства. В частности, комсомольцы начинают подготовку к предстоящей работе в области народного хозяйства. В частности, комсомольцы начинают подготовку к предстоящей работе в области народного хозяйства.

В комсомольской организации института наблюдается подъем активности. Это связано с тем, что комсомольцы начинают подготовку к предстоящей работе в области народного хозяйства. В частности, комсомольцы начинают подготовку к предстоящей работе в области народного хозяйства.

В комсомольской организации института наблюдается подъем активности. Это связано с тем, что комсомольцы начинают подготовку к предстоящей работе в области народного хозяйства. В частности, комсомольцы начинают подготовку к предстоящей работе в области народного хозяйства.

Эти кадры являются представителями молодежи, которая активно участвует в общественной жизни. Они являются представителями молодежи, которая активно участвует в общественной жизни.

Товарищ И. В. Сталин на Петроградском фронте

В течение дня 23 февраля, день рождения товарища Сталина, он находился в Петрограде. Товарищ Сталин посетил фронт, встретился с бойцами и офицерами, поблагодарил их за мужество и героизм. Товарищ Сталин посетил фронт, встретился с бойцами и офицерами, поблагодарил их за мужество и героизм.

В этот день товарищ Сталин посетил фронт, встретился с бойцами и офицерами, поблагодарил их за мужество и героизм. Товарищ Сталин посетил фронт, встретился с бойцами и офицерами, поблагодарил их за мужество и героизм.

В дни недавних боев

Товарищ Сталин посетил фронт, встретился с бойцами и офицерами, поблагодарил их за мужество и героизм. Товарищ Сталин посетил фронт, встретился с бойцами и офицерами, поблагодарил их за мужество и героизм.

В этот день товарищ Сталин посетил фронт, встретился с бойцами и офицерами, поблагодарил их за мужество и героизм. Товарищ Сталин посетил фронт, встретился с бойцами и офицерами, поблагодарил их за мужество и героизм.

На трех фронтах и чистых границах

В этот день товарищ Сталин посетил фронт, встретился с бойцами и офицерами, поблагодарил их за мужество и героизм. Товарищ Сталин посетил фронт, встретился с бойцами и офицерами, поблагодарил их за мужество и героизм.

Статьи Д. А. Германа в газете «Индустриальный» в 1938 и 1939 годах

как о количестве простынь и наволочек, о мерах по охране парка и дать обещание относительно ремонта уборных»¹. Директор – герой Гражданской войны, бывший военком прославленной 6-й дивизии 7-й армии. Как смог написать Даниил про него резкие слова, трудно понять. Как понять и то, что их напечатали в институтской газете. Не будем забывать: шел 1938 г.

На страницах газеты «Индустриальный» Д. А. Герман выступал и как молодой исследователь исторической проблематики. Правда, исследование соответствовало духу времени и было посвящено роли И. В. Сталина в обороне Петрограда в 1919 г².

Уже через несколько месяцев после окончания института, работая на Кировском заводе, Даниил начал сотрудничать с местной многотиражной газетой «Кировец». В декабре

1 Герман Д. К дальнейшему подъему комсомольской работы в институте! // Индустриальный. 1938. 2 нояб. С. 1.
 2 Герман Д. Товарищ И. В. Сталин на Петроградском фронте // Там же. 1939. 23 февр. С. 2.

1940 г. в ней был опубликован материал Д. Германа «Борьба за экономию — почетное дело комсомольцев»¹. Даниил знал, о чем писал, поскольку был в то время заместителем председателя комиссии комитета ВЛКСМ Кировского завода по экономии. Экономия сырья, электроэнергии, рабочего времени была тогда как никогда важная задача. Ее решение позволяло сэкономить в итоге немало денег, которые почти полностью тратились на укрепление обороноспособности страны. Производственная молодежь в то время была увлечена процессом экономии: без пункта об экономии ресурсов не обходилось ни одно социалистическое обязательство комсомольца. И было это не только следствием выполнения циркуляров свыше, но и искренним человеческим порывом молодых советских парней и девчат.

Тема экономии была в то время главной в публикациях Даниила. Как руководитель бригады по экономии металла он призывал заводскую молодежь следовать стахановскому примеру, перенимать опыт стахановцев в вопросах разумного использования металла в производственных целях. Его выступление по этому поводу на собрании комсомольского актива Кировского завода было опубликовано в газете «Кировец» в начале 1941 г.²

Последняя публикация Даниила Германа в заводской многотиражке состоялась чуть больше чем за месяц до начала войны. Он призывал своих товарищей добросовестней относиться к выполнению взятых на себя социалистических обязательств³.

Вскоре ему пришлось от призывов перейти к практическим делам. И дела эти были защитой страны от армии Германии и ее союзников.

1 Герман Д. Борьба за экономию — почетное дело комсомольцев // Кировец. 1940. 25 дек.

2 Герман Д. За экономию, за культуру // Там же. 1941. 25 янв.

3 Герман Д. Лучше выполнять обязательства // Там же. 17 мая.

В России взаимовыручка
существует лишь у подлецов.
Порядочные люди вынуждены
бороться большей частью
в одиночку.

Д. А. Гранин¹

О ранней юности Д. А. Гранина известно не так уж много. Юность ленинградца Даниила Германа была похожа и не похожа на юность его сверстников. В школьные годы его идеалами были Гаврош, Спартак, Овод, граф Монте-Кристо, Валерий Чкалов, Фарадей¹. Последний был героем, который явно выбивался из общего ряда. Даниил восхищался ученым как человеком, который долгие годы трудился, идя к своей научной цели. Возможно, именно Фарадей сыграл свою роль в том, что Даниил выбрал себе профессию, связанную с энергетикой.

Разумеется, как и для остальных мальчишек, ориентирами для него были ОСОАВИАХИМ, нормы ГТО, стремление к сдаче на знак «Ворошиловский стрелок», который сверстники ценили едва ли не как орден Красного Знамени. Прыгать с парашютом, преодолевать полосу препятствий, петь песни на слова М. В. Исаковского, водить автомобиль, разбираться в радиоаппаратуре и в технике вообще – таковы были молодежные нравственные ценности середины 1930-х гг. Быть гуманитарием в мальчишеской среде считалось неприличным, неуместным. Все будущие мужчины страны готовились к тому, чтобы дать отпор мировому империализму. До написания композитором Д. Я. Покрасом и поэтом В. И. Лебедевым-Кумачом знаменитой песни «Если завтра война» в 1935 г. еще осталось три года, но она стала лишь следствием того духа, который уже несколько лет витал в воздухе. Те слова были не просто словами из

1 Гранин Д. А. Неожиданное утро. С. 42.

песни: они стали алгоритмом поведения и жизни советской молодежи в целом.

Д. А. Гранин спустя многие годы вспоминал о том, что у его отца были робкие попытки приохотить его к лесному делу. Но время было такое, что куда перспективнее были электротехника, гидротехника, автоматизация. Мода на профессию тоже сыграла роль в выборе Даниилом своего будущего.

Хотя Даниил Герман по своей природе был гуманитарием, техникой он тоже был очень увлечен. Он вполне успешно и легко любил и то и другое.

В школьные годы Даниил, как и многие его сверстники, проявлял политическую активность. Полтора года был редактором стенгазеты, полгода руководил политкружком¹. Но в комсомол его приняли только в десятом классе. В те годы процедура вступления в эту молодежную политическую организацию была непроста. По подобию членства в большевистской партии молодые комсомольцы сначала проходили кандидатский стаж. Так что на электроэнергетический факультет² ЛЭТИ Даниил поступил, будучи лишь кандидатом в комсомольцы³.

В документах, связанных с простой, казалось бы, биографией молодого человека Д. А. Германа уже в конце 1939 г. появилась путаница. В характеристике, подписанной деканом электромеханического факультета Ленинградского индустриального института, откуда-то появились сведения о том, что Д. А. Герман «до 1935 г. учился и окончил ФЗУ. Затем полгода работал шофером»⁴. Эти данные явно не стыкуются со сведениями об окончании школы-десятилетки № 15.

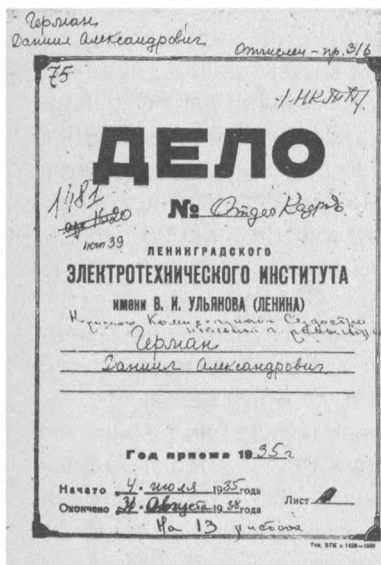
Судя по всему, умышленное и неумышленное запутывание биографических сведений Д. А. Гранина началось в конце 1940-х гг. К началу 1980-х гг. это запутывание

1 Архив Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). Личное дело студента Даниила Александровича Германа. Л. 10б.

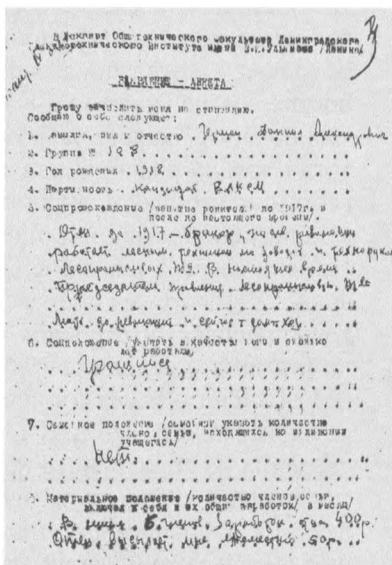
2 Там же. Л. 12.

3 Там же. Л. 1, 3.

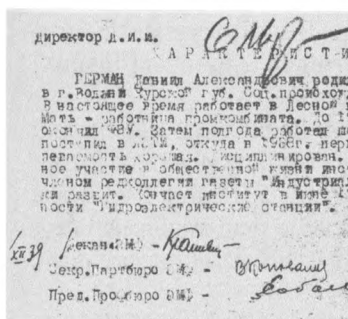
4 Архив Университета Петра Великого. Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 9.

Титульный лист личного дела студента ЛЭТИ им. В. И. Ульянова (Ленина) Д. А. Германа. 1935—1938

Заявление-анкета Д. А. Германа в деканат общетехнического факультета ЛЭТИ

Характеристика на студента ЛИИ Д. А. Германа. 1939

Экзаменационный лист абитуриента ЛЭТИ Д. А. Германа. 1935

стало весьма основательным. А. Н. Старков в своей книге нагромоздил величайшее множество ошибок, касавшихся студенческой жизни будущего писателя: «По окончании средней школы в 1936 году, Гранин поступает на электротехнический факультет Политехнического института в Ленинграде. Свое решение он объяснял следующим образом: "...когда после школы мы выбирали специальность... имена Графтио, Веденева манили нас не меньше, чем подвиги Чкалова и Громова. Ленинский план ГОЭЛРО тогда только разворачивался во всю ширь, страна жила вестями о стройке Днепрогэса, Свири, Риони, первых своих мощных гидростанций; рисунки платин и линий передач глядели со всех плакатов, и мы шли в электрики, как на фронт"»¹. Цитата из произведения Д. А. Гранина, вероятно, точно передает настроения вчерашнего школьника Даниила Германа в середине 1930-х гг. А вот год поступления А. Н. Старковым указан неверно, да и вуз не тот.

Не исключено, что А. Н. Старков черпал биографические сведения из справочного издания 1959 г., в котором было отмечено, что «после окончания в 1935 г. школы-десятилетки Д. А. Гранин поступил в Политехнический институт на электромеханический факультет»².

Ошибки, связанные с обучением Д. А. Германа в высшей школе, рассеяны по многим справочным изданиям. Перечислять их нет смысла, поскольку они часто повторяют друг друга. Однако особняком стоят сведения, опубликованные в издании «Who is who в России». В нем отмечается, что Д. А. Герман «до 1938 [г.] был отчислен из неск[ольких] вузов г. Ленинграда как сын лишенца»³.

Явные гуманитарные способности Даниила проявились во время вступительных экзаменов в Ленинградский электротехнический институт им. В. И. Ульянова (Ленина), которые в то время назывались вступительными испытаниями. Вступительных экзаменов было семь: русский язык письменный,

1 Цит. по: *Старков А. Н.* Нравственный поиск героев Даниила Гранина. С. 6.

2 Русские советские писатели-прозаики: библиограф. указатель. Т. 1: Авдеенко — Жестев: [По 1-е янв. 1959 г.]. С. 571.

3 Who is who в России. Энциклопедия личностей. Вып. 4. М., 2010. С. 601.

русский язык устный, математика письменная, математика устная, физика, химия, обществоведение. По обоим экзаменам по русскому языку и обществоведению абитуриентом Д. А. Германом были получены «пятерки», физику он сумел сдать на «четыре», письменную и устную математику, как и химию, сдал на «три»¹. Средний балл «четыре» позволил Даниилу в августе 1935 г. стать студентом-первокурсником Ленинградского электротехнического института им. В. И. Ульянова (Ленина). Он выбрал специальность «электрические станции», что было необычайно современно.

Почему Д. А. Герман поступил именно в этот вуз? Сам он объяснял ситуацию так: «После школы я хотел учиться в университете, стать историком, но мать отсоветовала: “Это ненадежная специальность. Надо зарабатывать деньги — будь инженером”»². Советовался Даниил именно с матерью, а не с отцом, поскольку, как утверждал позже писатель, «...отец мой, лесник, уже был сослан в Сибирь по так называемому “делу Промпартии”»³.

Представляется, что на выбор повлияло несколько обстоятельств. Во-первых, институт был очень престижным в предвоенные годы. Специальности, связанные с электроделом, с радиоделом, перед войной были необычайно популярны среди молодежи, особенно среди юношей. Успешная реализация плана ГОЭЛРО вдохновляла всю страну на новые свершения. Многие мечтали о строительстве новых электростанций. Вероятно, мечтал и Даниил. Но был, мне кажется, и очень прагматический аргумент. Даниил Герман жил в то время с мамой и младшей сестрой в самом центре Ленинграда, на углу Литейного проспекта и улицы Пестеля. Точный адрес, по которому они проживали: ул. Пестеля, дом 27, кв. 33⁴. Институт находился на Петроградской стороне, на улице Попова, дом 5. Спокой-

1 Архив Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). Личное дело студента Даниила Александровича Германа. Л. 4.

2 Гранин Д. А. Как стать добрее // О наболевшем. Л., 1988. С. 79.

3 Там же.

4 Архив Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). Личное дело студента Даниила Александровича Германа. Л. 2.

ным шагом от дома до института можно было дойти за 50 минут. По тем временам, когда у советского человека каждая копейка была на учете, а транспортная система в городе была развита слабо, небольшое расстояние от дома до ЛЭТИ имело большое значение. Экономия времени и денег важна для любого человека, а для скромного первокурсника — тем более.

Даниил учился с интересом, но, как сказали бы сейчас его современные сверстники, без фанатизма. По гуманитарным дисциплинам успевал блестяще, по техническим — по-разному: от «трех» до «пяти». На первом курсе по математике у него была твердая «тройка», тогда как экзамены по физике и химии, как и лабораторные работы, он сдал на «четыре». Были сложности с начертательной геометрией, черчением, теоретической механикой и английским языком: на экзаменах больше «тройки» Даниилу получить не удалось. На «четверку» он сумел сдать рисование, хотя в живописи уже тогда разбирался блестяще! По политической экономии у студента Д. А. Германа на первом курсе была отличная оценка. В экономических вопросах он был силен, как, возможно, никто в его группе № 108¹.

Прекрасные волевые качества, огромное самолюбие и колоссальная работоспособность делали свое дело. На втором курсе по математике у Даниила была уже оценка «отлично». На должном уровне были знания и в области экономической политики. Что же касается теоретической механики, технологии материалов, теории механизмов и машин, физических основ электротехники и легендарного сопромата, то достижения второкурсника были крайне скромны. Однако «тройки» по этим дисциплинам было достаточно, чтобы без проблем перейти на третий курс.

Во время учебы в ЛЭТИ Даниил Герман активно сотрудничал с комитетом ВЛКСМ, но наибольшую активность проявил как член редколлегии газеты «Энергетик»².

1 Архив Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). Личное дело студента Даниила Александровича Германа. Л. 3.

2 Архив Университета Петра Великого. Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 30б.

28. О своих результатах вообще складываются следующие:

	Оцен	
	Хорошо	Плохо
а) Работал, служил, дал в качестве кого	Хорошо	Плохо
б) Былю конструктором в деревне (больше всего за последние 10 лет)	Хорошо	Плохо
в) Был конструктором в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
г) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
д) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
е) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
ж) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
з) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
и) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
к) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
л) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
м) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
н) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
о) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
п) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
р) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
с) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
т) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
у) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
ф) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
х) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
ц) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
ч) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
ш) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
щ) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
ъ) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
ы) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо
я) Состоял на работе в деревне (всего в жизни)	Хорошо	Плохо

Итого: в виде напечатанном, в жизни как об отделе в жизни, в таком случае, в случае отделе, сразу высылать на при мне по адресу: Москва 23 в 8 33

4. 1955 г. (подпись)

Д. А. Германа

Секретариат Управления электротехнического факультета ЛПИ им. Г. И. Карпова

1955 г.

Секретариат Управления электротехнического факультета ЛПИ им. Г. И. Карпова

Анкета Д. А. Германа

СПРАВКА

Д. А. Германа, 1917 г. р., член ВКП(б), что он состоит от ЛПИ на электротехническом факультете электротехнического факультета ЛПИ им. Г. И. Карпова по адресу: Москва, ул. Карпова, д. 13/15.

Итого: в виде напечатанном, в жизни как об отделе в жизни, в таком случае, в случае отделе, сразу высылать на при мне по адресу: Москва 23 в 8 33

4. 1955 г. (подпись)

Д. А. Германа

Секретариат Управления электротехнического факультета ЛПИ им. Г. И. Карпова

1955 г.

Секретариат Управления электротехнического факультета ЛПИ им. Г. И. Карпова

Справка об обучении Д. А. Германа в ЛЭТИ

1. Д. А. Германа, 1917 г. р., член ВКП(б), что он состоит от ЛПИ на электротехническом факультете электротехнического факультета ЛПИ им. Г. И. Карпова по адресу: Москва, ул. Карпова, д. 13/15.

Итого: в виде напечатанном, в жизни как об отделе в жизни, в таком случае, в случае отделе, сразу высылать на при мне по адресу: Москва 23 в 8 33

4. 1955 г. (подпись)

Д. А. Германа

Секретариат Управления электротехнического факультета ЛПИ им. Г. И. Карпова

1955 г.

Секретариат Управления электротехнического факультета ЛПИ им. Г. И. Карпова

Оборот справки об обучении Д. А. Германа в ЛЭТИ

Заявление Д. А. Германа

Директору ЛПИ от студента Д. А. Германа

4. 1955 г.

Д. А. Германа

Заявление Д. А. Германа о зачислении его на электротехнический факультет ЛПИ. 1938

11/8 1955 г.

Д. А. Германа

Секретариат Управления электротехнического факультета ЛПИ им. Г. И. Карпова

1955 г.

Секретариат Управления электротехнического факультета ЛПИ им. Г. И. Карпова

Заявление Д. А. Германа о зачислении его на электротехнический факультет ЛПИ. 1938

Вероятно, то была стенная факультетская газета, поскольку институтская многотиражка называлась «Красный электрик». Анализ содержания многотиражной газеты показал, что с сентября 1935 по июль 1938 г. Д. А. Герман в ней не печатался ни разу. Причину назвать трудно. Скорее всего, в качестве автора ему в нее было не попасть. Газета была невелика по объему, и значительная часть материалов представляла собой перепечатки из центральной прессы: выступления И. В. Сталина, сообщения о гибели героев-летчиков, информация о судах над «врагами народа». Особенность газеты состояла в том, что печатавшиеся в ней студенты были в подавляющем большинстве отличниками, о чем непременно сообщалось в статьях. Д. А. Герман учился неплохо, но отличником не был.

На третьем курсе не обошлось без сюрпризов. По диалектическому материализму Даниил на экзамене получил лишь «тройку». Таких же скромных оценок он был удостоен на экзаменах по английскому языку, по таким предметам, как «Электрические измерения», «Переменный ток», а также на экзамене по деталям машин¹. Зато на экзаменах по таким дисциплинам, как «Электрические машины переменного тока», «Электрическое материаловедение» и «Теплотехника», он получил оценки «отлично»².

Но главный сюрприз состоял в том, что его специальность «Электрические станции» в институте вдруг упразднили. Даниил стоял перед выбором: продолжать учебу по какой-нибудь другой специальности или уйти в Индустриальный институт, в котором на электромеханическом факультете готовили будущих инженеров по его специальности «Электрические станции». В конце 1929 г. Ленинградский политехнический институт был расформирован. На его базе создали более десяти небольших втузов, каждый из которых подчинялся определенному наркомату СССР. Кому-то из организаторов системы высшего образования показалось целесообразным провести такую реорганизацию, чтобы, как казалось тогда,

1 Архив Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). Личное дело студента Даниила Александровича Германа. Л. 12.

2 Там же. Л. 12об.

более эффективно и целенаправленно готовить кадры с высшим образованием непосредственно для нужд советской промышленности. Но эксперимент себя не оправдал. В 1934 г. большую часть вузов, созданных на базе бывшего Политеха, вновь объединили в один вуз, который стал называться Ленинградским индустриальным институтом. Только осенью 1940 г. ЛИИ стал носить прежнее название — Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина¹.

Индустриальный институт в те годы находился за пределами городской черты — в Лесном, неподалеку от деревни Гражданка. Институт возвышался над многочисленными дачными домами, а неподалеку от деревни Гражданка было поселение немцев-колонистов, живших там еще с екатерининских времен. Из центра города до Политехнического института, в район Лесного, ходил один-единственный трамвай американского производства. Но трамвай 21-го маршрута ходил мимо дома Даниила по пр. Володарского прямо до Индустриального института. Езды минут 40, не больше².

Получив официальное разрешение в ЛЭТИ на перевод в Ленинградский индустриальный институт, Д. А. Герман в августе 1938 г. написал заявление на имя директора (понятия «ректор» тогда не было. — С. П.) ЛИИ С. А. Смирнова с просьбой зачислить его студентом четвертого курса электромеханического факультета по специальности «Гидроэлектрические станции». Руководство ЛИИ не возражало, и 13 сентября 1938 г. Д. А. Герман был зачислен на факультет, в связи с чем директором вуза было дано указание внести изменения в приказ № 636д о зачислении студентов от 1 сентября 1938 г.³ Но уже 31 августа 1938 г. ему на домашний адрес (ул. Пестеля, д. 27, кв. 23) было отправлено официальное уведомление о том, что он зачислен на четвертый курс электромеханического факультета Ленинградского индустриального института⁴.

1 *Полторак С. Н.* Военная подготовка политехников Санкт-Петербурга: Исторический очерк. СПб., 1996. С. 63–64, 118.

2 *Спутник по Петрограду и его окрестностям.* Пг., 1924. С. 182.

3 Архив Университета Петра Великого. Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 3.

4 Там же. Л. 5.

История К. Герману К. Герману

В ДИПЛОМЕ ЗА ЗАЧЕТНОЕ ВОДОУСТРОЙСТВО
«Устройство водопровода для здания
Без диплома на действительный!»

Тов. ГЕРМАН Даниил Александрович во время пребывания в Ленинградском Индустриальном Институте одла следующие дисциплины:

1. Политическая экономия	- отлично
2. Основы экономики	- отлично
3. Динамика, в частности, материалы	- удовлетвор.
4. Основы электротехники	- отлично
5. Основы гидравлики	- отлично
6. Основы механики	- хорошо
7. Физика	- хорошо
8. Химия	- хорошо
9. Теория машин и механизмов	- удовлетвор.
10. Роботы и механизмы	- удовлетвор.
11. Основы электротехники	- удовлетвор.
12. Основы гидравлики	- отлично
13. Основы механики	- удовлетвор.
14. Физика	- удовлетвор.
15. Основы электротехники	- хорошо
16. Основы гидравлики	- хорошо
17. Основы механики	- хорошо
18. Основы электротехники	- удовлетвор.
19. Основы гидравлики	- удовлетвор.
20. Основы механики	- отлично
21. Основы электротехники	- удовлетвор.
22. Основы гидравлики	- отлично
23. Основы механики	- отлично
24. Основы электротехники	- отлично
25. Основы гидравлики	- удовлетвор.
26. Основы механики	- отлично
27. Основы электротехники	- хорошо
28. Основы гидравлики	- удовлетвор.
29. Основы механики	- хорошо
30. Основы электротехники	- удовлетвор.
31. Основы гидравлики	- хорошо
32. Основы механики	- хорошо
33. Основы электротехники	- удовлетвор.
34. Основы гидравлики	- отлично
35. Основы механики	- хорошо
36. Основы электротехники	- отлично

/обороте

Приложение к диплому Д. А. Германа

16

РОДНОЙ КОМИССАРИАТ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ СОЮЗА ССР
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ «СЕТЬ ЦЕНТРА»
ГЛАВЦЕНТРЕНЕРГО

Телегр. адрес: Москва - Главцентрэнерго

№ _____ от _____ 194 г. 9-20-10/4 от 12 XII 194 г.

Директору Ленин. Инд. Ин-та г. Ленинград
Дорога в Соколовку

Главцентрэнерго просит установить место работы или место работы тов. спл. инж. Германа Д. А., выделенного Царкотовым электротехникой за 9-1185 Индустриального Института и установить причину его выезда.

В чем сообщите в Главц.

нач. Главцентрэнерго

ИЗВЕЩЕНИЕ
№ 16309
1940

ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ

№ 15662

Ин-т ГЛАВЦЕНТРЕНЕРГО

Г. И. С. С. В. А.

Информация по: «Инж. Герман, Александрович» в сетев. центре.

Сообщается, что инженер ГЕРМАН Д. А. работает на территории завода «Ленинград» по специальности инж. пусканин № 11810 от 20/11/40 по заданию инж. Сердюкова.

Отг. т. инженер
Отд. кадров

ПА

Запрос о месте работы Д. А. Германа

Ответ на запрос о месте работы Д. А. Германа

В новом вузе Даниил Герман учился так же, как и в прежнем: при весьма средней успеваемости проявлял свойственную времени активность. В его характеристике, подписанной деканом электромеханического факультета, секретарем факультетского партбюро и председателем профбюро от декабря 1939 г., говорилось: «Успеваемость хорошая. Дисциплинирован. Принимает активное участие в общественной жизни института, являясь членом редколлегии газеты «Индустриальный» (ныне – газета «Политехник». – С. П.). Политически развит»¹.

Время учебы в Индустриальном институте пролетело незаметно, и уже 27 июня 1940 г. руководство института подписало Д. А. Герману выписку из диплома, в которой отмечалось, что дипломный проект на тему «Проект ГЭС по р. Серебрянной» защищен им на оценку «хорошо»².

1 Архив Университета Петра Великого. Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 9.
2 Там же. Л. 15.

За время обучения в ЛЭТИ и в ЛИИ Даниил изучил 41 учебную дисциплину. Средний балл его успеваемости составлял 3,97, т.е. учебу в вузе он завершил с общим баллом «четыре». Таким образом, в конце июня 1940 г. Д. А. Герман стал дипломированным инженером-электриком¹.

Казалось бы, на этом история учебы Д. А. Германа в Ленинградском индустриальном институте закончилась. Это почти так. Но есть небольшая загадка. По распределению Даниил должен был быть направлен в распоряжение Наркомата электростанций. Ему предстояло отправиться трудиться в Ленинградскую область на строительство электростанции на реке Свирь. Выпускник института по распределению не явился.

По этому поводу из Наркомата электростанций СССР 10 декабря 1940 г. был направлен запрос в Ленинградский индустриальный институт². В ответ из Наркомата электростанций сотрудником института начальнику Главцентрэнерго в Москву 17 декабря 1940 г. был направлен ответ, в котором говорилось: «Сообщаем, что м[олодой] специалист Герман Д. А. работает на Кировском заводе (Ленинград) по полученной им путевке № 1319 от 29/VIII-40 г. по НК тяжелого машиностроения»³.

Как случилось, что специалист в области строительства электростанций попал по новому распределению работать на Кировский завод г. Ленинграда, сказать трудно. Возможно, к концу его обучения в вуз в срочном порядке поступила заявка с Кировского завода на молодых специалистов. К подобным заявкам отношение было особенно внимательное, поскольку на Кировском заводе изготавливались танки и другая техника для оборонной промышленности. Страна активно готовилась к защите своих рубежей, и запросы оборонных предприятий были превыше всего.

Нельзя исключать, что события развивались и по более приземленному сценарию. Не каждому молодому инженеру хочется покидать родной дом, свой город и уезжать на

1 Архив Университета Петра Великого. Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 15.

2 Там же. Л. 16.

3 Там же. Л. 14.

строительство нового объекта за пределы города. Даниил в студенческие годы проходил на Кировском заводе практику. Наверняка там у него появились знакомые, которые были заинтересованы в привлечении смышленного парня к себе на производство. Подготовить запрос из оборонного предприятия в институт — не такая уж сложная задача.

Хотя, по архивным данным, Д. А. Герман окончил Ленинградский индустриальный институт в 1940 г., ряд справочных изданий, не так давно вышедших из печати, сообщает, что он окончил Ленинградский политехнический институт в 1941 г.¹

Окончив институт, Даниил формально стал интеллигентом в первом поколении. Интеллигентность эта была формальной, поскольку он сам считал, что «интеллигент — это не происхождение и не положение, это стремление»².

Изучая биографию Д. А. Гранина, я много раз задавал себе вопрос: почему Даниил Александрович не оставил воспоминаний о своей жизни? Сам он утверждал: «Легче писать биографию другого человека, чем свою собственную»³. Мне же кажется по-другому: не написал, потому что так и не смог в себе разобраться. По-моему, это нормально. Во всяком случае, честно.

1 См., например: Санкт-Петербургский государственный политехнический университет: биографии. СПб., 2006. С. 205; Российская биографическая энциклопедия «Великая Россия». Т. 23. СПб., 2016. С. 118.

2 *Гранин Д. А. Однофамилец: Повести.* С. 103.

3 *Гранин Д. А. Все было не совсем так.* С. 107.

Офицерское: Лучше быть
вышестоящим, чем впереди
идушим.

Д. А. Гранин¹

1 *Гранин Д. А.* Все было не совсем так. С. 259.

Глава 4 /

От ополченца до командира танковой роты

Как известно, Д. А. Гранин писал о войне много. Писал о ней без пафоса, проникновенно и очень честно. С последним моим утверждением некоторые авторы не соглашались, считая, что Даниил Александрович утаивал многие детали своего военного прошлого. Я с этим утверждением категорически не согласен. Д. А. Гранину не было нужды стыдиться за свое пребывание на войне, потому что воевал он честно и смело. Важно понимать, что не все гранинские произведения о войне полностью автобиографичны. Некоторым художественным произведениям писатель доверял свой военный опыт, свои пережитые чувства, но это не означает, что все сюжеты его рассказов, повестей и других произведений наполнены исключительно фактами, почерпнутыми из собственной жизни. Д. А. Гранин никогда не ставил перед собой задачу описания своего боевого пути до мелочей, до деталей.

Студент Даниил Герман был сугубо гражданским человеком. Но это вовсе не означает, что он совсем был не подготовлен к войне. Во-первых, в Ленинградском индустриальном институте, который он оканчивал, студентов в военном отношении готовили основательно. Военруком института был И. Я. Звягинцев, полковой комиссар по званию, что соответствовало воинскому званию полковника. Был он человеком многоопытным и весьма требовательным¹. Военная подготовка в вузе велась по нескольким

¹ Полторак С. Н. Военная подготовка политехников Санкт-Петербурга: Исторический очерк. С. 106.

направлениям, но все студенты в обязательном порядке в течение нескольких семестров овладевали основами ведения боя, изучали материальную часть, приобретали практический опыт стрельбы из боевого оружия.

В начале 1939 г. на каждом факультете Индустриального института по инициативе комитета ВЛКСМ были созданы комсомольские роты, объединенные в масштабе вуза в батальон. В батальоне действовало несколько школ: снайперов, ручных пулеметчиков, радистов, автомобилистов, медсестер и даже танкистов. Учеба в школах проводилась дополнительно, помимо общей военной подготовки¹.

Конечно, Д. А. Герман и его однокашники не были профессиональными командирами, но военные навыки у них были хорошие. Никто из студентов не мог получить зачет по военной подготовке, не пройдя успешно не только полный курс обучения, но и не поучаствовав напоследок в тактических учениях «взвод в обороне» и «взвод в наступлении». То была неплохая школа. Ополченец ополченцу рознь: выпускники-политехники были подготовлены на уровне хорошего младшего командира. Плюс к тому за плечами было пять лет учебы в высшей школе — знания, кругозор, житейский опыт, привычка к физическим и умственным нагрузкам. Все это на войне не последнее дело.

Как известно, командный и политический состав Кировской дивизии формировался преимущественно из работников завода. Гражданский статус во многом определял и будущий статус военный. Бригадиры становились командирами взводов, мастера, начальники цехов назначались ротными, а порой и батальонными командирами. Заместители директора вставали во главе полков. У партийно-комсомольского, профсоюзного актива тоже была своя иерархия. Замечу, что все это происходило не спонтанно, не по принципу «хватай мешки — вокзал отходит!». На Кировском заводе, как и на любом другом крупном предприятии, действовал мобилизационный от-

1 Полторак С. Н. Военная подготовка политехников Санкт-Петербурга: Исторический очерк. С. 113.

дел, в котором на каждого сотрудника — от рабочего до директора — была заведена специальная мобилизационная карточка, в которой загодя делалась запись о военной специальности сотрудника, о его переподготовке, участии в военных сборах. В этом документе указывалось, где и в каком качестве запасник способен служить в случае начала войны. Так что каждый ополченец в прямом смысле слова знал свое место в строю, заранее знал.

К началу войны Д. А. Герман работал на Кировском заводе инженером конструкторского бюро № 2¹. Это давало ему право на отсрочку от призыва в армию. Д. А. Гранин вспоминал: «В ополчение меня не брали, я числился инженером у Ж. Я. Котина, главного конструктора танков. Пожаловался в партком, в дирекцию, в комитет комсомола. Существовало много инстанций для жалоб. Через неделю мне удалось снять «броню»². Кстати, Ж. Я. Котин сам был выпускником Ленинградского политехнического. Так что Д. А. Германа он взял к себе в КБ не случайно: знал, что в этом институте инженеров готовят добротню.

Поскольку КБ занималось проектированием танков, отсрочка, скорее всего, была бы бессрочной. Даниил совмещал занимаемую должность с комсомольской работой — был заместителем секретаря комитета ВЛКСМ по производственной работе³. Последняя должность была внештатной и представляла собой своеобразный «довесок» к основной работе. Д. А. Герман зарплату за нее не получал. То было, как тогда говорили, постоянное комсомольское поручение. Поручение, кстати, было очень муторным, потому что на практике он отвечал за производственные показатели молодежи завода, за проступки, в том числе и за брак, допущенный не только членами ВЛКСМ, но и представителями несоюзной молодежи комсомольского возраста. То, что в Кировской дивизии он стал помощником начальника политотдела по комсомольской работе, — это разумно. А кого еще-то

1 Архив ПАО «Ленэнерго». Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 7.

2 Гранин Д. А. Мой лейтенант. М., 2012. С. 21–22.

3 Кировец. 1941. 17 мая.

назначать? Должность старшего политрука, поэтому и звание такое присвоили.

Считаю исследовательским невежеством заявления тех авторов, которые считают, что политрук — это зазорно, неприлично. Политрук — это явление своего времени. Не приходит же никому в голову укорять древних египтян за то, что у них были жрецы. Правда, в отличие от жрецов политруки ходили в атаку. Поднимались первыми. Первыми и погибали. Они не имели никаких преимуществ перед бойцами и командирами: шинель — такая же, гимнастерка — тоже. И паек самый обыкновенный: за «политрукство» лишний кусок мяса в котелок старшина не бросал. А то, что статус был схожий с командирским, так и к стенке за провинности подчиненных рядом с командиром ставили политрука.

Нужно признать: Д. А. Гранин в послевоенные годы не хотел вспоминать, что был политруком. Писал, например, что в блокаду на Ленинградском фронте служил в звании младшего лейтенанта¹, что не соответствовало действительности. Правда, Даниил Александрович всегда мог сказать: «Я не пишу мемуары, а пишу романы, повести, рассказы. Мой литературный герой — это я только отчасти». И с этим не поспоришь.

Уже 22 июня 1941 г. мобилизационный отдел Кировского завода начал действовать в соответствии с мобилизационным предписанием: приступил к развертыванию дивизии народного ополчения. Подчеркиваю, не стихийно приступил, воодушевленный желанием дать отпор врагу, а на основе заранее подготовленных документов. Более того, на заводе на протяжении многих лет регулярно проводились, как и во всей стране, мобилизационные тренировки. Кировский завод — организация полувоенная. Перейти на военные рельсы предприятию было не очень сложно. Пока специальные службы завода занимались вопросами обеспечения добровольцев обмундированием, оружием, продовольствием, включая сухие пайки, инженерным оборудованием и транспортом, мобилизационный отдел

¹ Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 393.

организовывал процесс развертывания дивизии полного состава. Эта работа проводилась во взаимодействии с военным комиссариатом Кировско-Нарвского района города, который вызывал из запаса профессиональных военнослужащих, которые в силу разных причин (возраст, болезнь) уже были уволены из Красной армии. Так в дивизии народного ополчения появилась тонкая прослойка военных профессионалов, таких, например, как командир полка, в котором оказался Д. А. Герман. Будем помнить, что многие ополченцы имели опыт срочной службы в армии, что способствовало их быстрой адаптации в военных условиях. Даниил такого опыта не имел, но как и все студенты Ленинградского индустриального института, он прошел курс военной подготовки и, кроме того, лагерный сбор. Конечно, не курс пехотного военного училища, но все равно школа, которая во время войны спасла жизнь многим политехникам.

Перед тем как отправиться на фронт, ополченцы в течение двух недель проходили на базе Кировского завода курс слаживания своих подразделений и частей. Что это такое? Это примерно то же самое, что подгонка обмундирования к фигуре конкретного военнослужащего: там ушить, тут укоротить или, наоборот, распустить; ботинки разносить, чтобы ноги не натирали, обмотки научиться наматывать, если навыка нет. Одним словом, процесс слаживания – это своеобразная притирка членов воинского коллектива между собой, попытка научиться взаимодействию, почувствовать себя командой.

4 июля 1941 г. личный состав дивизии народного ополчения Кировского завода после митинга-проводов отправился от стен своего предприятия строем по улице Стачек (тогда еще улице, а не проспекту) на Варшавский вокзал. Горожане провожали кировчан как будущих героев. Было все: слезы провожающих, волнение добровольцев перед неизвестностью, общее непонимание масштабности события, участниками которого суждено было стать и ополченцам, и тем, кто их провожал на фронт.

А дальше была погрузочная неразбериха. В эшелоны грузились по мере подачи вагонов. Вагоны-теплушки были

времен Первой мировой войны, их наскоро обустроивали нарами и печами-буржуйками. Грузились полками поротно, примерно два вагона на роту. Штабная полковая теплушка — отдельно. Там не только начальство, но и штабные документы: карты, списки личного состава, техническое описание материальной части.

Из Ленинграда эшелоны дивизии, а их было несколько, продвигались на юго-запад. Но продвижение было недолгим, скорее всего, меньше суток. На станции Батецкая — между Лугой и Новгородом — началась бомбежка ополченцев германской авиацией. Под взрывы немецких авиабомб инженер Даниил Герман, как умел, молился Богу и ощущал себя, по его же выражению, «дрожащей слизью». Надо быть очень смелым человеком, чтобы, вспоминая блокаду, написать: «Передо мной всегда будет смрад моей трусости. Война воняет мочой»¹. И это не самобичевание и уж тем более не поза. Это честность волевого человека, преодолевшего себя не только на войне, но и после нее. Эти слова были написаны Д. А. Граниным в последние годы жизни. Но о бомбежке в районе Батецкой он вспоминал всю жизнь. Даже в 1961 г., находясь на Кубе, написал о том, что помнит «войну и наши зеленые пропотевшие гимнастерки, и солнце, и бомбежку под Батецкой...»².

Бывший глава администрации Кировского района Санкт-Петербурга А. В. Филатов писал о Кировской дивизии народного ополчения: «Находясь в окружении у станции Слудицы, деревень Введенская и Высокая Гора, 13 тысяч воинов дивизии больше месяца пробивались к своим. Накал боев был таким, что из окружения через месяц удалось выйти лишь небольшим группам ополченцев»³. Было тяжелое отступление из-под Луги в сторону Пушкина. Были глаза местных жителей, смотревших на уходивших красноармейцев скорбно, как на покойников. Когда кто-то из командиров Даниила спросил старика — смотрителя

1 *Гранин Д. А. Мой лейтенант. С. 31.*

2 *Гранин Д. А. Остров молодых: Рассказы о Кубе. Л., 1962. С. 10.*

3 *Филатов А. В. К читателям этого номера // История Петербурга. 2007. № 1 (35). С. 4.*

Екатерининского дворца, почему так много экспонатов не вывезено в тыл, в ответ услышал: «Потому что вы воевать не умеете». Такие эпизоды тоже закаляли душу. Если, конечно, не сводили с ума.

В конце августа — в самых первых числах сентября был страх окружения, была душевная паника от боязни запаниковать в поступках. Дальше была ненависть к врагу, заполнившая все тело. И чем меньше оставалось в этом теле сил, высосанных блокадой, тем крупнее и весомей становилась ненависть к врагу. Позже Д. А. Гранин утверждал, что ненависть была солдатским подспорьем. Он и его товарищи не делили противника на немцев и нацистов: шинели у тех и других были одинаковыми. По его словам, ненависть не могла быть предусмотрительной, дальновидной. Да и возникала она не на пустом месте. Ненависть к врагу была чувством личным, глубоко выстраданным. Потеря друга-фронтовика, смерть близкого человека в блокированном Ленинграде, нечеловеческая жизнь, на которую были обречены красноармейцы, — чем не аргумент?! Даниил ненавидел врага не абстрактно, а вполне определенно; мотивы были убедительны, как сама жизнь. Как сама смерть. И хотя Д. А. Гранин писал о том, что память нужно чистить, как ящики письменного стола, у него это, на мой взгляд, совсем не получалось. До конца своих дней он не вычистил из души накопившуюся за войну боль. Выплескивал, выплескивал ее ведрами из солдатской души, но она все равно не проходила. Другой становилась. Была похожей на застарелую болезнь: притупить, сгладить можно, а излечить — нет. По мнению Д. А. Гранина, страдание — исцеляющее чувство, а вот поди ж ты, не исцелился.

Уйдя из захваченного немцами г. Пушкина, Даниил вернулся в Ленинград. Не бежал, а именно вернулся, не понимая, как надо действовать дальше. Первая половина сентября 1941 г. — малопонятная и трагическая страница истории нашего города военного периода. Город стоял, ошеломленный близким дыханием войны. Ленинград поспешно превращался в единую баррикаду, но на короткий период подступы к нему были обнажены, словно тело

ополченца, поспешно менявшего гражданскую рубашку на гимнастерку. Гитлеровцы и их союзники в город не сунулись. Почему? До сих пор по этому поводу есть много споров и недоумений. Вероятно, не только потому, что берегли свои войска для наступления на Москву. И не только потому, что боялись обузы – гражданских пленных, которых пришлось бы хоть как-то, но кормить. Просто выдохлись для дальнейшего наступления. Понимали, что оборонительная пружина сжата до предела, что может и распрямиться в любой момент. Береглись, одним словом. Немцы – народ рациональный. Лишних движений не любят.

Мой старый друг В. В. Скурлов, искусствовед, лучший в мире знаток наследия Карла Фаберже, как-то написал мне: «Мне близок и интересен Даниил Гранин, потому что его судьба напоминает судьбу моего отца. Ведь мой отец тоже работал, как и Гранин, на Кировском заводе, тоже был на Лужском рубеже в составе дивизии народного ополчения Кировского района, был командиром роты ополченцев. Из двухсот человек роты осталось в живых человек пятнадцать. А вдруг Гранин и Василий Скурлов были знакомы? Как верно пишет Гранин, он сам пришел с передовой и его чуть не расстреляли. И это как будто судьба моего отца, который сам пришел из-под Луги в Ленинград в сентябре 1941 года, привел с собой остатки разбитой роты. Особисты сорвали с него три ромба старшего лейтенанта и разорвали партбилет: “Ты предатель, завербован!” <...> Спас моего отца его отец, мой дед, который работал на том же Кировском заводе. Отец имел бронь как металлург. Дальше он служил в Челябинске...»¹

Даниил Герман в начале сентября 1941 г. лишь на считанные часы заглянул домой повидать родных, а потом направился в свой штаб. Он рассказывал мне, как его сначала хотели расстрелять за дезертирство. Но потом не то чтобы пожалели, хотя и это, возможно, тоже было. Кто-то из начальников решил, что, коль воин пришел

1 Из переписки автора с В. В. Скурловым. 6.09.2017.

в штаб, значит, не дезертир, значит, хочет воевать, защищать Ленинград. Да и бойцов с опытом было мало. А он уже был опытным. Два месяца на войне: по тем временам — срок нескольких солдатских жизней.

Долгие месяцы его личная блокада пролежала на участке в четыре с половиной километра — в зоне ответственности 292 Отдельного артиллерийско-пулеметного батальона второго укрепрайона, стоявшего возле поселка Шушары. На каждого бойца — тридцать личных метров противоборства с блокадой. От противника отделяло только шоссе Ленинград — Пушкин. Слева — железнодорожная насыпь, она и сейчас есть. По ней взад-вперед снуют электрички и поезда дальнего следования. Я на них в 1970-е гг. проезжал сотни раз, когда учился в военном училище. Справа, через шоссе, чуть поодаль — Пулковские высоты. До противника были считанные десятки метров. Когда ветер дул в сторону Шушар, было слышно, как немецкие солдаты скребли ложками свои котелки. Такое вот соседство.

Будучи девятидесятилетним ветераном, Д. А. Гранин бывал в тех местах под Пулково, где его 292 пулеметно-артиллерийский батальон держал оборону в 1941–1943 гг. Он вспоминал: «От наших траншей, сколько мы их перекопали, ничего не осталось. Заросли, обвалились, сровнялись с травяным полем. Еле угадывались. Превратились во вмятины, вроде колеи, а местами вовсе заплыли. Похоже на старые шрамы. Угадал две землянки, это впадины, пологие, еле заметные. Кустарник растет клочьями. Позиции немцев по ту сторону шоссе так же запустели, как и наши. Чахлая осенняя трава растет, раздвинув осколки, среди свинца. Трудно ей. Люди подзабыли войну, а земля еще не может»¹.

Нечастые командировки в Ленинград в конце 1941 — начале 1942 г. политруку Д. А. Герману отдохновения не приносили. Даже спустя многие десятилетия память не вычеркивала раненых солдат, которых выбрасывали на матрасы из горящего госпиталя на Суворовском проспек-

1 Гранин Д. А. Мой лейтенант. С. 303–304.

те, прозрачно-серых девушек, тащивших по проспекту аэропорт заграждения, словно неведомые прежде бурлаки. И на этом фоне — странные чувства к немецкому лейтенанту, по пьяной лавочке прошедшему через минные поля к нашим позициям. То ли сострадание, то ли изумление, то ли что-то совсем необъяснимое, чему еще и слова-то подходящего не придумали.

Блокада Д. А. Германа очень непарадная, но не нарочито негативная. Она простая, сложная и порой нелепая: все как в обычной жизни, но только тяжелее и горше. Когда погибали сослуживцы, Даниил, как полагалось политруку, брал на себя тяжелейшую работу: писал их родным о том, что ребята погибли не в результате бомбежки или артобстрела, а в ходе боев, где действовали героически. Привирал, одним словом, благо литературный дар-то был. Но то была очень нужная ложь. Оказывается, бывает и такая. Я не случайно написал о том, что сообщать близким о гибели воина — это тяжелейшая работа. Мне за время моей военной службы приходилось брать на себя тяжкий труд сообщать родным о гибели военнослужащего. Никому не пожелаю быть таким черным вестником, потому что это невыносимо.

Геройство повседневности, возможно, самое трудное геройство. Быть в постоянном соприкосновении с врагом не только опасное, но и изматывающее занятие. Но и в той страшной военной рутине было место и для событий необычных. Даже авантюрных. Например, идея одного из сослуживцев Даниила Германа украсть на Кировском заводе для батальона танк. Из идеи ничего не вышло, но командировка в Ленинград была. Хоть мельком повидался с близкими.

Послевоенного Гранина любят не все ветераны. Не любят за то, что он был откровенен перед современниками. За то, что не давал утверждаться мифам, которые с каждым годом придают истории Великой Отечественной войны все больше былинности, все меньше точности в изложении не только событий, но и человеческих переживаний. Былин-ные богатыри — это, конечно, красиво, но далековато от правды. Писатель Д. А. Гранин правдой не бравировал, но

находил в себе смелость писать о повседневной, обыденной стороне войны и сложности человеческих переживаний, которые никогда не бывают прямолинейными. Мне его фраза «Мы не знали, удастся ли отстоять Ленинград, мы знали лишь, что мы придем в Германию» объясняет про войну, про блокаду больше, чем все учебники по истории, которые я прочитал и написал.

Блокада была не только горем, но и хорошим учителем. Д. А. Гранин вспоминал, что командир учил его и других подчиненных обращаться с женщинами «бережно, как с хлебом». Неплохая жизненная школа.

Порой фронтовики упрекали его в излишне доброжелательном отношении к бывшим противникам. Д. А. Гранин на такие упреки не реагировал. Внешне, во всяком случае. Для тех, кто хотел думать, как-то написал: «Настоящий антифашизм куда серьезнее и труднее, чем просто ненависть к фашизму». Кто хотел, тот, возможно, услышал. Спустя многие десятилетия взгляд на ту войну и у наших ветеранов, и у немецких стал несколько иным. Даниил Александрович вспоминал о встрече с одним из тех, кто в 1941–1944 гг. блокировал Ленинград:

«— Сказочный город... — Густав помолчал и добавил: — Хорошо, что он уцелел. Что мы не вошли сюда.

— Хорошо, что мы не сдались, — сказал я»¹.

Д. А. Гранин много писал о войне, о блокаде. При этом он был довольно скрытным человеком. Свою скрытность прятал как умел. Иногда — за иронией: «Девочки попросили подарить музею мои именные часы и сказали, что если мне сейчас жалко расставаться, то чтобы им дали их, как только я умру. Милые девчушки, исполненные заботой о своем музее»². Д. А. Гранин писал о войне то, что многие и рассказывать-то не решались. Например, о «черном рынке» на нейтральной полосе: «На нейтралке был овраг, там появился невесть как черный рынок. Оставляли друг другу, а может, кидали. Немцы меняли свою булку на махорку. Нравилось им крепкое наше курево.

1 Гранин Д. А. Мой лейтенант. С. 318.

2 Гранин Д. А. Еще заметен след: Повести и рассказы. Л., 1985. С. 347.

Для нас булка была почти лакомством. Еще их прельщали водка, валенки, кремневые самодельные зажигалки. У них выменивали куски туалетного мыла, мазь от чирьев, писчую бумагу»¹.

Те, кто пережил ужас июльской бомбежки под станцией Батецкая, достойны сопереживания и сострадания; кто погиб в тот страшный час – вечная им память тех, в ком есть совесть.

После той бомбежки Кировская добровольная дивизия как боевая единица перестала существовать. Уцелевшие военнослужащие, собираясь в небольшие группы, а часто и поодиночке, спасались по мере сил, понимая, что нельзя попасть в окружение. Это можно было назвать отходом или бегством, и это не стыдно. Когда войска теряют управление, каждый, действующий самостоятельно, – уже герой. Замечу, что Даниил не уничтожил свои документы, не сорвал с себя знаки различия, не бросил оружие. На то, чтобы отступить в неизвестность, тоже надо иметь мужество и характер. Д. А. Герман и небольшая группа его товарищей-заводчан отступали в сторону Ленинграда. Никому в голову не пришло продвигаться куда-нибудь на восток, подальше от войны. Шли к своим, в свой город, не зная обстановки, но понимая, что враг наседает. Позже выжившие ветераны дивизии вспоминали ужас тех дней. Не обходилось без высоких слов, но, сохраняя боль и тяжесть в душе, они по праву продолжали считать себя защитниками Ленинграда². О. С. Войтинская писала о Д. А. Гранине: «В окружение он попал вблизи села Самокража под Лугой. Пробивались к своим в стычках с немцами. Гранин был замкомандира группы»³. Сам же писатель уточнял название населенного пункта и его статус: «...куда хуже, когда вдруг окажешься один, как это случилось со мною под деревней Самокражей, когда меня послали с пакетом в штаб дивизии,

1 *Гранин Д. А. Мой лейтенант.* С. 126.

2 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 27. Стенограмма выступления на вечере воспоминаний участников Кировской дивизии. 19 декабря 1966 г. Л. 1–3.

3 *Войтинская О. С. Даниил Гранин: (Очерк творчества).* С. 7.

а вернувшись, я увидел у входа в нашу землянку немецких автоматчиков»¹.

Д. А. Гранин вспоминал: «Наша 1-я дивизия существовала недолго – с июля по сентябрь 1941 г. Но она сумела задержать врага на дальних подступах к Ленинграду – Батецкая, Луга, Оредеж, затем Пушкин. Бои были тяжелые, потери большие, это было самое жаркое, самое долгое и страшное лето в моей жизни. Под бомбежками, стреляя, окапываясь, отступая, мы учились воевать. В составе дивизии был писательский взвод, и вот тогда я впервые познакомился с ленинградскими писателями – в шинелях, с винтовками. Это были Дмитрий Остров, И. Я. Айзеншток, Владимир Лифшиц. На войне, в 1942 г., я вступил в партию. Среди разных военных случайностей было и такое – несколько дней под Пушкином мне пришлось командовать полком. 17 сентября 1941 г. мы оставили Пушкин, ушли в Ленинград, и на следующий день я воевал уже в составе отдельного артбатальона укрепрайона под командованием настоящего кадрового командира. Воевать пришлось в разных частях. В 1943 г. послали меня на курсы танкистов в Ульяновск. Там мы осваивали новую машину – тяжелый танк ИС. На нем мы шли по Восточной Пруссии. Закончил войну командиром танковой роты в звании капитана. Вся блокада Ленинграда шла у меня как бы за спиной, поскольку всю зиму 1941/42 г. и лето 1942-го сидел я в окопах, у Пулкова. И остальные блокадные месяцы прошли на Ленинградском фронте»².

Спустя годы писатель подробно описывал, как он 17 сентября 1941 г. добирался от поселка Шушары до Средней Рогатки в Ленинграде: где перебежками, где пешком. По моим прикидкам, расстояние от Шушар до Средней Рогатки примерно 10–12 километров. Так что добирался, наверное, часа три-четыре, учитывая усталость и бездорожье, ведь шел, судя по всему, не по шоссе из Пулкова к Средней Рогатке (нынешней площади Победы), а наискосок от

1 Гранин Д. А. Клавдия Вилор // Еще заметен след: Повести и рассказы. Л., 1985. С. 9.

2 Ленинградские писатели-фронтовики: Автобиографии, биографии, книги / Авт.-сост. [и авт. предисл.] В. Бахтин. С. 115–116.

Шушар. А там дороги всякие тогда были: и плохонькие грунтовки, и тропинки, а то и просто «направления». Нынешней дорожной цивилизации там не было и в помине. Когда добрался до Средней Рогатки, сел в трамвай и поехал в центр Ленинграда¹.

По поводу командования политруком Д. А. Германом полком есть разные сведения. Сам Д. А. Гранин вспоминал тот момент так: «Я запомнил эти дни, с 1 по 17 сентября 1941 года, потому что тогда ранило полковника Лебединского и я остался в штабе нашего полка, поскольку никого из офицеров не было, и начальник политотдела дивизии Саша Михайлов сказал мне по телефону: “Побудь там за старшего, пока мы не подошлем кого-нибудь”. Они никого не подослали. Почти сразу штаб дивизии отрезали, и я так и остался за старшего. И оставался три или четыре дня, о которых не хочется вспоминать»².

О. С. Войтинская вскользь замечала, что в начале войны Д. А. Герман был комсоргом батальона³. Заметим, что писатель не делал из этих фактов никакой тайны. И странными представляются размышления различных авторов, которые пытаются в таком комсомольском прошлом усмотреть какие-то гранинские пороки. Надо понимать то время, его дух, настроения молодежи конца 1930-х — начала 1940-х гг. Быть комсомольцем в то время означало быть на острие происходивших в стране событий. Это означало, что человек имел ярко выраженную жизненную позицию, что он жил интересно, захлеб, проявляя стремление подчеркнуть свою индивидуальность, свою яркость, свой талант.

Обо всем этом я знаю не понаслышке. Близкий мне человек лейтенант А. Т. Кузьмичев был комсоргом минометного полка, которым командовал легендарный майор И. М. Третьяк, ставший позже генералом армии. Иван Моисеевич, встретив своего бывшего комсорга уже в звании подполковника на строевом смотре в одной из воинских

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 395.

2 Гранин Д. А. Обратный билет // Однофамилец: Повести. С. 256.

3 Войтинская О. С. Даниил Гранин: (Очерк творчества). С. 5.

частей, во всеуслышание заявил, что его бывший подчиненный — «герой боев в Прибалтике, образцовый офицер». И для того были основания. Комсомольский вожак А. Т. Кузьмичев в атаку всегда поднимался первым, имел ранения и контузии, был награжден медалями за отвагу, за боевые заслуги, орденами Красной Звезды и Отечественной войны второй и первой степени. Награды, которых был удостоен Д. А. Гранин, тоже не падали на гимнастерку с неба. Они давались за ратные дела. Самые напряженные боевые месяцы пришлось на начало войны. Но тогда мало кого награждали. Не до награждений было начальству, да и поводов к награждению во время отступлений руководители обычно не находили.

В должности помощника начальника политотдела Кировской дивизии народного ополчения Даниил Герман практически не служил — не успел. Формально в ней он пробыл несколько дней в период формирования дивизии и во время следования эшелона. Дальше, как уже отмечалось, была бомбежка под станцией Батецкая, после которой Д. А. Герман с небольшой группой выживших ополченцев продвигался из Лужского района Ленинградской области в сторону Ленинграда. Отступая с боями из г. Пушкина в начале сентября 1941 г., он продолжал оставаться в той же должности, хотя на практике ему приходилось заниматься совершенно другими обязанностями. Реально он был, как говорили тогда, «старшим, куда пошлют»: исполнял любые действия, которых требовала от него обстановка. Принимал указания командования полка, к которому примкнул, выходя из окружения. Короткое время, как писал не раз сам Д. А. Гранин, даже исполнял обязанности командира полка, когда командир вышел из строя. То была организаторская в основном работа, опиравшаяся на скромный запас военных знаний и двухмесячный опыт ведения боевых действий в условиях отступления. Как отмечал позже Даниил Александрович, штаб его полка располагался под Камероновой галереей Екатерининского дворца в Пушкине. Но когда вражеская пехота стала подступать к дворцу, остатки личного состава полка в очередной раз отступили, уйдя из Пушкина в Ленинград.

В Ленинграде Д. А. Гранин был направлен в 292 отдельный пулеметно-артиллерийский батальон. Со слов писателя — командиром батальона. Но, придя в батальон, стоявший под поселком Шушары, Д. А. Герман выяснил, что этим подразделением уже командует кадровый офицер и делает это весьма успешно. В результате в батальоне он на время остался за штатом, но, как свидетельствует документ, с октября 1941 г. он уже официально служил в нем, уже будучи секретарем комсомольского бюро батальона. Чтобы было понятно, почему приказ состоялся только месяц спустя после прихода Даниила в батальон, сделаю пояснение. Командиру и замполиту батальона требовалось время, чтобы разобраться в деловых и моральных качествах старшего политрука, нужно было понять уровень его военной подготовки, составить представление о нем как о человеке. Без этого даже в боевой обстановке, когда время спрессовано до предела, решение о принятии Д. А. Германа в воинский коллектив состояться не могло.

Специфика должности штатного секретаря бюро ВЛКСМ была в том, что назначение приказом на должность могло произойти лишь после того, как комсомольская организация подразделения на своем собрании избрала бы его в состав комсомольского бюро. После такого избрания следовал второй этап: члены бюро должны были выбрать его секретарем бюро ВЛКСМ батальона. Только после такого избрания в вышестоящий кадровый орган могло бы быть отправлено представление командира батальона на Д. А. Германа к занимаемой должности. Кстати, к представлению комбата обязательно должна была бы быть приложена выписка из протокола заседания бюро ВЛКСМ батальона. Комсомольцы, голосовавшие за своего будущего вожака, должны были знать того, за кого они голосуют. За бездельника, лентяя, труса, человека некоммуникабельного они голосовать бы не стали. На переднем крае дело — главный показатель. Так что Даниилу пришлось вначале проявить себя, показать в бою, прежде чем коллектив поддержал его кандидатуру. Сам факт назначения его на должность говорит о том, что бойцы

поддержали кандидатуру старшего политрука. Возможно, и полученное им в сентябре 1941 г. ранение в правую ногу¹ тоже сыграло свою роль.

Месяц находясь без должности, Д. А. Герман служил опять же «старшим, куда пошлют». Скорее всего, его больше остальных загружали дежурствами по батальону, что весьма утомительно и в мирное время, а в военное, да еще на передовой, особенно.

Важно заметить, что звание политрука, которое было у Даниила, соответствовало скромной должности секретаря бюро ВЛКСМ. Службу он нес добросовестно. С сослуживцами был общителен. Вероятно, среди товарищей по батальону, даже среди командного состава, он выделялся образованностью. Неудивительно, что спустя полгода он был выдвинут на повышение. Но прежде, в январе 1942 г., приказом командующего войсками Ленинградского фронта ему было присвоено звание старшего политрука².

До апреля 1942 г. — в самый тяжелый период обороны Ленинграда — Д. А. Герман воевал на передовой бесменно. По мнению военных психологов, военнослужащий не должен находиться в первой линии обороны больше месяца. Дальше возникает реальная опасность необратимого психического заболевания. Д. А. Герман пробыл более семи месяцев. Невозможно понять, как он справился с такой нечеловеческой психической нагрузкой.

О войне Даниил Александрович писал много, но как-то урывками. Сложно отделять художественный вымысел от биографических сведений. Но отдельные фрагменты его работ точно автобиографичны. Один из них приведу целиком: «Это было зимой 1942 года. Прямо из окопов нас вызвали в штаб армии, там придирчиво осмотрели, как выглядим. Накануне мы получили новые гимнастерки, надраили свою кирзу, подшили свежие подворотнички. Штаб помещался на Благодатном, так что в Смольный нас

1 ЦАМО. Учетно-послужная карточка Германа Даниила Александровича. Вх. 58302—59.

2 Там же.

везли через весь город. Мы ехали на газогенераторной полуторке стоя, чтобы не запачкаться. В Смольном на вручение орденов нас собрали из разных частей фронта. Нас – человек шестьдесят. Я плохо что видел и замечал, потому что волновался. Провели нас в маленький зал. За столом сидели незнакомые мне начальники, командиры. Единственный, кого я узнал, был Жданов. Все вручение он просидел молча, неподвижно, запомнилась его рыхлость, сонность. В конце процедуры он тяжело поднялся, поздравил нас с награждением и сказал про неизбежный разгром немецких оккупантов. Говорил он с чувством, но круглое, бледное, гладко-блестящее его лицо сохраняло безразличие. В некоторых местах он поднимал голос, и мы добросовестно хлопали. Когда я вернулся в батальон, пересказать толком, о чем он говорил, я не мог. У меня получалась какая-то ерунда, ничего нового, интересного. Ни про второй фронт, ни про наши самолеты. Нас Жданов ни о чем не спросил. Хотя мы были наготове, нас инструктировали в политотделе. Мы все видели его впервые. Ни у кого из нас он в части не бывал, вообще не было слышно, чтобы он побывал на переднем крае. Весть об этом дошла бы.

Вот про обед я ребятам рассказал. Как нас повели вниз в столовую и кормили шикарным обедом. То, что покушать дадут, – это мы знали, это полагалось. Но обед был на скатерти, на фарфоровых тарелках, с казенными ложками. Дали суп гороховый – с кусочком сала, на второе – перловую кашу и котлетку, на третье – розовый кисель. Порции крохотные, не обед, а воспоминание. Зато лежали вилка, чайная ложка. Самое трогательное – на блюдечке три куса хлеба и конфетка в зеленой бумажке. Конфетка была как бы сверх всякой программы, сюрприз. Ее совали в карманы, в планшетки, на память, друзей угостить. Из всех обедов именно этот запомнился. Потом был концерт московских артистов. Пела певица, крупная женщина в длинном шелковом платье с вырезом. Чтец читал Некрасова, запомнился баянист с плясуньей. Меня поразило, какие они розовые, свежие. В зале было тепло, некоторые разомлели, похрапывали. После концерта ка-

кой-то мужик в защитном френче подозвал нас, сделал замечание. “Мы, — говорит, — летели из Москвы, чтобы порадовать своим искусством, а тут храпака задают, некрасиво. В нас зенитки стреляли, артисты жизнью рисковали в надежде... Концерт этот дорогого стоит.” И в таком роде, и тому подобное. Кто-то извинился, виноваты, с отвычки, мол. Подошел еще помощник Жданова (это мы потом узнали), стоит слушает. Тогда Витя Левашов оглядел его: “Килограммов семьдесят потянете, не меньше. Вместе с остальными артистами, да еще баян прибавить, составит шестьсот кило, не меньше. Вопрос к вам такой: если эти шестьсот кило переведем на муку и консервы, которые вместо вас привезли бы, мы бы почти целый полк подкормили, что касается гражданских, так тех, считай, тысячу спасли бы. Артисты, конечно, тут ни при чем, им спасибо, но концерт точно драгоценный, шестьсот кило продовольствия проспать, за это наказывать надо!” Все посмеивались, даже концертный начальник заулыбался, один только помощник помрачнел. Если бы не орден, погорел бы Виктор. Его потом долго драили. Шутка шуткой, однако прошла по армии, занозистой оказалась. После нее мы стали кое-чего как бы на вес прикидывать»¹.

Автобиографичность этого фрагмента следует из формата самой публикации: это не рассказ, не эссе, а публицистический материал, основанный на личных воспоминаниях автора.

В Интернете мне приходилось встречать мнение о том, что, дескать, будущий писатель не отличился на фронте. На мой взгляд, это не так. Он прошел тяжелейший путь военного человека, который, правда, кроме него проходили многие тысячи его современников. Есть документальное подтверждение того, что 14 сентября 1941 г. в боях под г. Пушкином он был ранен. Ранение в правую ногу было легким, но это было боевое ранение². К сча-

1 Гранин Д. А. Запретная глава // О наболевшем. С. 18–19.

2 Личный архив С. Н. Полторака. Личное дело капитана Германа Даниила Александровича. Л. 7.

стью, сохранился важный документ – «Боевая характеристика» на Д. А. Германа, подписанная 6 апреля 1942 г. командиром 292 Отдельного пулеметно-артиллерийского батальона старшим лейтенантом Литвиновым и военкомом батальона Безбородовым. В ней говорилось: «Тов. Герман Даниил Александрович, секретарь комсомольского бюро 292-го Отдельного пулеметно-артиллерийского батальона, состоя в данной должности с 29 сентября 1941 года, показал себя политически грамотным, имеющим организационные способности товарищем. Скромный по натуре, но волевой и смелый, всегда дисциплинированный и исполнительный, служа примером для других, пользовался большим авторитетом среди всего личного состава батальона.

Имеет большое стремление стать боевым командиром, с желанием изучает военную литературу и современную тактику войны через газету «Кр[асная] Звезда», имеет неплохой успех в этом деле. В последнее время просил перевести его на командную должность»¹.

В апреле 1942 г. старший политрук Д. А. Герман был назначен на вышестоящую должность. Он стал заместителем (комиссаром) командира 2-го отдельного ремонтно-восстановительного батальона 42-й армии. Личный состав батальона занимался ремонтом бронетанковой техники, поступавшей с поля боя. Фактически шагнул через две должностные ступени. Говоря современным языком, с должности старшего лейтенанта – на майорскую должность.

Почему при назначении на эту должность выбор пал именно на Д. А. Германа? Он подходил к ней по многим параметрам. Имел восьмимесячный опыт участия в боевых действиях, в том числе опыт организации политической работы среди личного состава. Полгода в боевой обстановке прослужил в отдельном батальоне, т. е. в отдельной воинской части, на плечи руководства которой полностью ложилось обеспечение ее жизнедеятельности. И, главное,

1 Там же.

имел опыт работы в КБ, специализировавшемся на создании танков.

В танке, как известно, есть три основных блока проблем: механическая часть, боепитание и электрика. Последнее требует самой высокой квалификации. Инженер-электрик с опытом работы на танковом производстве — редкая находка для такого подразделения.

О службе Д. А. Германа в должности комиссара ремонтно-восстановительного батальона мало что известно. 9 ноября 1942 г. ему вместо звания старшего политрука было присвоено адекватное офицерское звание капитана¹.

Жизнь на фронте скоротечна. За короткий срок происходит событий больше, чем за несколько лет мирной жизни. Четырех месяцев службы в ремонтно-восстановительном батальоне хватило, чтобы руководство поняло: новый комиссар батальона служит блестяще, проявляя высокие профессиональные качества. План ремонтных работ за четыре месяца не просто выполнялись: показатели неуклонно росли. Д. А. Герман организовал в части рационализаторскую работу, собрал вокруг себя самых толковых технарей, которые за короткий срок выдали порядка 150 рационализаторских предложений. Каждое такое предложение — это небольшое техническое усовершенствование какого-нибудь узла танка, что повышало боевые качества машин. Труд Даниила был высоко оценен руководством: 1 августа 1942 г. заместитель начальника отдела артиллерийско-бронетанковых войск 42 армии инженер-полковник Шлепнин подписал представление к награждению Д. А. Германа орденом Красной Звезды². 2 ноября 1942 г. приказ о его награждении был подписан. Позже Даниил Александрович был также награжден с формулировкой «за боевые отличия» орденом Красного Знамени и медалью «За оборону Ленинграда»³.

В феврале 1943 г. Даниил Александрович был назначен командиром 2-го отдельного ремонтно-восстановительного

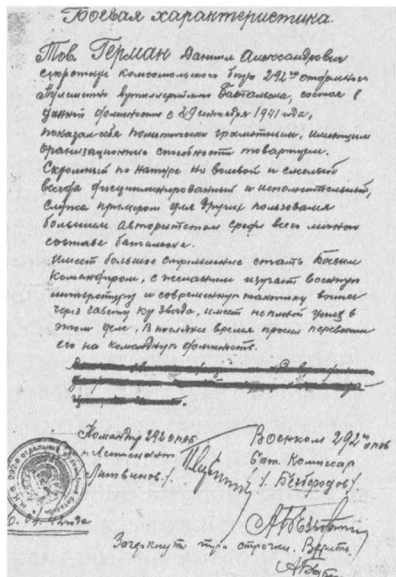
1 ЦАМО. Учетно-послужная карточка Германа Даниила Александровича.

2 ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 74. Л. 457.

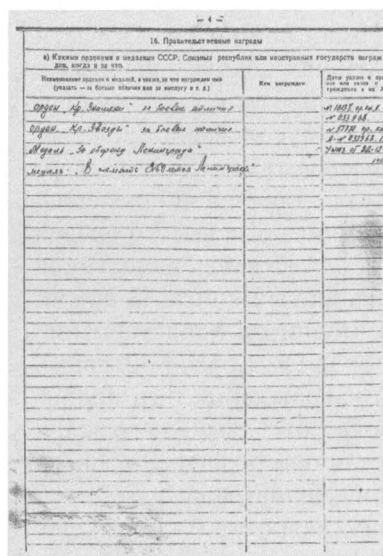
3 Личный архив С. Н. Полторака. Личное дело капитана Германа Даниила Александровича. Л. 4.

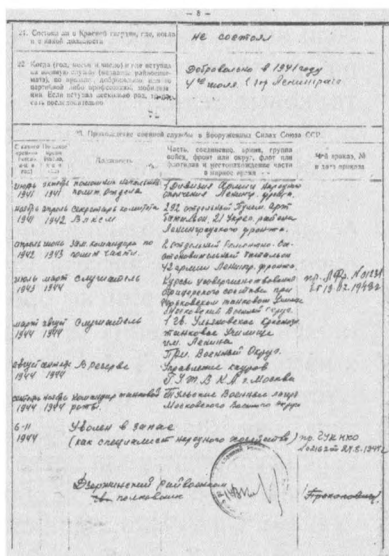
Личное дело капитана Д. А. Германа

Боевая характеристика Д. А. Германа

Боевые награды Д. А. Германа

Прохождение военной службы Д. А. Германом

батальона¹. Капитан на должности подполковника – случай для войны не самый распространенный, но все же обычный.

Невозможно понять, по какой необходимости капитан Д. А. Герман, имевший и без того безукоризненную подготовку, в августе 1943 г. был направлен на учебу на курсы усовершенствования офицерского состава при Горьковском танковом училище.

Мне как исследователю биографии Д. А. Гранина непонятно, почему Даниил Александрович в фрагментах своих воспоминаний, вставленных в рамки других по жанру литературных произведений, упустил два очень важных фрагмента своей военной службы: службу в ремонтно-восстановительном батальоне и учебу в Горьковском танковом училище. По его воспоминаниям получалось, что прямо из своего пулеметно-артиллерийского батальона, дислоцировавшегося неподалеку от поселка Шушары, он был направлен на учебу в Ульяновское танковое училище. Об этом он писал так: «Зимой 1941–1942 годов я стал чувствовать себя ветераном, знал, куда упадет мина, как растопить печь в землянке, как постелить накат, чтобы песок не сыпался, и прочие тонкости солдатской жизни. Прожаривал белье от вшей, не дожидаясь вошебойки.

Но появилось и другое – ощущение того, что везуха фронтовая кончается. Из наших ополченцев осталось в батальоне трое, всех остальных убило или забрал госпиталь. Смертный срок службы подходил к пределу, по теории вероятности пуля должна была меня найти, трещит моя авоська. Надо было сообразить какой-то зигзаг. Всех больше донимала голодуха, постоянный недоход, все время думаешь о жратве. Чем бы брюхо набить. Унизительная жизнь изгоняла все другие мысли.

Поэтому, когда предложили поехать на курсы в танковое училище в Ульяновск, я не стал отказываться².

Но с Ленинградского фронта, как показывают документы, он убыл не в Ульяновск, а в Горький (ныне – Нижний

1 ЦАМО. Учетно-послужная карточка Германа Даниила Александровича.

2 *Гранин Д. А.* Все было не совсем так. С. 258.

Новгород). На курсах усовершенствования офицерского состава при Горьковском танковом училище Московского военного округа он учился в соответствии с приказом по Ленинградскому фронту № 01231 от 13 июля 1943 г. Обучение проходил в качестве слушателя с июля 1943 г. по март 1944 г.¹

Неясно, зачем после окончания курсов в Горьковском танковом училище Д. А. Герман был направлен еще и на учебу в качестве слушателя в 1-е гвардейское Ульяновское танковое училище. Там он проучился с марта по август 1944 г.² Там, как писал Даниил Александрович, сам начальник училища – легендарный генерал-майор В. Н. Кашуба (с 1944 г. – генерал-лейтенант танковых войск) предлагал ему остаться служить в училище: «Он рассматривал меня взглядом лесоруба, с какого бока начать рубить.

– Послушай. Мне нужен грамотей, доклады подправлять, историю училища, то да се... Я бы мог оставить тебя в училище. Как ты?

– Не хотелось бы, товарищ генерал.

– Ты уже повоевал, свое дело сделал.

– Отступал, товарищ генерал. А теперь другая война будет, наступать»³.

Д. А. Гранин писал, что, наоборот, сначала он учился в Ульяновском танковом училище, а уж потом «по окончании курсов нас отправили в Горький. Там практиковались на танкодроме: танки уступом справа, уступом слева»⁴.

В первом Ульяновском Краснознаменном танковом училище им. В. И. Ленина гвардии капитан Д. А. Герман учился блестяще. В сохранившемся свидетельстве об окончании этого учебного заведения по всем без исключения дисциплинам у него были только отличные оценки. В том же документе был сделан общий вывод: «Соответствует должности командира роты с назначением в гвардейские части». Документ был подписан на-

1 Личный архив С. Н. Полторака. Личное дело капитана Германа Даниила Александровича. Л. 8.

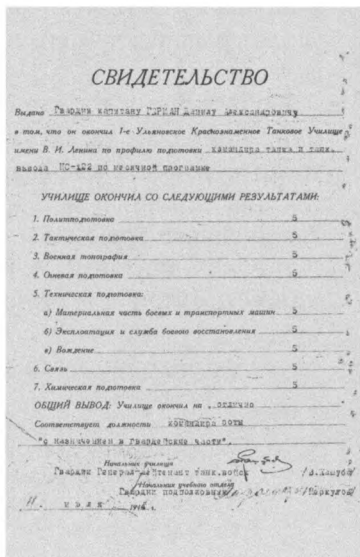
2 ЦАМО. Учетно-послужная карточка Германа Даниила Александровича.

3 Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 85.

4 Гранин Д. А. Мой лейтенант. С. 219.

Первое Ульяновское Краснознаменное танковое училище им. В. И. Ленина. (Современная фотография. Фото В. В. Скурлова)

Свидетельство об окончании Д. А. Германом Ульяновского танкового училища

чальником училища генерал-лейтенантом В. Н. Кашубой 11 июля 1944 г.

Трудно разобраться и в событиях дальнейшей службы теперь уже гвардии капитана Д. А. Гранина. Если верить архивным документам, то с августа 1944 г. он был в резерве управления кадров Главного управления танковых войск Красной армии, а с сентября 1944 г. был командиром танковой роты в Тульских военных лагерях Московского военного округа¹. Эти сведения не увязываются с информацией О. С. Войтинской о том, что в конце войны «он воевал на Втором Прибалтийском»². О своем участии в боях в 1944 г. Д. А. Гранин писал в 1975 г.: «...в Восточной Пруссии, когда мы, проскочив мост, оторвались от своих, и тотчас мост позади взлетел в воздух и наш танк остался один на вражеском берегу перед немецким городом Шталюпеном»³.

Еще больше дело запутывают сведения о том, что гвардии капитан Д. А. Герман приказом Главного управления кадров Наркомата обороны СССР 24 августа 1944 г. уволен в запас по статье 43, пункт «А» с откомандированием в распоряжение Наркомата электростанций СССР с должности слушателя 1-го гвардейского Ульяновского танкового училища им В. И. Ленина⁴. Получается, что в запас он был уволен раньше, чем его назначили командиром танковой роты под Тулу.

Любопытно и то, что с момента увольнения Д. А. Германа приказом по Наркомату обороны в запас до его трудоустройства в «Ленэнерго» прошло два с половиной месяца. Странная медлительность Наркомата обороны для военного времени.

И еще. Капитан Д. А. Гранин был направлен на учебу в августе 1943 г. с должности подполковника, но до конца

1 ЦАМО. Учетно-послужная карточка Германа Даниила Александровича.

2 *Войтинская О. С.* Даниил Гранин: (Очерк творчества). С. 8.

3 *Гранин Д. А.* Клавдия Вилор // Еще заметен след: Повести и рассказы. С. 9. Правильное название города — Штольпен (Stolpen). Город расположен на юго-востоке современной Германии, неподалеку от границ с Польшей и Чехией. — С. П.

4 ЦАМО. Учетно-послужная карточка Германа Даниила Александровича.

войны не получил даже воинского звания майора. Как-то выбивается это из общего ряда карьерной практики военного времени.

Изучая описи Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга, я обратил внимание на то, что Д. А. Гранин получил письмо московского проф. А. А. Кокошина, ныне – академика РАН РФ, крупного специалиста в области международных отношений. Письмо было написано 30 ноября 1981 г. В то время Андрей Афанасьевич заведовал отделом Института США и Канады СССР. Но свое письмо писателю он написал не в связи с проводимыми им исследованиями, а поскольку был взволнован публикациями Даниила Александровича о войне¹. Спустя многие годы, в июле 2018 г., я спросил у Андрея Афанасьевича, что подтолкнуло его к написанию письма. Академик ответил, что был знаком со многими талантливыми советскими писателями-фронтовиками, которые честно и глубоко копнули вглубь своей памяти о войне. Но, по его мнению, именно Д. А. Гранин сказал о войне так негромко, но так пронзительно, что его военная проза не могла оставить равнодушным.

В XIX в. участники знаменитых «флоберовских обедов», проходивших регулярно в одном из парижских кафе (Г. Флобер, И. С. Тургенев, Э. Золя, Э. Гонкур и А. Доде), называли свои встречи «обедами освистанных», т.к. каждый из этих великих писателей испытал на себе «освистывание» французской критики.

Д. А. Гранин называл встречи советских ветеранов войны с ветеранами вермахта «встречами промахнувшихся». В этой самоиронии я усматриваю параллели. Видимо, Даниил Александрович неплохо знал историю французской литературы.

В военной биографии капитана-танкиста Д. А. Германа пока еще не все понятно. Но правдивость писателя Д. А. Гранина в описании военных событий у меня сомнений не вызывает.

1 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 4. Д. 156. Л. 1–3.

Полвека назад Даниил Александрович сказал словами своего литературного персонажа: «У меня не будет второй жизни, чтобы говорить правду»¹. Это многое объясняет.

¹ Гранин Д. А. Однофамилец: Повести. С. 107.

Чтобы сказать много, надо
мало говорить.

Д. А. Гранин¹

Как Д. А. Герман стал Д. А. Граниным

Д. А. Герман вернулся в Ленинград уже после полного снятия блокады. Вернулся демобилизованным капитаном-танкистом, чтобы налаживать электрокабельное хозяйство города, получившее значительные повреждения за время войны бомбежками и артиллерийскими обстрелами. Первый год не в строю, а потом — долгожданная Победа. В памяти застрял, как писал Д. А. Гранин, «хмельной послевоенный, салютный наш первый год на гражданке». Но память о блокаде не просто оставалась в нем. Он продолжал размышлять о ней как о феномене Великой Отечественной войны.

Но прежде чем попасть в Ленинград, как вспоминал Д. А. Гранин, нужно было получить направление из Москвы, из Наркомата энергетики и электрификации, которое писатель называл уже на привычный нам теперь лад министерством: «В Москве, в Министерстве энергетики, на фоне чиновной шушеры я выглядел будь спок, ощущал свою подтянутость и уверенность и право не снимать фуражку, свои полевые погоны, начищенные хромовые сапоги, свою молодость и бывалость, въевшиеся в меня, казалось, навеки запах солярки и стреляных гильз. Они тут меня пытались поставить на место своими вопросиками по трансформаторам, аккумуляторам, генераторам и прочей электрификации всей страны. Думали, я все подзабыл. Может, и подзабыл. На войне мы другим заняты были. Но, к вашему сведению, основа у меня прочная, Ленинградский политехнический, первый в России. Так что мы голубых кровей. Впрочем, мне плевать, после фронта все нипочем. В штрафбат не пошлете»¹.

1 Гранин Д. А. Мой лейтенант. С. 233.

Одним словом, обаял. Всех сразу и каждого по отдельности. Получил направление в Ленинград, а не в какой-нибудь другой регион Советского Союза, где тоже требовались квалифицированные специалисты.

Д. А. Гранин вспоминал, что Римма Михайловна Майорова, ставшая позже его женой, вернулась из эвакуации раньше него: «В начале 1944 года Римма вернулась в Ленинград. Рожать. Поселилась в нашей комнате. Квартира была пуста. Еще не съехались эвакуированные жильцы и фронтовики. Римма нашла печника, поставила плиту в нашем тесном пенале. Кухня далеко по коридору. Она боялась ходить туда, там хозяйничали крысы. Они первые после блокады реэвакуировались в город. Почуввав съестное, они прогрызли дыру в нашу комнату. Она заткнула дыру осколками бутылки.

Дрова для плиты покупала на Кузнечном рынке. Это за два километра. Дрова продавали вязанками. Купит вязанку и везет ее на трамвае домой. Спешит. Маринка там лежит одна. Привезет и тащит эту вязанку дров на пятый этаж. Греет кашу для дочки.

Меня демобилизовали в конце 1944 года. Приезжаю, застаю вот эту картину»¹.

Почему он стал писателем, Даниил Александрович и сам не мог объяснить. Иногда отшучивался: «Потому что с детства мечтал поздно ложиться спать, а еще больше мечтал о том, чтобы поздно вставать»². За несколько лет до своей кончины он написал: «Объективно у меня не было никаких данных стать писателем. Образование – техническое, наследственности быть не могло, никто в нашем роду не посягал на литературу, возраст уже серьезный, способности явно к научной работе. И тяга к ней имела. И результаты появились. Я напечатал две работы по замкнутой сетке. Тема эта была не очень интересна. Но исследование продвигалось легко. Удачи были, и я чувствовал, что и другая тема, разряда в газах, пойдет.

Тем не менее я продолжал писать. Я писал как бы тайком от себя. Назло себе. По ночам. Я не пытался улучшить

1 Гранин Д. А. Мой лейтенант. С. 239.

2 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 174.

свой язык, стиль, постигнуть тайны мастерства, мне просто нравилось писать, это было чистое, ничем не замутненное наслаждение графомана. Я корил себя, как за порок, пряча свои рукописи от всех. Жена мирилась с этим. У одних мужа играют в карты, другие пьют, мой чего-то пишет, пусть перебесится.

Так было до окончания “Домбровского”. Пожалуй, по удовольствию это была самая лучшая моя пора.

Только после того, как повесть была закончена, я начал учиться писать. То есть учиться читать»¹.

Как писатель он никогда не писал о том, что ему было понятно. Для него чистый лист бумаги – это творческая лаборатория, в которой он пытался разобраться в науке под названием Жизнь. Пытался он разобраться и в собственной Блокаде, хотя так и не успел понять ее до конца. Хотел он познать и себя в той блокаде, но не очень получалось. Гранин признавался: «Многого я теперь не понимаю в себе молодом». Как мне понятно его непонимание! С годами я тоже во многом перестал понимать себя прошлого.

Д. А. Гранин вспоминал: «В самом конце войны я как инженер-электрик был отозван, нас посылали на восстановление разрушенной энергетики. Меня направили в “Ленэнерго”. Там, работая в кабельной сети, я начал потихоньку писать рассказы, повести, затем роман “Искатели”. Несколько лет пытался совмещать инженерство с литературой, пока не перешел полностью на литературную работу»².

Даниил Александрович вспоминал, что на работу ему приходилось приезжать к восьми часам утра, а возвращался поздним вечером. Во время обеденного перерыва изловчался забегать на молочную кухню за молоком для дочери³.

Писатель отмечал, что проблемы с жильем в то время в Ленинграде были колоссальными. Некоторые семьи даже были вынуждены селиться в дотах, которые остались

1 Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 223.

2 Ленинградские писатели-фронтовики: Автобиографии, биографии, книги / Авт.-сост. [и авт. предисл.] В. Бахтин. С. 116.

3 Гранин Д. А. Мой лейтенант. С. 240.

в городе с осени 1941 г. Но при этом Ленинград сохранил свою душу, свою самобытную культуру¹.

В силу разных причин события середины и второй половины 1940-х гг. жизни и деятельности Даниила Александровича до сих пор не исследованы. Архивные документы позволяют проследить процесс адаптации вчерашнего фронтовика в условиях мирного труда, изменение его жизненных планов и интересов.

По архивным документам удалось установить, что с фронта в Ленинград капитан Д. А. Герман прибыл в июле 1944 г. 11 июля того года он встал на учет по месту жительства – в своей старой коммунальной квартире по Литейному проспекту в доме 28². Хотя об этом свидетельствует архивный документ, дата 11 июля 1944 г. сомнительна. Именно тем днем и тем же годом, как уже отмечалось, датирован выпуск гвардии капитана Д. А. Германа из Первого Ульяновского танкового военного училища им. В. И. Ленина. Исходя из этого, можно предположить, что отметка в книге домоуправления по месту жительства семьи Даниила Александровича была сделана, как говорится, либо задним числом, либо загодя. Зачем? Например, затем, чтобы в две комнаты, в которых проживала его семья, не прописали кого-нибудь постороннего. Желающих было величайшее множество, поскольку ленинградцы возвращались из эвакуации, а дома многих из них были разрушены в результате бомбежек или (если они были деревянными) их в суровые блокадные зимы разбирали на дрова.

Скорее всего, Д. А. Герман вернулся в Ленинград в начале ноября 1944 г. Это, кстати, лучше стыкуется с документами, подтверждающими факт его увольнения из рядов РККА.

15 ноября 1944 г. вчерашний фронтовик-гвардеец представил в «Ленэнерго» пакет документов, в том числе заявление-анкету с просьбой принять его на должность начальника Восточного района Ленинградской кабельной сети³.

1 Гранин Д. А. Мой лейтенант. С. 242–243.

2 ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 117. Д. 914. Л. 16–17.

3 Архив ПАО «Ленэнерго». Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 1–4об.

Если «довериться» данным из домовой книги, трудно себе представить, чем занимался вчерашний фронтовик на протяжении четырех месяцев. Конечно, он мог утрясать вопросы, связанные с предстоящим местом работы. Не будем забывать, что работа в кабельной сети доверялась не каждому. Помимо проверки на профпригодность была и не менее важная проверка соответствующих органов. Кроме того, через три дня после приезда Даниила Александровича в Ленинград, 14 июля 1944 г.¹, родилась его дочь Марина. Рождение ребенка требовало внимания и заботы молодого отца. Но не стану изображать идиллическую картину. Вырвавшийся с фронта молодой офицер, конечно, не мог не перевести дух, расслабиться, как сейчас любят говорить. Даниил Александрович сам писал об этом в своих последних публикациях.

Но представляется, что писатель в своих произведениях несколько сгустил краски по поводу своего «отдыха» после демобилизации. Скорее всего, с отдыхом тогда ничего не получилось. После увольнения в запас ему сразу же пришлось взяться за работу в «Ленэнерго».

Вчерашний танкист стал энергетиком — специалистом, стоявшим в центре решения задач физических и задач социальных одновременно. С одной стороны, ему приходилось ликвидировать постоянно возникавшие технические проблемы, с другой — действия его подчиненных и его личные действия позволяли людям быстрее понять, что война откатилась от Ленинграда безвозвратно. Дома обеспечивались светом, предприятия получали электроэнергию для налаживания производства.

Представляет интерес автобиография, написанная рукой самого писателя, датированная 15 ноября 1944 г. В ней отмечалось: «Я — Герман Даниил Александрович, рожд[ения] 1 января 1918 г., урож[енец] г. Волыни, Курск[ой] области, в семье служащего. Отец — Герман Александр Даниилов[ич], рождения 1871 г., урож[енец] г. Голованевск, Сумск[ой] обл[асти], украинец, крестьян[ин], б/п.»² Город Голованевск

1 ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 117. Д. 915. Л. 341.

2 Там же. Л. 3. (Сам же Д. А. Гранин в одной из своих автобиографий отмечал, что его отец родился в 1876 г. Личный архив С. Н. Полторака. Личное дело капитана Германа Даниила Александровича. Л. 10).

Д. А. Германом к Сумской области был причислен ошибочно, поскольку на самом деле он находился в Елисаветградском уезде (позже – областной центр Кировоград Украинской ССР).

О матери Д. А. Герман писал: «Мать – Герман Анна Захаровна, рожд[ения] 1891 г., г. Вильно, украинка, из рабочих, б/п»¹.

В автобиографии ошибочно назван год выпуска Д. А. Германа из института – 1939 г.² Как уже писалось, Д. А. Герман окончил Ленинградский индустриальный институт в июне 1940 г.³

Этот институт стал называться Ленинградским политехническим институтом им. М. И. Калинина осенью 1940 г., спустя несколько месяцев после выпуска из него Д. А. Германа.

Д. А. Гранин позже писал, что, работая в «Ленэнерго», он «тайком – по вечерам, по ночам»⁴ занимался литературным творчеством, не считая себя писателем, но ощущая тягу к писательству. Интересно, какой след в его писательском «старте» оставило Постановление оргбюро ЦК ВКП (б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 г.? Пройти бесследно это событие не могло, но свои переживания по поводу его выхода в свет он оставил при себе. Писал лишь о более поздних событиях – судилище над М. М. Зощенко в 1954 г.⁵, о похоронах этого выдающегося писателя и о том, как по-разному реагировали коллеги на его уход из жизни⁶.

После окончания института он работал на знаменитом Кировском заводе в должностях старшего инженера электролаборатории, начальника электролаборатории, а позже инженером при специальном конструкторском бюро № 27.

1 ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 117. Д. 915. Л. 3.

2 Там же.

3 Архив Университета Петра Великого. Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 15.

4 Гранин Д. А. Как стать добрее // О наболевшем. С. 80.

5 Гранин Д. А. Мимолетное явление // О наболевшем. С. 25–42.

6 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 39–40.

7 Архив ПАО «Ленэнерго». Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 3.

О своей военной службе Д. А. Герман в автобиографии писал: «С июня 1941 г. по ноябрь 1944 г. находился в Действующей армии. С июня 1941 по май 1943 г. на Ленинградском фронте. В 1-й Кировской дивизии, 292 отд[ельном] арт[иллерийско-]пул[еметном] бат[альоне] работал инструктором политотдела дивизии, комиссаром б[атальо]на, к[оманди]ром б[атальо]на. В мае 1943 г. был направлен на учебу. С мая 1943 г. по май 1944 г. учился в 1-м гвардейском танк[овом] училище им. Ленина в г. Ульяновске, по окончании был направлен на 2-й Прибалтийск[ий] фронт. С мая 1944 г. по ноябрь м[есяц] – 2-й Прибалтийск[ий] фронт – отд[ельная] марш[евая] рота тяжелых танков и 32-я отд[ельная] Краснознаменная танк[овая] бригада. Последняя должность – к[оманди]р роты тяжелых танков, по званию – капитан»¹.

Даниил Александрович очень быстро освоился на новом месте работы. Его авторитет как фронтовика и инженера-энергетика был очень высок. Это видно из характеристики, подписанной 29 октября 1947 г. директором Ленинградской кабельной сети И. И. Ежовым и секретарем парторганизации Н. М. Невским: «Тов. Герман является инициативным инженером и хорошим администратором. Инициативный и настойчивый в работе. Активный рационализатор (дал ценное предложение по отогреванию грунта при ремонтах в зимнее время, а также по изменению схемы и защиты сети района). Систематически работает над повышением своей технической квалификации, занимается в аспирантуре НИИ-49. Готовит диссертацию на тему: «Силовые сиффоны». В общественной жизни принимает активное участие как агитатор, докладчик, а также выполняет отдельные партийные поручения»². Факт его учебы в аспирантуре этого НИИ подтвержден также и в другом документе – характеристике, данной Д. А. Герману как представителю «резерва на выдвижение»³. Из аспирантуры НИИ-49 Даниил Александрович ушел по непонятным причинам. Поговаривали, что не поладил с научным руководителем. Правда,

1 Архив ПАО «Ленэнерго». Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 4.

2 Там же. Л. 7.

3 Там же. Л. 10.

«поговаривали» – аргумент неубедительный. Но точно известно, что сам Д. А. Гранин, даже став известным писателем, с печалью вспоминал о своем уходе из аспирантуры. Горюя по поводу гибели на войне друга своей юности Вадима, талантливого молодого физика, он писал, фантазируя на тему, что было бы, если б друг остался жить: «Может, и мне Вадим не позволил бы уйти из аспирантуры, не то что не позволил, а я сам не ушел бы»¹.

С конца 1944 г. Даниил Александрович попал в совершенно непривычную среду. Не с корабля на бал, а с фронта – в гражданскую жизнь, да еще к тому же в жизнь семейную. Казалось бы, фронтовику так не хватало семейного тепла, а тут пожалуйста, хлебай полной ложкой. Но на деле все было куда сложнее. Одно дело отвечать за роту, а другое – за семью. И то, и другое непросто. Но очень разные занятия. На фронте опасно, но привычно. Если, конечно, можно привыкнуть к войне. А вот отвыкнуть от нее оказалось еще сложнее. Нам никогда не узнать, как непросто проходил период адаптации капитана-танкиста к мирной жизни. Сам он об этом, кажется, написал лишь однажды: «Обедал я где попало, ночевал тоже по-разному. Считал, что ребенок не дает мне выспаться. А то не хотел являться домой пьяным, такую приводил причину. Она [жена Римма Михайловна. – С. П.] мирилась с этим. Наверное, ждала, пока образумлюсь.

Плакала она беззвучно, по-детски отворачиваясь. Я вдруг увидел, какая она еще молодая. И какой я старый. Истрепанный. Провонял смертью. Пропитан ненавистью. Она считала, что прибыл принц, тот, кто долго мечтал о ней. На белом коне. Если бы она знала, как война вьелась, налипла, никакой баней не отмоешь. Да, я ее разочаровал. То есть она понимала, что Победа требует, все мужики ликовали. Да, судьба сохранила меня, но спрашивается, для чего?»²

Вероятно, через все это тоже нужно было пройти, хотя мне иногда кажется, что Даниил Александрович зачем-то

1 Гранин Д. А. Дом на Фонтанке // Еще заметен след: Повести и рассказы. Л., 1985. С. 200.

2 Гранин Д. А. Мой лейтенант. С. 256.

немного наговаривал на себя. Зачем? Возможно, опасался, что читатель не поверит, что такое счастье, как у него, бывает. Хотел показать трудности, через которые пришлось пройти молодой семье. Он сам отмечал: «Любовь не бывает сплошной, она, как цепь островов, цветущих, опустелых, больших и малых потухших вулканов, рифов»¹. Вроде бы очевидная мысль. Но она настолько образна, что начинаешь и на свою собственную жизнь смотреть со стороны. У каждого свои вулканы и свои рифы.

Следует признать, что работа в кабельной сети у Даниила Александровича складывалась не всегда гладко. Например, в январе 1949 г. приказом по «Ленэнерго» ему была снижена на 15% премия «за наличие брака в работе»². Так что, как и у любого человека, у него в то время были свои производственные взлеты и падения. Но небольшие неприятности не помешали тому, что о нем сложилось самое хорошее мнение как о производственнике. 30 июня 1949 г. в служебной характеристике на Д. А. Германа было записано: «За сравнительно непродолжительный срок в районе быстро освоил основные задачи и методы эксплуатации и проектирования сетевых сооружений и кабелей. Изучил основной кадровый состав района. В решении технических вопросов проявляет инициативу, обладает организаторскими способностями. Является активным рационализатором, причем предложения тов. Германа решают первостепенные вопросы. В течение 1947–48 гг. тов. Герман принял активное участие в проектировании и вводу в опытную эксплуатацию участка замкнутой сети низкого напряжения в своем районе. В районе успешно проводятся работы по ликвидации устаревших и аварийных однофазных кабельных сетей 2 и 3 кВ. Тов. Герман непрерывно работает над повышением технической квалификации, подготавливает диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук. Принимает активное участие в работе ВНИТОЭ, так например: в 1948 году им сделано два доклада

1 *Гранин Д. А.* Мой лейтенант. С. 257.

2 Архив ПАО «Ленэнерго». Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 19.

Д. А. Герман. 17 декабря 1948 г.

и написано две статьи в журналы. В течение 1948 г. и пяти месяцев 1949 г. район работает без аварий – 15 месяцев.

В последнее время в связи с отвлечением на занятия по сдаче кандидатского минимума в работе тов. Германа имеют место случаи небрежного отношения к своим обязанностям, в результате чего район в 1948–49 гг. ни разу не занимал ведущее место среди районов сети, хотя имеет боевой и в целом работоспособный коллектив. В партийной жизни принимает участие, выполняя отдельные партийные поручения»¹.

19 июля 1949 г. управляющим «Ленэнерго» был подписан приказ, согласно которому Д. А. Герман был освобожден от должности «в связи с переходом в аспирантуру Ленинградского электротехнического института им. Ульянова (Ленина)»².

Исследования, проведенные в архиве Санкт-Петербургского государственного электротехнического универси-

1 Архив ПАО «Ленэнерго». Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 25.

2 Там же. Л. 33.

тета им. В. И. Ульянова (Ленина), показали, что в архиве хранится лишь дело студента Д. А. Германа, учившегося в «ЛЭТИ» с 1935 по 1938 г., т.е. с первого по третий курс включительно¹. Дело аспиранта Д. А. Германа в архиве не обнаружено. Исчезнуть бесследно из архива оно не могло. Следовательно, такое дело и не заводилось. Это возможно лишь в одном случае: Д. А. Герман по каким-то причинам не стал аспирантом этого учебного заведения.

Сам же Даниил Александрович позже писал: «Работая в «Ленэнерго», затем поступил в аспирантуру, после ее окончания – в НИИ»².

Но документы несколько уточняют ситуацию. С декабря 1949 г. по 1 июня 1953 г. Д. А. Герман учился в аспирантуре не ЛЭТИ, а Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина³. Сохранились характеристики на аспиранта Д. А. Германа начала 1950-х гг.; в одной из них, датированной 24 октября 1951 г., записано: «Герман Даниил Александрович 1918 г. рождения, украинец, член ВКП(б) с 1942 г.

В Ленинградском политехническом институте им. М. И. Калинина с 1949 г. аспирант кафедры Истории техники.

Свой аспирантский план по сдаче экзаменов выполнил в срок. В настоящее время пишет диссертацию.

В 1951/52 уч. году начал вести курс по истории техники.

Участвует в работе кафедры и общественной жизни института, является членом партбюро Инженерно-экономического факультета института и второй год является парторгом кафедры Истории техники»⁴. Характеристика была подписана заместителем директора института А. Ф. Алабышевым и секретарем парткома Н. М. Французовым.

У аспиранта Д. А. Германа дела с учебой и научной работой обстояли неплохо. Приобрел он и опыт педагогической деятельности. Судя по всему, он пользовался уважени-

1 Архив Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). Личное дело студента Даниила Александровича Германа. Л. 13.

2 *Гранин Д. А.* Как стать добрее // О наболевшем. С. 80.

3 Личный архив С. Н. Полторака. Личное дело капитана Германа Даниила Александровича. Л. 7.

4 Там же. Л. 10.

ем у товарищей по кафедре, к которой был прикреплен в качестве аспиранта. Иначе бы он не избирался несколько раз кафедральным партийным вожаком. В очередной характеристике, подписанной директором и секретарем парткома Политехнического института в октябре 1953 г., подчеркивалось, что за годы учебы в аспирантуре Даниил Александрович прочел курс лекций по истории техники на физико-механическом и своем родном электромеханическом факультетах. Более того, ему поручалось читать лекции по истории техники на ленинградских предприятиях, а перед коллегами по кафедре он выступал с научными докладами¹.

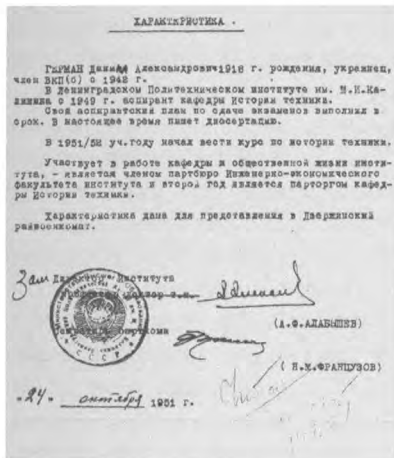
Сведения, содержащиеся в этой характеристике, говорят о многом. Далекое не каждому аспиранту можно было поручить читать курс лекций. Обычно вузовский лектор — это опытный доцент, а в большинстве случаев — профессор. Стало быть, у Даниила Александровича был дар педагога. Вероятно, он умел популярно доводить до сознания людей сложные идеи, касавшиеся науки и техники, поскольку ему поручалось выступать на предприятиях перед людьми, далекими от этих проблем.

Как известно, кандидатскую диссертацию Даниил Александрович так и не защитил. Причина очевидна: литература полностью заняла все его жизненное пространство. В нем не было места истории техники, но техника и человек, создававший ее, оказались в центре литературного творчества молодого писателя.

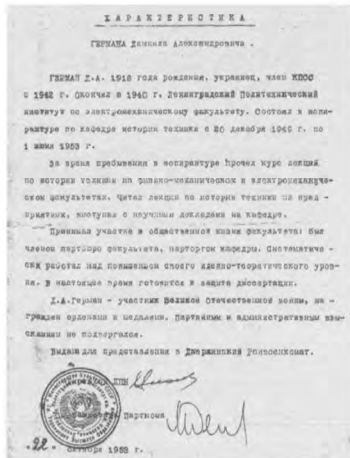
Можно очень точно определить формальный момент, когда литератор-любитель Д. А. Герман стал профессиональным писателем. Еще оставаясь формально аспирантом-политехником, Даниил Александрович начал работать в Ленинградском отделении Союза советских писателей СССР на улице Воинова (ныне — Шпалерная), д. 18, с июня 1953 г. В одном из документов род его занятий и должность с того момента значились так: «писатель. Зам. ответственного секретаря Союза советских писателей»².

1 Личный архив С. Н. Полторака. Личное дело капитана Германа Даниила Александровича. Л. 11.

2 Там же. Л. 7.

Характеристика Д. А. Германа, ЛПИ им. Калинина. 1951

Характеристика Д. А. Германа, ЛПИ им. Калинина. 1953

В 1948–1949 гг. Д. А. Герман стоял перед трудным выбором. Стоял, подобному былинному витязю на распутье. У него успешно складывалась карьера в «Ленэнерго». Еще при жизни Даниил Александрович рассказывал мне о том, что в то время ему было сделано очень заманчивое предложение: поехать в долгосрочную командировку в Италию в качестве советского эксперта в ходе переговоров о поставках в Советский Союз силовых кабелей. Соблазн был велик, поскольку работа эксперта хорошо оплачивалась, командировка предполагала поездку вместе с женой, что по тем временам было огромной редкостью. После войны командировки советских специалистов за границу, тем более в капиталистическую страну, были нечастыми. Как вспоминал Д. А. Гранин, они вместе с женой Риммой Михайловной целую ночь не спали, размышляя, соглашаться на командировку или нет. В итоге было принято решение от командировки отказаться. Позже Даниил Александрович вспоминал: «Италия избавляла от всех проблем, избавляла от очередей и плесени, от возни с дровами и с печкой, она позволяла покинуть этот напуганный, пришибленный «ленинградским делом» город и уехать от арестов в неведомую новую нашу жизнь; было сладко, что мы возьмем

с собой, что оставим здесь. Я-то думал о своем — я думал о рукописи, есть ли смысл везти ее с собой, что с ней там будет. Посреди ночи, уже под утро, Римма разбудила меня. “Знаешь, я передумала, — сказала она, — все-таки тебе надо закончить роман”¹. Так что, если верить писателю, началом своей карьеры по большому счету он обязан жене. А в командировку в Италию вместо Д. А. Германа поехал «другой очень грамотный инженер из Кабельной сети Смирнов Петр Тимофеевич»², который, так же как и Даниил Александрович, был защитником блокированного Ленинграда и служил в звании старшего лейтенанта в одной из зенитных частей³.

В качестве аргумента была высказана мысль о том, что Д. А. Герман планирует все силы отдать работе над кандидатской диссертацией. Его заявление об увольнении из «Ленэнерго», связанное с необходимостью учиться в аспирантуре в «ЛЭТИ», было неправдой. На самом деле причина ухода с должности начальника Восточного района Ленинградской кабельной сети состояла в том, что Даниил Александрович принял твердое решение сменить профессию и стать писателем. Вероятно, к этому его подтолкнули первые успехи в литературе. Кроме того, как уже отмечалось, он поступил в аспирантуру Ленинградского политехнического института, совмещая свой литературный труд с учебной и преподаванием.

В 1948 г. Даниил Александрович, как говорится, без отрыва от производства осуществлял мечту еще своей довоенной юности — дописывал повесть «Ярослав Домбровский». О ней были положительные отзывы таких корифеев советской литературы, как Илья Эренбург и Константин Симонов⁴.

В январе 1949 г., еще будучи сотрудником «Ленэнерго», Д. А. Герман опубликовал в журнале «Звезда» рассказ «Вариант второй»⁵, который был замечен не только читателями, но и взыскательными критиками. В том же номере журнала была опубликована повесть известного писателя

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 431.

2 Из переписки С. Н. Полторака с В. М. Бариновым от 13.10.2018.

3 Там же.

4 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 4. Д. 343. Л. 1—18.

5 Гранин Д. А. Вариант второй // Звезда. 1949. № 1. С. 52—65.

Юрия Германа «Подполковник медицинской службы»¹, работавшего в этом издании заведующим отделом прозы. Есть сведения о том, что именно Ю. П. Герман посоветовал своему однофамильцу Д. А. Герману взять литературный псевдоним, поскольку понимал, что Даниил Александрович пришел в литературу «всерьез и надолго»².

В литературе мне не приходилось встречать объяснение, почему литературным псевдонимом Д. А. Германа стал псевдоним «Гранин». Однако есть вполне убедительная версия. Могу предположить, что Даниил Александрович хотел, чтобы псевдоним не очень отличался от его настоящей фамилии, но в то же время ассоциировался у него самого с человеком достойным. В 1942 г. в войсках Ленинградского фронта и на кораблях Балтийского флота активно распространялась брошюра, в которой содержались четыре небольших очерка, имевших отношение к описанию боевых действий подразделения, которыми командовал кавалер ордена Красного Знамени капитан Борис Митрофанович Гранин (1910–1963)³. Автор одной из новелл писал о Б. М. Гранине: «Гранин — суровый, требовательный и заботливый о подчиненных командир. Любой командир и боец в полночь-за полночь может прийти к нему за советом. И если у капитана есть свободная минутка, он с удовольствием будет беседовать с ним. И бойцы любят и берегут своего командира»⁴. Велика вероятность того, что брошюра, предназначенная в первую очередь для политсостава, попала в руки старшему политруку Даниилу Герману, воевавшему в то время в районе Пулкова. Спустя годы он, быть может, вспомнил того героического капитана с простой, но в то же время крайне редко встречающейся фамилией и решил взять ее в качестве своего литературного псевдонима.

1 Герман Ю. П. Подполковник медицинской службы // Звезда. 1949. № 1. С. 66–108.

2 Биография Даниила Гранина // Информационное агентство ТАСС. URL: <http://tass.ru/info/4387865> (дата обращения — 18.07.2018).

3 Гранинцы: [очерки о действиях батальона под командованием капитана Гранина во время обороны Ханко]. Б.м., 1942. (В помощь агитатору и пропагандисту / Полит. упр. Краснознам. Балт. флота).

4 Там же. С. 9.

В августе 1949 г. в журнале «Звезда» появилась вторая публикация Д. А. Гранина. На этот раз уже не рассказ, а повесть «Спор через океан»¹, которая привлекла внимание далеко не только ленинградских читателей. На нее обратили внимание в Москве. В 1950 г. повесть была опубликована в издательстве «Правда» тиражом в 150 тыс. экземпляров². Эта же повесть под названием «Победа инженера Корсакова» вышла из печати отдельным изданием и в Ленинграде. Хотя тираж ее был в десять раз меньше, чем в Москве, она вышла в свет в издательстве «Советский писатель», что свидетельствовало о признании высокого профессионализма молодого писателя³.

Когда во второй половине июля 1949 г. состоялось подписание приказа об увольнении Д. А. Германа из «Ленэнерго», его повесть «Спор через океан» уже печаталась в типографии. Успех ее был предсказуем, хотя отдельные критики пытались упрекнуть автора в низкопоклонстве перед Западом.

Д. А. Гранин в 1949 г. заявил в печати о том, что найдена новая ниша: он был первопроходцем в разработке темы нравственных исканий технической интеллигенции, в первую очередь молодых ученых. По существу, он писал о себе, о своих поисках и сомнениях. Главный герой рассказа «Вариант второй» – аспирант-физик, каковым был в тот момент и сам Д. А. Герман. В числе молодых ученых был главный герой повести «Спор через океан». Образы героев Д. А. Гранина с первых его произведений удивляли читателей одновременным сочетанием сложности и простоты характеров. Они не были предсказуемы, их научные замыслы осуществлялись нелегко, через большие страдания, и были замешаны на событиях личной жизни. Благодаря Д. А. Гранину в советской литературе появился совершенно новый тип «героя нашего времени», тип, совершенно непохожий на все те, что встречались в литературе прежде. Открытое Даниилом Александровичем направление литературных

1 Гранин Д. А. Спор через океан // Звезда. 1949. № 8. С. 90–133.

2 Гранин Д. А. Спор через океан. М. 1950.

3 Гранин Д. А. Победа инженера Корсакова. Л., 1950.

поисков оказалось удивительно перспективным. Спустя несколько лет советский читатель был ошеломлен и восхищен его романами «Искатели» и «Иду на грозу», герои которых формировались в сознании недавнего аспиранта Д. А. Германа, так и не защитившего кандидатскую диссертацию.

Д. А. Гранин стал писателем по призванию. Он помнил философскую истину: «Не ищи себя нигде, кроме как в себе самом»¹. Однако логику поступков Даниила Александровича проследить сложно: человек с неординарным восприятием мира плохо понятен остальным. Можно лишь попытаться подступить к его миропониманию. Писательство для него в жизни было главнее всего. Даже если бы он твердо знал, что его произведения не прочтает ни одна живая душа, он все равно писал бы. То был внутренний волшебный зуд, который не объясняется словами. Почитайте рассуждения Д. А. Гранина о Ван Гоге, и многое станет понятным в самом Д. А. Гранине.

Как бы ни показались странными мои слова, но ему было совершенно безразлично мнение других о его творчестве. Он не интересовался ни мнением читателей, ни мнением критики, ни коллег-писателей. Не из-за гордыни, нет. Ее у него не было. Просто ему хватало самого творчества, а не мнения о нем окружающих. Он соблюдал формальности: встречался с читателями, слушал их мнения, в том числе нелицеприятные, но делал это все отстраненно. Он был похож на лунатика от литературы.

Д. А. Гранин бывал вспыльчив. Он не был человеком компромисса. Ему проще было послать кого-нибудь подальше, чем налаживать с ним контакты. И не важно, зависела ли от этого его литературная карьера или нет. В нем хватало злости, но она, как электрический разряд, часто уходила в заземление, которое он сам же предусмотрительно устанавливал заранее. Он умел страдать, негодовать, переживать, только никто этого не видел: Д. А. Гранин умел управлять собой, если хотел.

Я часто думал: как Даниил Александрович смог расстаться с научной работой, с диссертацией, которую во

1 Гранин Д. А. Однофамилец: Повести. С. 118.

многим выстрадал, душу вложил. Ответ мне подсказал неожиданно наместник Свято-Троицкой Александро-Невской лавры епископ Назарий. Однажды он рассказал мне, как пришел к Богу. Получилось это для него неожиданно. Он учился в аспирантуре Сельскохозяйственного института в г. Александрии, на Украине. Диссертация была уже написана. И вдруг в душе что-то перевернулось. Что, он и сам не очень понимал. Отдал диссертацию, по его выражению, «хорошему человеку», а сам пошел в Храм. У Д. А. Гранина случилось что-то похожее. Только Храмом для него стала Литература.

После войны вернувшиеся с фронта мужчины и женщины стали приспособляться к гражданской жизни. То был, как известно, очень болезненный процесс. Какая-то часть фронтовиков занялась писательским трудом. Парадоксальная ситуация: вчерашние фронтовики не знали, как писать о войне. Они боялись сфальшивить, боялись собственного пафоса, опасались неточности передачи прошедших событий. Оказывается, чтобы быть писателем и писать о войне, тоже нужна смелость. Только не такая, как на фронте, а какая-то другая. Но большинство фронтовиков все же не сразу решились писать о войне. И дело может быть даже не в смелости. Необходимо было время для осмысления прошлого. Нужно было увидеть самих себя даже не со стороны: надо было разглядеть себя в бою, поднявшись над схваткой. Это было дано далеко не каждому. Мало кто считал, что имеет моральное право писать о войне, в которой героем был не только он, но и жители всей страны.

Д. А. Гранин поначалу тоже не писал о войне. Как и у других фронтовиков, война обжигала мозг и не давала высказать то, что чувствовалось; сказать так, чтоб было непохоже на других. Д. А. Гранин был также неопытен в писательском деле, как и другие фронтовики. По этой причине в своих первых произведениях тему войны он затрагивал лишь «по касательной». Война пока еще была фоном осмысления послевоенных событий и своего места в них. В конце 1940-х гг., работая в «Ленэнерго», Даниил Александрович окончательно понял, что занятие литературой не может оставаться для него «делом № 2». Он любил технику, разбирался в ней, проявлял

хорошие аналитические способности. Но его не устраивал масштаб аналитической деятельности. Проанализировать физические процессы, протекавшие внутри кабельной сети, было очень интересно. Но то был не его масштаб. Д. А. Герману было в нем тесно. Хотелось понять «физику» не создававшихся им новаторских устройств, а суть динамики послевоенного советского общества. Это было несоизмеримо интересней. «Железо» не выдержало конкуренции с обществом, в котором все бурлило от новизны, от послевоенного оптимизма, от веры в то, что наконец-то настал момент невиданных перемен. А вот что это за перемены, куда они должны привести? То были загадки, опьянявшие своей сложностью. Уже тогда Д. А. Гранин проявил, быть может, главную черту своего характера: он обожал погружаться в непонятное, пытаюсь распутывать его как клубок шерстяной нитки. В этом, мне кажется, и состоял весь смысл его жизни.

В технике непонятно было многое. Но Д. А. Гранину хотелось аналитической работы совершенно другого порядка. У него возникла потребность анализировать если не проблемы вселенского масштаба, то хотя бы те, которые интеллектуальными торосами громоздились на безбрежном пространстве советской общественной мысли. Посягнуть на разгребание тех торосов было безумием. И тем сладостней были мысли о том безумии.

Работа над диссертацией шла вполне сносно. Но интерес к ней вытеснялся литературными головоломками, которые были привлекательней многочисленных физических экспериментов. Но при этом у Даниила Александровича в жизни были только два крупных «блока» жизненного опыта: война и диссертация. О войне писать было преждевременно, а вот посмотреть на многоярусную нравственную жизнь аспиранта показалось очень заманчивым. Д. А. Гранин как будущий большой художник в 1949 г., а может быть даже немного раньше, попытался реализовать свой замысел последнего времени: понять, что представляет собой вчерашний фронтовик, сегодняшний аспирант. Что для него дороже: карьера или собственная совесть? В принципе, он хотел понять самого себя или человека, очень похожего на себя. Ему хотелось набросать эскиз послевоенной жизни фронтовика-аспиранта, придав ему

смысл человеческого бытия. Так появился рассказ «Вариант второй», вышедший из печати в 1949 г. в журнале «Звезда».

Этот рассказ через год, в 1950 г., стал своеобразным «довеском» к небольшой повести «Победа инженера Корсакова», который словно принял под свою защиту-обложку историю Александра Савицкого – аспиранта, заявившего на защите своей диссертации о том, что исследование погибшего на фронте Анатолия Николаева более эффективно, чем его труд¹.

Рассказ «Вариант второй» по-разному был встречен критиками. Отмечая успех идеи «ответственности бывшего солдата перед тем, кто не вернулся»², критики все же замечали «неопытность автора», подчеркивая «заданность сюжета»³. Тогда еще никто не мог предположить, что некоторые строки из «аспирантского» рассказа Д. А. Гранина переживут читательскую память о самом рассказе и станут едва ли не фольклором. Именно в том рассказе было опубликовано «язвительное двестишье»:

Ученым можешь ты не быть,
Но кандидатом быть обязан⁴.

Повесть «Победа инженера Корсакова» (она же «Спор через океан») стала своеобразным мостиком от рассказа «Вариант второй» к романам, определившим во многом, быть может, главный вектор работ писателя – «Искатели» и «Иду на грозу».

Над повестью «Победа инженера Корсакова» Д. А. Гранин трудился в конце 1940-х гг. Именно работая над ней и понимая, что ему удалось нащупать еще не звучавшую в литературе струну, он решился окончательно отказаться от карьеры ученого, посвятив всю дальнейшую жизнь писательскому труду.

1 Гранин Д. А. Вариант второй // Победа инженера Корсакова. Л., 1950. С. 170.

2 Войтинская О. С. Даниил Гранин: (Очерк творчества). С. 11.

3 Там же. С. 26.

4 Гранин Д. А. Вариант второй // Победа инженера Корсакова. С. 143.

Во время учебы в аспирантуре в НИИ № 49, которое разрабатывало военно-морскую проблематику, Д. А. Гранин находился в эпицентре послевоенных революционных изменений в науке и технике в СССР. Эти изменения видели многие. Но Даниил Александрович был первым, кто осознал, казалось бы, очевидное: революционные преобразования в сфере науки и техники невозможны без таких же мощных изменений в сознании людей, развивавших эти сферы человеческой деятельности. Причина и следствие все время менялись местами: качественно новые изобретения, преобразованные в невиданные прежде машины и агрегаты, по-новому «воспаляли» мозг, а тот в свою очередь подталкивал человека на еще более дерзкие открытия. Наступало время совершенно новых героев. Интеллект, образованность, порядочность стали доминантами послевоенной жизни. Это было ново. Это было прекрасно!

Важно было не перестараться с похвалами своему времени. Д. А. Гранин очень хорошо почувствовал нужную тональность разговора с читателем. Никакой лже-задушевности, никакой пропаганды: искренность, вера в правоту своего дела и одержимость им. Готовность всегда ставить научное творчество во главу угла. Но такая жертвенность всегда оправдывалась: у того, кто рисковал ради идеи, кто готов был принести себя в жертву науке, все получалось в жизни. При этом хорошо складывалась личная жизнь. Могло сложиться впечатление, что только тот ученый может быть счастливым в любви, в семье, кто ставил и то и другое на второе место, видя главный смысл своего существования в будущих научных открытиях. Любопытная деталь: публикуя свои первые произведения на рубеже 1940–1950-х гг., Д. А. Гранин ни разу не упомянул И. В. Сталина, что для того времени было, кажется, невозможно. Героям Д. А. Гранина было просто не до И. В. Сталина, хотя все они – убежденные коммунисты и комсомольцы. Только и те и другие мыслили не плакатным языком, а рельефно видели гуманистические ценности строя, в рамках которого жили. Они разделяли политические идеи своего времени, но видели в них созидательный смысл. Думаю, Д. А. Гранину спустя многие годы никогда не было стыдно

за мысли и поступки своих положительных литературных героев. Времена менялись, менялись многие нравственные приоритеты, но не менялся духовный человеческий стержень. Герои Д. А. Гранина во все времена оставались просто порядочными людьми. А когда нужно было выбирать между порядочностью и благополучием, они всегда выбирали порядочность.

В 30 лет Д. А. Гранин понял то, что многие понимают лишь к старости, а может быть, не понимают никогда. Об этом говорят размышления его литературного героя о любви: «Что влекло его к этой немного взбалмошной, красивой девушке? Может быть, стремление как-то заполнить непривычную душевную пустоту, укрыться от сомнений и раздумий?

Слишком поздно он поймет тщетность своих попыток и когда-нибудь, оглянувшись назад, убедится, что настоящая любовь приходит к тому, кто избирает себе самую беспокойную, трудную, страстную жизнь»¹.

Возьму на себя смелость утверждать, что в конце 1940-х гг. Д. А. Герман выбирал не только между карьерой ученого и писателя. Внутри писательской стези в тот момент тоже было два главных направления. Первое – исследование личности представителя технической интеллигенции, второе – попытка реализации своих способностей в амплу историка-романиста. Кстати, еще неизвестно, какой из тех путей в то время Даниил Александрович считал первым. Тяга к написанию историко-литературных произведений, как уже отмечалось, появилась у него еще в ранней юности. Исследование жизни Ярослава Домбровского он тащил через свою молодость, как телегу без колес, с потрясающим упорством. Откуда рождались упорство и вдохновение? Из громадного желания самовыражения. Ярослав Домбровский и в мальчишеские годы, и в войну, и в годы послевоенные был для Даниила не просто жизненным ориентиром, а эталоном смысла жизни. Возможно, его будоражили идеи, созвучные с мыслями А. И. Герцена, утверждавшего: «Кто дорожит счастьем,

1 Гранин Д. А. Победа инженера Корсакова. С. 59.

тот должен искать ранней смерти»¹. У меня нет сомнений и в том, что эта повесть была написана под колоссальным влиянием произведений О. Д. Форш. О его почтении к Ольге Дмитриевне говорят многие факты, в том числе и проникновенные строки, посвященные ей после ее ухода из жизни². В повести «Ярослав Домбровский» заметны многочисленные подражания автору Ольге Форш. Но как талантливы и даже самобытны те подражания! Чего стоит только умение разглядеть среди революционных событий Парижской коммуны то, что «одичалые цветы выползали из клумб, спутав прошлогодние хитроумные узоры. Их крепкий аромат заглушал запах пороха и пота, который принесли с собой коммунары»³.

Откуда Д. А. Гранин узнал о Домбровском? Скорее всего, из советских публикаций конца 1920-х — начала 1930-х гг. Революционер хотя и был поляком, сражавшимся во Франции, был для советских людей практически земляком: родился в Житомире, учился в Петербурге... Но главное — его революционный дух был созвучен духу предвоенного СССР. Д. А. Гранин с таким упорством размышлял и писал о Ярославе Домбровском, потому что очень хотел разобраться в самом себе. Быть может, он мысленно проводил какие-то параллели, сравнивал поступки свои и его. Так или иначе, шанс стать историком-романистом у него был огромен. На рубеже 1940–1950-х гг. поиски в инженерно-духовной сфере оказались более востребованными. И Д. А. Герман это осознал. Но к своей давней любви — историческому роману — он вернулся многие годы спустя. Об этом убедительно говорят его работы, посвященные Петру Великому. Он сумел разглядеть в этом человеке то, что не видели многие поколения историков. Например, разглядел в нем

1 Герцен А. И. Былое и думы: Детская и университет. Тюрма и ссылка. Владимир-на-Клязьме. Москва, Петербург и Новгород. Минск, 1987. С. 123.

2 Гранин Д. А. Жизненный подвиг: «Памяти О. Форш» // Ленинградская правда. 1961. 19 июля; Он же. Ольга Дмитриевна Форш: Некролог / Д. А. Гранин, А. А. Прокофьев // Ленинградская правда. 1961. 19 июля.

3 Гранин Д. А. Ярослав Домбровский. М., 1951. С. 7.

его доброту, которая так не соответствовала тому жестокому времени. Даниил Александрович писал о том, что когда Петр I в 1718 г. узнал о смерти Карла XII, он заплакал и сказал: «Брат Карл, как мне жаль тебя!»¹

В конце 1940-х гг. в жизни Д. А. Гранина одновременно происходили два важных события. Он делал выбор между наукой и литературой, размышляя при этом, по какой литературной дорожке идти дальше. Повесть «Ярослав Домбровский» вышла из печати в 1951 г. – в том же году, что и повесть «Спор через океан». Фактически вчерашний офицер одновременно совершил две «разведки боем». Одна из них – наступление в направлении НТР – оказалась более успешной. Она-то и определила дальнейшее движение творчества писателя на долгие годы.

В кратких сведениях о Д. А. Гранине, опубликованных в 1950-х гг., отмечалось, что он «после демобилизации работал в Ленинграде в энергосети и в научно-исследовательском институте»². Заметьте, не в Политехническом институте, как считают до сих пор многие, а в научно-исследовательском. То был секретный НИИ-49, где Даниил Александрович вполне успешно начал работу над кандидатской диссертацией. Почему учеба в аспирантуре не сложилась? Как Даниил Александрович рвал нервы-нити, связывавшие его с научными исследованиями? Об этом сейчас можно только догадываться. Нет сомнений в том, что в разрыве с наукой не было легкости. Разрыв означал не только ломку прежних планов, уход от привычного и очень приятного образа мышления. Не только отказ от подготовки и публикации научных статей, становившихся маленькими итогами его размышлений и экспериментов по поводу силовых сильфонов – темы в то время совершенно новой и очень важной как в гражданской сфере, так и в военной области. Разрыв с наукой лишал Д. А. Германа во многом пути самоутверждения как инженера-исследователя. В институте, как мы помним, он не был отличником, восходящей звездой энергетики. Он был толковым парнем,

1 Гранин Д. А. Человек не отсюда. С. 17.

2 Гранин Д. А. Спор через океан: Повесть. С. 2.

который не зацикливался на успеваемости, потому что у него была масса других интересов, в том числе и на литературном поприще. Но позже, на Кировском заводе, во время учебы в военных училищах в Горьком и в Ульяновске, а затем — в работе в электросети он ощутил свой талант инженера. Прочувствовал тот потенциал, который сидел в нем с рождения. Стоило только сфокусироваться, и результаты были изумительными. Конструкторские идеи бурлили в нем не хуже, чем писательские годы спустя. Расставаться со всем этим внутренним богатством было непросто. Трудно было прерывать и человеческие связи с научным руководителем, другими учеными, распознавшими в нем творческий дар ученого.

На фоне с таким трудом полученного научного опыта и скромного признания старших коллег в душу Даниила Александровича стали проникать совершенно иные ощущения, которые были связаны с литературным трудом. Словно извиняясь перед судьбой, самим собой и Учителями, он стал перетаскивать несложившиеся научные идеи на новое, литературное поле. И оно в каком-то смысле стало более благодатным для творчества. Если в науке он был еще подмастерьем, то, придя в литературу и начав размышлять в своих произведениях о методологии научно-технического творчества, замешанной на высоких нравственных началах, он предстал перед старшими товарищами по литературному цеху как единственный в своем роде специалист, разбиравшийся в науке и технике. Как говорится, «попадание в яблочко». Большая часть молодых писателей годами искала свою творческую нишу, не находя места для проявления самобытности. А тут с ходу такой успех в творческом поиске. Самому же Д. А. Герману было ясно то, чего не понимали даже маститые писатели: у него оставался колоссальный объем идей. Первые рассказы он писал с удивлением, открывая в себе не литературный дар, который он ощущал в себе с детства, а умение трансформировать в текст психологию переживаний выдуманных героев. Это было его огромное открытие самого себя. Оказывается, в нем жило умение перевоплощаться в придуманных им людей. С женскими образами, естественно,

было потяжелей, но образы молодых ученых давались ему ярко и правдиво, потому что он списывал их с самого себя. Совершенно неожиданно он стал литературным монополистом, захватив огромное и очень востребованное временем интеллектуальное пространство. Его не могли не заметить коллеги, критики, читатели. Заметила его и власть, потому что то, о чем писал молодой литератор, было необычайно важно с социальной точки зрения. Автор воспевал молодость, ум, желание совершать смелые поступки в науке, видя приоритет общественных ценностей над личными. Иначе говоря, из-под пера Даниила Александровича вышел образ, ни много ни мало, Героя Нашего Времени. Героя послевоенной поры. Это был нравственный ориентир, наделенный современной разносторонней привлекательностью. Как было не поддержать такого молодого автора?!

Так в советскую литературную среду прочно вошел Д. А. Герман, теперь уже – писатель Даниил Гранин.

Справедливости ради нужно признать, что Победа внесла в Ленинградскую писательскую организацию новую творческую струю. У каждого молодого автора была своя фронтовая судьба и свой литературный незабываемый стиль. Вместе с Д. А. Граниным, например, на литературном небосклоне Ленинграда заблистала звезда Валентины Чудаковой, которой в 1950 г. было всего-то двадцать пять лет. В войну ее заметил на фронте знаменитый Иосиф Уткин и был восхищен ее геройством и литературным даром. Окончив войну капитаном, командиром пулеметной роты, состоявшей из уголовников, направленных на фронт для того, чтобы смыть позор совершенных преступлений кровью, она одной из первых начала писать о минувшей войне. Вопреки всякой логике она писала о ней так же, как и воевала: бесшабашно, лихо, весело. Удивительно то, что ее веселость не была кощунственной. Она была органичной и естественной, потому что Валентина Васильевна не фальшивила, не переигрывала, а писала естественно, как жила на свете. Ее автобиографическая повесть «Чижик – птичка с характером» переиздавалась огромными тиражами, и, кажется, не было советской семьи, где бы на книжной полке не стоял томик этой удивительной повести.

В «литературном быту» она была безвредной хулиганкой, способной на мелкие шалости. Д. А. Гранин не мог говорить о ней без улыбки и нескрываемой приязни. Она по-простецки называла его Данькой и считала самым одаренным среди писателей военного поколения.

Послевоенная писательская среда приняла Д. А. Гранина не безоговорочно, но в целом благожелательно, что, в принципе, для нее было несвойственно. Писательские организации того времени напоминали средневековые гильдии, корпоративность которых была удивительной. Просочиться в писательское сообщество было почти невозможно. Кроме явного таланта, нужны были и другие «качественные характеристики»: партийность, стерильность биографии, правильная национальность. Коммунист-фронтвик Д. А. Гранин родственников-сидельцев не имел, сам не привлекался и во всех анкетах, не считая никем не вспоминаясь анкеты студенческих времен, писал в графе «национальность» — украинец. Двучленная мораль советского общества далеко не всем людям позволяла на практике иметь шанс делать карьеру при национальном «дефекте». Право быть евреем нужно было заслужить. Но не все тогда были Аркадиями Райкиными или Ильями Эренбургами. Д. А. Гранин до такого «чина» в ту пору еще не дорос. Так что до поры приходилось быть украинцем. Для сохранения красоты конфигурации анкеты.

Д. А. Гранин шел по литературной дорожке, как по тонкому льду. Время от времени останавливался и прислушивался: не трещит ли? Трещал. По поводу рассказа «Вариант второй» были ворчания критики, которая на всякий случай усматривала в нем профессиональные неточности. А повесть «Спор через океан», она же «Победа инженера Корсакова», некоторым критикам вообще показалась проявлением низкопоклонства перед Западом, которого в ней и близко не было. Но критики действовали по принципу «лучше перебдить, чем недобдить». Такое было гниловатое время.

В ноябре 1950 г. произошло событие, значение которого по-настоящему понимали только Даниил Александрович и Римма Михайловна: в «Литературной газете» впервые

появился материал, написанный Д. А. Граниным¹. Он был острым, даже рискованным и посвящался судьбе очень важного и полезного изобретения И. М. Имянитова. Статья была написана очень взволнованно. Автор прекрасно разбирался в технической сути проблемы, что было понятно читателю. Литератор, ясно понимающий научно-технические детали, был симпатичен и необычен среди авторов, писавших на похожие темы пространно и невнятно. И хотя в материале рассматривался лишь частный случай, было ясно, что он будет иметь большой общественный резонанс.

Июльская статья в «Литературной газете» оказалась замеченной читателями и чиновниками от науки. О толковом литераторе, блестяще разбирающемся в научно-технических вопросах, заговорили в курилках, на коммунальных кухнях и в институтах. Начальство тоже стало поглядывать на него с любопытством.

Редколлегия «Литературной газеты», говоря языком гранинских литературных героев, хорошо ориентировалась по углу и по азимуту. Ей стало понятно, что публикации статей Д. А. Гранина могут привлекать общественное внимание, расширять круг читательской аудитории. Вскоре писатель получил от этой газеты заказ на написание проблемной статьи, посвященной советской интеллигенции. Написание ее именно этим молодым писателем подразумевало, что советскому обществу на том этапе развития куда важнее была техническая интеллигенция, которая больше делала, чем говорила. Эпоха интеллигентов-говорунов отходила на задний план. Статья была опубликована в ноябре 1950 г. и вызвала небывалый читательский интерес².

Это, по существу, означало, что писатель принят во всероссийское писательское сообщество, что его размышления о роли советской интеллигенции, в первую очередь — технической, считаются интересными, заслуживающими внимания как профессиональных литераторов, так и всех думающих людей. У советских интеллигентов не было

1 *Гранин Д. А.* Пламенное равнодушие // Литературная газета. 1950. 25 июля.

2 *Гранин Д. А.* Интеллигент // Там же. 16 нояб.

своего печатного органа, но «Литературная газета» была именно тем изданием, которое объединяло всех интеллигентов страны. Доверие Д. А. Гранину разместить на страницах газеты материал под название «Интеллигент» означало очень многое. В том числе и то, что его личное понимание места советской интеллигенции в жизни общества совпадало с представлением власти о социальном предназначении этой обширной и влиятельной общности людей. Статья не была конъюнктурной. Она была пронизана свежими мыслями, отличавшимися смелостью и авторской самостоятельностью. Думаю, власть понимала, что такого смельчака-интеллектуала нашей литературе очень недостает. Старые звезды и светят по-старому. Послевоенный Советский Союз нуждался в прибавлении освещения на своем небосводе. Так что способности вчерашнего инженера-электрика оказались очень к месту и вовремя.

Так совпало, что Д. А. Гранин был замечен сразу в Ленинграде и в Москве. В обоих городах его с начала 1950-х стали, как сказали бы сейчас, раскручивать весьма энергично.

Средства массовой информации в ту пору находились на скромном уровне развития. Основными носителями литературной информации были газеты, журналы и книги. В те годы уже сложилась отработанная система продвижения литературных произведений. Сначала фрагменты каких-либо произведений печатались в газетах и, реже, в журналах, а потом, в случае положительных откликов читателей и критики, появлялись и отдельные издания сборников рассказов, очерков, повестей и романов, выходившие из печати многотысячными тиражами. Такая система апробации действовала безотказно. Сбои бывали, но крайне редко. Читатели в то время традиционно много писали в редакции разных изданий, с энтузиазмом откликались на новые публикации, новые имена. Если высокое начальство начинало взыскивать с издателя за то, что какую-то публикацию пропустил, где-то чего-то не разглядел, всегда можно было притащить с собой в высокий кабинет пару мешков читательских писем и сказать: «Посмотрите, товарищ начальник, народу-то нравится!» Это, конечно, не всегда имело силу, но на мешки общественного мнения

падать все-таки мягче, чем просто на кремлевский или смольнинский паркет.

С 1950 года рассказы Д. А. Гранина стали публиковаться в ежегодном литературном альманахе «Молодой Ленинград». Книжка по объему была не очень большой, а молодых авторов хватало. «С улицы» на его страницы не могло попасть ни одно литературное произведение. На всякий случай скажу «почти не могло», хотя мне не известны авторы, которые сами по себе отправляли бы в альманах рассказы или стихи и их тут же публиковали. У многих литературных мэтров были ученики или благодарные последователи из числа молодежи, которых маститые писатели и поэты поддерживали. Разумеется, все эти поддержки были на совершенно безвозмездной основе. Бессребреничество было в те годы понятием самим собой разумеющимся. Помогали «за идею»: многие уже состоявшиеся писатели любили помогать молодежи, даже ощущали в себе потребность в этом. У Д. А. Гранина в начале его творческого пути такими благодетелями, насколько я знаю, были Ю. П. Герман и А. А. Прокофьев. Конечно, были и другие, например, московские писатели и поэты, но эти стояли к нему как-то поближе. Позже А. А. Прокофьев обиделся на Даниила Александровича и отдалился от него, но я не вправе пытаться разбираться в той ситуации: чужая душа – потемки. Правда, для меня в отношениях между А. А. Прокофьевым и Д. А. Граниным есть большая загадка. Почему в 1950-е гг. они по-человечески сблизились? Только ли потому, что маститому поэту понравилась проза молодого Д. А. Германа? Предполагаю, что не только по этой причине. А. А. Прокофьев, сам человек воевавший, хотя и не на передовой, особенно трепетно относился к тем, кто защищал Ленинград у Пулковских высот. Это я заметил, читая стихи Александра Андреевича. В 1947 г. он написал короткое стихотворение «Пулково», утверждая, что «дух тленья мест священных не коснется»¹. Через несколько лет, в 1953 г., в новом стихотворении о Пулкове поэт уточнил: «Где билось поколение мое»². Т.е. он писал

1 Прокофьев А. А. Пулково // Лирика. Л., 1956. С. 54.

2 Прокофьев А. А. На Пулковском меридиане // Лирика. С. 52.

и о Данииле Александровиче, сражавшемся в нескольких сотнях метров от Пулковских высот. В том же году родилось еще одно стихотворение про Пулково, в районе которого вместо минных полей появились яблони¹. Кстати, и сейчас, накануне 2020-х гг., от садов, посаженных между бывшей Средней Рогаткой и Пулковом, остались некоторые чудом уцелевшие яблони, которым уже почти 70 лет.

Предполагаю, что участие Д. А. Германа в боях под Пулково если не определило благосклонное отношение А. А. Прокофьева к Даниилу Александровичу, то, по крайней мере, стало прологом к той благосклонности.

При заводах, фабриках, институтах, редакциях газет и журналов уже тогда работали литературные объединения, сохранившиеся до конца советских времен. Я сам в разные годы прошел через них и до сих пор считаю своими учителями поэтов Э. М. Дубровину, С. Г. Макарова, Г. Б. Гоппе, А. А. Шевелева, прозаика В. В. Чудакову. С Валентиной Васильевной, о которой я уже упоминал, мы многие годы дружили.

У Д. А. Гранина тоже были учителя. С их помощью была проторена дорожка в альманах «Молодой Ленинград», что гарантировало устойчивое попадание в ежегодные писательские междусобойчики молодых до поры до времени авторов. Сам Даниил Александрович писал о своих старших товарищах (а, на мой взгляд, именно они были его первыми учителями) так: «Я был пришлым. Поначалу меня пригрели фронтовики: Дудин, Орлов, С. Давыдов, Д. Хренков, были там бывшие танкисты – Аквилев, В. Курочкин, был Герман Гоппе, Глеб Пагирев, ребята, порядком изувеченные в боях. Но почему-то память о войне меня в те годы тяготила. Хотелось бы от нее отделаться. Я долго пребывал в Союзе сам по себе. Я вижу себя в ресторане Союза, ходит этот парень между столиков, не знает, куда присесть. Всюду свои компании, идет свой треп. Однажды его пригласили. Там сидели Ольга Берггольц, Юрий Герман, Леонид Рахманов, Владимир Орлов, Евгений Шварц и Михаил Слонимский. Усадили. Это было как бы признание. Он был допущен. Почему он придавал этому такое значение? Да потому, что

1 Прокофьев А. А. Идут сады за Пулково // Лирика. С. 55–56.

у них был свой счет. Значит, достоин. Еще важнее для него тогда было то, что они представляли Храм, жрецы Храма литературы, для них литературное дело было служением. Да, был еще, кажется, Юра Макогоненко. Понятие «писатель» означало нечто возвышенное — так он воспринимал этих людей. Независимо от таланта, успеха, положения, нет, они ценили именно бескорыстие, чистое служение литературе»¹.

В 1951–1952 гг. Даниил Александрович, как говорят военные, закреплялся на занятом рубеже. Он постоянно печатался в журнале «Звезда», который, хотя и выходил в Ленинграде, был в числе самых авторитетных «толстых» журналов союзного масштаба. Вероятно, молодому писателю еще грело душу и то обстоятельство, что редакция этого издания находилась на Моховой улице, неподалеку от школы, где он когда-то учился. Д. А. Гранин стал постоянным автором «Литературной газеты». Это содружество сохранилось до конца дней писателя. В 1952 г. он дважды публиковался в журнале «Огонек», бывшем долгие годы одним из самых востребованных в стране. Тогда же началось его сотрудничество с журналом «Техника — молодежи» — необычайно популярным журналом у читателей совершенно разного возраста. Условно главную тему того времени можно охарактеризовать как учебно-научно-производственную. Он писал о студентах, инженерах, рабочих, руководителях производства низового звена. И вся та проблематика была пронизана идеей творчества, без которого он не видел ни студенческой жизни, ни труда рабочего, ни доли руководителя-производственника, ни инженерной работы. Были и некоторые попытки писать на международные темы, рассматривая их сквозь призму технической проблематики. Все это было интересно и ново, но во всех этих публикациях ощущалось что-то разминочное, прикидочное. Автор словно примерялся к чему-то более существенному, более основательному. На самом деле так оно и было. Все то, что было написано прежде, представляло собой своеобразный черновой набросок его первого романа, идея написания которого появилась, скорее всего, еще в аспирантские времена. Принято считать, что роман «Искатели» Даниил Александрович начал

¹ Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 342.

писать в 1951 г. Но на самом деле трудно сказать, когда идея написания романа «Искатели» вылилась в первые шаги в нужном направлении. Да и что считать таковыми? Может, это был какой-нибудь план, может, портретные зарисовки героев. Д. А. Гранин создал этот роман не с чистого листа. Им он подытожил все свое творчество 1948–1954 гг. Роман был завершен, по существу, в 1953 г. Потом были мелкие доработки, «ловля блох». Редколлегия журнала «Звезда» подставила свое надежное плечо, понимая, что совершает не только благодеяние, но и успешный издательский шаг, поскольку предварительное прочтение восхитило и Ю. П. Германа, и остальных, кто успел ознакомиться с текстом. В июльском и в августовском выпусках журнала «Звезда», впервые в Советском Союзе, роман «Искатели» был опубликован¹.

Следует обратить внимание на одну деталь совершенно технического свойства: роман был выпущен из печати летом, перед началом осени. Допускаю, что это произошло случайно, хотя случайностей в издательском деле знаю немного. В то же время выпуски состоялись в период массовых отпусков, в том числе и советско-партийного руководства. Как говорится, береженого Бог бережет. С другой стороны, к началу сентября читатели подтянулись из отпусков, массово (как было принято тогда) пошли в библиотеки, где уже успевшие прочитать роман сотрудники книгохранилищ наперебой начали рекомендовать произведение Д. А. Гранина читателям. Именно тогда, летом 1954 г., Д. А. Гранин «проснулся знаменитым». Так что точку отсчета его знаменитости определить можно с высокой степенью точности. А его литературной «купелью» по праву должен считаться журнал «Звезда».

После выхода в свет романа «Искатели» Даниил Александрович стал чрезвычайно популярным. Общественное мнение по поводу романа отражено в нехитром двустишье:

Прозаик написал роман «Искатели».

— Искать и впредь! — советуют читатели².

1 Гранин Д. А. Искатели // Звезда. 1954. № 7. С. 3–99; № 8. С. 7–119.

2 Гранов В., Пустынин М. «Прозаик написал роман “Искатели”...» // Двадцатый век в эпиграммах от А до Я: Из собр. Льва Куклина. СПб., 2002. С. 97.

Любопытное совпадение: в том же 1954 г. в США вышел в свет роман Алана Ле Мэя «Искатели», который был посвящен совершенно другой теме – событиям в Техасе, развернувшимся вскоре после завершения гражданской войны в Соединенных Штатах. Американский роман «Искатели», так же как и советский, стал очень популярным. Английская рок-группа, ценившаяся в Северной Америке не намного ниже группы «Битлз», в честь романа Алана Ле Мэя стала называть себя «Искатели» («The Searchers»). Было и еще одно совпадение: экранизация американского романа «Искатели», так же как и советского, состоялась в 1956 г. Причем автор романа, как и Д. А. Гранин в СССР, стал соавтором сценария кинофильма. Завершая перечень совпадений, замечу, что американский роман «Искатели», как и советский, стал классикой и продолжает с успехом переиздаваться до сих пор¹.

Анонимный автор сумел очень точно передать реакцию чиновников от культуры, благосклонно относившихся к судьбе произведений Д. А. Гранина. Точнее, они во многом формировали судьбу тех произведений. И делали это не только по доброте душевной, но и понимая, какой общественный резонанс вызывали гранинские работы:

В «Искателях» сыскался Гранин.

И в «После свадьбы» – тоже он:

Он на «Ленфильме» обэкранен

И в редсоветах утвержден!²

Первые произведения Д. А. Гранина более опытными коллегами по литературному цеху были приняты доброжелательно. Многим импонировало то, что в литературу пришел технарь, фронтовик – человек совсем молодой, но уже прошедший хорошую жизненную школу: работу на

1 Радиостанция «BBC Radio 4 extra». The 20th-Century North // <https://www.bbc.co.uk/programmes/b07tbkwz#play> (дата обращения – 10.08.2018).

2 «В «Искателях» сыскался Гранин...» // Двадцатый век в эпиграммах от А до Я: Из собр. Льва Кукулина. С. 98.

Кировском заводе, фронт, нелегкую службу в «Ленэнерго» по восстановлению города:

Писатель, инженер — он многогранен.
«Из молодых, да Гранин!»¹

Реакция критики и московского начальства была положительной. Через год после смерти И. В. Сталина роман новому руководству был очень кстати. Хотя писался, разумеется, не для него, а по зову писательской души.

Одним словом, 1954 г. стал для Даниила Александровича годом большого успеха. Год можно было бы даже считать счастливым, если бы не печальное обстоятельство: в тот год, как уже отмечалось в первой главе, не стало его отца — Александра Даниловича.

В 1954 г. Д. А. Гранин стал секретарем Ленинградского отделения Союза писателей СССР². Это событие означало, что он приобрел авторитет среди коллег по Ленинградской писательской организации. Разумеется, сказалась поддержка многих писателей, среди которых в первую очередь выделялись Ю. П. Герман и А. А. Прокофьев. Тогда еще коллеги по цеху больше радовались успеху молодого писателя, чем ревновали к славе, которая в полную силу еще не пришла.

Издатели очень чутко и оперативно отреагировали на ситуацию. Спустя несколько месяцев после первой публикации «Искателей», в начале 1955 г., роман был перепечатан в двух номерах «Романа-газеты», что сделало его очень доступным читателям всего Советского Союза. Не отставали и ленинградские издатели, выпустив его впервые в виде отдельной книги тиражом в 90 тысяч экземпляров³.

Успех романа был колоссальный. Д. А. Гранин в 36 лет мгновенно перескочил из разряда молодых писателей

1 Тимофеев Б. «Писатель, инженер — он многогранен...» // Двадцатый век в эпиграммах от А до Я: Из собр. Льва Куклина. С. 97.

2 Русские советские писатели-прозаики: Библиограф. указатель. Т. 1: Авдеенко — Жестев: [По 1-е янв. 1959 г.]. С. 571.

3 Гранин Д. А. Искатели. Л., 1955.

в знаменитости. Классиком называть его не решались, но на похвалы не скупились:

Многогранен
физик Гранин.
Лирик Гранин —
филигранен¹.

Но по-настоящему успеха и долговечности романа просчитать не мог никто. Летним вечером 2018 г. мне позвонил мой бывший аспирант и, узнав, что я пишу книгу о Д. А. Гранине, воскликнул: «Какое совпадение! Я только на прошлой неделе перечитывал роман “Искатели”!». И это спустя 64 года после первого издания! Скажите теперь, что роман «Искатели» — не классика отечественной литературы. Не убедите.

Писать о содержании романа в этой книге нет смысла. О нем написано по объему куда больше, чем он сам. Но есть в нем немало загадок, одна из которых — поразительная долговечность. Давно безнадежно устарели технологии и приборы, описанные в этом произведении, а роман по-прежнему притягивает к себе. Несколько лет назад я попытался проанализировать «Искатели» с точки зрения понимания нравственности в те времена, когда создавался роман, опубликовал статью в научном сборнике и показал Даниилу Александровичу. Реакция была ожидаемой: на статью он даже и не взглянул. Терпеть не мог читать про себя и свои работы. Между тем с точки зрения исторической психологии роман действительно очень интересен, поскольку является очень специфическим историко-психологическим источником. Только с 1955 по 1979 г. он переиздавался десять раз огромными даже для советского времени тиражами². Во второй половине 1950-х — в начале 1960-х гг. это произведение было, пожалуй, самым читаемым

1 Федюрко Н. «Многогранен физик Гранин...» // Двадцатый век в эпиграммах от А до Я: Из собр. Льва Куклина. С. 98.

2 Гранин Д. А. Искатели. Л., 1955; то же. М., 1955; то же. Л., 1956; то же. Л., 1957; то же. М., 1959; то же. Л., 1960; то же. Л., 1967; то же. Л., 1971; то же. Л., 1974; то же. Л., 1979.

в стране. Оно стало нравственным ориентиром для молодежи и людей зрелого возраста. О его новаторской сути в те годы было написано немало, однако по-настоящему оценить его роль в нравственном становлении советских людей стало возможным лишь в последние годы, когда на постсоветском пространстве начали утверждаться совершенно иные нравственные ценности, явившиеся следствием принципиально других, чем прежде общественно-политических и экономических отношений.

Книга, написанная ленинградцем, в силу многих причин сразу же стала совсем не региональной не только по своей социальной значимости, но и по многим формальным признакам. Только внимательный читатель мог понять, что события, описанные в романе, происходили в Ленинграде. Автор, скорее всего, сознательно обошел стороной топонимику города, давая возможность каждому взявшему в руки роман увидеть происходившее в том крупном городе страны, который был бы ему ближе и понятнее. Действительно, описанные события могли происходить где угодно – в Москве, Киеве, Новосибирске, Минске, Тамбове, Свердловске, Хабаровске. Топонимическим исключением косвенно в романе звучали лишь стихотворные строки:

Наша встреча будет у Разъезжей,
И приду к твоим Пяти Углам...¹

И это не обезличивало роман, а делало его универсальным, «применимым» к любому крупному научному и промышленному центру СССР. Лишь по небольшим косвенным фактам можно было догадаться, что место действия романа – все-таки Ленинград (сравнение Адмиралтейской иглы с зубочисткой², прогулка сослуживцев на пароходе на взморье³ – скорее всего, имелся в виду Финский залив, исследовательская работа главного героя в Публичной библиотеке⁴). Наверное, не случайным было и обращение

1 Гранин Д. А. Искатели. Л., 1957. С. 91.

2 Там же. С. 175.

3 Там же. С. 146.

4 Там же. С. 147.

к истории Петербурга, в частности, упоминание о том, что еще до революции с наступлением сумерек на петербургские улицы выходили 800 фонарщиков¹.

На место действия косвенно указывало и то, что главный герой «сравнивал себя с путешественником, идущим из Ленинграда в Москву вокруг земного шара»².

В романе есть упоминание Ленинграда, Таврического дворца в контексте давних событий, связанных с участием главного героя, тогда еще мальчишки, в похоронах С. М. Кирова, но это было, пожалуй, единственным упоминанием города в книге³.

Ленинградским оставался, правда, дух героев романа: некоторая сдержанность, интеллигентность, доброжелательность, то есть все то, что отличало жителей послевоенного города и за что их любили во всех уголках страны.

Иногда автор, казалось, боясь похожести города, в котором происходило действие повествования, на Ленинград, сознательно вводил читателя в заблуждение. То придумывал никогда не существовавшую в Питере рабочую окраину Березовку⁴, то не площадь, не улицу, а именно проспект Восстания⁵, которого в городе не было и нет.

Роман Д. А. Гранина на протяжении долгих лет был нравственным ориентиром для многих. Его герои определили дальнейшую судьбу двух поколений советских людей, избравших непростой путь советской технической интеллигенции.

О революционности этого произведения в разные годы немало писали критики. Сейчас же наступил качественно иной момент: роман «Искатели» сохранил в себе исторически достоверные сведения не только о быте, но и о духе послевоенных лет, не поняв которого, бесполезно было бы разбираться в послевоенной истории СССР в целом.

Одной из особенностей романа является то, что в нем не говорится точно о времени, когда происходили описы-

1 *Гранин Д. А. Искатели.* С. 111.

2 Там же. С. 186.

3 Там же. С. 311.

4 Там же. С. 112.

5 Там же. С. 371.

ваемые события. Известно только, что «война давно кончилась»¹. Эта временная неопределенность, как и отсутствие «точных географических координат», не случайна. Автору, вероятно, было важно отметить, что последствия военной поры были в целом уже преодолены, а перед страной и ее жителями стояли качественно новые задачи, устремленные в будущее. Нам, людям сегодняшнего дня, очень любопытно оценить авторское ощущение этого «давно». Если книга впервые вышла из печати ровно через десять лет после окончания Великой Отечественной войны, то ее герои, скорее всего, жили и работали в первой половине 1950-х гг. Стало быть, после войны прошло всего пять-семь лет. Нам сейчас вряд ли покажется, что мы «давно» шагнули в XXI в. События 1991–1993 гг. и сейчас кажутся совсем недавними. Почему же для автора книги и его героев события пяти-семилетней давности казались давно минувшими? Вероятно, потому, что все предшествовавшие годы были плотно насыщены целенаправленной созидательной деятельностью. С высоты сегодняшнего дня можно сколько угодно иронизировать над идеей построения коммунизма, но бесспорно то, что первые послевоенные годы во многом именно в силу нее были наполнены для советских людей глубинным смыслом. Именно во многом потому, что после войны большинство жителей государства занималось созидательным трудом и «знало, куда идти», качественно иные времена казались давним кошмаром. Наш же современный кошмар, то есть процесс становления современного государства, затянувшийся почти на 30 последних лет, — привычная для россиян среда обитания. Говорить о ней как о чем-то минувшем пока еще преждевременно.

То время мимоходом охарактеризовал один из эпизодических героев романа: «Теперь все инженеры, инженеры. Век машин и витаминов»².

Многие бытовые ориентиры времени, описываемого в романе «Искатели», для современников не очень понятны. Например, жена чиновника средней руки одновременно оза-

1 *Гранин Д. А. Искатели. С. 65.*

2 Там же. С. 162.

бочена несколькими проблемами: чем отоварить карточки, откладыванием денег для снятия дачи на лето, выбором домработницы и «доставанием билетов в Филармонию»¹. Кстати, карточки в Ленинграде отменили в 1949 г. Так что время происходивших в романе событий не так уж сложно определить.

Совершенным безумием показалось бы нам ее путешествие вдвоем с мужем во время отпуска по горным селениям Кавказа, и уж совсем непонятым показалось бы то, что тот самый чиновник (кстати, один из отрицательных героев книги) по собственному желанию «хотел вернуться на две недели раньше и окончить какое-то усовершенствование по автоматике», поскольку «работал над ним всю зиму»².

Поленницы дров во дворах были для большого города той поры обычным пейзажем³, как и обычным было, например, курение участников заседания технического совета крупного предприятия⁴. И в то же время в романе звучат и очень современные мотивы. Например, главный герой посещает бассейн. Правда, посещение это очень уж заорганизовано. В частности, ему как самому высокому в группе надлежало в качестве «правофлангового» первым входить в воду, причем делалось это исключительно по команде⁵.

Любопытно выглядел и щеголь того времени: небрежность в одежде, курточка с молниями, широкое свободное пальто, яркий галстук. Кое в чем похоже на современника, но только тот щеголь 1950-х умел играть на аккордеоне и превосходно танцевать⁶.

Лиза, жена чиновника, имела ряд привилегий, данных немногим в то время: ей было на что отправляться по выходным по комиссионным магазинам, для нее «извлекали из-под прилавка недорогой хрусталь»⁷. И эти забавные и во многом бессмысленные по сегодняшним меркам радости

1 Гранин Д. А. Искатели. С. 64–65.

2 Там же. С. 66.

3 Там же. С. 103.

4 Там же. С. 155.

5 Там же. С. 288.

6 Там же. С. 104.

7 Там же. С. 68.

делали ее настолько счастливой, что «Лиза не знала, о чем ей мечтать»¹.

Дамы ее круга жили в ту пору относительно простой духовной жизнью, сводившейся во многом к походам на дискуссии в Союз писателей и на весенние выставки собак².

Некоторые бытовые детали кажутся совершенно непонятными и непохожими на нашу современную жизнь: «Идти за водкой сейчас поздно, все закрыто...»³

Несмотря на то что действие романа происходит на излете сталинской поры, о В. И. Сталине нет не только упоминаний, но и даже намеков на его время, как на время уже безвозвратно ушедшее. Правда, совершенно невольно крупинки сталинизма себя проявляют. Не случайно один из персонажей сам себе задает вопрос: «Вредитель я, что ли?»⁴ Кое-что из прежних жестких законов продолжало действовать. Так, после прогула сотрудника предприятия один из активистов предложил завести на него дело и передать в суд⁵. По некоторым признакам можно предположить, что описываемые события происходили до 1953 г. Об этом, в частности, косвенно говорит тот факт, что одного из персонажей собирались представить на соискание Сталинской премии⁶.

Многие нравственные ценности того времени, многие нюансы обыденных разговоров людей совершенно не похожи на сегодняшние. В порядке вещей один сослуживец мог упрекнуть другого в обывательщине и без всякого пафоса попросить его дать какому-то бытовому событию «политическую оценку»⁷. Сейчас бы это показалось глупостью, тогда же было нормой жизни.

Чем отличался советский человек начала 1950-х гг. от нашего современника? На этот вопрос можно ответить, вдумавшись в простые слова одного из действующих лиц

1 Гранин Д. А. Искатели. С. 69.

2 Там же. С. 70.

3 Там же. С. 295.

4 Там же. С. 105.

5 Там же. С. 213.

6 Там же. С. 278.

7 Там же. С. 106.

романа: «Мы все не прочь получать побольше. Вопрос только, каким путем этого добиваться. Дайте мне три тысячи в месяц и пошлите пивом торговать — не пойду. И никто из вас не пойдет»¹. Сейчас бы реакция была иная: не важно, чем заниматься, важна «цена вопроса».

О ценностях молодежи начала 1950-х гг. говорят многочисленные фрагменты книги. Без всякой бравады современники думали: «Борьба! Это слово манило и звало вперед»², их воодушевляла «идея поэтизации будничного труда»³.

Автору «Искателей» в ряде случаев удалось вычлнить нравственные ценности поколения тех лет в афористичной форме: «Человек, лишенный непосредственности, становится посредственностью»⁴.

Нравственные ориентиры того времени были просты, но не примитивны. Они сводились к нехитрой формуле: «За справедливость надо драться»⁵. При этом надо было «добиваться», делать до конца дело, в правоте которого убежден. Действенным способом достижения справедливости считалось обращение «в министерство, в ЦК, в газету...»⁶.

Д. А. Гранин всю жизнь очень уперто верил в справедливость:

«— Мы ставим идею, которой служим, — сказал мне на это генерал, — она выше ваших поисков истины.

— Ну и ставьте. Справедливости наплевать. Она непотопляема. Она выплывет»⁷.

Вызывают интерес социально-нравственные приоритеты некоторых (не самых передовых) представителей молодежи того времени: «...гулять с ним можно, а жениться — нет. Как так — он техник, а она простая работница. Конечно, с приближением к коммунизму такие пережитки будут выдыхаться»⁸. Современники тех событий «плохо пред-

1 Гранин Д. А. Искатели. С. 107.

2 Там же. С. 108.

3 Там же. С. 109.

4 Там же. С. 141.

5 Там же. С. 166.

6 Там же. С. 165.

7 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 231.

8 Гранин Д. А. Искатели. С. 241.

ставляли себе несчастных людей при коммунизме», ни на мгновение не сомневаясь в его неизбежности¹.

С позиции современного цинизма целомудренно воспринимаются даже маленькие слабости ученых и их подтрунивание над серостью коллег. Например, играя на даче в подкидного дурака на деньги, они могли сплетничать о коллеге: «Соискатель коротко и четко изложил содержание темы, доказывая необходимость присвоения ему степени доктора наук»².

Наивно рассуждая всерьез о том, есть ли на Марсе люди, эти ученые делали совершенно не наивные в нравственном отношении выводы, утверждая, что ошибки одного из их талантливых коллег «стоят достижений некоторых ученых»³.

Нравственные поиски героев романа приводили к вполне осязаемым практическим результатам. Например, к мысли героя книги о взаимопроникновении различных отраслей науки⁴ — мысли, очевидной сейчас, но совершенно новой более 50 лет назад.

Сейчас в научной литературе, не говоря уже о публикациях в средствах массовой информации, многое из советского прошлого мифологизировано. Часто мифологизировано со знаком минус. Это наносит немалый вред исторической достоверности. Один из таких мифов — изображение партийных работников в виде монстров, не имевших нравственных ценностей. В романе Д. А. Гранина, который не является конъюнктурным, такие наговоры справедливо отвергаются. Без какого бы то ни было заискивания автор реконструирует, например, нравственные поиски секретаря горкома. Интересны, в частности, его мысли о том, что у него, человека, общающегося с сотнями людей, не было друга «из среды молодых ученых, а ведь это своеобразный народ...»⁵. Думая с грустной симпатией о Лобанове — главном герое книги, кандидате технических наук, руководителе лаборатории, секретарь горкома мечтал:

1 *Гранин Д. А. Искатели.* С. 241.

2 Там же. С. 251.

3 Там же. С. 257.

4 Там же. С. 313.

5 Там же. С. 317.

«Посидеть бы с ним за кружкой пива...»¹ Эта, казалось бы, бесхитростная фраза говорит о том времени, быть может, больше, чем сказали бы многие страницы исторических исследований о событиях начала 1950-х гг. Для своего времени она очень смела по форме и точна по сути, раскрывая внутренний мир человека, наделенного огромной властью и способного заметно влиять на процесс развития исторических событий.

На фоне современной интуитивной неприязни многих людей к партийным работникам прошлого, ставшей во многом следствием «госзаказа» постсоветского руководства страны, более близок к исторической достоверности совсем иной образ партийного руководителя. Об одном из них сказал заводской мастер Наумов: «Любит Борисов людей, вот главное его партийное качество»². Не стремясь идеализировать прошлое, следует отметить, что многочисленных партийных активистов того времени, особенно низшего и среднего звеньев, это качество отличало от тех партийных и государственных чиновников, которые действовали исключительно ради собственной карьеры. Важно то, что «идейных» альтруистов в начале 1950-х гг. действительно было немало. Сейчас эта «порода людей» практически повывелась, став, говоря без всякой патетики, достоянием истории.

Отдельный нравственный пласт – это взаимоотношения между мужчинами и женщинами того времени. Они не были ханжескими, но в воспитание людей тогда были заложены прочные основы честности отношений, трогательной нерешительности и отсутствия цинизма. Марина, уже вполне состоявшаяся как личность молодая женщина, обладавшая и жизненным опытом, и властью над подчиненными ей по работе людьми, все же смущалась от «бездумной легкости», с которой дала едва знакомому с ней человеку свой телефон. Его более чем скромное по сегодняшним меркам поведение она расценивала как «возмутительное нахальство» и развязность, хотя он решил

1 Гранин Д. А. Искатели. С. 317.

2 Там же. С. 407.

всего лишь ее проводить поздним вечером¹. Спустя время она, уже начав встречаться с Лобановым, откровенничала со своей подругой: «Андрей, он даже боится дотронуться до меня. Ты знаешь, он под руку меня не решается взять. И это так хорошо»². В таком понимании случившегося не было никакой натяжки. То было мироощущение советского человека начала 1950-х гг.

Наш современник, читая роман, наверняка не однажды поймал бы себя на мысли о том, что его персонажи применительно к началу XXI в. поступали нравственно неадекватно. Представим себе нынешнего ученого, которого в какой-либо сфере опередил его коллега. Примерный алгоритм рассуждений неудачника нам очевиден: боль, досада, понимание того, что его исследовательская ниша занята со всеми вытекающими отсюда последствиями, в том числе и материальными издержками. Молодой ученый из романа «Искатели», оказавшись в такой ситуации и прочитав научную статью автора, работавшего в той же области научных интересов, что и он, думал очень похоже, но принципиально — совсем по-другому. Первая его мысль после прочтения статьи была: «Неужели это мое, неужели меня опередили?», но он тут же устыдился этой фразы, сказав самому себе в укор: «Сколько же во мне гаденького!»³ Сейчас такая реакция на эту ситуацию, скорее всего, была бы другой в подавляющем большинстве случаев, поскольку прагматизм и борьба за выживание, за «отвоевание своего места под солнцем» стали современной реальностью и нравственной (безнравственной?) нормой.

Такая «неадекватность», с точки зрения современника, касалась и нравственно-бытовой сферы. Как о совершенно обычном явлении автор писал о двух подругах: «Они легли спать вдвоем на тахте»⁴. Современный писатель вряд ли рискнул бы в своем произведении «уложить в одну постель» двух подруг, не рискуя тут же сформировать в сознании читателя прочный лесбийский образ.

1 Гранин Д. А. Искатели. С. 324.

2 Там же. С. 378.

3 Там же. С. 333.

4 Там же. С. 378.

Нравственные ценности героев романа складывались в формате политических пристрастий своего времени, что вполне естественно и обоснованно. Воровство, взяточничество они расценивали не иначе, как «пережитки капитализма». Но они умели видеть безнравственность и не столь прямолинейно: «...такие, как Потапенко, они не воруют... они иначе действуют. Партия нацеливает на план — он использует борьбу за план. Требуют критики — он использует критику... Внешне все как будто правильно... а на деле это жажда власти. Вот что испортило Потапенко. Честолюбие, карьеризм»¹. По убеждению персонажа романа корни безнравственности лежат в безыдейности². Причем под идейностью понимается не слепое следование марксистско-ленинским постулатам, а духовная чистота, вера в нравственные идеалы, обычная человеческая порядочность — качества, которые в современном обществе нередко воспринимаются как милое чудачество.

Действие романа Д. А. Гранина «Искатели» происходило в совершенно ином мире, в мире, не похожем на современный. Но его персонажи жили по законам своего времени, формируя и развивая собственное представление о нравственности. Она, та нравственность, уже тоже стала историей. О ней можно грустить, ее можно не принимать, сопоставляя с нынешними духовными ценностями, но о ней нельзя не знать исследователю, стремящемуся познать историю нашей страны 1950-х гг. во всем ее многообразии.

В 1955 г. в Ленинграде в двух издательствах одновременно — в «Лениздате» и в «Советском писателе» — вышла в свет повесть «Ярослав Домбровский». Читатели, уже хорошо знавшие имя писателя, покупали эту повесть, с интересом читали, но эффекта, как от прочтения «Искателей», не было: хорошо, но не восхитительно.

Д. А. Гранин стал необычайно популярен в Москве. Его приглашали выступать на диспут в МВТУ им. Баумана, и он ездил, интересно говорил о науке и предназначении технической интеллигенции³. Ярким и убедительным было его

1 Гранин Д. А. Искатели. С. 398.

2 Там же.

3 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 2. Д. 28. Л. 1–17.

выступление в Центральном доме литератора на конференции «Воспитание чувств и характера советского человека»¹. Его в силу не с неба свалившейся популярности приглашали даже на Всесоюзное совещание литераторов, писавших на колхозные темы, где ему и сказать-то толком было нечего. Но ездил, выступал, делился идеями². А как иначе? Если Н. С. Хрущев, начавший отогревать страну до Оттепели, считал, что все передовое должно направляться в село, то и передовой писатель не мог не быть в теме, даже если в теме и не был. Моего отца в том памятном году из Ленинграда мобилизовали на работу в Ленинградскую область, потому что родился в селе. Разве не логично? Еще как логично. Мне в тот счастливый момент было несколько месяцев: был ленинградцем, стал селянином. Свежий воздух и все такое. Так что модному писателю съездить, посоветоваться на колхозные темы сам Бог велел.

Взлет Д. А. Гранина в 1955 г. был таков, что его даже в Кремль приглашали посмотреть, как люди работают. От таких приглашений не отказываются. Съездил на три дня, посмотрел, оценил. В итоге в солидном «Новом мире» вышел бойкий очерк³. Заодно еще одну дорожку в солидный журнал протоптал. Правда, потом все большими неприятностями обернулось. Руководители «Нового мира» утратили бдительность и решили, что раз Д. А. Гранин про кремлевские дела уполномочен писать, значит, ему и вольности в его публикациях допустимы. Одна из первых «ласточек» Оттепели как-никак. Похоже, что Даниил Александрович и сам так думал. Не имел он тогда опыта политических игр. Доверчиво полагал, что раз прошел XX съезд КПСС, то он для всего советского народа прошел. Видно, в «Новом мире» тоже так считали. Во многом из-за этого в августе 1956 г. опубликовали коротенький рассказ Д. А. Гранина «Собственное мнение»⁴, который прозвучал на всю страну, как выстрел. Оттепель оттепелью, а во время нее и заморозки бывают. В том числе

1 Гранин Д. А. Значение конфликта // Литературная газета. 1955. 26 апр.

2 Литературная газета. 1955. 15 окт.

3 Гранин Д. А. Беспокойные люди: листки из блокнота // Новый мир. 1955. № 7. С. 20–23.

4 Гранин Д. А. Собственное мнение // Там же. 1956. № 8. С. 129–136.

и по коже мороз пробирает, когда родная партия уважительно так говорит: «Ты не прав, дорогой товарищ».

Вполне достаточно было скромному инструктору отдела культуры или отдела пропаганды и агитации Ленинградского обкома КПСС, перед которым, кстати, генералы трепетали, просто позвонить писателю или вежливо пригласить к себе в кабинет в Смольный и, не повышая голоса, объяснить, что подрывать авторитет партии – нехорошо. История умалчивает, сколько инфарктов и инсультов принесло такое вежливое обращение в период Оттепели, да и в другие времена. Из окон таких кабинетов Воркута или мордовские лагеря видны. Прецеденты были.

В 2003 г. прекрасный петербургский историк-американист академик РАН А. А. Фурсенко подарил Д. А. Гранину сборник документов «Президиум ЦК КПСС». В нем среди прочих документов был опубликован и протокол заседания этого руководящего партийного органа № 61 от 29 ноября 1956 г. На заседании обсуждались «антисоветские» публикации В. Д. Дудинцева, К. М. Симонова, Е. А. Евтушенко, а также рассказ Д. А. Гранина «Собственное мнение»¹.

История все расставляет на свои места: бывшая еще недавно литература антисоветская стала гордостью советской литературы.

Д. А. Гранин в тот раз хорошо отделался. Нервы потрепали, объяснив, что инструктор горкома партии не может быть негативным персонажем литературного произведения социалистического реализма. Видать, перестарался товарищ Д. А. Гранин с реализмом-то. Честно говоря, молодой инженер со слабой нервной системой, из-за которого в рассказе и произошли все события, фигура несимпатичная: патлатый псих с грязными тонкими пальцами. Но он на положительного героя не особо и претендует. Главный герой рассказа – В. П. Минаев – врию, а потом и директор НИИ, который свою нравственность откладывает до лучших времен. А они все не наступают да не наступают. Изящный рассказ. Короткий. Но вместилось в него многое. Может быть, и не стоило на нем останавливаться, но именно

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 362.

этот рассказ сыграл в жизни Даниила Александровича существенную роль. Не в смысле негативных последствий, которых в той обстановки в стране не могло не быть. С той поры, думается, писатель избавился от многих иллюзий, поняв, что политика — дрянное занятие. Правда, позже все же поддавался искушению — сам уходил в политику. Но это лишь для освежения головной боли.

Рассказ «Собственное мнение», несмотря на его краткость, оставался популярным и актуальным долгие годы¹. Впервые он был опубликован в 1956 г. Последний раз попался мне на глаза в публикации 2000 г. Удивительное долголетие! Не случайно анонимный автор написал такое двустишие:

Он был бы гением, не менее,
Когда б не «Собственное мнение»...²

Хорошо подмечено. Действительно, этот небольшой рассказ охладил симпатию высокого начальства к Д. А. Гранину и его творчеству. Незримый статус молодого гения был заменен на статус непредсказуемого и ненадежного таланта.

Но не все так просто. В отличие от многих коллег по писательскому цеху молодой писатель не боялся дерзить партийному начальству. Мне кажется, всесильные партийные чиновники иной раз просто не хотели трепать себе нервы с горячим и самолюбивым фронтовиком. Думаю, это он про себя писал годы спустя:

— Вызывают меня на комиссию, боюсь, затрахают там меня вопросами.

— Ты сам затрахаешь их своими ответами³.

1 *Гранин Д. А. Собственное мнение (повесть-притча о двуличии советского технократа) // Новый мир. 1956. № 8. С. 129–136; Он же. Собственное мнение: Рассказ // Неделя. 1987. 20–26 июля. С. 22–23; Он же. Собственное мнение: Рассказ // Оттепель, 1953–1956. М., 1989. С. 286–299; Он же. Собственное мнение: Рассказ // Распятые: Писатели — жертвы политрепрессий. Вып. 6: Слово, взятое в цепи. СПб., 2000. С. 91–102.*

2 «Он был бы гением, не менее...» // Двадцатый век в эпиграммах от А до Я: Из собр. Льва Куклина. С. 96.

3 *Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 79.*

Очень похоже на диалог молодого Д. А. Гранина с руководителем Ленинградской писательской организации А. А. Прокофьевым.

Но все равно 1956 г. стал годом, когда имя Д. А. Гранина стало хорошо известным за рубежом. Сначала в ГДР и других социалистических странах, а позже в Великобритании, Испании, США¹.

Роман «Искатели» в 1956 г. был экранизирован, причем Даниил Александрович стал соавтором сценария, что позволяло ему сохранить в фильме свои авторские задумки. Фильм советским зрителям понравился. Моя память сохранила непонятным образом фрагмент разговора двух воспитательниц в моем детском саду. Было это, знаю точно, летом 1959 г. Наш садик № 11 находился на Садовой улице, почти на углу с улицей Мясникова. Теперь это Никольский переулок. Летом нас всей группой вывозили в Сиверскую на дачу. Там я упал в пруд, простудился и попал в изолятор. Меня знобило и бросало в жар, была очень высокая температура. Мысленно я проваливался в какую-то яму, но слышал все, что происходило рядом. У моей постели почему-то дежурили две воспитательницы. Одна, пожилая, была моя любимая. Она рассказывала молодой воспитательнице, что несколько раз смотрела фильм, поставленный по роману «Искатели». Особенно мне запомнилась ее фраза: «А книга все-таки лучше». Почему я это запомнил, понятия не имею. Может, потому, что когда я был еще здоров, воспитательница показывала мне фокусы и угощала конфетами. Она вообще была какая-то не от мира сего: добрая до бесконечности. Я даже ее имя и отчество помнил лет до двадцати, а потом, к сожалению, забыл.

В том же году появилась и театральная постановка, созданная на основе романа «Искатели». Она шла с большим успехом. Советские люди в те годы любили ходить в театры, а спектакль стал настоящим театральным событием.

В 1957 г. жизнь Д. А. Гранина шла по уже накатанному пути. В «Лениздате» роман «Искатели» был переиздан, в первом томе рассказов русских советских писателей

1 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 2. Д. 25. Л. 1–24.

разместили написанный почти десять лет назад рассказ «Вариант второй». Никто и не вспомнил, что этот рассказ когда-то поругивали за непрофессионализм: Д. А. Гранин воспринимался всеми, в том числе и недоброжелателями, как профессионал высокого класса.

Даниил Александрович в то время уже расставил жизненные приоритеты. Он посвящал время семье, друзьям, в том числе бывшим однополчанам. Слава не вскружила ему голову. При необходимости мог заглянуть и в школу № 67 на улице Мира, 14, где одно время училась дочка, чтобы пообщаться с классным руководителем Софьей Филипповной Рыскиной, а то и с самой Евдокией Павловной – директором школы, преподававшей в пятом классе, где училась дочь, ботанику. Дочь – сокровенное, тайное. О ней он предпочитал не писать. Лишь изредка прорывалось: «...дочь моя, которая выросла у меня на глазах, у которой я знал каждую родинку <...> Она была мне непонятнее, может, всех других людей»¹.

В небольшой, но уютной квартире на Малой Посадской улице, 8, куда семья въехала в 1955 г. (с 1964 по 1969 г. улица носила имя Братьев Васильевых. – С. П.), на Петроградской стороне, у писателя был удобный кабинет, где прекрасно работалось. Квартиру писатель получил в соответствии со специальным постановлением Ленгорисполкома². Вероятно, литературные успехи писателя были замечены и оценены высоким начальством. Жена Римма Михайловна многие домашние дела взяла на себя: ходила по магазинам, готовила еду, встречала дочь возле школы и приводила домой, помогала мужу вести уже сформировавшуюся обширную переписку с читателями, издательствами, редакциями газет и журналов. Была умным и деликатным советчиком мужу. Наверное, как и в любой семье, в ней бывало всякое, но в целом брак удался: и любовь была, и взаимопонимание, и поддержка друг друга. Случай нечастый, но ведь кому-то должна улыбаться удача.

1 Гранин Д. А. Обратный билет // Однофамилец. Повести. С. 291.

2 ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 117. Д. 914. Л. 16–17.

Даниил Александрович любил свой Дом, был крепко привязан к нему. Однажды даже выступил в газете с письмом, чтобы власти города позаботились о благоустройстве Малой Посадской¹. То была не идиллия, а целенаправленно формировавшиеся годами условия для писательской работы, которая к тому моменту прочно заняла первое место в его жизни. Ради нее он жертвовал в жизни всем: отдыхом, застольями, светскими посиделками, которые, кстати, терпеть не мог, как и не мог часто от них увильнуть. Даже на разных встречах, особенно собраниях и совещаниях, он становился отрешенным, рассеянным, потому что старался не тратить время попусту. Телом был в присутственном месте, а мыслями улетал далеко-далеко. Мне приходилось видеть его таким. Стыдно признаться, но меня такой гранинский прием очень смешил. Помню, в 2006 г. после общения в Доме ученых в Лесном академик РАН Ю. С. Васильев познакомил его с тогдашним ректором Политеха, человеком солидных габаритов. Даниил Александрович вежливо кивнул, пожал ему руку, что-то сказал и тут же (мне это было видно) «отключил» его от своего мозга. Минут через пять, глядя на него, Д. А. Гранин, словно очнувшись, тихо спросил меня: «А кто этот толстяк в светлом костюме?»

В тот год он, как всегда, много писал. Ему всегда казалось, что работает он очень медленно, но на самом деле это было не так. Даниил Александрович обладал странной способностью заниматься множеством дел сразу и не запутываться в них. Ладно бы, если то были только писательские проекты. Все ж работа в одном направлении. Но он занимался совершенно разными делами: писал одновременно роман, рассказ, очерк, официальное письмо в Министерство культуры, рецензировал чью-нибудь рукопись, ремонтировал забарахливший домашний холодильник и отвечал на письма читателей. При этом ехал в какой-нибудь «Ленгипрогор» на читательскую конференцию, заступался за какого-то хорошего писателя, затравленного критиками и партийными умниками, и говорил в глаза повстречавшемуся дураку,

1 Гранин Д. и др. Благоустроить Малую Посадскую: Письмо в редакцию // Вечерний Ленинград. 1957. 30 авг.

что он и в самом деле дурак. В такой ситуации я всегда вспоминал выступление жонглеров в цирке. Один жонглирует пятью теннисными мячами, и он молодец. Второй жонглирует теннисным мячом, булавой, тарелкой, чашкой и утюгом. Ему несоизмеримо сложнее. Д. А. Гранин всегда был похож на второго жонглера. При этом свой литературный «утюг» он никогда не выпускал из рук.

В тот год таким «утюгом» стал роман «После свадьбы», отдельные линии которого он, несомненно, примерял к собственной судьбе. Научившийся уже быть осмотрительным, Даниил Александрович опубликовал для начала небольшой его отрывок в молодежной ленинградской газете «Смена»¹. Публикация отрывка была встречена читателями хорошо. Кому-то из партийных чиновников показалось, что роман стал своеобразной «работой над ошибками» после рассказа «Собственное мнение». Я так не считаю. Самолюбие писателя всегда было сильнее его инстинкта самосохранения. Но он искренне хотел поразмышлять на тему плодов Оттепели. Глубокого психологизма в романе было много. В героях не было лжи и лукавства. Мне очень досадно, что сам Д. А. Гранин спустя годы относился к этому роману, как к неродному. Автору, возможно, видней, но написанное произведение уже живет самостоятельной жизнью. И исправить ее не может даже автор.

Во второй половине 1958 г. роман «После свадьбы» вышел из печати в трех номерах журнала «Октябрь»². Читатели были в восторге, критики — не всегда. Восходящая звезда советской литературы Д. А. Гранин «восходил» нелегко. Это справедливо отмечала О. С. Войтинская. Критики видели слабые стороны в гранинских произведениях³. О. Ф. Бергольц, наоборот, защищала писателя, утверждая, что он «знает правду жизни»⁴. Насколько эти дебаты были обоснованными, мне, не литературоведу, судить трудно. Но могу предполо-

1 Гранин Д. А. Райком у заставы: отрывки из нового романа «После свадьбы» // Смена. 1957. 22 июня.

2 Гранин Д. А. После свадьбы // Октябрь. 1958. № 7. С. 14—89; № 8. С. 3—109; № 9. С. 3—75.

3 Войтинская О. С. Даниил Гранин: (Очерк творчества). С. 91.

4 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 50. Л. 1—3.

жить, что Даниил Александрович не обращал внимания на критические статьи о себе и своих публикациях. Одна из главных черт его характера – огромная самодостаточность. Не самоуверенность, не самовлюбленность. Эти качества не были ему свойственны. Но внутри самого себя он видел столько несказанного, невыплеснутого, непонятого ему самому, что ему было глубоко все равно, что о нем думают и пишут. Рискну утверждать, что всю жизнь Д. А. Гранин писал для себя. Точнее, для того, чтобы снять внутренний зуд, который ощущала его творческая душа. Он творил для того, чтобы творить. Все остальное было вторичным.

Как справедливо утверждала О. С. Войтинская, в 1958 г. вокруг романа Д. А. Гранина «После свадьбы» разгорелись страсти¹. Спорили читатели, критики, чиновники от партии и литературы. Д. А. Гранин формально реагировал: ездил на читательские конференции, выступал в печати, что-то объяснял, комментировал. Встречался, например, с преподавателями и студентами Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена², бывал в Москве, Ангарске, Рустави, Кировске, Пензе и в других городах СССР³. На самом же деле он был внутренне освобожден от всей пусто-порожней болтовни, опять погрузившись в работу.

Ряд критиков посчитали роман «После свадьбы» неудачей, подвергнув разному и само произведение, и «эстетическую установку автора», а заодно и его рационализм, увлечение схемами⁴. Но инженер не имеет права пренебрегать схемами. Д. А. Гранин оставался инженером и в своем литературном творчестве пользовался инженерными подходами: прежде чем понять, как действует механизм, изучи схему его работы.

Споры спорами, но всем было ясно, что Д. А. Гранин написал очередной яркий роман. В 1959 г. его опубликовала «Роман-газета», что было признаком читательского успеха. Поддержала роман и Ленинградская писательская организация, выпустив его тридцатитысячным тиражом

1 *Войтинская О. С.* Даниил Гранин: (Очерк творчества). С. 95.

2 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 3. Д. 441. Л. 1–3.

3 ЦГАЛИ. Ф. Р.-107. Оп. 3. Д. 449. Л. 1–27.

4 *Войтинская О. С.* Даниил Гранин: (Очерк творчества). С. 96.

в издательстве «Советский писатель». В 1962 г. по нему был снят кинофильм, поставлен спектакль.

В 1959 г. Даниил Александрович стал делегатом Третьего съезда писателей СССР. На нем он выступил с размышлениями о теме человеческого счастья в советской литературе¹. С высоты сегодняшнего дня я смотрю на те события немного с завистью: писатели размышляли о счастье человека, делились своими мыслями с коллегами. Как далеки от нас те доверчивость, наивность и романтизм! Как прекрасны они на фоне нынешних цинизма и прагматизма, именуемых почему-то здравым смыслом.

Среди написанного в тот год мне особенно дорога «Прекрасная Ута». У каждого писателя есть свои большие и маленькие секреты. Некоторые с годами становятся заметными. Пример тому, оставшаяся малозаметной гранинская книга «В нашем городе»². Вышедшая из печати в 1958 г. маленьким по тем временам тиражом (всего 15 тысяч экземпляров), она стала признанием автора в любви к Ленинграду. В самом этом факте никакой тайны нет. Д. А. Гранин всю жизнь очень любил родной город, многое сделал для его развития и совершенно по праву стал его почетным гражданином. Но тайна в другом. В своем небольшом очерке, представлявшем собой пояснения к многочисленным фотографиям, автор незаметно для читателей конспективно изложил в нем всю свою жизнь. Хотя книга вышла из печати в 1958 г., писалась она, скорее всего, на рубеже 1956–1957 гг. Уже известному писателю не исполнилось еще и сорока. Воспоминания о недавней юности были совсем рядом, хотя от жизни настоящей их разделила война. Но Даниил Александрович, рассказывая читателям о Ленинграде, невольно пересказывал свой собственный жизненный путь. Уже в начале книги фотография предприятия, на котором он проходил практику студентом и работал до войны: «...четырежды орденосный Кировский, бывший Путиловский, гордость питерского

1 Гранин Д. А. Тема человеческого счастья // Литературная газета. 1959. 28 мая.

2 Гранин Д. А. В нашем городе. Л., 1958.

пролетариата, любимец рабочих страны»¹. Через несколько страниц – рассказ о ленинградских студентах. Самый общий рассказ. Дескать, училось в Ленинграде в то время 150 тысяч студентов и т.д. Но иллюстрацией к тому сюжету стала фотография Политехнического института, в котором два старших курса проучился будущий писатель, где получил диплом инженера-электромеханика².

Разместив в книге фотографию Нарвских ворот, автор написал: «За далекой за Нарвской заставой парень идет молодой...» – пели, прощаясь со своей Нарвской заставой в июньские дни 1941 года, полки рабочих-добровольцев. Они шли по площади Стачек мимо Нарвских ворот, могучего памятника русской славы в Отечественной войне 1812 года. Уходили защищать Ленинград путиловцы, портовики, судостроители – парни со всех заводов и фабрик Кировского района»³. Но ведь это он о себе писал, себя вспоминал и своих товарищей, с которыми в июле 1941 г. добровольцем уходил на фронт. С Кировского завода уходил.

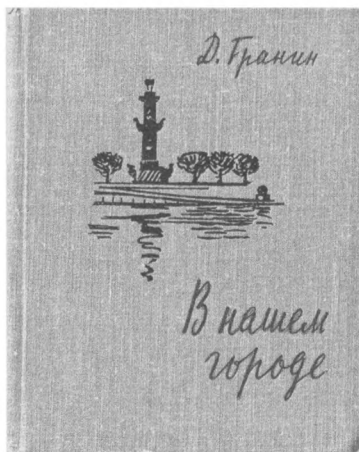
Не обошлось в книге и без упоминания гордости ленинградской интеллигенции – Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Но в качестве иллюстрации Д. А. Граниным была взята фотография не знаменитого здания на углу Невского проспекта и Садовой улицы, а один из залов для научной работы. Не Ленинский зал, не зал социально-экономической литературы, а третий из самых крупных залов – читальный зал, в котором читателями были не гуманитарии, а представители естественных и технических наук. Именно в этом зале произошло знакомство главного героя его первой повести «Спор через океан» («Победа инженера Корсакова») с девушкой, которая позже стала его судьбой. Об этом зале Д. А. Гранин писал с теплотой: «Почти любой из ленинградских инженеров найдет на фотографии <...> стол, за которым он занимался. Да и не только ленинградец – многие из ученых страны работали в этих светлых высоких залах публичной библиотеки...»⁴

1 Гранин Д. А. В нашем городе. С. 7.

2 Там же. С. 11.

3 Там же. С. 15.

4 Там же. С. 20.

В Ленинграде около полутораста тысяч студентов. Есть студенческие городки, студенческие праздники, студенческие дни в театрах, студенческие маршруты трамваев.

Рабочий день студента начинается не в аудитории, а в трамвае, где листаются конспекты, устраиваются летучие экзамены. Страх живуча истина: студенту всегда не хватает времени, — перед экзаменом ему не хватает одного дня, перед семинаром — одного часа.

Этот шумный, веселый, любознательный народ, сбежавший сюда со всех концов страны, стоит в очередях за билетами в Филармонию, первый устремляется на новые выставки, громче всех «болеет» на стадионах. Он расцветивает город улылками, будоражит его страстными спорами, волнует влюбленной молодостью.

10

«За далекой, за Нарвской заставой парень идет молодой...» — пели, прощаясь со своей родной Нарвской заставой в июньские дни 1941 года полки рабочих-добровольцев. Они шли по площади Стачек мимо Нарвских ворот, могучего памятника русской славы в Отечественной войне 1812 года. Уходили авицищать Ленинград пугилоцы, портовики, судостроители — лария со всех заводов и фабрик Кировского района. Там, где теперь станция метро «Нарвская» и светлые корпуса новых домов, стояли тогда еще деревянные дома и пылили пугири. Все меньше остается старожилые, помнящих прежнее Нарвскую заставу, но старую песенку о парне с Нарвской заставы, который прощается с любимой, уходя на фронт, по-прежнему часто поют, провожая в дорогу товарищей. Ведь, как и прежде, отсюда первыми уезжают на стройки далекого Севера, на целину, на самые боевые участки трудового фронта страны.

13

Книга Д. А. Гранина «В нашем городе»

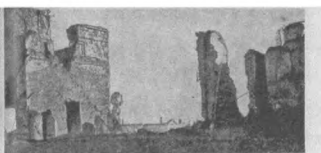
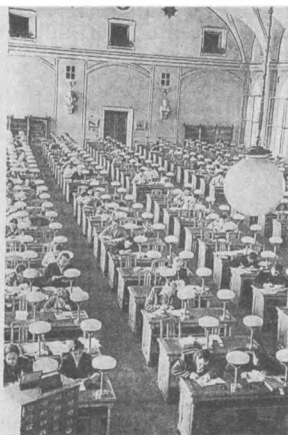

Праздничными вечерами при свете прожекторов на площади танцуют. У подножия Александровской колонны гремят духовые оркестры, и асфальт шумит под ногами тысяч людей, как море.

Почти любой из ленинградских инженеров найдет на фотографии (справа) стол, за которым он занимаясь. Да и не только ленинградцы — многие из ученых страны работали в этих светлых высоких залах Публичной библиотеки, ее читателями были Ленин, Чернышевский, Плеханов...

Сколько здесь создано научных работ, написано книг, найдено решений и ответов, сколько унесено отсюда знаний, замыслов!

20

Дважды в истории города наступалочный враг был основан у подножия Пулковских высот: в 1919 году — Юденич, а через двадцать два года — гитлеровцы... С октября 1941 года в развалинах разбитой бомбами Пулковской обсерватории держали оборону наши войска. Оттуда, где стояли телескопы, вылаждали стволы пулеметов и пушек. Они защищали небо, и

землю, и солнце, и темный свет звезд, и люди здесь воевали за сто лет бранили ясные лунные ночи, мешавшие идти в разведку.

Давно засильены окопы. Купола новой обсерватории сверкают на зеленых холмах Пулкова, и трубы телескопов вновь устремились и вселивной, в небо, откуда не должны больше падать бомбы и снаряды.

Кстати, спустя годы именно он возглавил Общество друзей Публичной библиотеки, ставшей с годами Российской национальной библиотекой.

Ко времени написания книги с конца войны минуло чуть больше десяти лет. И о ней нельзя было не вспомнить в издании. Автор мог затронуть какой угодно сюжет, связанный с блокадой, с обороной города. Но он написал о том месте, где осенью-зимой 1941 г. и позже стоял в обороне Ленинграда его родной батальон. Он писал о Пулковских высотах, которые в тот момент находились на правом фланге обороны, которую держал его батальон: «С октября

1941 года в развалинах разбитой бомбами Пулковской обсерватории держали оборону наши войска. Оттуда, где стояли телескопы, выглядывали стволы пулеметов и пушек. Они защищали небо и землю, и солнце, и тенистый свет звезд, и люди здесь впервые за сто лет бранили ясные лунные ночи, мешавшие идти в разведку.

Давно засыпаны окопы. Купола новой обсерватории сверкают на зеленых холмах Пулково, и трубы телескопов вновь устремились к Вселенной, в небо, откуда не должны больше падать бомбы и снаряды»¹.

Удивительное совпадение: астрономы спустя многие годы назвали одну из открытых ими планет именем защитника Пулковских высот – «Данграния»².

В этой небольшой книге Д. А. Гранин «зашифровал» свою любовь ко многим уголкам родного города. Знание биографии писателя – невольный дешифратор.

Французский писатель М. Уэльбек утверждал, что «именно последовательность произведений вычерчивает своего рода интеллектуальную биографию с определенной внутренней логикой»³. В правоте тех слов можно убедиться на примере анализа произведений Д. А. Гранина. Каждый его роман, повесть, рассказ, очерк – это лишь следствие предшествовавшей жизни писателя, его размышлений, переживаний, ошибок и удач. Слово отматывая время назад, мы можем осуществить попытку понять, почему именно в то или иное время появились гранинские работы, которые привлекли внимание миллионов читателей не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

1 Гранин Д. А. В нашем городе. С. 38–39.

2 Коротцев О. Прикосновение к вечности: (Планеты, названные в честь петербуржцев) // Санкт-Петербургские Ведомости. 1994. 4 авг.

3 Уэльбек М. Покорность. М., 2016. С. 54.

Творчество для меня было
актом непослушания.

Д. А. Гранин¹

¹ *Гранин Д. А.* Все было не совсем так. С. 490.

Легко ль проснуться знаменитым?

В конце 1950-х гг. Д. А. Гранин погрузился в написание романа «Иду на грозу». Внешне этого заметно не было. Писатель уже привычно колесил по стране, забираясь в ее отдаленные районы. По итогам поездок появлялись интересные очерки. Такие, например, как очерк о поездке на Алтай¹. Начались и его активные зарубежные поездки в Чехословакию, ГДР, Болгарию, Венгрию, Югославию. Побывал даже в капиталистической Великобритании, что для писателей Советского Союза было тогда редкостью.

Его авторитет стал выходить за рамки творчества писателя. Голос Д. А. Гранина звучал как голос правозащитника международного уровня. Например, в 1959 г. вместе с писателями С. А. Ворониным и Э. Грином он опубликовал воззвание в защиту греческого писателя и политического деятеля Манолиса Глезоса², имя которого в то время было необычайно популярно в Советском Союзе. Даниил Александрович стал широко известен как писатель – борец за мир. И в этом не было позы. Он, фронтовик, искренне хотел, чтобы кошмар войны больше не повторился.

В 1960 г. поездки сократились, «дежурные» публикации в газетах и журналах почти прекратились. Это было связано в первую очередь с его основательной работой над романом «Иду на грозу». Алгоритм знакомства читателей и критики с романом был отработан в прежние годы, когда на их суд постепенно выносились «Искатели» и «После

1 Гранин Д. А. Золотые рога: Из Алтайской тетради: очерк // Литературная газета. 1959. 14 нояб.

2 Гранин Д. А. и др. В защиту Манолиса Глезоса // Литературная жизнь. 1959. 5 июля.

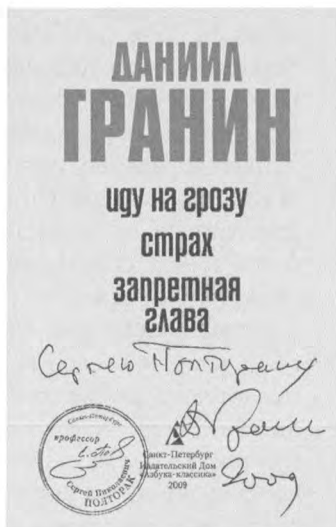
свадьбы». На этот раз подход был похожим. В начале июля фрагмент романа был опубликован в «Литературной газете»¹. Чуть позже этот же отрывок вышел из печати в «Вечернем Ленинграде» и в сборнике рассказов разных авторов «У нас в Ленинграде». Общественное мнение начало закипать в предвкушении появления романа целиком.

1961 г. был важным годом в жизни всего Советского Союза. Он, как известно, был отмечен двумя важными событиями: полетом Ю. А. Гагарина в космос и денежной реформой, смело убравшей один «ноль» с денежных купюр. То был момент удивительного триумфа СССР в мире. Мир, казалось, на мгновение замер, пытаясь осмыслить то, что происходило в СССР.

Странно, но Д. А. Гранин в своих произведениях начала 1960-х гг. никак не реагировал на достижения Советского Союза в области космонавтики. Словно и не было полетов Ю. А. Гагарина, Г. С. Титова, В. В. Терешковой. Писатель был сосредоточен над развитием сюжета нового романа, время от времени поддаваясь искушению поехать в очередное путешествие по миру. Путешествия были его страстью. Он впитывал в себя впечатления, сравнивал с впечатлениями от поездок по Советскому Союзу. Поскольку он был совершенно равнодушен к модной одежде и вообще ко всему материальному, его больше привлекали различия в культуре, в мировосприятии людей. Особенно интересна была для него тогда Куба. Да и все советские люди открывали ее для себя с изумлением и восторгом.

На Кубе в 1958 г. власть Батисты сменил Фидель Кастро с командой единомышленников, начав строить социализм под носом у США. То была не пощечина капитализму, а хороший нокдаун. Кстати, кубинские боксеры во времена правления Фиделя Кастро добились впечатляющих результатов. Не без помощи советских тренеров, конечно. Но советские «тренеры» в ту пору были на Кубе не только среди спортсменов. Отчаянное геройство кубинских революционеров восхищало многих. В Советском Союзе

1 Гранин Д. А. Лунатик: Из нового романа «Иду на грозу» // Литературная газета. 1961. 8 июля.

Обложка книги Д. А. Гранина «Остров молодых» Титульный лист книги Д. А. Гранина

Фиделя Кастро обожали не меньше, чем Ю. А. Гагарина. На Кубе фотографии Юрия Гагарина и Фиделя Кастро часто на стенах висели в то время рядом. Правда, как заметил наблюдательный Д. А. Гранин, фотографии Фиделя Кастро висели бок о бок и с портретами Брижит Бардо¹. Неплохая иллюстрация к менталитету кубинцев. Советские мальчишки звонко и взახлеб пели: «Куба – любовь моя, остров зари багровой». Восторг детей и взрослых должен был на чем-то взращиваться. На Кубу зачастили советские журналисты, деятели литературы и искусства. Бывали там партийные чиновники, известные ученые и крупные военные, но о них, в отличие от публичных лиц, не писали. Поскольку наша страна должна была знать о кубинской революции все, на Кубу в творческие командировки отправляли самых эффективных журналистов и писателей. В сентябре 1961 г. на революционном острове почти месяц провел и Д. А. Гранин, объездивший страну «от края до

¹ Гранин Д. А. Остров молодых: Рассказы о Кубе. С. 13.

края»¹. Ему в тот момент было 43 года. Великолепный возраст для творческого человека. Он уже познал известность, проявил свое самобытное видение окружающего мира. Вероятно, потому и направили его на Кубу. Д. А. Гранин писал о Кубе и о кубинцах сочно и солнечно. Ему одинаково здорово давались короткие зарисовки обычных кубинских парней и главных политиков страны. О Рауле Кастро он писал: «Была жара. Он стоял под пальмой, и в его потном мальчишечьем лице, зеленой расстегнутой гимнастерке было что-то совсем наше, комсомольское. Тяжелый пистолет оттягивал его ремень. Рядом стояли адъютанты и сопровождающие: бородачи с автоматами за плечами, все в таких же зеленых куртках, только у Рауля на погонах была плохо различимая звездочка майора»². Как же это здорово, что он такой молодой. Как это демократично и скромно, что звездочку почти не видно, что он, министр вооруженных сил республики, ничем не выделяется среди остальных революционеров. Но ведь всю эту подоплеку нужно было заметить, прочувствовать. Д. А. Гранин сам был в тот момент, как та незаметная звездочка на погоне Рауля Кастро: неназойливо, искренне перекачивал свой восторг из собственного сердца в сердца читателей.

Он честно писал о нищенской жизни кубинских рыбаков, но своеобразие революционных преобразований на Кубе затмевало все на свете. Чего стоили только заметки о борьбе с неграмотностью. Оказывается, талантливые кубинцы посвящали этой проблеме даже романсы: «Я научился читать твои письма, я сам напишу тебе, любимая моя девочка»³. Совершенно обезоруживающими были строки о том, что местные старики, теряя зрение, в прежние времена не имели средств, чтобы купить себе очки. Но пожилых жителей Кубы вдохновил пример старика, который, желая научиться читать, «соорудил себе зрительную трубку»⁴. Позже ее забрали на выставку,

1 Гранин Д. А. Остров молодых: Рассказы о Кубе. С. 5.

2 Там же. С. 8.

3 Там же. С. 19.

4 Там же. С. 22.

а министр просвещения лично подарил старику Морро Иаселло очки¹.

Прежде чем опубликовать очерки о Кубе отдельным изданием, писатель разместил часть из них в газетах «Ленинградская правда», «Литературная газета», «Комсомольская правда», в журнале «Новое время»². Эти очерки вышли из печати не только отдельной небольшой книгой, но и публиковались в журнале «Новый мир»³.

В 1961 г. не было в Советском Союзе более популярной международной темы, чем события на Кубе. Д. А. Гранин, не случайно оказавшись в эпицентре внешнеполитических событий, на одном дыхании воспел Остров Свободы. Даже строчки о том, что «При словах “Фидель”, “Хрущев” закопченные измученные лица женщин вспыхивали такой любовью, от которой щемило сердце»⁴, не отдавали конъюнктурой. Им очень хотелось верить.

Видя перспективу своего творчества, Даниил Александрович не забывал оглядываться назад. Он чтит тех классиков советской литературы, произведения которых во многом сделали из него писателя. Когда летом 1961 г. не стало Ольги Дмитриевны Форш, он рассматривал ее уход из жизни как свою личную утрату. По-другому и быть не могло. Именно она вдохновляла его на писательский труд, связанный с историческими темами. У нее он учился точности слова и умению передавать научные сведения простыми словами. Ее жизненный путь он считал подвигом⁵.

1 Гранин Д. А. Остров молодых: Рассказы о Кубе. С. 22.

2 Гранин Д. А. Сентябрь. Куба: Путевые заметки // Ленинградская правда. 1961. 15 окт.; Свет Гаваны: Путевые заметки // Литературная газета. 1961. 11 нояб.; Мы едем по Гаване: Из Кубинских очерков // Ленинградская правда. 1961. 12 нояб.; «Алфавитикадодрес» // Комсомольская правда. 1961. 19 нояб.; Это — Куба // Новое время. 1961. № 45. С. 25–27; Два острова // Ленинградская правда. 1961. 5 дек.

3 Гранин Д. А. Остров молодых: Сентябрь, 1961. Куба: Путевые заметки // Новый мир. 1962. № 6. С. 190–215.

4 Гранин Д. А. Остров молодых: Рассказы о Кубе. С. 14.

5 Гранин Д. А. Жизненный подвиг: Памяти Ольги Форш // Ленинградская правда. 1961. 19 июля.

Однако основная творческая линия Д. А. Граниным уже была определена, и подтверждением тому стал его новый роман «Иду на грозу».

Издатели знали, что произведения писателя востребованы как ничьи другие в стране. Поэтому в 1962 г. «Роман-газета» смело опубликовала «Иду на грозу» полумиллионным тиражом¹. В августе того же года роман был опубликован в трех номерах подряд в журнале «Знамя»². Последствия оказались неожиданными даже для ценителей творчества писателя. Роман «Иду на грозу» всколыхнул весь Советский Союз. То была настоящая литературная революция. Д. А. Гранина называли «поэтом интеллектуального труда»³. В связи с ним упоминали имя М. Горького, поскольку Д. А. Гранин действовал по его принципу: «...человек мучительно интересуется меня, не дает мне покоя»⁴.

Роман «Иду на грозу» стал в Советском Союзе поистине народным. Его читали далеко не только представители технической интеллигенции. Его читали все от мала до велика, независимо от своего места в нехитрой советской социальной иерархии. Очень сочно это показал С. Д. Довлатов в повести «Заповедник». Описывая свой диалог с деревенским жителем Марковым, с которым накануне они крепко выпили, писатель воспроизвел такой разговор:

- Ты жив? – спросил он.
- Да вроде бы. А ты?
- Состояние – иду на грозу!..⁵

Даже спустя многие годы после выхода в свет романа «Иду на грозу» он продолжал оставаться востребованным. Был, по существу, своеобразной визитной карточкой Д. А. Гранина. Не случайно многие годы спустя два известных московских шутника написали:

-
- 1 Гранин Д. А. Иду на грозу // Роман-газета. 1962. № 23. 132 с.
 - 2 Гранин Д. А. Иду на грозу // Знамя. 1962. № 8. С. 3–89; № 9. С. 65–121; № 10. С. 3–74.
 - 3 Войтинская О. С. Даниил Гранин: (Очерк творчества). С. 122.
 - 4 Цит. по: Войтинская О. С. Даниил Гранин: (Очерк творчества). С. 122.
 - 5 Довлатов С. Д. Заповедник // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. СПб., 2008. С. 304.

Смахнув тяжелую слезу,
Мы думаем о том,
Что вы «идете на грозу»...
А мы на что идем?!¹

Многие мои друзья, коллеги, знакомые, узнав, что я работаю над книгой о Данииле Александровиче, неожиданно для меня стали присылать письма, в которых вспоминали свои ощущения от знакомства с творчеством Д. А. Гранина. Учительница из Самары Н. В. Ипполитова написала: «Я родилась в 1955 году. Роман Даниила Александровича Гранина “Иду на грозу” вышел из печати в 1962-м. Чуть позже, в 1966-м, был снят фильм с одноименным названием с В. Лановым и А. Белявским в главных ролях. Конечно, сначала увидела фильм. Ведь мне было уже одиннадцать! Он запомнился... Книгу взяла в руки в шестнадцать, учась в десятом классе. Помню зеленую обложку, которую пересекает серебристая стрела молнии. Открываю... “Волшебник прилетел в Москву шестого мая в восемь часов утра”. Май – такой весенний, такой светлый, такой бурный, такой творческий, раскатистый, словно грозовое эхо. И вспоминаются строки Тютчева: “Люблю грозу в начале мая...” Грозу, такую прекрасную и таинственную. В романе идет речь об ученых-физиках, “идущих на грозу”, стремящихся научиться управлять природной стихией. Поэтому они – волшебники.

Читала и днем и ночью, не могла оторваться. Шестидесятники... Молодые, дерзкие, красивые, талантливые... Любовь... Наука... Подвиги во имя науки... А главное – нравственные отношения между людьми и учеными.

Для Гранина нравственность всегда лежала в основе человеческого существования. Вот, пожалуйста, несколько цитат из романа, с которыми можно спорить, но нельзя не согласиться: 1. “Слишком дорогой ценой расплачиваемся мы за необоснованные теории людей, жаждущих быстрого успеха”. 2. “Самое ценное в исследованиях – это найти

¹ Иванов А., Рейжевский А. «Смахнув тяжелую слезу...» // Двадцатый век в эпиграммах от А до Я: Из собр. Льва Кукулина. С. 98.

абсурд”. 3. “Придется братья за все сызнова, иначе, совсем по-другому. Или продолжать, но тоже иначе”. И еще: “Мы уничтожили свою веру. А что взамен?! Ничего”.

От страниц веяло свежестью в прямом и переносном смысле: гроза, молния, воздух, напоенный ветром и пахнущий просторами Вселенной, ее тайнами, которые раскрывают наши современники. Хотелось, чтобы роман не заканчивался никогда, как не заканчивается жизнь на Земле. Просто уходят от нас Волшебники, такие, как Даниил Александрович Гранин. И мы становимся беднее. Жаль нас, остающихся без людей, которые были нашей совестью и духовностью. Ушел от нас и Гранин, оставив свои книги как завещание потомкам¹.

Произведения писателя и до издания романа «Иду на грозу» уже хорошо знали за рубежом. Но после выхода в свет именно этого романа у него появилось много зарубежных поклонников в самых далеких уголках планеты. Не зная его адреса, они, как, например, вьетнамский преподаватель Фан-Хонг-Нхата, писали в редакции различных журналов, чтобы выразить свой восторг по поводу прочитанного². Многие писатели с мировым именем дали произведению самую высокую оценку. Среди них – американец Джон Стейнбек, с интересом прочитавший это произведение.

«Искатели», «После свадьбы», «Иду на грозу» – никогда еще в истории советской, а может, и российской литературы за короткий срок автор не выпускал три романа, которые завоевали бы такую читательскую любовь. Их выход в свет перешагнул рамки литературы, став не только культурным, но и внутривполитическим событием, поскольку во многом перенацелил сознание людей, особенно молодежи, на поиск своего жизненного предназначения.

Д. А. Гранин обладал в те годы совершенно удивительной работоспособностью, которая была следствием его безоглядной любви к писательству. Обладая умом ученого, он постоянно изучал мир, который его окружал. При этом

1 Из переписки автора с Надеждой Валентиновной Ипполитовой по электронной почте от 14.09.2017.

2 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 5. Д. 518. Л. 1–3.

ему одинаково интересен был простой быт провинциального человека и сложные взаимоотношения сверхдержав.

Но особый интерес по-прежнему вызывала живопись. И не только ее созерцание, но и, если возникала необходимость, активная работа по ее сохранению и пропаганде. Так, в январе 1962 г. Д. А. Гранин вместе с поэтом А. А. Прокофьевым выступил на страницах «Литературной газеты» с призывом переиздать книгу М. Эткинда «Б. М. Кустодиев»¹.

В том же году на экраны советских кинотеатров вышел фильм «После свадьбы», соавтором сценария которого был автор романа.

Известный историк и писатель Я. А. Гордин, знавший Д. А. Гранина с начала 1960-х гг., рассказывал мне, что уже в те годы Даниил Александрович заметно выделялся в Ленинградской писательской организации. Его яркий талант был очевиден всем. К нему с симпатией относились и литературные мэтры, и писатели-фронтовики, и невоевавшие сверстники.

Имя писателя стало необычайно популярным, что, с одной стороны, тешило самолюбие писателя, чувствовавшего свой потенциал, но с другой стороны, мешало, как мне кажется, ему сосредоточиться на писательских планах, заставляло тратить уйму времени на собрания-заседания вместо того, чтобы полностью погрузиться в творческую атмосферу.

Примером такого напрасного времяпрепровождения стал, на мой взгляд, 1963 г. Д. А. Гранин порядка десяти раз выступал в периодической печати с яркими, но не особо нужными ни ему, ни читателям статьями. Конечно, газетное начальство радовалось, когда на страницах, например, «Красной звезды» в первый январский день появлялась статья знаменитого писателя «Всегда начеку»². Но неужели по поводу боевой готовности больше в стране некому было высказаться в центральной армейской газете, кроме капитана танковых войск запаса?

1 Гранин Д. А., Прокофьев А. А. Книга, ставшая редкостью // Литературная газета. 1962. 13 янв. С. 4.

2 Гранин Д. А. Всегда начеку // Красная звезда. 1963. 1 янв.

Карибский кризис 1962 г., как известно, чуть не привел к началу Третьей мировой войны. Путем взаимных уступок между СССР и США войны удалось избежать, но идеологическое противостояние двух сверхдержав продолжалось. Уже сказав свое слово о Кубе, Д. А. Гранин больше не писал о событиях в том далеком регионе, поскольку в творческом отношении эта тема уже была ему неинтересна. Он заметно снизил темп своего труда, работать столь напряженно, как это было два-три года назад, было чревато последствиями для здоровья. Он и так-то относился к нему без должного внимания, забывая, что собственный организм – это тоже своеобразный механизм, который нужно содержать в порядке. Но возраст позволял еще об этом основательно не задумываться.

Отложив на время планы написания крупных литературных проектов, среди которых был, в частности, набросок работы о дамбе, которую власти собирались со временем построить в Финском заливе, чтобы не допустить опасности наводнений в Ленинграде, он занимался текущими делами. Правда, иногда все же занимался исследовательской работой «впрок»: изучал выписки из следственного дела академика Н. И. Вавилова, сделанные писателем М. А. Поповским¹. В сборе и обработке материалов по этой проблематике ему очень помогала жена Римма Михайловна².

Увлечен в то время Даниил Александрович написанием киносценариев по своим произведениям, отрывки которых публиковал в газетах и журналах. Он всегда с детским изумлением смотрел фильмы, снятые по его романам и другим работам. Чувства были смешанными: была радость от знакомства с придуманными им образами, ожившими на экране, но очень часто они, даже в исполнении талантлив-

1 Марк Поповский, известный журналист, автор публицистических работ об ученых, участник Великой Отечественной войны, в 1977 г. эмигрировал. Его книги «Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга» и «Дело академика Вавилова» изначально были изданы за рубежом, а уже в 1990-е гг. — в России. (см.: *Еремеева А. Н. Проблема взаимоотношений науки и власти в зеркале самиздата и тамиздата // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 3 (32). С. 56.*)

2 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 5. Д. 529. Л. 1–54.

вых актеров, не совпадали с теми «душами», которыми он их когда-то наделил. Актеры ждали от него похвалы, а он не хотел лицемерить и честно признавался, что тот или иной образ он видит иначе. Актеры обижались, страдали. Страдал и Д. А. Гранин, но врать не желал. Он был счастливым человеком, потому что всегда позволял себе роскошь быть самим собой. Это чаще всего имело последствия: его недолюбливали, считали ворчуном, а порой и зазнайкой. Он не спорил, не пытался никому ничего объяснить. Характер был упертый, но без фальшивинки. Это был его принципиальный выбор: пусть не сложатся отношения с кем-то, но будет лучше на душе.

Заняв прочные позиции в советской литературе, Даниил Александрович стал поддерживать своих талантливых коллег. Поддержка была разной. За кого-то нужно было просто замолвить слово, кто-то нуждался в его письменной рецензии. Их он писать не любил, как не любил читать и книги своих товарищей по литературному цеху. Как правило, он их книги бегло листал, чтобы составить представление, а потом «включал вдохновение», чтобы ярко и коротко расхвалить очередную книгу коллеги. Почему он не любил читать работы своих современников, он и сам толком не мог объяснить. Точнее, объяснял с обезоруживающей простотой: «Мне это не интересно». На него обижались. Порой обиды сохранялись на годы. Но Д. А. Гранин не собирался себя переделывать. В такой позиции не было снобизма. Он просто читал то, что хотел, а не то, что ему приносили. В 1960-е он был очень увлечен произведениями М. Горького и Ф. М. Достоевского. Думаю, эти писатели привлекали его своим умением проникать в психологию людей. Но, повторяю, рецензии на книги других авторов писал. Среди них были, например, Ж. А. Медведев и Д. Аль (Д. Н. Альшиц). К последнему из них, к Даниилу Натановичу Альшицу, у Д. А. Гранина отношение было двояким. Он ценил его литературный дар, а также способности драматурга. Соглашался, что тот был прекрасным историком. С этим трудно было бы спорить, потому что Д. Н. Альшиц, писавший под псевдонимом Д. Аль, был автором многих интереснейших монографий и научных статей о российской

средневековой истории, особенно по истории позднего Средневековья, имел ученую степень доктора исторических наук, был профессором и заслуженным деятелем науки России. Но с другой стороны, при упоминании мной Даниила Натановича губы Д. А. Гранина поджимались, и он переводил разговор на другую тему. Примерно так же вел себя и Д. Н. Альшиц, когда я пытался расспрашивать его о Д. А. Гранине. Друг о друге – ни одного худого слова, но не более того. Но их многое объединяло. Не только тонкое чувство Истории, но удивительная ирония по поводу труда историка-профессионала. Даниил Александрович посмеивался, вспоминая байку про то, что лозунг историков – «Не будем ворошить прошлое»¹. У Даниила Натановича Альшица бывали шуточки и поперченее. Приводить их в тексте этой книги не смею – формат не тот.

В 1965 г. Д. А. Гранин продолжал издавать свои прежние работы, которые по-прежнему оставались востребованными. По роману «Иду на грозу» был снят фильм, поставлен спектакль.

Советский Союз в ту пору уже распрощался с Оттепелью и с породившим ее метеорологом-самоучкой Н. С. Хрущевым и встал на первую ступеньку периода красной байки, вошедшего в историю как период Застоя. Но тогда в очередной раз советским людям показалось, что наступает период невиданной новизны и масштабности международных отношений. Что толковый политик Л. И. Брежнев одолеет холодную войну не по-хрущевски твердолобо, а как-нибудь в обход. Например, через Австралию. А почему бы и нет? Как пели год спустя герои кинофильма «Айболит-66»: «Нормальные герои всегда идут в обход».

Случай представился замечательный: Д. А. Гранину предложили творческую поездку в Австралию. Вероятно, оценили серию очерков о Кубе. О такой поездке в те годы можно было только мечтать. Даниил Александрович согласился, поскольку давно уже понял, что путешествия – это его страсть. Может, вторая по силе после писательской деятельности. Карачи, Сидней, Наматжира, Кинг-Кросс,

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 89.

Канберра. Эти и другие названия городов звучали, как волшебное заклинание. Он писал о них не менее увлеченно, чем о Кубе. Публикации щедро были рассыпаны писателем-путешественником по газетам и журналам. Особенно много было опубликовано в «Новом времени»¹. В результате появилась не такая уж и тоненькая книжечка «Месяц вверх ногами», вышедшая из печати тиражом 115 тысяч экземпляров². Ее успех в начале 1966 г. предвосхитила публикация в солидном и хорошо читавшемся журнале «Знамя»³.

Д. А. Гранин проявлял большой интерес к поэзии и живописи. Он состоял в переписке с сестрой Сергея Есенина — Александрой Александровной Есениной, с изумительным поэтом из г. Пушкина Иваном Ивановичем Демьяновым, который своей искренностью, доверчивостью и непосредственностью напоминал странным образом повзрослевшего ребенка⁴. Даниил Александрович увлекательно писал о современной живописи. В частности, о полотнах талантливого ленинградского художника Л. К. Богомольца⁵, тонкого знатока жизни и творчества И. Е. Репина.

Он по-прежнему успевал чрезвычайно многое, и, как мне представляется, в том была немалая заслуга его жены Риммы Михайловны. Она порой брала на себя рутинную работу по переписке не только с издателями, но и с многочисленными читателями, в том числе студентами⁶.

Колоссальный труд писателя был замечен и высоким руководством: 28 октября 1967 г. он был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

1 Гранин Д. А. Остановка в Карачи: Путевые впечатления // Новое время. 1965. № 15. С. 28–29; Он же: Канберра: Из австралийских очерков // Там же. № 36. С. 28–29; Он же: Сидней: Из австралийских очерков // Там же. № 37. С. 25–27; Он же: В мастерской художницы Дюрак // Там же. № 42. С. 29–30.

2 Гранин Д. А. Месяц вверх ногами. Л., 1966.

3 Гранин Д. А. Месяц вверх ногами // Знамя. 1966. № 1. С. 180–212; № 2. С. 180–206.

4 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 5. Д. 113. Л. 1.; Оп. 3. Д. 184. Л. 1–2.

5 Гранин Д. А. О живописи Л. Богомольца // Нева. 1966. № 1. С. 161–162.

6 Например: ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 3. Д. 119. Л. 1–86; Оп. 5. Д. 220. Л. 1–2; Д. 368. Л. 1–9.

Тот год в судьбе Д. А. Гранина в каком-то смысле стал началом качественно нового этапа в жизни. В январе не стало его старшего друга и Учителя Ю. П. Германа. Даниил Александрович тяжело пережил утрату. Его статья в «Известиях»¹ при всей своей эмоциональности не смогла передать чувства, которое охватило его тогда. С уходом из жизни Ю. П. Германа в судьбе Д. А. Гранина наступил момент, когда завершилась пора его «ученичества». По большому счету, учить его уже было некому.

Психологи по-разному оценивают продолжительность периода, в течение которого то или иное событие укладывается в сознании человека настолько, что о нем тот в состоянии вспоминать или писать относительно объективно. Хотя, конечно, полной объективности достичь не удастся никогда. Да и событие событию рознь. Писатели-фронтовики сумели созреть до описания Великой Отечественной войны в основном лет через двадцать после ее завершения. Исключения, конечно, были. Но в основном период осмысления минувшего Горя, его масштабов, последствий был примерно таким. Д. А. Гранин не стал исключением. К середине 1960-х гг. он уже точно определился со своей литературной нишей, но были еще два-три «довеска» к его литературным интересам. Он часто обращался в творчестве к временам детства и юности, писал о довоенном и послевоенном Ленинграде и «осваивал» военную тему. За период с 1964 по 1968 г. он написал несколько военных повестей и рассказов, в которых проявилась его неординарность восприятия событий тех лет. «Пленные», «Солдат на КП», «Смерть интенданта», «Молоко на траве», «Дом на Фонтанке», «Прекрасная Ута», «Наш комбат» — очень разные работы, объединенные не только общей темой, но и динамикой интеллектуального восхождения к осознанию итогов той войны. Мне, человеку в прошлом военному, они особенно близки по духу и проблематике. Меня удивляет тот прогресс, который пережил автор в осознании событий войны и особенно ее последствий. Умом и душой он прошел путь от растерянности, ожесточения и скорби до...

1 Гранин Д. А. Горькая утрата // Известия. 1967. 16 янв.

новой растерянности. Растерянности от осознания непредсказуемости изменений, происходящих внутри человека, прошедшего через войну. Это и отличает в первую очередь произведения Д. А. Гранина от произведений других выдающихся писателей-фронтовиков. Растерянность — это не всегда признак слабости. Бывает так, что она просто является признаком порядочности человека.

Из-за некоторых произведений о войне у Даниила Александровича возникали неприятности — органы КПСС зорко отслеживали попытки писателей посягать на партийную безгрешность. После написания повести «Наш комбат», например, Д. А. Гранин был вынужден на время улететь в Тбилиси, чтобы отсидеться, пока стихнет обкомовское негодование. Благо грузинский поэт Иосиф Нонешвили позвонил и пригласил в гости¹.

В 1966–1967 гг. во многом определилась перспектива творчества Даниила Александровича. В марте 1966 г. он получил в подарок с дарственной надписью отпечаток очерка А. А. Любищева «Воспоминания о зоологе К. Н. Давыдове (1877–1960)»². Примерно в то время он задумал написать повесть и о самом ульяновском профессоре-чудаке А. А. Любищеве. С 1967 г. Д. А. Гранин начал сбор документов на русском и немецком языках о Н. В. Тимофееве-Ресовском, которые легли в основу его романа «Зубр»³. Уже тогда Д. А. Гранин стал изучать сведения о советских генетиках, многие из которых были не только талантливыми учеными, но и бесстрашными людьми. Среди них — фронтовик И. А. Рапопорт. В 1948 г. на сессии ВАСХНИЛ он выступил против лысенковщины, за что его исключили из партии. Но прежде райкомовские работники пытались образумить ученого, ссылаясь на то, что сам В. М. Молотов поддерживал идеи Т. Д. Лысенко. Услышав это, И. А. Рапопорт поинтересовался: «Почему вы думаете, что Молотов знает генетику лучше, чем я?»⁴

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 168.

2 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р.-107. Оп. 5. Д. 480. Л. 1–10.

3 Там же. Д. 530. Л. 1–90.

4 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 30.

Думаю, что к концу 1960-х гг. «Гранин» – уже не фамилия, не псевдоним. Это имя. На него читатели шли, как корабль в тумане на свет маяка.

Многим был знаменателен для Д. А. Гранина 1967 г. Но то был во многом и год печали: не стало его замечательной мамы¹, которую он всю жизнь любил нежно и преданно.

1 ЦГА СПб. Ф. 7965. Оп. 117. Д. 899. Л. 976–977.

Творец не тот, кто занимается
творчеством, а тот, кто
не может не заниматься
творчеством.

Д. А. Гранин¹

1 *Гранин Д. А.* Человек не отсюда. С. 173.

Странная жизнь во времена Застоя

Рубеж 1960–1970-х гг. был для Д. А. Гранина очень сложным в жизни.

Казалось бы, он стал автором одних из самых популярных в Советском Союзе литературных произведений. Его талант был неоспорим. Карьера творческая и карьера писательско-чиновничья шли почти вровень. Вчерашние покровители, не все, конечно, начали видеть в нем порой конкурента. Это подталкивало их к поиску в Д. А. Гранине если не творческих, то человеческих недостатков. А могло ли их не быть? Талант не талант, а у каждого есть на что посмотреть через микроскоп. Не всем, например, нравился жестковатый гранинский юморок.

Известный советский писатель Б. Д. Четвериков, которого многие вполне справедливо относили к классикам советской литературы, был женат на Наталье Борисовне – своей родной племяннице. Это обстоятельство вызывало зубоскальство со стороны писательской молодежи. Хотя молодежь относительная – большинству было за сорок. Даниил Александрович, не пряча улыбку, рассказывал мне в двухтысячные годы, что они с товарищами за глаза называли Н. Б. Четверикову «Дяденькина Тетенька». Метко, но на акт гуманизма никак не тянет. Тем более что Наталья Борисовна проявила удивительную преданность мужу. Спустя многие годы после его кончины она многое делала для того, чтобы свет увидел его последний роман «Стежки-дорожки». На мой взгляд, роман замечательный, как и все творчество Б. Д. Четверикова, хотя его произведения Даниил Александрович откровенно не любил. Более того, причислял его с присущей ему категорично-

стью к «бездарям». Считал, что имена таких писателей, как Б. Д. Четвериков, уже никто не помнит. Не знаю, так ли это, но Д. А. Гранин имени Бориса Дмитриевича точно не помнил, потому что в одной из своих книг назвал его Дмитрием Четвериковым. При этом раздраженно добавил: «Он пришел к нам из дореволюции. Тогда уж был автором нескольких книг, а теперь, в пятидесятых годах, их стало больше, они выходили книга за книгой. Как же, старый писатель, отказать невозможно»¹.

Никогда еще я не был так не согласен с Даниилом Александровичем, как в оценке писательского таланта Б. Д. Четверикова! Считал и считаю его классиком советской литературы. До революции он был членом яркой футуристической организации «Бубновый валет», которая, как мне кажется, была одним из украшений Серебряного века. Он выступал со своими стихами в знаменитой «Бродячей собаке», дружил с Давидом Бурлюком и Всеволодом Ивановым. Вряд ли они стали бы дружить с «бездарем». В годы блокады Борис Дмитриевич написал удивительную поэму «Ленинград», которая звучала в цехах фабрик и заводов осажденного города, на кораблях и в воинских частях, поднимала боевой дух ленинградцев. Мне как историку довелось исследовать рукопись этой поэмы, о чем я потом писал и говорил на научных конференциях². Не понаслышке знаю творчество этого писателя, поэта, художника и музыканта. Во время Гражданской войны он был приговорен белогвардейцами к расстрелу и чудом спасся: полковник пожалел мальчишку, который внешне был очень похож на его сына. Во время Великой Отечественной войны, кажется, в апреле 1944 г., он, пережив

1 *Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 435.*

2 *Полторац С. Н. О творчестве Б. Д. Четверикова в дни блокады Ленинграда // 60 лет со дня снятия блокады Ленинграда и освобождения Ленинградской области: Материалы междунар. конф. 27 янв. 2004 г. СПб., 2004. С. 147–150; Он же: Неопубликованный вариант поэмы Б. Д. Четверикова «Ленинград» как исторический источник. (По материалам семейного архива) // 60-летию Великой победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. посвящается: материалы науч.-практ. конф., Санкт-Петербург — Волхов 27–28 апр. 2005 г. СПб., 2005. С. 60–65.*

блокаду, был по навету осужден и провел несколько лет в советских лагерях. Так что это был не просто «старый писатель», а человек, прошедший большую жизненную школу. Что же касается писательского таланта, то это, как известно, дело вкуса. Я читаю произведения Б. Д. Четверикова с удовольствием, и мне этого достаточно.

Может быть, со временем кто-нибудь из психологов возьмется за исследование природы гранинского юмора. Это очень интересная и перспективная тема. Много в его юморе строилось на парадоксе, на абсурде: «Когда наша лаборантка родила двойню, прибор наконец заработал нормально. Что это было, никто не понял и никогда не узнает. Иногда он показывает какие-то дополнительные сигналы, и лучше его не поправлять»¹.

В те годы сложным было отношение к Д. А. Гранину известного советского поэта А. А. Прокофьева. Еще недавно он, признанный мэтр советской литературы и крупный литературный чиновник, поддерживал Даниила Александровича. Веса Александру Андреевичу придавало и то обстоятельство, что его младший брат, Василий, был крупным партийным работником. Но с годами что-то в отношениях между А. А. Прокофьевым и Д. А. Граниным надломилось.

А. А. Прокофьев всегда поддерживал талантливую молодежь. Несказанно одаренный поэт Сергей Макаров, переехавший позже из Петербурга в Великий Новгород, с восторгом рассказывал мне в 1973 г., через два года после кончины Александра Андреевича, как тот помогал ему в его творческом становлении, как продвигал его стихи в разные журналы. Помогал А. А. Прокофьев ему совершенно бескорыстно, искренне полюбив творчество самобытного автора. Но в случае с Д. А. Граниным все сложилось иначе. В конце 1960-х гг. между ними отношения стали натянутыми. Александр Андреевич поздравил Даниила Александровича с 50-летием весьма ехидным стихотворением, опубликованным во второй по значимости после «Правды» газете — в «Известиях» через два дня после гранинского юбилея. Стихи он назвал «Премудрый

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 93.

карасик», явно намекая на персонажа М. Е. Салтыкова-Щедрина Премудрого Пескаря:

Плывешь, премудрый мой карасик?
Плыви, коль плыть тебе дано.
В подготовительном ты классе
Сидишь, дружок, давным-давно.
Который год?
Чуть-чуть не классик,
А все сидишь, как на мели,
Плыви, плыви, злодей-карасик,
Чуть плавниками шевели!
Опять лениво заметался,
И что ты там не говори,
Опять воды ты наглотался,
Везде пускаешь пузыри.
Потом лежишь в унылом тлене,
По-прежнему угрюм и зол,
И вдруг узнал я, что от лени
Ты на кроссворды перешел.
Прошу тебя, карасик милый,
Ты не суди и не судачь,
Опять прудок твой запрудило,
А ты не плачь,
А ты не плачь!
И протолкни скорей беседу,
И, если хочешь, повтори –
О встрече с бабкой или дедом,
Чтоб веселились пескари!¹

Эзопов язык стихотворения был понятен лишь посвященным, то есть тем из писательской среды, кто был в курсе перипетий, происходивших в Ленинградском отделении Союза писателей. И кажется странным, что такой «междусобойчик» был вынесен на всеобщее обозрение. Зачем? Видать, сильно зацепило А. А. Прокофьева то, что Даниил Александрович проявлял в повседневном общении с кол-

¹ Прокофьев А. А. Премудрый карасик // Известия. 1968. 3 янв. С. 5.

легами по цеху свой норов, не любил быть гибким. Тонкая душа маститого поэта воспринимала гранинскую упертость во взаимоотношениях с товарищами-литераторами и с ним лично как неблагодарность тем, кто еще недавно проявлял о нем отеческую заботу. А неблагодарности не было. Был характер, была своя позиция и нежелание играть по отлаженной десятилетиями партийно-литературной схеме.

За Д. А. Граниным уже в ту пору стояли ценители его творчества из числа партийных функционеров, но они не считали нужным вникать во внутренние дела писательской организации, когда дело касалось не стратегических вопросов, а просто отношений между творческими людьми. А в них, в этих отношениях, черт ногу сломит: невозможно разобраться, кто прав, кто не прав. Все натуры тонкие, ранимые, все с претензией на редкую одаренность — примирить друг с другом невозможно, правых и виноватых не найти. У каждого — своя правда.

Хотелось бы взглянуть на стихотворение А. А. Прокофьева с неожиданной стороны. На мой взгляд, оно представляет собой важный историко-психологический источник. Ирония и взгляд автора свысока на юбиляра говорят о стремлении показать место обоих в той «системе координат», в которой находились тогда два литератора. Поэт считал себя вправе поучать менее опытного коллегу, ставить его по ранжиру в той иерархии, которая далеко не только условно существовала в писательской среде. Определение «чуть-чуть не классик» означало понимание мэтром советской литературы, каковым себя ощущал А. А. Прокофьев, того, что Д. А. Гранин так и не достиг вершины литературной карьеры, но уже пытался вести себя так, словно он взобрался на литературный Олимп. Уничжительно «карасик» означало не только то, что «рыбка» пока мелковата, но и обособленность Даниила Александровича в писательской среде. С последним не поспоришь. Д. А. Гранин не чурался коллектива, но всегда при этом был сам по себе. Его самостоятельность и самодостаточность, независимость во взглядах, принципиальное нежелание «дружить» против кого-то выводили А. А. Прокофьева из себя. Да, вероятно, не его одного. Почему «карасик» в представлении автора

стихотворения был «злодеем»? Резкость оценок и суждений Д. А. Гранина многих ставила в тупик. Он иногда казался прямым, как лом. Некоторые, возможно, считали это проявлением недалекости писателя. На самом же деле то была внутренняя гордость, осознание своего права быть самим собой. При этом Даниил Александрович был внутренне очень сдержан. Не спросят его мнения — промолчит. Не из нерешительности, а из-за привычки жить в своем внутреннем мире не напоказ. Карась — рыба не стайная. Она живет сама по себе. Рыба осторожная, недоверчивая. Так что в чем-то прав был А. А. Прокофьев, подметив, хотя и не по-доброму, гранинскую обособленность от окружающих. Только одного не учел поэт: карась живет долго и вырастает до солидных размеров. Но процесса «возмужания карасика» А. А. Прокофьеву дождаться было не суждено.

Посчитав Д. А. Гранина «недоклассиком», поэт явно ошибся. Даниил Александрович постоянно прибавлял в своем творчестве. При этом он очень трудно расставался со своей прежней неписательской жизнью. Вроде бы и не было у него сомнений в правильности выбранного пути. Но было в нем какое-то второе «я», осуждавшее выбор, сделанный в конце сороковых. Писатель мысленно «просчитывал варианты» своей возможной жизни. Порой он не соглашался с самим собой реальным, наделяя очередного литературного героя качествами, которых в реальной жизни не хватило ему самому. В таких внутренних борениях, возможно, и появилась у него задумка написать повесть «Однофамилец», недооцененную, на мой взгляд, ни критиками, ни читателями. Но я могу и ошибаться в своих оценках, поскольку в этом случае очень субъективен: это произведение самое мое любимое из всего, что написал Даниил Александрович.

А. А. Прокофьев явно был неточен в оценках, когда утверждал, что «карасик» «опять лениво заметался». Д. А. Гранин терпеть не мог никаких метаний. Ему куда свойственней было перетерпеть, переосмыслить, передержать в себе, но уж никак не метаться в отчаянии. Метания — это вообще не в его характере. А уж тем более лениво метаться он совсем не умел, потому что получал наслаждение от

постоянного писательского труда. Он никогда не давал покоя ни мыслям своим, ни поступкам. Он с детства и до последних дней жизни что-нибудь писал.

Я очень люблю и высоко ценю стихи А. А. Прокофьева. О нем мне приходилось читать многое. Но точнее Д. А. Гранина о нем, по-моему, никто написать не сумел: «Мы с ним дружили и враждовали. Он меня выдвинул секретарем Союза и в то же время мог наорать на меня, разъярившись, если я начинал его оспаривать. Я ему говорю: “Что вы орете на меня, что я вам, мальчишка?” Хлопал дверью, уходил из секретариата, он через день-два возвращал меня. Диктаторство, произвол, не хочется рассказывать, что он вытворял, но писатели терпели, потому что в душе своей он был благородный человек, и ему за нас попадало крепко. Он любил Ахматову и старался помогать ей, защищал. С другой стороны, такого писателя, как Мирошниченко, который доносами погубил немало людей, Прокофьев открыто не терпел <...> отвратителен ему был доноситель-провокактор Евгений Федоров и прочая кодла. Прокофьев прекрасно понимал, что есть настоящая поэзия, настоящая литература, это для талантливого человека всегда создает тяжелый конфликт с бездарью, а Прокофьев был очень талантлив»¹. Даниил Александрович отмечал удивительное внешнее сходство А. А. Прокофьева с Н. С. Хрущевым, что самому поэту очень не нравилось².

Как бы сложно ни строились взаимоотношения Д. А. Гранина с А. А. Прокофьевым, Даниил Александрович всегда ценил не только огромный талант поэта, но и его колоссальный опыт общения с партийными чиновниками. Например, Александр Андреевич учил молодого Д. А. Гранина никогда не перебивать партийных руководителей, а давать им выговориться. Только после того, когда они выпускали пар, можно было приводить какие-то свои доводы. Иногда это срабатывало. Однажды, когда Даниил Александрович замещал уехавшего в командировку А. А. Прокофьева, ему пришлось схлестнуться с первым

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 112.

2 Там же. С. 112–113.

секретарем Ленинградского обкома КПСС Ф. Р. Козловым по поводу О. Ф. Берггольц, которая нахамила сотрудникам КГБ. Д. А. Гранин вспоминал: «Я любил Ольгу Федоровну, любил с первого дня, как увидел ее, даже еще до этого, я любил ее и продолжал настаивать на своем: “Она символ, символ блокады, нельзя блокаду лишать символа”. Слово это, тупо повторяемое, как ни странно, озадачило... Ольге поставили на вид»¹.

К Ольге Федоровне у Д. А. Гранина было трепетное чувство. Он не отрицал ее недостатков, точнее, человеческих слабостей, но они заслонялись ее нравственной чистотой и душевной красотой. Он сопереживал ей. Писал о ней нарочито по-солдатски, но с подспудной любовью: «Ольга Берггольц всегда вызывала сочувствие, что бы с ней ни случилось, в каком бы виде она ни была. Пьяная, облюет себя, матерится и все равно хороша, все равно при этом любима всеми, все ей сочувствуют, понимают, прощают. Ее любили замечательные мужчины: Борис Корнилов, Юра Макогоненко, они сами пили как следует, а вот от ее пьянства страдали»².

В 1968–1969 гг., когда зрел замысел повести «Однофамилец», одновременно созревали в воображении и другие сюжеты. Его мозг работал, как многоканальная радиостанция: он одновременно размышлял и писал о совершенно разном. Например, о поэме А. С. Пушкина «Медный всадник», находя в ней такие грани, которые прежде никто и не замечал. Может, псевдоним обязывал?

Со стороны могло показаться, что он — «писатель-многостаночник»: то писал об австралийском художнике Альберте Наматжире, то издавал наконец-то свою первую крупную работу о войне — повесть «Наш комбат», из-за которой потом имел неприятности по партийной линии. То вдруг писал о физике В. В. Петрове, незаслуженно забытом современниками. Заступался в печати за писателя П. Журбу, написавшего повесть «Александр Матросов». Совершенно искренне оценивал вклад коллег в развитие «ленинианы»

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 386.

2 Гранин Д. А. Человек не отсюда. С. 34.

как показатель писательской творческой зрелости. Сейчас это трудно понять, но в ту пору почтение к В. И. Ленину было общим явлением в советском обществе. Ребенком, в конце 1950-х гг., я сам задавал маме вопрос: «Кого ты больше любишь — меня или Ленина?» Мама отвечала уклончиво, но я понимал, что все-таки она больше любит меня. Я радовался, но за В. И. Ленина, обделенного любовью моей мамы, все же немного переживал.

В 1969 г. у Д. А. Гранина вышел из печати 150-тысячным тиражом двухтомник, общий объем которого составлял более тысячи страниц. Было с чем перешагнуть пятидесятилетний жизненный рубеж.

И на фоне этого — многочисленные публикации в «Правде», в «Литературной газете», в авторитетном журнале «Нева», в толстой газете «Неделя», в новом и необычайно модном в то время ленинградском журнале «Аврора», главным редактором которого был замечательный поэт В. В. Торопыгин, писавший:

Можно в лес ходить за грибами,
Можно в лес ходить за стихами.
Ей, поэзии, очень свойственно
Жить у дерева, у куста.
Если надо вам, я не собственник —
Я готов показать места...

К сожалению, во второй половине 1970-х гг. его, как и заведующего отделом поэзии журнала «Аврора» А. А. Шевелева, тоже чудесного поэта, которого я считаю одним из своих Учителей, сняли с занимаемой должности. Причина, как рассказывала мне писательница В. В. Чудакова, состояла в том, что в «Авроре» были опубликованы стихи Нины Королевой, в которых вскользь прозвучало сопереживание членам царской семьи, расстрелянным в Екатеринбурге. У меня и сейчас хранятся те стихи — строки талантливые, проникновенные, искренние. Говорили, что после той публикации прошло расследование на уровне Ленинградского обкома КПСС и полетели невинные головы. О В. В. Торопыгине Д. А. Гранин писал с болью в сердце: «От обид

и несправедливостей и физически гибнут. Так на моих глазах погиб поэт Володя Торопыгин, не мог справиться с чувством несправедливости, когда его ни за что выгнали с должности главного редактора журнала. Рак сожрал его»¹.

Петербург, как известно, город маленький. В 2017 г., став заведующим кафедрой международных отношений в одном из питерских вузов, я встретил на кафедре сына В. В. Торопыгина — доктора политических наук, профессора Андрея Владимировича Торопыгина. Замечательный человек, прекрасный ученый, истинный петербургский интеллигент. Я общался с ним, и душу грела мысль о том, что это сын человека, которого я бесконечно уважал с юности и восхищался им как поэтом.

Рубеж 1960–1970-х гг. — туповато-воинственное время жизни Советского Союза. Много было самодовольства со стороны партийных руководителей, их уверенности в том, что именно им доверено блюсти советскую мораль. А с моралью-то как раз дела обстояли не очень. Была та мораль двойная, тройная, а может, и четверная какая-нибудь. Думаю, что Д. А. Гранин очень страдал из-за всего этого. И боролся с тем лицемерием имевшимися у него средствами. Например, написал в 1969 г. удивительное произведение «Место для памятника». То ли большой рассказ, то ли маленькую повесть, которую до сих пор некоторые специалисты относят к жанру научной фантастики. Я же воспринимаю это произведение, скорее, как философское. Это повествование о совести чиновника, которой у него нет, и о гениальном ученом, беззащитным перед трудностями повседневной жизни. Это пронзительный сигнал обществу: берегите ученых; они не от мира сего, но они нам очень нужны! Жизнь, как ей и положено, ничего не услышала. Но произведение с годами набирало популярность. Сборник повестей и рассказов под общим названием «Место для памятника» в 1982 г., например, был опубликован тиражом 240 тысяч экземпляров². Это после тринадцати лет регулярной публикации!

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 342.

2 Гранин Д. А. Место для памятника. М., 1982.

Он уже переступил за рамки только писательского общения. С ним в содружестве выступали в печати режиссер Г. А. Товстоногов и актер Ю. В. Толубеев. М. М. Жванецкий присылал ему свои «Монологи и миниатюры»¹.

1970 г. был насыщен литературными и околотелитурными событиями. Он проходил в Советском Союзе под знаком празднования 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Лучшие трудящиеся страны были награждены юбилейной ленинской медалью. Среди миллионов награжденных был и Д. А. Гранин.

Признание таланта и заслуг Д. А. Гранина перед литературой было очевидным. Любовь к его творчеству была всенародной. Молодые партийные функционеры, проросшие из инженерной среды, нередко считали его своим вдохновителем, ученые видели в нем коллегу, инженеры вообще держали за своего. Студенты в ту пору не дерзили, а дерзали. Во многом благодаря примеру его литературных героев. Да что там пенять на других! Я сам, стопроцентный гуманитарий, во многом опьяненный его творчеством, выбрал поначалу дорогу инженера-электронщика и стал им.

Признание признанием, а «упущенные возможности» писателя в то время не отпускали. Перечитайте повесть «Однофамилец», написанную через двадцать лет после ухода Даниила Александровича из инженерной профессии, и, возможно, вы со мной согласитесь. «Однофамилец» — это попытка Д. А. Гранина сконструировать виртуальную альтернативу собственной жизни. Литературный герой повести Павел Кузьмин, бывший студент-политехник, по невольному мнению самого писателя, лучше студента пятого курса Ленинградского политеха Дани Германа, потому что Павел пошел в своей профессии до конца. Вроде бы нелогично как-то пошел, яркому своему таланту математика изменил. А, оказалось, не изменил чему-то более важному. Чему? Д. А. Гранин и сам не понял толком. И я не понял тоже. Но я понял, что писатель завидует своему герою: тот смог сделать то, на что у писателя в реальной жизни сил не хватило.

1 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 5, Д. 549. Л. 1–148.

В повести «Однофамилец» много нужнейших мыслей, которые до сих пор так и не дошли до сознания многих людей, особенно наших чиновников. Например, мысль о том, что люди, занимающиеся наукой, имеют «голова, устроенные иначе, чем у обыкновенных людей»¹. Вроде простая мысль, а, попробуй пойми это. Д. А. Гранин всегда любил этих с виду чокнутых людей. И не только их. Он любил также неудачников, слабаков, соперничал им, людям нелепым и, как кажется, бесполезным. Случай редкий, особенно в наше расчетливое время.

По складу ума Д. А. Гранин всегда был ученым. Точнее, говоря его же словами, «он умел жить внутри своего ума»², непременно следуя собственной формуле: «То, что интересно, — спорно, то, что бесспорно, — неинтересно»³. В методологии науки он понимал больше многих докторов наук: «Сейчас важно не знать, а чувствовать»⁴. Он очень точно понимал, чего не хватало людям уже тогда: «В наш прагматический век знаете, чего нам не хватает? Святых. Праведников не хватает»⁵.

Мне часто приходилось слышать, что у Даниила Александровича была «санкционированная смелость мысли». Не соглашусь. Уже в 1970 юбилейном ленинском году он написал: «Меня всегда поражало, — с жаром сказал Кузьмин. — Бомбу кидают в царя, а то, что кучер при этом гибнет, никто из этих героев не думал. Это для них мелочь, недостойная внимания...»⁶ А ведь были еще смельчаки, которые разрешили это печатать! Чтобы понять градус такой смелости, надо пожить в то время и не забыть его с годами. А Д. А. Гранин уже тогда писал про родные отечественные глупости — «бесчисленные вузовские реформы»⁷.

Тем, кто считает, что гранинская смелость была санкционирована и дозирована, возможно, что-то объяснит

1 Гранин Д. А. Однофамилец: Повести. С. 8.

2 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 348.

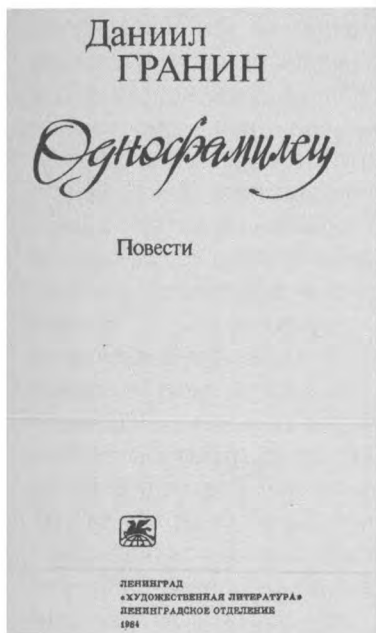
3 Там же. С. 349.

4 Гранин Д. А. Однофамилец: Повести. С. 35.

5 Там же. С. 44.

6 Там же. С. 52.

7 Там же. С. 52.

Титульный лист книги «Однофамилец»

Обложка книги «Неожиданное утро»

герой его повести: «...он боялся превратиться в сутягу. До каких пор можно или нужно настаивать на своем? Вот тоже проблема. Есть ведь какие-то разумные пределы?»¹

Повесть «Однофамилец» — это повесть о несбывшейся мечте Даниила Германа. Ее главному герою «было до слез жаль остатка причитающейся жизни»², но он решил ничего в ней не менять. Мужество ли это? Не знаю. Но это незнание вселяет в меня какую-то смутную перспективу.

В 1970 г. юбилею вождя было посвящено бесчисленное количество мероприятий различного масштаба. По существу, в рамках празднования прошел и Третий съезд писателей РСФСР. Д. А. Гранин выступал на съезде³ и был

1 Гранин Д. А. Однофамилец: Повести. С. 85.

2 Там же. С. 79.

3 Гранин Д. А. [Речь: На Третьем съезде писателей РСФСР] // Литературная газета. 1970. 1 апр. С. 4; [Речь: На Третьем съезде писателей РСФСР] // Литературная Россия. 1970. 3 апр. С. 14.

выслушан с большим вниманием и одобрением. Речь была искренней, в чем-то как всегда неожиданной по содержанию, но в рамках канонов того времени. Даниил Александрович с искренней симпатией относился к В. И. Ленину, видя в нем неисчерпаемый источник идей, полезных для будущего. В этом он был совершенно неоригинален. Так считали все, кроме диссидентов. Д. А. Гранин в 1960-е — 1970-е гг. часто обращался к ленинской теме. О В. И. Ленине он писал статьи, сценарии кинофильмов, которые были очень востребованы если не обществом, то, во всяком случае, организаторами идеологической работы в стране. В юбилейном году, кроме всего прочего, у Д. А. Гранина появилась статья в «Литературной газете», опубликованная через неделю после столетия¹, были и другие публикации². Писать о В. И. Ленине было не так-то просто. Переписывать то, что было написано раньше, писатель бы себе не позволил: нужно было держать планку. Статьи о В. И. Ленине в то время отличались, что бы ни утверждали сейчас современные критики, высоким профессионализмом. О нем писали либо что-то совершенно новое, либо уже известное, но воспринимаемое по-новому. Д. А. Гранин не был конъюнктурщиком. О В. И. Ленине он писал, глубоко проникая в психологическую сущность этого человека. Даниил Александрович вообще был одаренным психологом. Это его качество словно произрастало из произведений Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. П. Чехова. По моему глубокому убеждению, о В. И. Ленине Д. А. Гранин писал искренне и по собственной инициативе, а не по указанию откуда-то свыше. Ему вообще трудно было давать указания. Он был плохо управляемым человеком, а может быть, и неуправляемым вовсе. Попытки навязать ему какое-то мнение обычно заканчивались совершенно противоположной реакцией. Не будь давления, он, возможно, и прошел бы мимо какого-то события. Но желание сильных мира сего использовать гранинский авторитет во благо дости-

1 Гранин Д. А. Размышления перед памятником [В. И. Ленину] // Литературная газета. 1970. 29 апр. С. 4.

2 См., например: Гранин Д. А. Сто двадцать четыре дня // Сто двадцать четыре дня: Ленин в Смольном. Л., 1970. С. 10—13.

жений их собственных целей обычно оборачивалось не тем, что от него ждали. Возможно, такая несговорчивость стала одной из причин его скверных отношений с первым секретарем Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романовым. Столкнулись два очень упертых человека: один был наделен огромной властью, второй — огромным талантом. Как показало время, талант — явление более долговечное.

Хотя Д. А. Гранин во многом был «явлением обособленным», это касалось больше вопросов творческих. Что же касается его политической активности, то она во многом совпадала со взглядами его коллег, которые были убежденными коммунистами. Это проявлялось во многом, в том числе и в оценках советской внешней политики. Писатели нередко бывали инициаторами внешнеполитических действий, которые были нацелены на поддержку различных народов в борьбе за их независимость. Подтверждение тому — протест советских писателей против вторжения США в Камбоджу, который среди других литераторов подписал и Д. А. Гранин¹.

Но, проявляя активность «планетарного масштаба», Даниил Александрович не забывал и о небольших проблемах. В частности, он помнил о том, что его детство прошло на Новгородской земле, в г. Старой Руссе. Об этом свидетельствует его переписка с председателем комитета земляков-староруссцев в Ленинграде Н. Н. Будниковым².

Все эти дела по-своему затягивали, но Даниил Александрович никогда не прекращал главного — писательского труда. Это легко заметить по выходу из печати все новых и новых его произведений. В 1970 г. сотысячным тиражом в «Лениздате» вышел сборник его интереснейших очерков «Неожиданное утро»³. «Я чувствовал, — писал он в одном из них, — как невелика моя оставшаяся жизнь»⁴. Какое счастье, что Д. А. Гранин тогда ошибался, что прошел он к тому времени лишь половину пути!

1 Гранин Д. А. и др. Остановитесь! (Протест писателей против вторжения США в Камбоджу) // Литературная Россия. 1970. 8 мая. С. 20.

2 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 5. Д. 73. Л. 1–2.

3 Гранин Д. А. Неожиданное утро. Л., 1970.

4 Гранин Д. А. Совсем о другом // Неожиданное утро. С. 20.

В том же году в «Звезде» была опубликована его новая повесть «Кто-то должен», в которой автор остался верен своей главной теме — нравственному выбору советского ученого¹. Вскоре она была опубликована тридцатитысячным тиражом отдельной книгой в издательстве «Советский писатель»². На мой взгляд, эта повесть стала своеобразным литературным «миксом» произведений Даниила Александровича на тему нравственности в научно-производственной проблематике. Она не просто завершила серию рассказов, повестей и романов, связанных с этим новаторским для конца 1940-х — середины 1960-х гг. направлением авторской мысли. Повесть «Кто-то должен» убедила (по крайней мере, меня), что тема исчерпана. И исчерпана она не потому, что автор выдохся и ему нечего больше сказать. Завершилось само время «научно-технической романтики» в Советском Союзе. СССР с начала 1970-х гг. стал проигрывать США и Западной Европе технологическую гонку, что во многом стало не следствием бездарности советских ученых или недальновидности советской научной политики, а результатом утраты исследователями веры в социалистические идеалы советского образца.

Да, именно советские ученые первыми, будучи аналитиками по своей природе, осознали (пока невнятно), что страна начала вязнуть в трясине славословия и лицемерия. Жертвы ради науки, наполненные нравственным содержанием, социально не оправдали себя. И дело не в материальной выгоде, которая истинными учеными никогда в расчет не бралась, а в непонимании и недооценке советским обществом той жертвенности, которая была присуща ученым и в том числе широкому слою технической интеллигенции. Идея советского социализма переставала быть тем смыслом, ради которого стоило сжигать свой интеллект: плохой получался в СССР социализм, бездушный и бездуховный.

Д. А. Гранин, возможно, был одним из первых в стране, понявших это. Как гражданин он еще надеялся на кардинальное улучшение отношения к науке в советском

1 Гранин Д. А. Кто-то должен: Повесть // 1970. № 1. С. 48–92.

2 Гранин Д. А. Кто-то должен. М., 1970.

обществе. Как коммунист – верил в «коллективный разум» партии. Как писатель он был впереди гражданина и коммуниста, осознавая, что идея нравственного приоритета науки в жизни советского общества зашла в тупик.

Как гражданин, коммунист и писатель, он в начале 1970-х гг. находился в своем собственном нравственном поиске. Он искал ту точку опоры, которая позволит ему вновь высветить направление движения советского общества. Пусть не всего общества, а его авангарда в лице все той же научной интеллигенции. В начале 1970-х гг. Даниил Александрович все больше склонялся к мнению, что флаг прогресса, выпавший из рук технической интеллигенции, ученых-физиков и математиков, должны подхватить ученые – представители естественных наук: биологи и ученые, работавшие на стыке биологии с другими науками. Эта идея прочно засела в его сознании. А пока она там вызревала, он метался по другим «нравственно важным» направлениям в поисках идей, позволявших, как в юности, отыскать смысл жизни.

Среди различных вариантов его стратегического нравственного поиска оказался Восток. Без мистики. Ему не давала покоя мысль о причинах «японского чуда». Страна, пережившая совсем недавно поражение во Второй мировой войне, Хиросиму и Нагасаки, по темпам развития экономики и новых технологий обошла не только всех победителей в войне, но и своих бывших союзников, включая Германию, как Восточную, так и Западную. В этом феномене нужно было разобраться.

В 1970 г. Д. А. Гранин побывал в Японии, которая удивила и очаровала писателя. На долгое время она стала для него источником вдохновения. Впечатлениям об этой стране он посвятил несколько очерков и книгу «Сад камней», отрывки из которой позже публиковались в «Литературной газете», газете «Труд», в журнале «Иностранная литература» и многих других изданиях. Статьи, очерки, новеллы о Японии Даниила Александровича были настолько интересными, что в 1972 г. сборник всех его «японских» произведений под одной обложкой был опубликован семидесятипяти-тысячным тиражом¹.

1 Гранин Д. А. Сад камней. М., 1972.

В самом начале 1970-х гг. в Советском Союзе среди читателей было много разговоров по поводу гранинского «Сада камней», ставшего одним из следствий его поездки в Японию. Поэт Лев Куплин, человек веселый и, как казалось некоторым, не очень внимательно читавший прозу, отнесся к этому произведению с сопереживанием. Оно, это сопереживание, позже вылилось в проникновенные строки, посвященные Д. А. Гранину:

«Сад камней»...

Философия дзен...

Чистота непокрашенных стен.
Белый-белый промытый песок,
Размышлений живительный сок.
Тонкий звон золотых украшений,
Сочиненье размеренных строф
И попытки наивных решений –
По моделям земных катастроф.

«Сад камней»...

Философия дзен...

Здесь не жду я волнующих сцен.
В легкой дымке вечерней печали –
Равнодушные лики камней.
Мы за стенами храмов встречали
Лица – каменных глыб пострашней!
«Сад камней»...

Философия дзен...

Нынче в мире – смещение цен.
Наше прошлое – с нами,
за нами.
Что ж – не спору: ухоженный сад.
Побивали пророков камнями –
Эти камни идут нарасхват!

«Сад камней»...

Философия дзен...

Повторяю нехитрый рефрен.

И в изысканном древнем Киото
Предаюсь я забаве смешной:
Вспоминаю кого-то... Кого-то, --
Ту, что ждет за далекой стеной.

«Сад камней»...

Философия дзен...
Слишком много мне надо взамен!
И мгновенье,
и вечность исчисли
На пороге земных перемен.
Не умеющий мыслить – не мыслит!

«Сад камней»...

Философия дзен...¹

Поездка Д. А. Гранина в Японию имела свою политическую подоплеку. Отношения со страной Восходящего солнца оставались непростыми. Спор из-за островов казался вечным, что во многом соответствовало действительности. Советская внутренняя политика на Дальнем Востоке была совершенно невнятной, что сказывалось и на политике внешней. Товарищ Л. И. Брежнев был, конечно, в тот момент признанным борцом за мир. Особенно признанным – в СССР. За рубежом к его инициативам относились сдержанно. Но он был политиком крупного масштаба: в основном делал акцент на развитие отношений с США. Все остальные капиталистические державы, в том числе и Япония, были для него оппонентами второго уровня. Однако и с Японией отношения выстраивать тоже было нужно, поскольку она была надежным партнером Соединенных Штатов в Дальневосточном регионе. Советской делегации, в составе которой оказался и Д. А. Гранин, поручалось укрепление культурных связей с японцами, в первую очередь с японской интеллектуальной элитой. Даниил Александрович, по мнению советских идеологов

¹ Куклин Л. Размышления в «Саду камней» в Киото // Диалог: Стихотворения разных лет. Л., 1988. С. 155–156.

от культуры, был как нельзя кстати. Он был не только литератором с мировой известностью, но и писателем, много лет к тому времени воспевавшим поэзию ученого-технаря. Японцам это было очень по душе. Они не уставали водить гостя по своим предприятиям, удивляя новыми производственными технологиями. Д. А. Гранин смотрел. Удивлялся. Восхищался. Размышлял. Но размышлял он, как всегда, нестандартно. То есть думал не о том, о чем в подобных случаях могут думать обычные люди. Он же сам себе задавал вопрос: что сподвигло японцев сотворить свое чудо? На этот счет у него не было окончательного ответа, но он с настырностью исследователя искал его. Искал в японском менталитете, в японской истории, да и в самой современности тоже искал. Его научные гипотезы на сей счет были рассыпаны по многим небольшим работам, которые публиковались в многочисленных изданиях.

Но мне кажется, что был еще один поиск, который Д. А. Гранин осуществлял в той далекой стране. В начале 1970-х гг. он видел, как пробуксовывает развитие социализма в СССР. Он понимал, что отставание от США, Японии, ведущих капиталистических держав Европы — это отставание не столько в области технологий производства, сколько в области технологий развития общества, жизни в самом широком ее смысле. Ему, убежденному коммунисту, хотелось разобраться в глубинных причинах сложившейся ситуации. Он искал ответы на вопросы, но только отличий в менталитете, национальной культуре ему не хватало. Он понимал, что в значительной мере, а может и в главной, причина советского отставания в отсутствии культуры политической, которая тянет за собой и экономику. Все это было поводом для размышлений. В гранинском сознании перемешались история и современность, мысли о будущем и настоящем. Поводы для размышлений были, ответов же на поставленные вопросы в основном не было. Появились робкие идеи по поводу «неиспользованных возможностей» советским государством интеллектуального потенциала отечественных ученых, большинство из которых пострадали в результате сталинского террора. На эти темы он продолжал размышлять,

собирал и раскладывал по отдельным папкам документы и материалы, касавшиеся репрессированных ученых, особенно биологов и физиков.

Эта тема была и нова, и не нова. По существу, он исследовал уже взятую им много лет назад крупную проблему, но попытался взглянуть на нее в более сложном ракурсе. Оставляя в центре своих произведений идею нравственности как основы человеческих взаимоотношений, в том числе и в научной среде, он понимал, что тема эта, если ее обновить, бесконечна. Ее невозможно исчерпать, как тему любви. Нехитрая идея о том, что нравственность важнее науки, нуждалась в постоянном обосновании. Она была достойна того, чтобы ей были посвящены все новые и новые произведения.

Он находил науку там, где, казалось бы, ее быть не могло. Например, в производственной жизни. Но кому интересна «история втулки»? Оказывается, и она может быть увлекательна, если понять, что эту втулку делают и эксплуатируют очень разные люди. Критики часто считали, что любовные сюжеты в произведениях Д. А. Гранина менее всего интересны, порой даже банальны¹. Думаю, они не правы. Пример тому – удивительная по накалу страстей повесть «Дождь в чужом городе». Отрывки из нее публиковались в «Ленинградской правде» уже в августе 1972 г.², хотя к тому времени она еще не была окончена. Сюжет повести незамысловат. Таких сюжетов и в реальной жизни полным-полно: женатый мужчина влюбился в незамужнюю женщину из другого города. Но как психологически сложна главная героиня повести Кира Андреевна! Как высоконравственна ее, казалось бы, безнравственная жизнь. По трагизму и накалу переживаний мне невольно хочется сравнивать главную героиню повести с Анной Карениной. Разные эпохи, разные социальные пласты, разные женские характеры, а сравнение все равно не хочет уходить из моего сознания. В чью пользу сравнение? Разумеется, ни

1 *Войтинская О. С.* Даниил Гранин: (Очерк творчества). С. 164.

2 *Гранин Д. А.* Дождь в чужом городе: Отрывок из новой повести // Ленинградская правда. 1972. 20 авг.

в чью. Точнее, в пользу Женщины. Видимо, самой Природой предназначено ей во всех смыслах быть лучше мужчины. Для чего — неизвестно. Для жизни, наверно.

Повесть «Дождь в чужом городе» начиналась, казалось бы, очень скучно с бесчисленных поездок главного героя в маленький российский городок Лыково, где ему с предсказуемой регулярностью приходилось налаживать одно и то же производство. Странно получилось, что его любовные метания совпали с техническим озарением, которое и научным-то не назовешь. Но он осуществил смелый инженерный проект, понимая, что тем самым прекратятся его регулярные поездки в Лыково, а значит, не будет больше и встреч с его любимой женщиной Кирой. «История втулки», помноженная на историю любви, представляет собой Жизнь — неисчерпаемую тему для творчества. И неразрешимую нравственную проблему, которую все равно как-то решать надо. Решать для себя, для своей личной жизни.

Темы, на которые писал Даниил Александрович, не были сугубо советскими или российскими темами. По своей сути они были наднациональными. То, что мучило советского производственника или ученого, не в меньшей степени заставляло страдать или радоваться и иностранца. Жители ГДР умели быть по-своему благодарными писателю за его произведения, которые согревали душу. На берлинском заводе трансформаторов «Карл Либкнехт» работала бригада имени Даниила Гранина, с которой сам писатель состоял в переписке¹. Как относиться к такому факту? Как к факту истории. Читательская благодарность может принимать самые неожиданные формы. Пример берлинской бригады имени Даниила Гранина — тому подтверждение.

Писатель уже в начале 1970-х гг. глубоко погрузился в тему развития советской биологии. В ней были масса открытий мирового уровня и великое множество трагедий «местного значения». Он хорошо это осознал, общаясь с членами семьи выдающегося ученого-биолога Н. В. Тимофеева-Ресовского. В те годы он общался и с женой вы-

1 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 3. Д. 64. Л. 1.

дающегося ученого Еленой Александровной, проживавшей в то время в г. Обнинске¹.

Вероятно, во многом благодаря усилиям жены Риммы Михайловны у Д. А. Гранина был хорошо отлажен процесс переиздания его прежних произведений. Конечно, издатели сами проявляли инициативу, понимая, что публикации повестей и рассказов известного писателя приносят гарантированный доход. Но заключение договоров и вся повседневная суета, которая им свойственна, очень отвлекали от работы. Римма Михайловна во многом брала эту суету на себя. И справлялась с работой ближайшего помощника успешно.

У Д. А. Гранина оставалось время для творчества и для общения с коллегами из Советского Союза и других стран. Встречи бывали самыми разными — от приятельских посиделок узким кругом до солидных официальных мероприятий международного уровня. В числе последних, например, была встреча отечественных литераторов с писателями из Италии, проходившая в Москве. Тема встречи была несколько необычной: «Познавательная функция литературы». Для Даниила Александровича эта тема была особенно злободневной, поскольку ей он посвятил, по существу, все свое творчество².

Иностранцы к тому времени часто обращались к его творчеству, интересуясь не только произведениями Д. А. Гранина, но и его личной жизнью и планами на будущее. Так, немецкий журнал «Neue deutsche Literatur» в начале 1973 г. опубликовал большое интервью с писателем, которое вызвало заметный читательский интерес³.

Отвлекали или помогали Д. А. Гранину поездки по стране и по миру? Думаю, и то и другое. Нет сомнения в том, что без зарубежных поездок и поездок по Советскому Союзу у Даниила Александровича не было бы такого количества

1 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 4. Д. 226. Л. 1–2.

2 Гранин Д. А. [Выступление: На совет.-лит. встрече писателей в Москве на тему «Познавательная функция литературы»] // Иностран. лит. 1973. № 1. С. 206–207.

3 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 2. Д. 20. Л. 1–12.

впечатлений и переживаний, без которых деятельность писателя лишена главного — вдохновения.

Выбор тем для творчества — дело, безусловно, самого автора. При этом всегда хочется понять истоки авторского интереса к той или иной проблеме. Но не менее интересно, на мой взгляд, понять и причины отсутствия писательского интереса к различным актуальным вопросам современности. Меня всегда удивляло, почему политически чуткий Д. А. Гранин никогда не писал о войне 1965–1973 гг. во Вьетнаме. Советские люди во многом воспринимали ту войну как свою собственную и были всей душой на стороне вьетнамского народа. Мальчишкой я слушал бесконечные споры взрослых по поводу той войны. Одна из злободневнейших тем их споров: будет ли Китай помогать Вьетнаму в борьбе с американцами, а если будет, то как? Не было дня, чтобы по радио и телевидению в новостях не передавали сообщения о событиях во Вьетнаме. Ежедневно сообщалось о количестве сбитых над Вьетнамом американских самолетов. Особенно, помню, отмечались сбитые «летающие крепости» — самолеты В-52. Не понимаю, зачем, но моя память до сих пор держит какие-то тактико-технические характеристики этого самолета: экипаж — шесть человек, крейсерская скорость — 1050 километров в час. В кармане я до сих пор ношу расческу, сделанную из обшивки самолета В-52, сбитого советским зенитным ракетным комплексом, подаренную мне друзьями.

О той войне советские люди знали тогда много. Мы, курсанты Пушкинского высшего командного училища радиоэлектроники Войск противовоздушной обороны, — особенно. Тем более что тактику Войск ПВО нам преподавал старший преподаватель кафедры боевого применения майор (позже — полковник) Александр Иванович Клепов. Очень знающий, улыбчивый, но крайне требовательный военный педагог, он воевал во Вьетнаме, был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Его рассказы о той войне поражали. Он говорил об особенностях тактики американских летчиков, о том, как они часто наносили воздушные удары, атакуя на цель со стороны солнца, чтобы ослабить противодействие. Мы были потря-

сены его рассказами о том, что во время американских бомбардировок вьетнамские военнослужащие своими телами прикрывали советских офицеров, чтобы уберечь их от осколков американских авиабомб. Удивляло нас и то, что в начале войны вьетнамские летчики нередко теряли в воздухе сознание, поскольку их попросту плохо кормили и организм не справлялся с перегрузками.

Помню, как все мы были счастливы, когда в 1973 г. война наконец закончилась и вьетнамский народ победил. До сих пор не понимаю, почему фронтовик Д. А. Гранин был в стороне от освещения тех политических и военных событий, не размышлял о них в своих произведениях публицистического характера.

В 1974 г. в литературной жизни страны произошло событие, значение которого тогда, пожалуй, не было осознано: из печати стотысячным тиражом вышла документальная биографическая повесть Д. А. Гранина о профессоре А. А. Любищеве. О дневниках ученого, на основе которых была написана повесть, емко и точно сказал сам Даниил Александрович: «Читать его отчеты скучновато, изучать – интересно»¹.

Повесть об этом ученом из Ульяновска, активно использовавшем математические подходы к биологическим исследованиям, была своеобразной «разминкой» перед написанием в будущем романа «Зубр». Но и само по себе исследование об А. А. Любищеве представляет значительный интерес. В первую очередь это изучение психологического типа человека. Д. А. Гранин писал: «Есть великие открытия характеров и типов: Гончаров открыл Обломова, Тургенев – Базарова, Сервантес – Дон-Кихота»². История жизни профессора А. А. Любищева привлекла внимание Даниила Александровича именно потому, что он, как ему справедливо казалось, обнаружил еще один уникальный психологический тип, на этот раз не литературного, а реально существовавшего героя. А. А. Любищев не был похож ни на одного из известных прежде Д. А. Гранину людей.

1 Гранин Д. А. Эта странная жизнь // Однофамилец: Повести. С. 490.

2 Там же. С. 460.

Математик-зоолог начиная с 1 января 1916 г. и до последнего дня своей жизни, т.е. до 1972 г., письменно фиксировал каждое событие в своей жизни, будь то работа над научной статьей, общение с коллегой или просто знакомым, чтение газеты, купание в Волге, обширная переписка с разными людьми. Его талант был общепризнанным, но, по определению Д. А. Гранина, он был счастливым неудачником. Неудачником, потому что не сделал особой карьеры, хотя и подавал в молодости большие надежды. А счастливым, потому что был очень самодостаточен, уютно устроившись в мире, который сам и создал.

Автор повести писал о том, что профессор А. А. Любищев очень напоминал ему по своей влюбленности в жизнь и в науку Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского. Сознательно или нет, но таким образом Д. А. Гранин готовил читателя к тому, что о Н. В. Тимофееве-Ресовском, о котором в начале 1970-х гг. почти ничего не было известно, им еще предстоит узнать.

Кстати, о Н. В. Тимофееве-Ресовском Д. А. Гранин упоминал и в автобиографической повести «Обратный билет»¹. Видимо, тогда Даниил Александрович хорошо понимал, что о Николае Владимировиче со временем он будет размышлять основательно.

Образ А. А. Любищева был по-гранински симпатичным: «плохо одетый, громоздкий, некрасивый старик с провинциальным интересом к разного рода литературным слухам»². Но как всегда бывает в произведениях Д. А. Гранина, такой образ главного героя не отталкивает, а непостижимым образом притягивает и заставляет читателя попытаться разобраться в его судьбе и в его понимании жизненного смысла.

Казалось бы, главный герой повести — обыкновенный ученый-чудак, которые не так уж редко встречаются среди представителей разных отраслей научных знаний. Но для широкого круга читателей представляет интерес то обстоятельство, что, фиксируя письменно каждый шаг, А. А. Любищев делал свою научную и человеческую жизнь на удивление

1 Гранин Д. А. Обратный билет // Однофамилец: Повести. С. 261.

2 Гранин Д. А. Эта странная жизнь // Однофамилец: Повести. С. 463.

эффективной, получая при этом большое удовольствие. По меткому выражению Д. А. Гранина, герой его повести, разрабатывая те или иные научные проблемы, «думал отсюда, откуда никто не думал»¹. Диапазон научной деятельности ученого восхищает: «работы по систематике земляных блошек, истории науки, сельскому хозяйству, генетике, защите растений, философии, энтомологии, зоологии, теории эволюции»².

Реконструируя научный портрет героя своей повести, Даниил Александрович главной особенностью его личности назвал усидчивость. При этом он ссылался на самого А. А. Любищева, утверждавшего, что «принадлежит к ученым, которых надо снимать не с лица, а с зада»³.

Д. А. Гранин восхищался «Системой жизни», которую создал этот выдающийся ученый. Писатель сомневался в том, что в этой Системе следует разбираться, вникать в ее суть. Он пытался бросить это занятие, но, по его собственному утверждению, «смутное предчувствие чего-то, имеющего отношение к моей собственной жизни, мешало мне отложить эти дневники в сторону»⁴.

56 лет непрерывно А. А. Любищев выстраивал свою систему, постоянно наращивая эффективность ее действия на его собственное научное творчество. Он словно рассматривал себя через микроскоп. Так пристально и беспощадно, по мнению Д. А. Гранина, умели себя рассматривать лишь Жан-Жак Руссо и Л. Н. Толстой⁵.

Автор повести обратил внимание на то, что когда его герой был молод, он взял себе в качестве жизненного образца литературного героя Базарова. Но иной раз в чем-то он по своей одержимости превосходил его. В дневнике он однажды записал: «Рекорд продолжительности моей научной работы 11 часов 30 мин.»⁶. Если учесть, что речь шла о напряженном интеллектуальном труде, то трудоспособность А. А. Любищева представляется поразительной.

1 Гранин Д. А. Эта странная жизнь // Однофамилец: Повести. С. 464.

2 Там же. С. 465.

3 Там же. С. 466.

4 Там же. С. 472.

5 Там же. С. 476.

6 Там же. С. 483.

Отмечая, что Систему А. А. Любищева легче отвергнуть, чем понять, Д. А. Гранин силой своего таланта и собственным человеческим интересом привлек к главному персонажу повести колоссальный интерес. Системой ученого заинтересовались многие читатели, некоторые пытались «примерить» ее на себя.

Не знаю, следовало ли это делать, но опыт, описанный Д. А. Граниным, действительно очень интересен. Давая ему заключительную оценку, писатель подчеркнул: «Подвига не было, но было больше, чем подвиг, — была хорошо прожитая жизнь»¹.

Мне уже приходилось в этой книге применительно к творчеству Д. А. Гранина использовать военный термин «разведка боем». Справедлив он будет и применительно к повести «Эта странная жизнь». Писатель по-своему осмыслил прожитое и пережитое А. А. Любичевым и выплеснул результат своего осмысления на страницы своего произведения. При этом он весомо заметил, что ученый заставил его самого «усомниться в развитии своей жизни»². Согласитесь, такое заявление не может не привлечь читательского интереса.

Эта повесть стала своеобразным фундаментом для написания более развернутого литературного полотна — романа «Зубр», работа над которым, как уже отмечалось, велась еще со второй половины 1960-х гг.

Книга об А. А. Любичеве не только вышла отдельным изданием, но и была опубликована в самом начале 1974 г. в ленинградском журнале «Аврора»³, который с первого дня своего существования позиционировал себя как журнал всесоюзный «с ленинградским лицом». По сути, так оно и было. Журнальная публикация быстрее, чем книга, сделала повесть достоянием читательской аудитории. Ее успех не превзошел прежние романы Д. А. Гранина, но зафиксировал направление развития авторской мысли.

1 Гранин Д. А. Эта странная жизнь // Однофамилец: Повести. С. 566.

2 Там же. С. 566.

3 Гранин Д. А. Эта странная жизнь: Повесть // Аврора. 1974. № 1. С. 12–24; № 2. С. 22–42.

Человеку не суждено знать, какой век ему отведен. Эта тайна жизни и смерти волновала людей, вероятно, тысячелетиями. Д. А. Гранин не знал, что ему будет отведен долгий век, что проживет он в активном литературном труде почти столетие. Когда ему подступило к 60-ти, совсем неожиданно стали уходить друзья-товарищи. И чем дальше, тем чаще. Уходили одноклассники, однополчане, единомышленники и оппоненты по литературному цеху. То был «звонок», к которому нельзя было не прислушаться. Подобные сигналы людьми воспринимаются по-разному. Д. А. Гранин к шестидесяти годам стал все чаще оглядываться назад, пытаясь, как пазл, собрать в воспоминаниях собственное детство. Получалось талантливо, но ему не нравилось, потому что очень многое безнадежно забылось. Он много горевал по поводу упущенных возможностей, которые в первую очередь сводились к уже недоступному общению с близкими людьми. Особенно ему не хватало воспоминаний об отце, о его влиянии на судьбу единственного сына.

В гранинских произведениях трудно отделить правду от литературного вымысла. И это вовсе не попытка писателя спрятать какие-то страницы своей биографии, хотя, возможно, было и такое. Но чаще всего явь перепутывалась с литературным вымыслом тогда, когда автор пытался реконструировать свое прошлое. Ленинградец-петербуржец душой, он во многом все же относил себя к людям, детство которых прошло в российской глубинке. Он вспоминал Старую Руссу и ее окрестности как места, где во многом формировалась его душа. И процесс ее формирования для него был неразрывно связан с отцом.

Д. А. Гранин неоднократно в своем творчестве обращался к событиям, касавшимся Старой Руссы. В романе «Картина», над которым уже в 1974 г. кипела работа, он, описывая город, его жителей, их характеры и судьбы, по каким-то своим причинам не стал указывать ни точного названия города, ни других четких географических координат. Но время романа «Картина» еще не наступило. Верный себе, Даниил Александрович будущий роман «обкатывал» на других произведениях. Точно так же художник, прежде

чем создать крупное живописное полотно, создает порой бесчисленное множество эскизных набросков. В каком-то смысле таким наброском стала его повесть «Обратный билет», выпущенная из печати в 1976 г. Любопытно то, что работа над повестью «Обратный билет» и романом «Картина» велась параллельно в одно и то же время. У писателей такое часто бывает. В этом случае работа над одним произведением помогала осмыслить процесс написания другого.

Осенью 1975 г. в «Литературной газете» был опубликован небольшой фрагмент из романа «Картина»¹, хотя повесть «Обратный билет» еще была в работе. Внесение в заголовок опубликованного в «Литературной газете» города Лыкова представляет большой интерес. Этот вымышленный город уже фигурировал в недавно вышедшей из печати повести «Дождь в чужом городе»: в нем разворачивалось основное действие произведения. Правда, в нем город назывался немного иначе: не Лыков, а Лыково. Лыков — «псевдоним» Старой Руссы, города, навсегда оставшегося в сердце писателя.

В 1976 г., когда Д. А. Гранину было 58 лет, он завершил работу над повестью «Обратный билет», которая в августе была опубликована в журнале «Новый мир»². Даниил Александрович в этом произведении соединил, казалось бы, несоединимое: собственный интерес к далекому детству с не меньшим интересом к творчеству Ф. М. Достоевского, в частности к его роману «Братья Карамазовы», действие которого протекало во второй половине XIX в. в Старой Руссе. То есть в тех же местах, где столетия спустя жил с отцом и Даня Герман.

Казалось бы, в гранинской повести все перепуталось: Ф. М. Достоевский, его литературные герои, детство самого Даниила и его встречи с приятелями детской поры. Но две эти линии, время от времени пересекаясь, не перепутываются. Они больше похожи даже не на две линии, а на две разные по массе жидкости, которые, как ни смешивай, все равно остаются каждая сама по себе.

1 Гранин Д. А. Дом в Лыкове: [Отр. из романа «Картина»] // Литературная газета. 1975. 15 окт. С. 7.

2 Гранин Д. А. Обратный билет: Повесть // Новый мир. 1976. № 8. С. 3–48.

Д. А. Гранин неразрывно связывал свое детство в Старой Руссе с домом, в котором семь лет счастливо прожил Федор Михайлович, где написал своих знаменитых «Братьев Карамазовых». Даниил Александрович писал: «По набережной Перерытицы я отправился к дому Достоевского. Мне хотелось побыть одному, хотелось посидеть именно у этого дома, одного из немногих, какие остались на белом свете от прежней моей детской жизни»¹. Неудивительно, что именно там и в 120 километрах от города, на разъезде Кислицы, где также довелось ему жить с отцом, он все чаще обращался в прошлое. Он вспоминал, как отец учил его азбуке, как что-то нашептывал, лежа рядом с сыном на печи, уютно накрывшись «щекотной овчиной».

Что главное, что неглавное в памяти об отце, разобрать трудно. У каждого свое главное. Даниилу запомнился отцовский запах, состоявший из запахов дегтя, сырого пола, запахов бумаг, бензина и леса. Все это и составляло запах отца. Спустя многие годы Д. А. Гранин вспоминал, как отец приезжал из леса, брал его на колени, а Даня сидел, уткнувшись ему в жилетку².

Иногда одна фраза по своей информационной насыщенности может стоить большего, чем несколько страниц плотного текста. Сам факт, что А. Д. Герман, лесник, ходил в жилетке, во многом характеризует его. Это означает, что был он человеком образованным и интеллигентным. Иной бы лесник оделся бы совершенно иначе. Оделся бы так, чтобы ему сподручней было ходить по лесам и болотам. Александр Данилович, вероятно, носил совершенно неуместную для леса жилетку, потому что с годами не сумел отказаться от прежнего образа жизни — жизни делового человека, понимающего толк не просто в лесе, но и в сортах древесины.

Д. А. Гранин вспоминал: «Отец показывал мне, как нужны лесу пни, старые, трухлявые пни, где живут всякие жучки и букашки.

1 Гранин Д. А. Обратный билет // Однофамилец: Повести. С. 247.

2 Там же. С. 255.

Понимал ли он лес? Не знаю, слишком мало я вникал в его жизнь. Но пользоваться лесом он старался очень осторожно. Живицу, например, гнать, он считал, надо бережно, как коров доить. Отношение у него было не к дереву, а к лесу целиком. Были леса, которые он любил, а были и нелюбимые <...> Он по срезу рассказывал жизнь дерева, когда была сушь, когда угнетали соседи, казалось, он знал все, что творилось в этом лесу давно, еще до революции и до его рождения. А каким он был сам? О чем мечтал, чего добивался, что думал? Воспитывал меня, а как, каким образом? Ведь помню, что не бил и не задира. Что-то говорил, находил какие-то слова, больше же всего показывал работу»¹.

Д. А. Гранин с грустью вспоминал о том, что у отца сохранилась хрустальная пирамидка, внутри которой были изображены Воскресенский собор, река и даже розоватое небо. Статуэтка была выложена перламутром, поэтому переливалась, если ее кто-то брал в руки. После смерти отца Д. А. Гранин поставил ее к себе на письменный стол, но однажды, расчувствовавшись, подарил краеведческому музею Старой Руссы. Преподнес вместе с книгой М. И. Полянского «Историко-статистический очерк г. Старой Руссы», изданной в 1885 г. Д. А. Даниил Александрович не скрывал, что потом пожалел о том, что сделал такой дар. Иногда есть вещи, которые особенно дороги лишь себе самому. Видимо, то был именно такой случай. Неподалеку от него проживал местный житель Андриан Савельев, которого Д. А. Гранин считал доморощенным философом: «...успел осмыслить все, кроме собственной жизни»². Писатель считал его болтуном и одновременно очень глубоко чувствующим человеком. Например, Андриан горой стоял за искусство. Он говорил писателю: «Дай ученым задание — создать василек, обыкновенный цветочек василек. Пусть организуют для этого целый институт. Десять лет будут работать и не смогут создать. Миллиарды потратят, и не то что цветок — лопух, крапиву не создадут. А художник напишет — и будет василек. Нет, брат, искусство сильнее

1 Гранин Д. А. Обратный билет // Однофамилец: Повести. С. 265.

2 Там же. С. 290.

науки!»¹ Гранин вспоминал, что в Старой Руссе они жили на улице Володарского. Позже дом сгорел, как сгорело и лесничество, в котором был большой запущенный сад².

Не знаю, правдой или выдумкой в повести стал сюжет, посвященный встрече Д. А. Гранина многие годы спустя с двумя приятелями детства, которые его начисто забыли, но предложили распить бутылку водки:

«— Значит, вы лесников сын? — сказал он недоверчиво. Отца он помнил, а меня не признал.

— Как же так, Петя? — спросил я. Он был у нас старший, был строг, отчаян, учил нас ложиться под поезд. Обидно было, что он меня начисто забыл.

— Это что, у вас стекло зажигательное было? — спросил он.

— Нет, это у Шурки Конюхова.

— А у тебя чего было?

Я пожал плечами:

— Ничего.

— Вот видишь, — сказал он.

Шурка был сын садовника. Зажигательным стеклом мы на всех стенах выжигали похабщину. А у меня ничего не было, и запомнить меня было трудно»³.

За пьяным разговором на свежем воздухе в Старой Руссе тот самый Петя, если верить писателю, высказал мысль, которую Даниил Александрович сам искал, но не мог до нее додуматься. Бывшие приятели сожалели, что не зафиксировали в своей памяти «душевные достижения» детской поры. А ведь так хотелось запомнить из той поры, «какую ты доброту совершил»!⁴

За долгие годы писательского труда образ жизни Д. А. Гранина принял своеобразную конфигурацию, в которой на первый взгляд все было вперемешку: работа за письменным столом, деловые встречи, встречи с читателями, решение мелких бытовых проблем, заграничные поездки и поездки по стране. На самом деле все было

1 Гранин Д. А. Обратный билет // Однофамилец: Повести. С. 278.

2 Там же. С. 269.

3 Там же. С. 294.

4 Там же. С. 299.

не так. Точнее, все это присутствовало в жизни Даниила Александровича, но очень строго и точно распределялось им самим в виде необходимой нагрузки. Как спортсмен с помощью тренера умеет распределить нагрузки на свои мышцы, так Д. А. Гранин, во многом с помощью жены, распределял нагрузки на свой мозг, на свою душу.

Во главе угла всегда было творчество. Даниил Александрович сам решал, когда ему писать, когда размышлять, когда собирать материалы к новым произведениям. Закрепив на ближайшую перспективу свои основные усилия в каких-либо временных рамках, он «приращивал» к творческим делам дела второстепенные, но необходимые. В сентябре 1976 г., например, он на целый месяц сумел выкроить время для поездки в Молдавию в составе писательской делегации. Среди участников поездки были писатели А. А. Беляев, В. П. Астафьев, поэт О. М. Дмитриев¹. Молдавия в сентябре — прекрасна. Везде почти бесплатное молодое вино, виноград с его неповторимым запахом, помидоры размером с кулак крепкого мужчины. Улыбчивые девушки, красивые дети, мягкие осенние солнечные лучи. Встречи с коллегами, читателями, тружениками села, дружеские широкие застолья...

Помогало ли все это творчеству? Все это разнообразило жизнь, добавляло новых ощущений. Все это как витамины: пользы вроде бы не чувствуешь, а тело и душа крепнут. Кроме того, была и практическая польза. В Молдавии Д. А. Гранин с интересом ознакомился с рассказом И. К. Чобану «Чужак», перевел его на русский язык при активном участии жены Риммы Михайловны и под названием «Еще жив» опубликовал рассказ коллеги в журнале «Нева»².

Вспоминались и январские встречи с книголюбями Клуба «Эврика», с читателями в Доме научно-технической книги. А повесть «Эта странная жизнь», точнее, фигура главного ее героя А. А. Любищева, подтолкнула к общению писателя со студентами гуманитарных факультетов МГУ³.

1 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 3. Д. 437. Л. 1—6.

2 Чобану И. К. Еще жив (перевод с молдавского языка Д. А. Гранина) // Нева. 1978. № 1.

3 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 5. Д. 512. Л. 1—68.

Как воспринимал Д. А. Гранин все эти встречи? По-разному. Да и были они все очень разными. Порой удивительными были. В марте ехал с сомнением на встречу с работниками совхоза в Ломоносовском районе Ленинградской области¹. Грешным делом подумал: «До книг ли селянам?» Но был приятно поражен их интересом к книгам вообще и к своим в частности. Душевная встреча получилась.

Наверное, все это как-то подпитывало, сил придавало. Самое главное, новые встречи приносили новые лица, характеры, типажи, если угодно. Он потом часто в своем сознании формировал «среднее арифметическое» из манеры общения тех людей, и получались новые литературные персонажи, не похожие ни на кого.

Д. А. Гранин всегда ощущал себя исследователем. На жизнь он смотрел как на неразрешимую научную проблему, которую при всей ее неразрешимости все равно очень интересно изучать. В принципе, он был большим счастливым человеком, потому что все время занимался любимым делом — изучал людей как основополагающий элемент жизни. Хотя он стал общепризнанным знатоком технической интеллигенции, сам принадлежал к ней, он одновременно был и историком. Причем историком высокого профессионального уровня. Историческая жилка билась в нем подспудно, но непрерывно, всегда. В его понимании история — это прошедшая жизнь, то самое поле, которое он возделывал много десятилетий. Не было закоулков истории, которые не интересовали бы его. Но среди них были и те, к которым он относился трепетно. История Великой Отечественной войны, история Ленинградской блокады были для него столь значительными вехами истории, что к ним подступаться он долго не решался.

После тридцатилетия Победы он ощутил острую нехватку правды о той войне. Почему после тридцатилетия? Потому что было много помпезности, разговоров о героизме, а правда полировалась, как суконной тряпочкой с зеленой пастой ГОИ. Получалось блестященько, но далеко

1 Там же. Оп. 3. Д. 451. Л. 1–19.

от истины. А между тем ветераны стали уходить уже не повзводно и поротно, а целыми дивизиями.

Есть в музейном деле такое понятие — «консервация». Я не музейщик, но слышал от сведущих людей: она применяется, когда возможности реставрировать объект нет, а процесс его самоуничтожения нужно во что бы то ни стало приостановить. Тогда, в середине 1970-х гг., Даниил Александрович почувствовал, что память о войне начала растворяться в небылицах, санкционированных с самого верха. Мифы были огромны — размером с маршальские звезды на погонах Л. И. Брежнева. И вся эта ложь плодилась под благовидным предлогом отдания должного памяти павшим и благодарности живущим ветеранам. «Законсервировать» истину могли только документы. У Д. А. Гранина появилась идея собрать воспоминания людей, переживших блокаду, уцелевшие дневники блокадной поры, другие документы и издать их как некую Блокадную книгу.

Эту идею горячо поддержал друг Д. А. Гранина белорусский писатель Алесь Адамович, уже имевший опыт написания пронзительной книги о Хатыни, созданной на основе изучения документальных свидетельств. Более того, он выразил горячее желание участвовать в подготовке такого издания в соавторстве с Д. А. Граниным. Даниил Александрович соавторство не любил, даже не признавал, но тут был другой случай. Находиться «в одном окопе» с надежным другом всегда хорошо. Сравнение складывавшейся тогда ситуации с нахождением в окопе не случайно. Бывший в ту пору первым секретарем Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романов идею издания такой книги встретил в штыки. Он считал, что она опорочит великий подвиг ленинградцев в годы блокады, очернит светлый образ защитников города. Григорий Васильевич обладал колоссальной властью. Поговаривали, что сам Леонид Ильич видит в нем преемника. Ослушаться его «рекомендаций» — все равно что под пули пойти. Ослушались. Пошли. Не побоялись. Огромный фрагмент книги в самом конце 1977 г. напечатали в журнале «Новый мир»¹.

¹ Адамович А., Гранин Д. А. Главы из «Блокадной книги» // Новый мир. 1977. № 12. С. 25–158.

Бытует мнение, что поскольку Г. В. Романов категорически запретил печатать эту книгу в Ленинграде, в этом городе она вышла из печати только в 1984 г., когда Г. В. Романов был переведен в Москву. Это так, но с важной оговоркой. В 1981 г. большой фрагмент «Блокадной книги» был опубликован в ленинградском журнале «Аврора»¹. Хватило смелости у редколлегии! В дальнейшем «Блокадная книга» переиздавалась множество раз. Она меняла взгляд на войну, на блокаду; менялся взгляд и на «Блокадную книгу»: она находила все больше понимания среди жителей Советского Союза и зарубежных читателей.

С опубликованием в «Новом мире» глав из «Блокадной книги» Даниил Александрович почувствовал если не опалу, то мощный психологический прессинг со стороны местных властей. Его еще со времен работы над книгой на всякий случай перестали интервьюировать ленинградские издания, в городских газетах не стало его очерков и рассказов. Даже юбилейную статью по случаю 60-летия со дня рождения выдающегося актера Евгения Алексеевича Лебедева, с которым Д. А. Гранин крепко дружил², писатель опубликовал в московском журнале «Театр»³, а не в ленинградской прессе. Правда, в Ленинграде в 1977 г. в очередной раз переиздали «Иду на грозу» и сборник повестей под общим заголовком «Дождь в чужом городе»: обкомовские товарищи были не звери какие-нибудь и умели отличать «правильные» книги от «неправильных».

В Москве в 1977 г. стотысячным тиражом вышла документальная повесть писателя «Клавдия Вилор»⁴ — еще один его вклад в описание правды о войне. Публикации книги предшествовала большая исследовательская работа. Даниил Александрович встречался со своей героиней, подолгу беседовал. Он собрал немало документов, позволивших осмыслить ее подвиг. Год спустя, 19 октября 1978 г., Д. А. Гранину за эту работу присудили Государственную

1 Адамович А., Гранин Д. А. Главы из «Блокадной книги» // Аврора. 1981. № 1. С. 78–101.

2 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 118.

3 Гранин Д. А. Евгений Лебедев // Театр. 1977. № 1. С. 80–81.

4 Гранин Д. А. Клавдия Вилор. М., 1977.

премию СССР в области литературы, искусства и архитектуры. Мне приходилось встречать в печати мнение, что повесть «Клавдия Вилор» – слабое произведение. Это утверждение заставило меня еще раз обратиться к этой повести. Перечитывал ее не как читатель, а как исследователь, более двадцати лет работающий в области исторической психологии. Мне представляется, что автор решил сложнейшую задачу «расшифровки» психологии действий советской женщины, оказавшейся в невообразимо тяжелых условиях плена. Д. А. Гранин состоял в переписке с Клавдией Денисовной Вилор¹, встречался с ней, а позже, когда ее не стало, приезжал на ее могилу.

Писатель в середине 1970-х гг., работая над этой повестью, использовал два основных метода исследования: интервью (в основном с главной героиней будущей повести) и работу с документами. Документы были на удивление интересными. Помимо так называемых официальных документов среди них было много писем людей, с которыми К. Д. Вилор встречалась после побега из концлагеря, пробираясь к линии фронта. Каждое из них – важный источник историко-психологического характера.

Много десятилетий занимаясь изучением истории Великой Отечественной войны, читая эту повесть, я впервые столкнулся с подробным описанием публичных допросов гитлеровцами советского политработника. Особый интерес представляла мотивация К. Д. Вилор в выборе поведенческой линии, проводимой ею в процессе допросов. Подумалось, что при всем моральном грузе проведения такого научного исследования было бы очень важно и интересно с точки зрения науки проанализировать психологические мотивы поведения советских военнопленных в процессе допросов.

Феномен поведения К. Д. Вилор был изучен Д. А. Граниным в динамике досконально. Но помимо этого изучения в повести был ряд «побочных» тем, также достойных внимательного изучения. Например, поведение предателя Виктора, который во время обороны Одессы исподтишка

1 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 3. Д. 173. Л. 1.

стрелял в комиссаров и политруков. По должности он был заместителем начальника полиции, старшиной концлагеря. Это был «моряк, здоровенный красавец», который хвастался своим предательством и ненавистью к советской власти. Ему Клавдия была интересна: «Он ничего не скрывал от Клавдии Вилор. Он ее ни в чем не переубеждал, ничего не требовал, не допытывался. Ему нравилось беседовать с ней о своей душе. Ему словно хотелось выработать какую-то свою линию самоуважения. То, что он хорошо жил среди умиравших от голода, израненных, измученных военнопленных, то, что он ненавидел все советское, — этого было еще недостаточно. Он пытался понять самое существо Клавиного упорства, то есть не обязательно именно ее упорства, а упорства всех тех, кто не сдавался»¹.

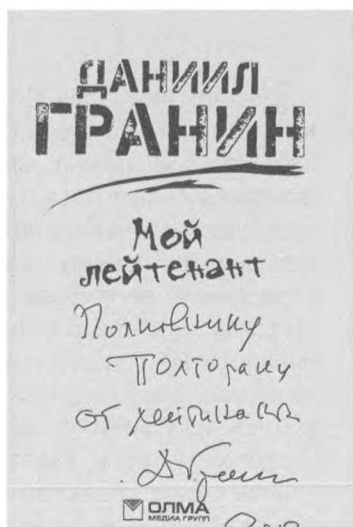
Чрезвычайно важны и размышления писателя о человеческой чести, которые помогают нам понять очень многое о поведении советских людей в плену: «...она дойдет и до другого понятия своей чести, когда самым высшим будет не забота о том, чтобы узнали другие, а забота о своем собственном суде над собой, — перед самой собой ни в чем не погрешить, ни в чем не отступить!»² Эти строки Даниил Александрович писал и о себе тоже. О нем самом нелицеприятно писали некоторые авторы, желая своими домыслами обратить внимание на собственную персону. Получилось? Да. Мне приходилось общаться с теми, кто читал подобные обличительные строки. И всегда реакция была одинаковой: люди улыбались при упоминании таких обличителей. Думаю, это проявление специфики русской культуры, которая вполне добродушно воспринимает присутствие в ней шутов гороховых. Нельзя без них в отечественной истории. Что же касается Д. А. Гранина, то он, скорее всего, не читал никаких высказываний о себе — ни хороших, ни плохих. Он был человеком зашкаливавшей самодостаточности.

1 Гранин Д. А. Клавдия Вилор // Еще заметен след: Повести и рассказы. Л., 1985. С. 41.

2 Там же. С. 47.

Титульный лист книги «Еще заметен след»

Титульный лист книги «Мой лейтенант»

Повесть «Клавдия Вилор» изобилует важными деталями психологического порядка. Чего только стоит мысль о том, что героиня произведения «не может сейчас объяснить себя тогдашнюю»¹. Это она говорила по прошествии тридцати лет. Динамичны не только человеческая жизнь, но и человеческие поступки как следствия этой жизни. Не в наше время сделано наблюдение о том, что нельзя войти в одну воду дважды. Сама Клавдия Денисовна спрашивала Д. А. Гранина: «Скажите, разве так может быть, чтобы тогда было правильно, честно, а теперь за то же самое неловко?» Писатель честно отвечал: «У меня так было»².

Очень ценным мне представляется один из главных выводов, который сделал Даниил Александрович в этой повести: «Подвиг Клавы Вилор не обозначен поступком. У нее не было своей Голгофы. Подвиг ее растянулся на месяцы, это была жизнь, это был скорее не подвиг, а подвижничество»³.

1 Гранин Д. А. Клавдия Вилор // Еще заметен след: Повести и рассказы. С. 72.

2 Там же. С. 75.

3 Гранин Д. А. Клавдия Вилор // Еще заметен след: Повести и рассказы. С. 92.

Не люблю голословных утверждений. Когда эту повесть оценивают как слабую, не могу понять: а какие же тогда неслабые?

1977 г. стал для Даниила Александровича годом тяжелых утрат. В сентябре ушел из жизни замечательный ленинградский поэт, редчайший интеллигент Всеволод Рождественский. К нему у Д. А. Гранина было особое отношение. В начале сентября 1938 г., когда Даниил Герман перевелся из ЛЭТИ в Индустриальный институт, молодой поэт В. А. Рождественский руководил в этом вузе литературным кружком¹. Нет сомнений в том, что студент-четверокурсник посещал занятия того кружка. Так что Всеволода Александровича можно считать первым литературным педагогом Д. А. Гранина.

Спустя месяц после кончины В. А. Рождественского не стало поэта-фронтовика Сергея Орлова, близкого друга Д. А. Гранина. То была невосполнимая утрата для него. Через три года он принял участие в издании сборника неопубликованных произведений друга и воспоминаний о нем; сам написал небольшие воспоминания². С вдовой поэта Виолеттой Степановной он переписывался и многие годы спустя³.

У С. С. Орлова в свое время из печати вышел сборник стихов о Великой Отечественной войне, который назывался «Мой лейтенант». Спустя многие годы у Д. А. Гранина вышла книга с таким же названием. Когда я напомнил Даниилу Александровичу, что книга с таким названием была выпущена Сергеем Орловым, он посмотрел на меня и с вызовом спросил: «Ну и что?!» Я лишь пожал плечами. Тут же Д. А. Гранин вдруг улыбнулся, взял в руки книгу и, раскрыв ее, сделал короткую надпись: «Полковнику Полтораку от лейтенанта Гранина».

Во второй половине 1970-х гг. в Советском Союзе стали очень популярными повести и рассказы Е. С. Вентцель, публиковавшей свои работы под псевдонимом «И. Грекова».

1 Индустриальный. 1938. 10 сент. С. 4.

2 Гранин Д. А. На берегу // Сергей Орлов: Воспоминания современников. Неопубликованное. Л., 1980. С. 117–120.

3 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 4. Д. 195. Л. 1–2.

Особой популярностью пользовалась написанная ею в 1977 г. повесть «Кафедра»¹, которая по своему психологическому накалу и знанию взаимоотношений, складывавшихся в научно-педагогической среде, во многом напоминала произведения Д. А. Гранина. Работы Елены Сергеевны не были подражательством, но чувствовалось, что она писала под влиянием произведений Д. А. Гранина. В те годы я не обратил на это внимания, но, увидев в архиве переписку Д. А. Гранина с И. Грековой, вспомнил свои прежние ощущения и многое понял². Даниил Александрович никогда не писал и не говорил ничего о своих учениках. Более того, он считал, что у больших мастеров их не может быть. Я по-прежнему считаю Д. А. Гранина классиком советской (русской) литературы, но уверен, что ученики у него все же были. Во всяком случае, И. Грекова — из их числа. За несколько лет до своей кончины Д. А. Гранин рассказывал мне о каких-то подробностях встречи с одной из московских писательниц. Не называя имени, он восхищался ею и ее жизненными поступками. Только недавно я начал догадываться, что речь он вел именно об И. Грековой.

В 1978 г. Д. А. Гранину исполнилось 60 лет. Думаю, к этой дате был приурочен выход из печати первого тома четырехтомника собраний сочинений писателя³. Таким образом он подвел итог тридцатилетия своей литературной деятельности. Тираж издания был немалым — 100 тысяч экземпляров.

Конец 1970-х гг. — пик эпохи Застоя. До начала Перестройки оставалось более пяти лет. По тем временам — огромный промежуток времени. Хотя то время и называется Застоем, брожение в умах, особенно у тех, у кого он был, протекало очень активно. Думаю, что большинству советских людей казалось, что Застой не окончится никогда. Правда, тогда то время так не называлось. Его именовали периодом развитого социализма, временем, когда была

1 Грекова И. Кафедра: Повести // Кафедра. М., 1983. С. 3–236.

2 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 4. Д. 65. Л. 1; Там же. Д. 132. Л. 1–7.

3 Гранин Д. А. Собрание сочинений: в 4 т. Л., 1978–1980.

сформирована единая социальная общность – советский народ. И все это, казалось, будет всегда. Профессиональные идеологи подводили теоретическую базу под то, к чему пришел Советский Союз к тому времени. Другие светлые умы, не ограниченные должностным положением, искали резервы, которые позволили бы вырулить советскому обществу на дорогу более эффективного развития. Среди таких людей был Д. А. Гранин. Он, как и многие поколения русской интеллигенции, считал, что Россию может спасти самосовершенствование общества. В первую очередь наиболее одаренных и ответственных его представителей. Мне кажется, что именно размышления на эту тему привели Даниила Александровича к идее написания романа «Картина».

Задумка была интересной и очень сложной. Попытка найти в советском социализме то зерно, которое могло бы прорасти социальным прогрессом, – дело почти бесперспективное. Но писатель решил попытаться взяться за выполнение такой непосильной задачи. Думаю, ему было страшно браться за нее. Страшно, потому что предстояло найти то, что не удавалось отыскать ни ученым, ни политикам. Может быть, для того чтобы как-то подбодрить самого себя, Даниил Александрович решил перенести развитие сюжета в город своего детства – в Старую Руссу. Но как уже отмечалось, по каким-то причинам он не стал называть город его собственным именем. Возможно, потому что проблема, которую он собирался затронуть в романе, была во многом не только нравственной, но и нравственно-теоретической. Если угодно, автору предстояло разработать нравственные критерии, по которым человек будущего мог вырулить к той самой вожденной дороге. В теоретической работе нет места конкретике. Поэтому вместо Старой Руссы и появился некий город Лыков, который Д. А. Гранин облюбовал для своих героев еще в повести «Дождь в чужом городе», правда, в ней он назывался чуть иначе – Лыково.

Писатель испытанным практикой способом прощупывал отношение читателей и чиновников к своей новой работе: небольшой фрагмент будущего романа был опубликован

в марте 1978 г. в газете «Советская Россия», одной из самых читаемых газет в СССР¹.

Но было бы наивным полагать, что, кроме Д. А. Гранина, никто в Советском Союзе не жаждал перемен. Идея, как говорится, витала в воздухе. Советское общество активно искало пути выхода из складывавшегося пока еще духовного кризиса. Как бывает в подобных случаях, вспомнили об ученых. Академическим организациям, особенно гуманитарного профиля, партией и правительством давались поручения включить свой интеллект и поразмышлять на тему поиска неиспользованных резервов социализма. Под это задание планировалось бесчисленное количество различных мероприятий. Во многих из них в 1978 г. принимал участие и Д. А. Гранин. Например, вначале июня 1978 г. в Новосибирском академгородке прошло выездное заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР, на котором Даниил Александрович выступил с докладом. Суть его сводилась к тому, что широкий круг советских людей осмысливает текущие внутривластные и социальные процессы в стране, отбирая те идеи, которые позволят в скором времени усовершенствовать советское общество². О той встрече писали многие издания, в том числе и авторитетный и многотиражный журнал «Огонек»³.

С подобными мыслями Д. А. Гранин выступил и на заседании комиссии «Формирование коммунистической личности и социально-нравственных проблем в жизни и в литературе», проходившем в рамках Шестого съезда писателей СССР⁴. Одним словом, вся страна искала свежие решения несвежих проблем. И писатель был в авангарде интеллектуальной элиты.

1 *Гранин Д. А.* Картина: отрывок из романа // Советская Россия. 1978. 12 марта.

2 *Гранин Д. А.* Современный читатель ищет героев мысли и души // Социалистическая индустрия. 1978. 4 июня.

3 *Гранин Д. А.* Встреча науки и литературы: [Из выступления на встрече с учеными в Новосиб. академ. городке] // Огонек. 1978. № 24. С. 6–7.

4 *Гранин Д. А.* [Выступление на заседании комис. «Формирование коммунистической личности и социально-нравственных проблем в жизни и в литературе.»] // Шестой съезд писателей СССР: Стеногр. отчет. М., 1978. С. 143–144.

Был ли в то время в Советском Союзе автор, который был бы более издаваемым, чем Д. А. Гранин? Конечно, был. Именно в 1978 г. Л. И. Брежнев неожиданно для всей страны обнаружил в себе литературный дар и издал в журнале «Новый мир» в течение года три своих произведения – «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». Вскоре каждая из этих работ вышла из печати отдельным изданием тиражом в 15 млн. экземпляров каждый. 45 млн. экземпляров – на каждую советскую семью по экземпляру было гарантировано. Книги дорогого Леонида Ильича обсуждались по всей стране на партийных, комсомольских, профсоюзных и еще бог знает на каких собраниях. В армии каждый офицер был обязан законспектировать эти работы и прочно усвоить их содержание. Народ откровенно веселился. Чрезвычайно популярным был анекдот о том, как Л. И. Брежнев, услышав от главного идеолога страны М. А. Суслова восторженные слова о книге «Малая земля», загорелся желанием и сам ее почитать.

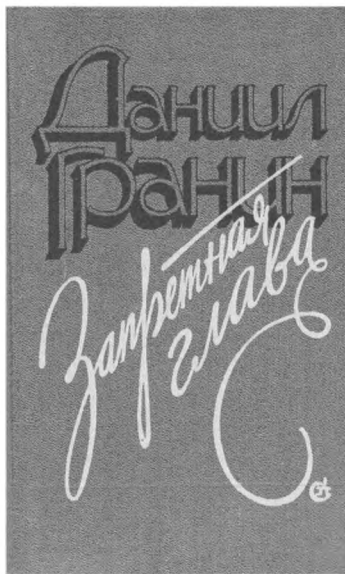
Меня удивило то, что Д. А. Гранин осмелился написать, цитируя безымянного крупного партийного работника: «Однако как известно, сейчас вышла книга с другими воспоминаниями. Про Малую землю. Там расписаны героическая оборона, лишения, пример политработы, пример руководителя. Книгу изучают, по радио читают, по телевидению, на иностранные языки переводят, ваши писатели хвалят ее взахлеб. Она сегодня Главная книга»¹. Хотя, вероятно, то была уже не совсем смелость: откровенные строки о событиях 1978 г. были опубликованы только в годы Перестройки.

Уже в конце 1970-х гг. началась какая-то неразбериха с датой рождения Даниила Александровича. Не думаю, что в ней есть какая-то интригующая тайна. Великая русская сила – безалаберность – тут, несомненно, сыграла решающую роль. Как и все советские люди, Даниил Александрович часто заполнял всякие анкеты, писал автобиографии и прочие документы личного характера. На их основе авторы и издатели создавали публикации, входившие во всевозможные справочные издания. Все это очень напо-

1 Гранин Д. А. Запретная глава // О наболевшем. С. 22.

Обложка книги «О наболевшем»

Обложка книги «Запретная глава»

минало детскую игру в испорченный телефон. Д. А. Гранин при всей своей одаренности был в быту обыкновенным человеком: немного невнимательным, рассеянным и безразличным к официальным сведениям о себе. Он допускал ошибки в официальных бумажках, которые терпеть не мог и воспринимал их как ненужную формальность. Парадокс: в душе историк, он легкомысленно относился к документам личного характера. Может, потому, что не считал себя исторической личностью или даже просто частью истории. Он по мере сил самоустранился от всей бумажной белиберды, которая сопровождала жизнь любого советского человека. В этом отношении как могла ему помогала Римма Михайловна.

Чиновники от культуры основательно запутались в его биографии. В результате 2 января 1979 г., к 61-й годовщине со дня рождения, его, словно к 60-летию, наградили орденом Дружбы народов. С народами Даниил Александрович всегда дружил, так что орден был вполне заслуженный. Не знаю, как он относился к тому, что неожиданно юби-

лей перенесся на год позже, что он для официальных лиц стал на год моложе. По-моему, ему было все равно: он жил в своем измерении. Вспомнили про дату – спасибо, забыли – тоже хорошо. Он мог бы и сам забыть. Не блаженный, нет. Жил другими ценностями. Когда он писал о том, что человек порой сам себя не понимает, это он про себя писал.

В 1979 г. советские войска, как известно, были введены в Афганистан. Нам объясняли, что они защищали Советский Союз на дальних подступах. Лично я в это верил и трижды писал рапорты с просьбой направить меня в эту страну. Мой начальник не торопясь прочитывал текст моего очередного рапорта, так же подчеркнуто медленно рвал его на аккуратные кусочки и почему-то клал на край своего рабочего стола. «А работать за тебя кто будет?» – интересовался он, словно я просился в санаторий. Но война в Афганистане меня захватила тогда основательно. Я читал о ней все, что мог найти в своей полковой библиотеке. Зачем-то написал что-то вроде обзора публикаций о той войне в газете «Красная звезда», хотя никто меня это делать не заставлял.

20 декабря 1984 г., в день рождения моего отца, в Афганистане погиб сын друзей моих родителей Алеша Родионов. Ему было только восемнадцать лет. Горе родных, да и мое тоже, трудно описать. Я написал стихи об Алеше, которые кладбищенский мастер выбил на надгробной плите. Деньги за свою работу мастер брать отказался. Там же, в Афганистане, воевал мой друг старший лейтенант (позже – полковник) Володя Танаев. Два года, что он там воевал, мы с ним плотно переписывались. В Афганистане он крепко заболел; пока воевал, его бросила жена. Коряво все как-то складывалось у Володи, но я почему-то все равно ему завидовал.

Такой сложный период в жизни советских людей, такой противоречивый! Политики решали свои стратегические задачи. Почти четырнадцать тысяч наших парней не до-решали свои задачи жизненные, погибнув на афганской земле. Десять лет боевых действий СССР в чужой стране не подтолкнули Д. А. Гранина к написанию литературных произведений на эту тему. Лишь однажды он вскользь

упомянул афганскую тему¹. Почему? Эта загадка так и останется для меня неразгаданной.

В 1979 г. в Ленинграде вновь были изданы «Искатели» и «Иду на грозу», а в Москве в «Советском писателе» вышла «Блокадная книга». Московское издательство «Художественная литература» выпустило отдельной книгой несколько его повестей неслыханным тиражом — почти два с половиной миллиона экземпляров!² Получалось, что эту книгу должен был купить каждый сотый гражданин СССР, включая аксакалов из горных аулов и младенцев из чукотских стойбищ. Масштаб впечатляет. Особенно сейчас, когда тираж художественного произведения в пять тысяч экземпляров считается колоссальной удачей. Конечно, можно сослаться на то, что тогда не было Интернета. Да. Но тогда и безразличных к книге людей в нашей стране почти не было.

Возьмусь утверждать, что в ту пору у Д. А. Гранина в сознании было два крупных блока идей на тему усовершенствования советского общества. Первый блок касался идей, связанных с привитием совести чиновничеству разных звеньев. Второй блок вбирал в себя идеи опоры на научную интеллигенцию, но уже не техническую, время которой, по его мнению, завершилось, а на ту, которая исследовала естественные науки, или точные, но на стыке с естественными науками. Он считал, что именно они будут скоро формировать основные технологии развития прогресса, а стало быть, и прогресса социального.

В рамках исследования потенциала чиновничества Даниил Александрович писал роман «Картина». К концу 1979 г. роман был полностью завершен³. На излете года он опубликовал в разных периодических изданиях три фрагмента романа, готовя тем самым читателя к прочтению произведения целиком⁴. Уже из фрагментов было видно, что одним из рычагов воздействия на чиновничество должна стать

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 69.

2 Гранин Д. А. Повести. М., 1979.

3 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 5. Д. 2. Л. 1–242.

4 Гранин Д. А. В родном городе // Литературная газета. 1979. 7 нояб. С. 7; Он же. Река жизни // Наука и религия. 1979. № 11. С. 47–50; Он же. Учительница рисования // Советская культура. 1979. С. 6.

активная часть советской интеллигенции. Было понятно, что процесс развития пойдет из глубинки в сторону центра — областные города, потом и Москва. Хотя столица — для питерца Д. А. Гранина город особый: «Главная беда Москвы в том, что она со всех сторон окружена Россией»¹.

Что же касается второго блока идей, то Д. А. Гранин опирался на опыт ярких персонажей из научного сообщества. В мае вышла в свет его публикация об А. Швейцере², а через несколько месяцев он написал предисловие к опубликованным по его почину письмам профессора А. А. Любищева³.

Идея самосовершенствования увлекала его всегда, но именно в те годы он сделал на нее ставку, рассчитывая на пусть очень долгий, но все же успешный путь саморазвития советского человека⁴. Прожив с той поры почти сорок лет и досыта нахлебавшись пессимизма, сегодня мы можем удивляться гранинской наивности. Но мы, к счастью, не знаем, что будут думать о нас наши потомки еще через сорок лет.

В целом 1979 г. оказался для Д. А. Гранина удачным. По его повести «Дождь в чужом городе» был снят художественный кинофильм, который (большая редкость!) нравился самому писателю, ставшему соавтором сценария фильма. В печать был сдан роман «Картина», и его выхода в свет 80-тысячным тиражом ожидали многие почитатели таланта писателя. Но еще раньше, в январе-феврале 1980 г., этот роман был опубликован в журнале «Новый мир»⁵, став крупным литературным событием начала года.

Д. А. Гранин поражал своей работоспособностью, творческими результатами и новыми идеями, которые воспринимались читателями как проявление самой передовой мысли современности. Это хорошо понимали и иностранные коллеги, что учитывалось советскими деятелями культуры при организации различных международных встреч. Таких, например, как встреча советских и американских писателей

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 254.

2 Гранин Д. А. В начале было дело // Литературная газета. 1979. 30 мая. С. 15.

3 Гранин Д. А. Предисловие // Там же. 31 окт. С. 13.

4 Гранин Д. А. Творить самого себя // В мире книг. 1979. № 11. С. 65–67.

5 Гранин Д. А. Картина // Новый мир. 1980. № 1. С. 3–132; № 2. С. 85–176.

в Батуми, на которой обсуждались вопросы деятельности писателей в условиях социального и научно-технического прогресса. Даниил Александрович на встрече выступил, как всегда, интересно, содержательно¹, вызвав интерес собравшихся писателей, журналистов и аппаратных работников.

Встреча с американскими писателями была не случайной. Через несколько месяцев в Москве должна была начаться летняя Олимпиада, которую собирались бойкотировать США и ряд других государств Запада. Встреча в Батуми была одной из попыток советской стороны как-то переломить ситуацию, что, как известно, не получилось. Кстати, сам Д. А. Гранин, человек, любивший спорт и признававший подвижный образ жизни, на ту политическую ситуацию никак не отреагировал. По крайней мере, мне не удалось встретить в печати его выступлений на эту тему. Не стоит думать, что не выступил, потому что не было указания сверху. Застой застою, но писатели такого уровня обладали относительной самостоятельностью. Видимо, ситуация его не зацепила на столько, чтобы выразить свое мнение через газету или журнал.

Неизвестна и реакция Даниила Александровича на смерть В. С. Высоцкого, которая случилась во время тех Игр. Д. А. Гранин был в то время озадачен другими проблемами. В частности, размышлял о взаимовлиянии Научно-технической революции и литературы². В театральном и песенном искусстве он был консервативен, хотя любил и театр, и хорошую песню. Дома у него на Малой Посадской бывал Юрий Визбор, исполнявший в тесном кругу свои проникновенные песни.

В начале 1980 г. у Д. А. Гранина в журнале «Звезда» вышла статья о книге Даниила Данина «Нильс Бор», которую Даниил Александрович оценил очень высоко³.

1 Гранин Д. А. Писатель и социальный и научно-технический прогресс // Нева. 1980. № 1. С. 188–191.

2 Гранин Д. А. НТР и литература: Выступление на Всесоюзной творческой конференции // Литературная газета. 1980. 4 июня. С. 4.

3 Гранин Д. А. Книга о великом человеке и великом ученом // Звезда. 1980. № 2. С. 198–202.

Начало 1980-х гг. было временем, когда читательский интерес к советской прозе и поэзии был очень велик. Помню, как в Ленинградской филармонии в переполненном зале звучали стихи в исполнении элегантного и тонко чувствовавшего московского поэта Андрея Дементьева: «Никогда ни о чем не жалейте вдогонку...» Помню, как в марте 1980 г. моя мама, работавшая тогда инженером в проектно-институте «Ленгипрогор» на Бассейной улице в Ленинграде, с восторгом рассказывала о Д. А. Гранине, участвовавшем в читательской конференции, проходившей у них в институте, которая была посвящена обсуждению романа «Картина». Парадокс: на излете Застоя, когда в магазинах было пусто, в душах советских людей скопилось такое богатство, что оценить его стало возможным только многие годы спустя, в условиях постсоветского прагматизма и духовной скупости. Думаю, что Д. А. Гранину неуютно жилось в предчувствии надвигавшейся бездуховности. То, что у него было такое ощущение, я не сомневаюсь. Не зря же он сопротивлялся ей как мог, размышлял на эту тему, убеждал¹.

А сам он жил в системе прежних ценностей. Плавно, может быть, даже незаметно для себя самого, он отходил от марксистской идеологии, становясь все больше и больше гуманистом планетарного разума. Этого его перехода многие не принимали. Кто-то считал его предателем коммунистических идей, кто-то обвинял в отсутствии патриотизма. Думаю, напрасно. Коммунистические идеи в глубинном, классическом смысле от него не ушли никогда — ушла «советская версия» коммунистических идей. Что же касается социальной справедливости, человеколюбия как задачи планетарного масштаба, то все это в нем оставалось до конца. Не признавал он большей ценности в жизни, чем Человек. И утверждению этой идеи все в нем было подчинено. Разумеется, он любил не только все человечество, но и близких людей. Иногда ради этой любви поступал вопреки своим желаниям. Например, он

1 Гранин Д. А. Остаться человеком // В конце семидесятых. Литература наших дней. Л., 1980. С. 5–29.

не очень любил читать произведения своих коллег. В этом не было пренебрежения к их творчеству. Примерно так же некоторые врачи стараются уклоняться от лечения своих родных и близких друзей. Но к Д. А. Гранину часто обращались литераторы поддержать их, написав предисловие или послесловие к их книгам. Даниил Александрович не отказывал, не желая показаться снобом. Но писал через силу, злясь на себя за то, что не отказал. Давал себе слово в следующий раз точно уж отказать. Но наступал тот самый следующий раз, и все повторялось. Д. А. Гранин был беззащитно добр и это свое качество считал слабостью характера и прятал его как мог.

Сначала я хотел в подтверждение своих слов привести какие-то фамилии авторов, но подумал, что поступлю неправильно. К разным писателям и поэтам Даниил Александрович относился по-разному. Кого-то любил больше, кого-то меньше, кого-то вообще терпеть не мог. Но конфликтов он старался избегать. Не трусил, просто знал, что в споре рождается не истина, а новый спор.

В начале 1980-х гг. Даниил Александрович продолжал работать, не снижая темпов. Меня всегда это в нем поражало: литературный труд был для него единственно возможным образом жизни. Он что-нибудь писал непрерывно, ежедневно. Случались редкие паузы из-за простуды или дальнего переезда-перелета, но то были исключения из правила. Мне порой он сам казался профессором А. А. Любищевым, только дневников не вел. Неимоверная работоспособность объяснялась в первую очередь тем, что он получал огромное удовольствие от размышлений. Он словно вел расследование или разрабатывал новую научную проблему. По существу, так оно и было. Просто нет в научном классификаторе специальностей «человекознание» или «человековедение». Пока нет. Д. А. Гранин всегда был при деле, всегда что-нибудь или кого-нибудь изучал.

Случалось и так, что, сидя на каком-нибудь очередном заседании-совещании, он уходил в себя, забывая вернуться. Размышлял о чем-то нужном. Память была цепкая — ничего не забывал. Домой возвращался, записывал, опять

Обложка книги «Картина»

Титульная страница «Тринадцать ступенек»

обдумывал. Больше всего ему было интересно с самим собой. Это огромное творческое счастье и большая человеческая беда. Умея и любя быть душой компании, он, как это ни парадоксально, всегда тяготел к отшельничеству. По крайней мере, к духовному. Даже самым близким людям он не спешил раскрывать душу: сам раскладывал в ней все по полочкам.

Он любил порядок, чистоту в доме и в душе. При этом не боялся душевных завалов: спокойно, методично разбирал их кирпичик за кирпичиком.

Меня поражало в нем умение переключаться с одной работы на другую. В 1980-е гг. он, продолжая переиздавать свои романы, ставшие классикой советской литературы, занимался накоплением материалов и осмыслением новой колоссальной идеи, которой со временем предстояло воплотиться в роман «Зубр». Он чувствовал в себе небывалые творческие силы и предвкушал не столько успех, сколько осознание того, что, приближаясь к 70-летию, сможет еще сделать один шаг в сторону творческой вершины. Все его существо противилось тому, что рано или поздно придется

ощутить себя «возвращающимся с ярмарки». Придется. Но пусть это будет как можно позже.

Публикуя статьи, очерки, рецензии, рассказы, давая интервью, встречаясь с читателями и коллегами, он постепенно менялся, как менялась и вся страна. Да что там, он лично был причастен к надвигавшимся переменам. Но неизменными оставались нравственные ориентиры. Среди них один из главных ориентиров его жизни – Ф. М. Достоевский, его творчество. Чем глубже забирался Даниил Александрович в дебри его философии, тем четче понимал, какая машина этот писатель. У него следовало учиться не столько понимать, сколько *не понимать* Человека. Это было особое искусство, овладеть которым мог только чрезвычайно одаренный человек. Тайна человеческой личности походила на черную дыру, которую было боязно и притягательно познавать. Д. А. Гранин писал о нем¹, подчеркивая сложность его мировосприятия. Близилась круглая дата – 160-летие со дня рождения Федора Михайловича. Это оказалось кстати: больше шансов было обратить внимание на необходимость реконструкции дома-музея писателя в Кузнечном переулке Ленинграда, совсем недалеко от улицы Пестеля, где прошли детство и юность Даниила Александровича. Земляки, соседи, родня по духу.

Написав слово «искусство», я вдруг вспомнил, что Д. А. Гранин по-своему объяснял отличие науки от искусства: «В науке ценен не вопрос, а ответ, его возможность... В искусстве важен не ответ, а вопрос, да такой, чтобы загнать в тупик, чем безвыходнее вопрос, тем он ценнее»².

Во второй половине 1970-х гг. Д. А. Гранин был в СССР уже общепризнанным классиком советской литературы. В школе его произведения, правда, не изучали, но в этом и не было особой необходимости: произведения Д. А. Гранина подростки и молодежь не «проходили» в принудительном порядке в соответствии с учебной программой, а читали от души. Время застоя было временем, когда советские люди испы-

1 Гранин Д. А. Трудный писатель: В доме на Кузнечном // Новый мир. 1981. № 10. С. 189–191; 193–195.

2 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 124.

тывали не столько недостаток в колбасе, сколько в хороших книгах. Помню, как в 1975 г. в Доме книги на углу Невского проспекта и канала Грибоедова вдруг «выкинули» в продажу сборник стихов А. А. Ахматовой. Мне тогда повезло: я сумел купить тот желанный черный толстенький томик стихов Анны Андреевны. Правда, в очередь я встал возле храма Спаса-на-крови и простоял в ней несколько часов.

Книги Д. А. Гранина в то время тоже можно было достать с трудом. Но в Ленинграде, как, возможно, и в других советских городах, существовала загадка: при пустых продуктовых магазинах у горожан холодильники были забиты продуктами, а при книжном дефиците книги классиков русской, советской и зарубежной литературы были почти в каждой семье.

Причисление к литературной элите Д. А. Гранина шло двумя проверенными путями. Государство выпускало его книги много и часто, а читатели их раскупали мгновенно. Читать книги Д. А. Гранина в ту пору было вполне обычным занятием. Из современников в те годы более популярными были, пожалуй, лишь книги В. С. Пикуля. Но если новый том произведений В. С. Пикуля в руках человека был признаком его социальной успешности (попробуй достать такую книгу!), то книга с повестью или романом Д. А. Гранина выдавала в человеке его интеллигентность. Сейчас, наверное, это назвали бы продвинутостью.

На государственном уровне и в широком кругу читателей Д. А. Гранин в те годы был читаем и почитаем. В 1981 г. в Минске была защищена кандидатская диссертация филологом с арабским именем, посвященная вопросам терминологической лексики в произведениях Даниила Александровича¹. Разумеется, этот факт был известен лишь узкому кругу специалистов, но сам по себе он очень интересен. Не знаю, как арабский филолог сумел перечитать и осмыслить всего Д. А. Гранина, но работа получилась обстоятельная и основательная. Диссертант обратил внимание на то, что в работах писателя часто

1 *Аль-Тамири Г. А. Х.* Терминологическая лексика в произведениях Д. А. Гранина: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: (10.02.01). Минск, 1981.

встречаются такие слова, как автомат, агрегат, аксиома, амплитуда, атом, вакуум, вирус, гайка, ген, деталь, дизель, импульс, инструмент, кабель, лимфа, разряд, реле, сигнал, синус, станция, уран, фильтр, экран¹.

Наблюдательным оказался арабский исследователь. Он обратил внимание не только на существительные, но и на глаголы, которые чаще всего использовал Д. А. Гранин: администрировать, аккумулировать, выключать, зарядить, оборудовать, шлифовать². Этот филолог обратил внимание на то, что рассказы, повести и романы Даниила Александровича неразделимы с такими понятиями, как осциллограф, фонограф, демография, монография, амперметр, арифмометр, ваттметр, вольтметр, гальванометр, потенциометр, флюксметр, электрометр, дефектоскоп, телескоп³. Гранинские герои размышляли о дисперсионном анализе, рассуждали по поводу дискриминантной функции⁴. В сознании читателей прочно вошли дистиллированная вода, тяжелая вода, сила тяготения, закон Гаусса, закон Гейзенберга, закон Ома, род Хальтика, уравнение Максвелла⁵.

Наблюдательный соискатель не поленился посчитать: в романе «Искатели» из 447 страниц текста только на 21 странице не было технических терминов⁶. Замечу от себя: это не только не раздражало и не утомляло читателей. Наоборот, на подсознательном уровне они причисляли себя к когорте знатоков всей этой «сиреновой мути». Для многих она стала первым магнитом, притянувшим к техническим знаниям.

Автор диссертации восхищался образностью языка Д. А. Гранина. Среди многих примеров по этому поводу он приводил характеристику Любищева — героя повести «Эта странная жизнь»: «Он не умел соблюдать диету своего ума — в этом смысле он грешил лакомством или

1 *Аль-Тамими Г. А. Х.* Терминологическая лексика в произведениях Д. А. Гранина: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: (10.02.01). С. 5–6.

2 Там же. С. 6.

3 Там же. С. 7.

4 Там же.

5 Там же. С. 8.

6 Там же. С. 9.

обжорством. Там, где ему попадалось что-либо вкусенькое для его мощной логики, он не мог удержаться¹. Даже о любви, о проблемах нравственности писатель размышляет, используя техническую терминологию. О героине произведения «Дождь в чужом городе» он писал: «Что значит — разлюбила? Может ли так быть, что в душе ее что-то накапливалось. Вроде статического электричества. Черта с два теперь узнаешь, что там произошло»².

Даже специфический гранинский юмор пронизан технической терминологией: «Это Павлов храпит, — смеется Курчатов, — а ты думал, начался разгон реактора»³.

Я благодарен арабскому филологу за то, что он заметил у Д. А. Гранина «очень русскую» черту — стремление к использованию терминов-неологизмов. В гранинских произведениях с ироничной подачи автора живут Министерство оттяжек и проволочек, Общество взаимного восхищения, Организация общественного молчания и т. п.⁴ Диссертация арабского филолога, защищенная в Белоруссии, — подтверждение того, что его романы, повести и рассказы интернациональны с точки зрения затрагиваемых проблем.

Нельзя обойти стороной гранинский юмор, хотя о нем уже шла речь в этой книге. Он умел шутить и ценил шутки других. Вспоминая легендарного парикмахера Союза писателей Маргулиса, он воспроизводил такой диалог:

— Я брил всех крупнейших писателей Советского Союза.

— А Ольгу Форш?

— Нет, ее нет⁵.

Среди главных нравственных качеств человека он отмечал самоиронию. Это очень верное наблюдение.

1 *Аль-Тамими Г. А. Х.* Терминологическая лексика в произведениях Д. А. Гранина: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: (10.02.01). С. 11.

2 Там же. С. 13.

3 Там же. С. 15.

4 Там же. С. 16.

5 *Гранин Д. А.* Причуды моей памяти. С. 70.

У Д. А. Гранина был друг – талантливый советский поэт К. Ш. Кулиев. Они были почти ровесниками. Когда им минуло по пятьдесят лет, каждый из них начал ощущать груз прожитого времени. Вероятно, и раньше ощущали. Но, перешагнув через пятидесятилетие, этот груз стал проявляться как-то рельефней. К. Ш. Кулиев, несмотря на то что родился и вырос в Кабардино-Балкарии, уже в те годы почувствовал нехватку здоровья. Возможно, у Даниила Александровича, который был на год его моложе, поэт все же учился воспринимать мир с благодарностью. Может быть, поэтому в 1973 г. одно из стихотворений К. Ш. Кулиев посвятил именно Д. А. Гранину:

Как хорошо, что вынес все невзгоды,
Что смерть моя промчалась стороной,
И кажутся мне прожитые годы
Лишь огоньками за моей спиной.

Как хорошо, что полдень мне в угоду
Высвечивает россыпи песка,
Что, как в траву олень, вхожу я в воду
И надо мной белеют облака.

Я знаю: день, который сух и жарок,
И море, плещущее в тишине, –
Всего лишь незаслуженный подарок
Или нежданная награда мне.

Наверно, это случай или милость,
Но все, что вижу, вижу наяву,
А что могло случиться, не случилось,
И потому я все еще живу.

И потому и облака, и землю,
И даже дождь, и снегопад, и тьму –
Я все, как дар нечаянный, приемлю
И, словно мальчик, радуюсь всему¹.

1 Кулиев К. Ш. Д. Гранину // Собр. соч.: в 3 т. Т. 2. Стихотворения и поэмы / Пер. с балкарского. М., 1987. С. 206–207.

В 1970-е гг. на Д. А. Гранина, как на истину в последней инстанции, ссылались многие, в том числе С. Д. Довлатов. В начале 1980-х гг., уже проживая в США, он вспоминал о том времени:

«Моих литературных способностей не отрицали даже Гранин и Рытхэу»¹. В 1984 г. С. Д. Довлатов написал об этом развернуто. Перечислив многих известных советских писателей, проявивших интерес к его рассказам, он отмечал: «Классик нашей литературы Гранин тоже их прочел. Затем пригласил меня на дачу. Мы беседовали возле кухонной плиты.

– Неплохо, – повторял Даниил Александрович, листая мою рукопись, – неплохо...

За стеной раздавались шаги.

Гранин задумался, потом сказал:

– Только все это не для печати.

Я говорю:

– Может быть. Я не знаю, где советские писатели черпают темы. Все кругом не для печати... <...>

Гранин сказал:

– Вы преувеличиваете. Литератор должен публиковаться. Разумеется, не в ущерб своему таланту. Есть такая щель между совестью и подлостью. В эту щель необходимо проникнуть.

Я набрался храбрости и сказал:

– Мне кажется, рядом с этой щелью волчий капкан установлен.

Наступила тягостная пауза.

Я попрощался и вышел»².

Свидетелей той встречи не было, поэтому С. Д. Довлатов мог написать все, что ему было угодно. В своих произведениях он любил покрасоваться на чьем-нибудь фоне. Как при этом выглядел другой участник встречи, его никогда не интересовало. Такая встреча и такое общение – в сти-

1 Довлатов С. Д. Заповедник // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. СПб., 2008. С. 269.

2 Довлатов С. Д. Ремесло // Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. СПб., 2008. С. 31–33.

ле Д. А. Гранина. Но не в стиле С. Д. Довлатова, человека мягкого и деликатного. Не мог он после «тягостной паузы» «попрощаться и выйти», потому что это было бы вежливой формой хамства, несвойственного молодому тогда еще писателю. Тем более что на нем был груз моральной ответственности: наверняка Даниила Александровича попросила принять Сергея В. Ф. Панова, у которой С. Д. Довлатов, как известно, некоторое время работал секретарем.

Как уже отмечалось, к городу Старой Руссе у Д. А. Гранина было особое отношение. Я бы сказал, нежное отношение. С этим небольшим и очень симпатичным городком Новгородской области у Даниила Александровича связаны воспоминания о его детстве. Чем больше проходило лет, тем чаще возвращался он мысленно в свое детство, где была молодой его мама, где еще не старым человеком был его отец. У родителей были непростые отношения, в которых нам, людям посторонним, не разобраться. Они и сами-то в них разобраться до конца не смогли. Но, проживая значительное время порознь, занимаясь каждый своим делом, они сумели сохранить если не семью в полном смысле этого слова, то ощущение единой семьи, которое, вероятно, осталось у детей. Именно благодаря родительской мудрости Даниил с детских лет дорожил своей семьей, родителями — всеми вместе и каждым по отдельности. Он часто вспоминал, как отец работал в Старой Руссе. Этот город оставался в его памяти не только островком детства, но и вообще светлой частью его жизни. Может быть, даже самой светлой. Рано или поздно писатель должен был создать памятник своему детству. И памятник этот был историей с продолжением. Даниил Александрович хотел писать в новом произведении не о своих детских годах, а о той атмосфере, которая позволяла выращивать приличных людей. Думаю, из всего этого и выросла повесть «Картина» — гимн Старой Руссе и людям, которые жили в нем и трудились ради него. «Картина» — это повесть-мечта о том, каким должен быть этот город. И люди, живущие в нем. По Д. А. Гранину, сохранить нужно не только «кирпичи и железки», но и дух далекого времени. Это и значит сохранить культуру. Этим писатель всю жизнь и занимался.

Книга вышла из печати за шесть лет до горбачевской Перестройки. Казалось бы, на рубеже 1970-х — 1980-х гг. весь Советский Союз жаждал перемен. Все видели в будущем залог успеха развития государства. У Д. А. Гранина было другое зрение. Он видел мир не так, как остальные. Он по-другому видел и предвидел. У него все, что выходило из-под пера, было одновременно каким-то неожиданным и очевидным, как прозрение. Может быть, именно это и есть мудрость. Своими мыслями он создавал какой-то параллельный мир: переписывал реальность и себя в ней.

Известный ленинградский поэт Вольт Суслов, всегда отличавшийся доброжелательным отношением к коллегам, искренне написал:

Все у Гранина толково,
Всюду он универсал,
И такой художник слова,
Что «Картину» написал!¹

Но Даниил Александрович больше был художником мысли, чем слова. Его мысли, высказанные в романе «Картина», особенно волновали молодежь, которой предстояло в ближайшей перспективе сыграть главную роль в жизни государства. Но не только в жизни, но и в прекращении его существования. Хотела ли этого молодежь? Нет, конечно. В стенограмме обсуждения романа «Картина» на заседании научного студенческого кружка советского строительства Свердловского юридического института в конце декабря 1982 г. отмечалось, что роман играет важную созидательную роль в жизни советского общества².

Тогда многие советские люди очень напоминали человека, страстно желавшего сесть за руль, но не имевшего представления об управлении автомобилем. Казалось, что может быть проще — рули и рули. Недаром кавээнщики того времени шутили: «Партия, дай порулить!» Оказалось,

1 Суслов В. Н. «Все у Гранина толково...» // Двадцатый век в эпиграммах от А до Я: Из собр. Льва Куклина. С. 98.

2 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 4. Д. 356. Л. 1–78.

что управление – сложное занятие, требующее профессионализма. Да и знать надо, куда ехать.

Д. А. Гранин раньше других почувствовал необходимость перемен и стал писать об этом. Только куда двигаться и как, он тоже не знал. В результате страна стала двигаться туда, куда ее тянули те, кто сумел под шумок захватить больше политической и экономической власти. Советские люди были в большинстве своем людьми порядочными и доверчивыми, как и Д. А. Гранин. Пошли туда, куда повели самые горластые. Результаты известны всем.

Но у Даниила Александровича всегда было куда «отступить». Он «отступал на заранее подготовленные позиции», каковыми была для него русская классика. Благо в 1981 г. исполнилось 160 лет со дня рождения Ф. М. Достоевского. Даниил Александрович делился своими мыслями о бездонности таланта Федора Михайловича с читателями популярных изданий¹, переписывался со своим хорошим знакомым – директором дома-музея Ф. М. Достоевского в Старой Руссе Г. И. Смирновым².

Д. А. Гранин в разные годы относился к русским классикам по-разному. Точнее, по-разному расставлял приоритеты, или, во всяком случае, менял свои симпатии. Думаю, это нормально: любой человек на том или ином этапе своей жизни «дозревает» до глубокого понимания каких-либо идей, сомнений, разочарований. У меня сложилось такое понимание. Даниил Александрович на протяжении многих лет, может быть, с большим интересом относился к творчеству Ф. М. Достоевского и М. Горького. В последние годы жизни он все больше и больше перечитывал А. С. Пушкина, А. П. Чехова и особенно Л. Н. Толстого. Не помню, чтобы когда-нибудь в разговоре или в печати Д. А. Гранин признавался в своей любви к творчеству И. С. Тургенева. Тем не менее не только у меня произведения Даниила Александровича ассоциируются с романами, повестями и рассказами Ивана Сергеевича. На это обратила внимание в своей диссертации

1 Гранин Д. А. Неразгаданность человека // Собеседник, 1982. Вып. 3. С. 269–271.

2 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 4. Д. 219. Л. 1.

О. Ф. Кобелева¹. По ее мнению, один из главных персонажей повести Д. А. Гранина «Эта странная жизнь» — Любищев — олицетворял «ученого с ярко выраженным прагматическим мышлением»², т.е. словно продолжал дело, начатое Базаровым.

О. Ф. Кобелева детально проанализировала содержание романа Д. А. Гранина «Картина», в котором, по его мнению, «проблема нигилизма поставлена во всей своей философской сложности, раскрыта историческая обусловленность крайностей отрицания в определенные периоды истории и в то же время показана трагическая сущность этого явления»³.

Мысли Д. А. Гранина о Петре I, многократно высказывавшиеся в начале XXI в., созвучны со взглядами И. С. Тургенева, которые он передавал читателю словами одного из своих героев — Хоря: «...Петр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях. Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя: он мало занимается своим прошедшим и смело глядит вперед. Что хорошо — то ему и нравится, что разумно — того ему и подавай, а откуда оно идет — ему все равно»⁴.

Критики на протяжении многих лет упрекали Д. А. Гранина в том, что он очень неудачно разрабатывал в своих произведениях женские образы. О. Ф. Кобелева не согласна с таким мнением. Она точно подметила, что образ Лизы Кислых из романа «Картина» «по-тургеновски лиричен»⁵, хотя образ ее — пример уходящей культуры души. Ольга Фоминична еще в 1992 г. сделала глубокий вывод: роман «Картина» «может быть поставлен в ряд произведений, продолжающих тургеновские традиции в освещении темы

1 Кобелева О. Ф. Традиции И. С. Тургенева в современной литературе: (На материале произведений Д. Гранина, Ю. Казакова, В. Солоухина): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н.: Спец. 10.01.01 / Днепрпетр. гос. ун-т им. 300-летия воссоединения Украины с Россией. Днепропетровск, 1992.

2 Там же. С. 5.

3 Там же.

4 Тургенев И. С. Хорь и Калиныч // Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М., 1968. С. 14.

5 Кобелева О. Ф. Традиции И. С. Тургенева в современной литературе: (На материале произведений Д. Гранина, Ю. Казакова, В. Солоухина): Автореф. дис. канд. филол. наук. С. 7.

нигилизма»¹. К этому я бы добавил, что со времен И. С. Тургенева социальная структура общества заметно усложнилась. Поэтому и нигилизм как общественное явление стал более многоплановым и не столь заметным.

Но я забежал немного вперед. Начало 1980-х гг. в советской истории период особенный. То был излет Застоя, хотя это мало кто понимал. Осенью 1982 г. умер Л. И. Брежнев. Умер не только он — умерла эпоха. Восемнадцать лет его пребывания у власти — до сих пор толком не осмысленная нашими историками веха. Пришедший ему на смену Ю. В. Андропов вызывал у народа любопытство, немного — страх. Но любопытства было больше. Бывший руководитель КГБ СССР, поэт, писавший хорошие лирические стихи, мамина девичья фамилия — Флекенштейн. Было чему удивляться.

Начался короткий период закручивания гаек: Юрий Владимирович делал ставку на укрепление трудовой дисциплины в стране. В будние дни в городских кинотеатрах посреди сеанса включали свет и никого не выпускали из зала: проходила проверка документов. Специально обученные строгие люди задавали вопросы зрителям: «Почему не на работе?», «Почему не в институте?», «Почему не в школе?». На производство, в вузы, в школы отправлялись официальные письма с требованием разобраться и наказать прогульщиков. Разбирались. Наказывали. Но недолго: через год Ю. В. Андропова не стало.

Его сменил К. У. Черненко. Очень похожий на Л. И. Брежнева, только более сонный какой-то. Его магистральная идея — экономить на всем. Идея хорошая, но продержалась недолго: в марте 1985 г. Константина Устиновича не стало. Меньше чем за три года — три кончины генсеков. Если бы что-то похожее было у американцев, они точно бы на русских хакеров свалили. А мы сваливали лишь на свою непутевую судьбу.

Словно предвидя череду предстоявших похорон, Д. А. Гранин опубликовал в «Новом мире» рассказ «Ты взвешен на весах...»². Хорошо, что публикация состоялась за два месяца

1 Кобелева О. Ф. Традиции И. С. Тургенева в современной литературе: (На материале произведений Д. Гранина, Ю. Казакова, В. Солоухина): Автореф. дис. канд. филол. наук. С. 9.

2 Гранин Д. А. Ты взвешен на весах...: Рассказ // Новый мир. 1982. № 9. С. 72–76.

до кончины Л. И. Брежнева, а если бы на пару месяцев позже, мог бы быть скандал. Бдительные товарищи могли разглядеть в публикации политическую провокацию.

Сюжет рассказа не походил даже отдаленно ни на одно произведение Д. А. Гранина, написанное прежде. Уже первая фраза «Хоронили художника Малинина»¹ вызывает душевное напряжение, которое не спадает до конца чтения произведения. Пересказывать произведения Д. А. Гранина бессмысленно, как пересказывать стихи. И дело не в поэтичности его произведений, а в том, что пересказ всегда будет хуже оригинала.

Судя по всему, к 1982 г. Даниил Александрович достиг такого уровня развития собственной души, что мог себе позволить порассуждать на тему смысла прожитого. «Смерть надо использовать для улучшения человека»², – говорил литературный герой его рассказа. Эта неожиданная, для меня, во всяком случае, мысль кажется в рассказе главной.

Кажется, что Д. А. Гранин словно примеряет смерть художника Малинина на себя: «К Малинину тянулись, он помогал, подсказывал, он имел множество должностей, от которых отказывался, отбивался, страдал и все же возглавлял, входил... Он любил свою общественную деятельность – вроде суетную, пустую, но необходимую его темпераменту»³.

Д. А. Гранин был в разное время членом правления Союза писателей Ленинграда, России, депутатом Ленсовета, народным депутатом СССР, членом Ленинградского обкома КПСС, членом Президентского Совета, президентом Фонда А. Д. Меншикова, членом Всемирного клуба петербуржцев, Почетным гражданином Санкт-Петербурга, президентом Общества друзей Российской национальной библиотеки... Что-то я еще не назвал, упустил.

Зачем ему, человеку глубоко творческому, вся эта суета? Думаю, на примере художника Малинина Даниил Александрович многое объяснил.

1 Гранин Д. А. Ты взвешен на весах // Однофамилец: Повести. Л., 1984. С. 435.

2 Там же. С. 437.

3 Там же. С. 439.

В рассказе есть несколько замечательных наблюдений. Например, рассуждая о творческом кризисе Художника, литературный герой рассказа замечает, что от кризиса не перестают писать, а становятся каким-нибудь начальником: ректором, вице-президентом академии или еще кем-нибудь. Переживал ли Д. А. Гранин творческие кризисы? Скорее всего, да, как и любой творческий человек. Для широкого круга людей они были незаметны: «литературная продукция» высокого качества непрерывно на протяжении десятилетий выдавалась им на-гора. Все внутренние авторские метания, сомнения, ошибки оставались его личным делом. Но любой его творческий кризис был лишь толчком к новому поиску смысла жизни. Оказывается, такие поиски бывают не только у молодежи. Кто-то ищет этот смысл всю жизнь. Но и тут все непросто: «...пока шла жизнь, она казалась ясной, но вот человек умер – и появились тайны»¹.

У меня нет сомнения в том, что в этом рассказе Д. А. Гранин анализирует свое собственное творчество. И то, что покойный художник, по выражению его близкого друга, «оброс заученностью», что его «талант стал техникой», что он «надоел сам себе»² – это размышления Д. А. Гранина о себе и своем писательском труде. Он думал о том, что если это не тупик, а вершина, то куда двигаться дальше? С вершины, по мнению Даниила Александровича, нужно спрыгивать, разрабатывать новую творческую идею³, поскольку дело не в результате, а в самой идее⁴. Видимо, именно идея вечна, а не мемориальная доска на доме Художника, которую вскоре «перевесили к воротам, освободив место для вывески блинной»⁵. Кстати, не самый плохой вариант развития событий. В двух минутах ходьбы от дома Д. А. Гранина, на первом этаже, жил выдающийся историк В. И. Старцев, скончавшийся в августе 2000 г. На его доме не было и нет мемориальной доски памяти Виталия Ивано-

1 Гранин Д. А. Ты взвешен на весах // Однофамилец: Повести. С. 441.

2 Там же. С. 450.

3 Там же.

4 Там же. С. 454.

5 Там же. С. 456.

вича. Но в помещениях его бывшей квартиры – водочный магазин. Увековечили как смогли.

Предперестроечные годы были для Д. А. Гранина временем особых нравственных исканий. Он был и оставался убежденным коммунистом, но не схоластом, а человеком, напряженно думавшим о перспективах социального строительства в СССР. Социализм был ему симпатичен, хотя он считал, что его нужно усилить совестливыми людьми. Особенно на руководящих должностях и в сфере культуры. Собственно, ничего нового он не предлагал. В начале 1983 г. в газете «Правда» появилась его бойкая статья о том, что коммунисты и все советские люди должны жить по совести, по чести¹. Призывы были хороши, но идеи оставались прежними. «Что делать», было понятно. Непонятно было, «как делать». Надо признать, что подобные статьи подталкивали думающую часть общества к дальнейшим размышлениям. Беда состояла в том, что размышления не порождали новых эффективных социальных решений старых проблем. Власть на всех уровнях желала оставаться властью, не меняя ничего. Никто в Советском Союзе не знал, как и куда двигаться дальше. Впереди маячили признаки глубокого политического и экономического кризиса, масштабов которого еще никто не осознавал.

Даниил Александрович продолжал энергично работать, занимался международной культурной деятельностью. Много делал и для развития культуры в СССР. В Академическом Малом театре очень успешно шел спектакль «Картина», поставленный по его роману. Немецкие товарищи в 1983 г. наградили его премией имени Гейне. Кстати, год спустя, в 1984 г., в ГДР по роману «Картина» тоже был поставлен спектакль².

Книги продолжали переиздаваться большими тиражами. Выходили новые издания. Ленинградское отделение Союза писателей в 1984 г. выпустило сотысячным тиражом его новую книгу «Тринадцать ступенек»³ – ровно столько ступенек было до каморки, в которой жил Раскольников из романа

1 Гранин Д. А. Правила чести // Правда. 1983. 3 янв.

2 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 4. Д. 359. Л. 1–39.

3 Гранин Д. А. Тринадцать ступенек. Л., 1984.

«Преступление и наказание». В нее вошли литературные эссе, посвященные А. С. Пушкину, Ф. М. Достоевскому, Л. Н. Толстому, М. Горькому, А. Н. Бунину, а также биографическая повесть «Обратный билет», хорошо известная читателям раньше, и путевые заметки «Чужой дневник». Особенно в книге поражали эссе. Мне, когда я их читал, было страшно понимать Д. А. Гранина. Он настолько проникся творчеством своих любимых писателей, так вжилась в образы их литературных героев, что передо мной вдруг приоткрылся внутренний мир самого Даниила Александровича. Я понял, как ранима его душа, как болезненно он реагирует на их печали и страдания. Как можно с этим жить? Как можно так страдать за других?!

Говорят, певцы очень берегут свое горло от случайной простуды. Д. А. Гранин всю жизнь берег свою душу от тех, кто по-хамски пытался влезать в нее. При этом сам бывал груб с людьми. В том числе и с теми, кто не мог ему ответить в силу своей робости или глубокого уважения. Помню, попросил я одного историка поделиться со мной своими воспоминаниями о Данииле Александровиче. Тот отказался: «А что я могу вам сказать, если он относился ко мне, как к назойливой мухе?»

Между тем идея нравственности накануне Перестройки не давала покоя писателю. Он пропагандировал ее постоянно в интервью, которые давал разным средствам массовой информации¹. И это никак не расходилось с его «поведением в быту». Перечитав его газетные статьи еще студенческой поры, я убедился: резкость, категоричность суждений ему была присуща всегда. Характер тяжелый, но открытый. И уж во всяком случае не подлый — это точно.

Окончательно запутавшись в днях рождения писателя, высокие чиновники, ценя его вклад в развитие советской литературы и культуры в целом и, вероятно, как они предполагали, в связи с 65-летием в 1984 г. наградили Д. А. Гранина орденом Ленина. Случилось это 16 ноября 1984 г., за четыре месяца до завершения периода Застоя.

1 См., например: *Гранин Д. А. Правила чести // Собеседник. М., 1984. С. 89–95; Он же. В людях ценю неповторимость // Известия. 1984. 9 янв.; Он же. Тревожить совесть // Красная звезда. 1984. 1 июля.*

А я думаю, что мы будем
скучать по этой стране,
мы будем вновь и вновь
возвращаться к моему
времени, оно было
героическим и красивым.

Д. А. Гранин¹

Глава 8 /

«Совесь» Перестройки

Смеяться над теми, кто поверил в Перестройку, так же кощунственно, как посмеиваться над хирургами, не умевшими спасти А. С. Пушкина.

Перестройка была по-своему неповторимым временем: десятки миллионов людей, воспитанных на идеях гуманизма и порядочности, доверились своему государству в лице его нового лидера М. С. Горбачева, потому что были воспитаны на такой доверии. По мнению подавляющего большинства, государство, во-первых, точно знало, куда вести свой народ и во-вторых, оно не могло обмануть своих граждан. Новоиспеченный Моисей, в миру Михаил Сергеевич, очаровал весь советский народ. Люди внимали каждому его слову, произносимому без бумажки. Мягкий южнорусский говорок выдавал в нем человека простого, из народа. В него поверили работяги и профессора, колхозники и военные. Женщины в троллейбусе (сам слышал!) признавались друг другу в своей влюбленности в него. Одна моя знакомая, работавшая экскурсоводом в музее в пригороде Ленинграда, однажды провела по поручению начальства для него и его жены Раисы Максимовны экскурсию. Позже она мне сказала: «Он фантастически обаятельный человек! Я бы отдалась ему не задумываясь». Ее не стоит обвинять в легкомыслии: вся страна доверчиво отдалась М. С. Горбачеву.

Михаил Сергеевич удивлял не только тем, что, в отличие от своих предшественников, говорил без бумажки. Он удивлял и восхищал новыми идеями: гласность, ускорение, перестройка, бригадный подряд... То была музыка нового времени! За наступавшие перемены и укрепление, как

поначалу казалось, позиций социализма советские люди готовы были притерпеться к чему угодно. 16 мая 1985 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма и искоренению самогонварения». Понимая, что никакая сила не вычеркнет пьянство из числа главных советских развлечений, люди не столько злились, сколько веселились. Наивный указ вызвал волну устного народного творчества:

В шесть утра поет петух,
В восемь – Пугачева.
Магазин закрыт до двух,
Ключ – у Горбачева.

От имени благодарных жен появились не менее про-
никновенные строчки:

Спасибо партии родной
И Горбачеву лично:
Мой трезвый муж пришел домой
И вы...л отлично!

Стойкие консерваторы заявляли:

«На недельку, до второго»,
Закопаем Горбачева.
Откопаем Брежнева –
Будем жить по-прежнему.

Народ оперативно реагировал на горбачевские новаторства. В рамках борьбы с пьянством ликеро-водочные заводы стали выпускать водку не в пол-литровых бутылках, а в трехлитровых банках, что, разумеется, увеличило стоимость продукта в шесть раз. Народ проявил организованность, стал покупать банки в складчину, окрестив трехлитровки «бригадным подрядом».

По телевизору без конца транслировали безалкогольные свадьбы, что было еще более странно, чем если бы то были свадьбы без невест. В организациях запрещали

праздники со спиртным. Помню, 8 марта 1986 г. в клубе нашего военного гарнизона проходил «Огонек» для семей офицеров и прапорщиков. На столах бутылок не было, но стояли огромные чайники, взятые на вечер из солдатской столовой. В каждом из них щедрой рукой начальника клуба с благословения руководства полка была налита водка. Вечер прошел прекрасно: требования времени были соблюдены, и семьи военнослужащих были не в обиде.

Тяга к спиртному была одной из черт «новой общности – советского народа», которую нельзя было ликвидировать лихим кавалерийским наскоком М. С. Горбачева. Но советские люди с пониманием отнеслись к этому его чудачеству, поскольку понимали, что Михаил Сергеевич действовал из добрых побуждений. Всем настолько хотелось перемен в жизни, что готовы были побороться и с пьянством, и с трезвостью – лишь бы наступили реальные перемены в тоскливой советской жизни, разворачивавшейся на фоне устойчивого дефицита всего на свете – от колбасы до женских колготок. В то же время к пустым прилавкам привыкли, «уверенность в завтрашнем дне» не ценили, потому что в стране реально не было безработных, нищих, неграмотных. Люди не знали, что такое время может в нашей стране наступить. Социальной несправедливости в СССР было в то время много, но когда ее не было и где? Никто даже представить себе не мог, что Перестройка разворошит столько социальных противоречий, что внутриполитические проблемы станут в Советском Союзе неуправляемыми и приведут при дополнительном толчке с Запада к крушению государства.

Но все это было трудно просчитать. Многие светлые головы, в том числе и замечательные ленинградцы Д. С. Лихачев, Ж. И. Алферов, Д. А. Гранин, стали убежденными перестроечниками. Они искренне поверили в Перестройку и убеждали сограждан в ее необходимости.

Даниил Александрович поначалу приглядывался к происходившим переменам. Он использовал разворачивающуюся в стране гласность: стал более откровенно писать о Великой Отечественной войне. 8 мая 1985 г. в «Правде» была опубликована его проникновенная статья о тех офи-

церах, которые руководили им в годы борьбы с врагом¹. Ермолаев, Медведев, Литвинов, Коминаров. Они были очень разными по характеру, по темпераменту, по военной подготовке, но Д. А. Гранину удалось припомнить те особенности каждого из них, которые говорили об их самобытности, которые врезались в память своей человечностью и умением брать ответственность на себя. Статья была написана еще в 1984 г.², но опубликована впервые была именно в первые месяцы Перестройки, органично вписавшись в начало гласности.

Появились в гранинских произведениях о войне и новые нотки, которые прежде не были присущи никому из других писателей. Например, отношение к военнопленным. Писатель-фронтовик увидел в них людей с их страхами, сомнениями, надеждами³. Это было ново, но главное — усложняло наше представление о минувшей войне, делало его ближе к реальности.

Первый год Перестройки удачно совпал с экранизацией двух его произведений — романа «Картина» и повести «Кто-то должен», которые по духу соответствовали наступавшим временам. Д. А. Гранин в обоих случаях был соавтором сценария. Ему, как правило, не очень нравилось то, что получалось на экране из его литературных работ. Это было не следствием авторской «ревности» к кинематографическим «близнецам». Скорее, образы, создававшиеся актерами и режиссерами, не во всем совпадали с теми, что сложились в его авторском сознании. Каждый художник, в том числе актер и режиссер, видит мир по-своему. С этим нельзя не считаться.

Даниил Александрович был человеком, скупым на дружбу. Но друзья у него были не только в Ленинграде, но и в других городах. Доверительные дружеские отношения сложились у него с поэтом и писателем-фронтовиком Б. Ш. Окуджавой. О доверительности отношений говорят многие факты, в частности переписка Б. Ш. Окуджавы

1 Гранин Д. А. Мои командиры // Правда. 1985. 8 мая.

2 Гранин Д. А. Выбор цели. Л., 1986. С. 15.

3 Гранин Д. А. Пленные // Русский характер. Ставрополь, 1985. С. 37–48.

Обложка книги «Выбор цели»

Обложка книги «Зубр»

и Д. А. Гранина 1985 г. в связи с более чем деликатным делом бывшего главного режиссера Ленинградского ТЮЗа З. Л. Корогодского¹. Как известно, дело замяли, но общественный резонанс был значительным.

Как мне представляется, именно в перестроечные годы окрепла дружба Д. А. Гранина с Д. С. Лихачевым, хотя знакомы они были давно, как минимум с 1960-х гг., когда им сообща пришлось защищать Невский проспект от чиновников-«новаторов», желавших кардинальным образом изменить облик главной улицы Ленинграда². Они встречались, перезванивались, переписывались³, ощущая большую духовную близость. Помню, в 2008 г. в книге Д. А. Гранина «Причуды моей памяти» я прочитал одно из писем Дмитрия Сергеевича Лихачева, адресованное писателю.

1 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 5. Д. 188. Л. 1–2.

2 Гранин Д. А. В служении Отечеству // О наболевшем. Л., 1988. С. 65.

3 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 4. Д. 173. Л. 1.

Я был очарован простотой слога ученого и глубиной его мыслей. Тут же я попросил разрешения у Д. А. Гранина на публикацию того письма на страницах журнала «История Петербурга», поскольку в письме шла речь именно о нашем городе. Даниил Александрович сказал, что был бы очень рад публикации. К сожалению, журнал стал выходить нерегулярно, и письмо опубликовано не было.

Д. А. Гранин очень много писал об академике Д. С. Лихачеве. Писателю удалось коротко и емко сформулировать суть заслуг Дмитрия Сергеевича перед людьми: «Он не создал учения, теории, но он создал образ защитника культуры»¹. В книге «Причуды моей памяти», о которой еще пойдет речь впереди, у Даниила Александровича есть удивительно точные слова о культуре: «Культура отчасти измеряется уровнем доброты, а величие государства — уровнем счастья народа»². Надеюсь, уважаемый читатель, вы счастливы.

Поскольку я никогда не занимался историей Перестройки, не могу сказать точно, когда в советском обществе стали заметны первые симптомы того, что она работает на холостых оборотах. По моим ощущениям — во второй половине 1986 г. Помню, как мне звонил мой начальник из штаба армии и вполне серьезно спрашивал: «Ты когда собираешься перестраиваться?!» Я сохранял серьезность и докладывал: «Сегодня не могу, товарищ полковник, улетаю в командировку на Гогланд. В понедельник вернусь и сразу начну». В понедельник история повторялась. Терпеливый был у меня начальник. Советские люди барахтались в своей повседневности и не видели панорамы общественного развития, точнее, деградации общества. Мы все упивались возможностью говорить и писать что угодно (в рамках, конечно, социалистической идеи) и читали смелые статьи про наше прошлое, настоящее и будущее, которые публиковали в то время корифеи отечественной журналистики и маститые писатели. Д. А. Гранин был тогда одним из самых уважаемых и почитаемых авторов. Его статьи мы

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 26.

2 Там же. С. 49.

читали жадно, словно хлеб ели в голодный год. В 1986 г. очередной сборник его прозы и публицистики вышел из печати двухсоттысячным тиражом¹ и разошелся мгновенно. В сборник вошло двенадцать работ, написанных в 1966–1985 гг. Своеобразное подведение итогов двадцатилетней публицистической деятельности писателя. Самые ранние публикации были включены в конец издания, но при этом казалось, что все работы были написаны недавно, настолько актуально они звучали и хорошо «уживались» рядом друг с другом.

19 ноября 1986 г. в СССР был принят закон об индивидуальной трудовой деятельности. Так называемые «кооператоры» стали героями того времени. Те из них, кто не разорился и не был убит конкурентами, примерно с осени 1992 г. стали именоваться с легкой руки журналистов «новыми русскими». Перестройка делала первые шаги к самоликвидации, хотя этого никто еще не видел. В советском обществе процветала эйфория по поводу «возрождения нэпа». Стало принятым находить в недавней советской истории что-нибудь неосторожно упущенное, чтобы попытаться возродить его в пору Перестройки.

Научные достижения советских ученых послевоенной поры, от которых отмахивались сторонники академика Т. Д. Лысенко, были в их числе.

Как стало ясно уже позже, Д. А. Гранин в 1986 г. напряженно работал над романом «Зубр»². Сама обстановка в стране делала произведение писателя чрезвычайно актуальным еще до его опубликования. Несомненно, атмосфера в стране, бурлившие от Москвы до самого глухого захолустья политические страсти вдохновляли писателя на скорейшее написание романа. При этом он увлеченно участвовал в общественных, партийных и государственных делах: постоянно ездил на различные встречи, собрания, заседания, выступал перед общественностью, призывая поддержать изменения, происходившие в стране. Он по мере сил анализировал ситуацию в Советском Союзе,

1 Гранин Д. А. Выбор цели: Публицистика. Проза. Л., 1986.

2 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 4. Д. 21. Л. 1–150; Д. 22. Л. 1–139.

призывая его граждан сплотиться, проявить политический оптимизм и личную ответственность за происходившие события¹.

Многим запомнилось и его выступление на Восьмом съезде писателей СССР, выступление страстное, убедительное, откровенное².

Именно в 1986 г. родилась идея создания Советского культурного фонда, авторство которой принадлежит, по существу, именно Даниилу Александровичу³. Спустя годы фонд трансформировался в культурный фонд им. Д. С. Лихачева, который до последнего дня своей жизни возглавлял Д. А. Гранин.

Весной 1986 г. случилась Чернобыльская трагедия. Эта беда во многом показала опереточную сущность Перестройки, герои которой красиво пели о переменах, не предпринимая для них толком ничего. При всей гласности, охватившей Советский Союз, правды о масштабах аварии на Чернобыльской АЭС не знал в стране никто, кроме ограниченного числа советских чиновников. Странно, но свою позицию по отношению к случившемуся Д. А. Гранин четко не высказывал. Во всяком случае, если она и была, о ней мало кто знал.

Руководство страны боялось паники. Рассылавшиеся по инстанциям после выброса директивы или, как их называл мой непосредственный начальник, «вказивки», требовали «главного»: успокоить людей. Успокаивали. Объясняли, что западные СМИ преувеличивают последствия аварии, но сами толком не знали ничего. Даже жители Чернобыля и соседних районов мало что знали и понимали. Такая вот была гласность.

1 См., например: *Гранин Д. А.* Вспомним девиз: не хныкать! // Советская Россия. 1986. 12 янв.; *Он же.* Ответственность подлинная и мнимая // Литературная газета. 1986. 12 февр.; *Он же.* О задачах литературы: В связи с решениями XXVII съезда КПСС // Библиотекарь. 1986. № 6. С. 3–5.

2 *Гранин Д. А.* Речь на Восьмом съезде писателей СССР // Ленинградская правда, 1986. 27 июня.

3 *Гранин Д. А.* Идея — общая, участие — личное // Советская культура, 1986. 10 июля.

Осенью 1986 г. газета «Правда» опубликовала статью Д. А. Гранина, посвященную академику Д. С. Лихачеву. Темпераментная, умная статья. Как всегда, неожиданная, во многом непредсказуемая. О ней много говорили тогда среди интеллигенции. Были и те, кто считал, что в жизни Дмитрий Сергеевич — человек не такой, как показано в статье, что он жесткий и злопамятный. Мой знакомый привел ко мне своего товарища по кафедре, человека скромного, стеснительного. Он рассказал, что Д. С. Лихачев — человек с тяжелым характером, что он выжил его из Пушкинского дома. Обиженный академиком исследователь принес мне несколько своих монографий по истории Древней Руси. Я их добросовестно прочитал, но так и не понял, в чем состояла суть расхождения во взглядах двух ученых. Возможно, кроме науки, на конфликт повлияло и что-то личное, сугубо бытовое.

В том же году в жизни Д. А. Гранина было много разных событий. Среди них — выступление на XXVIII ленинградской областной партийной конференции¹, борьба вместе с академиком Д. С. Лихачевым и замечательным поэтом М. А. Дудиным за сохранение дома А. А. Дельвига² и всякое другое. Но особенно много у Даниила Александровича было в тот год публикаций о войне: статьи, интервью, переиздание прежних работ. И это все — помимо напряженной работы над повестью «Зубр». Да, работа была непростой. Но не следует забывать, что к тому времени у Даниила Александровича было за плечами сорок лет профессиональной писательской работы. Колоссальный опыт творческой, аналитической деятельности. Самобытность стиля такая, что его авторство не спутаешь ни с чьим другим стилем. Накануне семидесятилетия он продолжал продвигаться вверх в писательском деле! Редкая зффективность работы прозаика такого уровня.

По моему мнению, 1987 г. — пик творчества Д. А. Гранина. Повесть «Зубр» стала не только литературным событием

1 Гранин Д. А. Выступление на XXVIII Ленинградской областной партийной конференции // Ленинградская правда. 1986. 25 дек.

2 Гранин Д. А., Дудин М. А., Лихачев Д. С. Сохранить дом Дельвига: письмо в редакцию // Литературная газета. 1986. 15 окт. С. 7.

1987 г. Возможно, она стала главным событием того года в Советском Союзе в целом. Если, конечно, не считать полета западногерманского юноши Руста, о котором будет сказано отдельно.

Повесть «Зубр» сначала была опубликована в двух первых номерах года в журнале «Новый мир»¹, побив, я думаю, все мыслимые и немыслимые читательские рекорды. В гарнизонных библиотеках соединения, в котором я в то время служил, читатели брали журнал «на ночь», а утром возвращали в читальный зал. Очередь читающих полуночников выстраивалась на месяцы вперед. Ксероксов тогда еще не было, поэтому находились энтузиасты, переписывавшие повесть от руки. Прямо девятнадцатый век какой-то!

В том же году повесть вышла в Москве трехсоттысячным тиражом² и в Ленинграде — двухсоттысячным тиражом³.

Как и другие, я раздобыл журнальную версию этого романа и «проглотил, не пережевывая», поскольку сзади подпирала толпа интеллектуальных чревоугодников. Впечатление было ошеломляющим, как и от самой Перестройки в начале ее пути. Те, кто уже успел прочитать «Зубра», сбивались в элитарные стайки и спорили до изнеможения. Теперь даже не вспомню, о чем, но усталость от споров была сродни истоме.

Но Даниилу Александровичу виделись те события совсем по-другому. Он писал: «Вся партийная печать накинулась на повесть “Зубр” с ожесточением, причем сладострастным, добыча виделась им сочной, долгожданной — напечатано в ненавистном журнале “Новый мир”. Герой — интеллигент. Автор тоже из другого лагеря, не деревенщик, не раз пятнал себя своими выпадами. Вспомним повесть “Наш комбат”, рассказ “Собственное мнение” и др.

Артподготовку возглавил “Наш современник”. За ним журнал “Москва”, и пошло-поехало. “Молодая гвардия”, “Партийная жизнь”, газета “Советская Россия”, за ними застрочили провинциальные ортодоксы. Три года не ути-

1 Гранин Д. А. Зубр // Новый мир. 1987. № 1. С. 19–95; № 2. С. 7–92.

2 Гранин Д. А. Зубр. М., 1987.

3 Гранин Д. А. Зубр. Л., 1987.

хала канонада (1987–1989). Мне помогло то, что я не читал эту ругань»¹.

Зимой того года исполнилось 150 лет со дня гибели А. С. Пушкина. Д. А. Гранин выступил в печати по этому случаю². Он был так убедителен, что у читателей не было сомнений: Перестройку первым затеял именно Александр Сергеевич. Статья почти полностью была посвящена роли доброты, милосердия в жизни А. С. Пушкина. Д. А. Гранин убеждал читателей: великий поэт был и великим гуманистом. Даниил Александрович подчеркивал при этом: «Милосердие — это то, чего можно практически добиться, — спасти человека, поддержать. Это конкретность нравственности, деятельность тех добрых чувств, которые пробудились»³. Та публикация совпала с выходом в свет первой части «Зубра», так что было не очень понятно: кто же из них на тот момент популярней. Летом Даниил Александрович вновь выдал на-гора статью об А. С. Пушкине⁴. Она была приурочена к годовщине со дня рождения поэта. Читая ее, я убедился еще раз не только в гениальности А. С. Пушкина, но и в тонкости восприятия Д. А. Граниным окружающего мира. Его наблюдательность, природный психологизм восприятия жизни убеждали меня в том, что он выдающийся литератор.

Никогда еще Д. А. Гранин не был столь знаменит и популярен, как в 1987 г. Помню, в самом начале года мне позвонил А. А. Голубев — мой преподаватель истории, учивший меня еще в начале 1970-х гг. в военном училище в г. Пушкине. «Ты еще не прочитал “Зубра”?!» — удивленно вскрикнул он в телефонную трубку. — Как же ты после этого можешь жить на свете?!» Я ощущал себя в тот миг моральным уродом из дремучего леса, что во многом соответствовало действительности — я на самом деле служил в те годы майором в дремучих лесах, на болоте.

Выход из печати «Зубра» так всколыхнул страну, что читатели расхватывали все, что появлялось в книжных

1 Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 209–210.

2 Гранин Д. А. Завещание // Ленинградская правда. 1987. 10 февр. С. 3.

3 Там же.

4 Гранин Д. А. «Доколь в подлунном мире...» // Литературная Россия. 1987. 5 июня. С. 6–7.

магазинах из произведений Д. А. Гранина. Вновь был опубликован его перестроечный по духу роман «Картина», сборник «Неожиданное утро» вышел из печати двухсоттысячным тиражом. Пожалуй, в период Перестройки Даниил Александрович был самым печатаемым писателем в СССР. Хотя, конечно, не менее заметными в то время были такие произведения, как «Белые одежды» В. Д. Дудинцева, «Дети Арбата» А. Н. Рыбакова, «Дальше, дальше, дальше» М. Ф. Шатрова.

В тот год, по моим подсчетам, газеты и журналы опубликовали 13 интервью с ним, а издательства не уставая перепечатывали его известные работы: «Блокадная книга», «Обратный билет», «Клавдия Вилор», «Собственное мнение», что-то еще. Всего не учесть. Во всяком случае, если и пытаться учесть все публикации того года, на это уйдет уйма времени. Думаю, и сам Даниил Александрович не знал о многих своих публикациях, которые под шумок делали почуввавшие доход издательства.

В то время доверие к Даниилу Александровичу со стороны многочисленной читательской аудитории было огромным. Он много выступал в различных аудиториях: в Москве в Политехническом музее, Центральном доме работников искусств, в Ленинграде в Центральной лектории общества «Знание» на Литейном проспекте, 42, в Доме ученых, в Концертном зале и во многих других местах. Ему задавали больше вопросы не о его писательской работе, а о политике, проводимой советским руководством. Однажды он не выдержал, разозлился и спросил, почему эти вопросы задают ему, а не партийным работникам. В ответ услышал из зала: «А мы им не верим!»¹ Так что само собой как-то получилось, что Д. А. Гранин стал Совестью Перестройки. Думаю, что такая роль ему не нравилась. Но как говорится, за что боролся, на то и напоролся.

Д. А. Гранин был смелым человеком с ярко выраженной гражданской позицией. И не было в ней никакой показухи. Характер был такой: колючий и бесстрашный. Я в этом убеждался множество раз. Он без колебания подписывал,

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 397.

например, письма в любые инстанции, если дело касалось утверждения справедливости или развития культуры, образования. Таких писем только по моей просьбе он подписал больше десятка. Подписывал не бездумно. Вникал в суть проблемы глубоко, давал очень дельные советы.

Но для меня остается загадкой, почему некоторые важнейшие проблемы того времени не встретили в нем должного сочувствия, сопереживания. Среди них знаменитое происшествие 28 мая 1987 г. — пролет восемнадцатилетнего Матиаса Руста на самолете «Сесна» через советскую границу и приземление на Красной площади.

Поэт Е. А. Евтушенко, например, четко обозначил свою позицию по отношению к случившемуся:

Нахальный аэрокуренок
Чуть Кремль не сшиб — все оттого,
Что был прошляплен он спросонок
Коалами из ПВО.

Едкие строки, талантливые, отражавшие взгляды на случившееся многих советских людей. Досадно лишь то, что они не имеют ничего общего с правдой. И во мне тут говорит не только профессиональная гордость офицера Войск ПВО, прослужившего в армии без нескольких месяцев тридцать лет. Просто в силу обстоятельств я видел ситуацию изнутри и мог бы если не о самом полете, то о его последствиях написать отдельную книгу. Хотя и о полете М. Руста тоже есть что сказать. Буду краток. После пересечения М. Рустом советского воздушного пространства он тут же был опознан как «чужой» и устойчиво сопровождался советскими зенитными ракетными войсками. Его могли уничтожить многие зенитные ракетные дивизионы. В частности, дивизионы 204-й зенитной ракетной бригады, располагавшиеся частично в районе г. Кингисеппа Ленинградской области, частично на северо-востоке Эстонии, в том числе в районе населенного пункта Йыхви. Мой близкий друг, тогда еще подполковник (позже — полковник) В. А. Вавилин — блестящий офицер — командовал в тот момент группой зенитных ракетных дивизионов С-200

в районе д. Тарайка под Кингисеппом и силами и средствами группы устойчиво сопровождал М. Руста на протяжении всей зоны ответственности своей части. Он просил разрешение на боевой пуск ракет, но ему такую команду не дали с вышестоящего командного пункта, потому что не было разрешения с КП из Москвы. Помню, как Валерий Александрович Вавилин плевался и материл начальство, проявившее такую осмотрительность. Помню я и старшего лейтенанта — летчика, кажется, армянина, который лично сопровождал самолет М. Руста в небе над Ленинградской областью. Мы сидели с ним в курилке в его авиационном полку (сейчас не вспомню: то ли в Громово, то ли в районе Лодейного Поля), и он, волнуясь, показывал мне свою папиросу, ставя ее перпендикулярно моей «беломорине»: «Если бы мне разрешили просто сделать над ним «свечку», то и стрелять было бы не нужно! Воздушная струя сбросила бы его на землю! Но не разрешили наши московские долбо..бы!».

Самое высокое начальство перестраховалось, а потом приехало в Ленинград и всех поснимало без разбора. Руководил «зачисткой» редкий идиот — генерал армии П. Г. Лушев, которого у нас прозвали «Доктором». Он смотрел на очередную жертву рыбьими глазами и орал: «Вы больны, вас надо уволить!» И офицера увольняли. На место уволенных, снятых, переведенных с понижением были назначены новые руководители. За редким исключением — тупые и никчемные. Идеологом всей этой суеты был М. С. Горбачев. М. Руста в войсках в шутку называли начальником Главного управления кадров Министерства обороны, а Красную площадь окрестили «Шереметьево-3».

Руководство СССР поступило по отношению к Советской армии в ту пору глупо и несправедливо. Д. А. Гранина эта проблема почему-то не интересовала. Он в тот момент был занят новой идеей — идеей милосердия. Ею особенно он был увлечен в 1987–1988 гг.¹ Его стараниями было

1 Подробнее см., например: *Гранин Д. А. Будем милосердны // Труд. 1987. 8 июля; Он же. Общество «Милосердие» — быть ему или не быть? // Вечерний Ленинград. 1987. 20 нояб.; Он же. Милосердие // Советская Россия, 1988. 144 с.; Он же. О милосердии // Если*

создано общество «Милосердие». Не знаю, возможно, оно кому-то в чем-то и помогло. Но было в нем, на мой взгляд, больше наивного романтизма и надуманного задора, чем душевной теплоты и сострадания к людям. Да и как тут сострадать, когда почти все население страны, за исключением зарождавшихся советских бандитов и новых русских, нуждались в милосердии?

Позже Д. А. Гранин писал: «Работая в обществе “Милосердие”, я убедился, что милосердие выше справедливости. Милосердие не требует определять, справедливо это или нет. Справедливость удовлетворяет чувство законности. Милосердие не требует ничего, кроме сочувствия, великодушия. Это рождается чувством гуманности, сердечности»¹.

Мне кажется очень точным гранинское определение понятия «милосердие»: «...это прежде всего сердечность, сочувствие, жалостливость и, наконец, готовность делать добро всякому»². Сам Даниил Александрович каким-то непонятным мне образом умел сочетать несочетаемое: обладая тяжелым характером, он был поистине милосердным. Я не знаю, как у него это получалось.

1988 г. был в разгаре, когда Д. А. Гранин четко обозначил свою позицию в понимании сущности коммуниста, вынеся на передний план его человеческую порядочность³. Это было сказано им в интервью, опубликованном в день открытия XIX партийной конференции — знакового события для всей страны.

За несколько месяцев до того советские СМИ начали большую разъяснительную работу среди населения, объясняя, что в стране утрачен исторический опыт проведения партийных конференций, которые наряду со съездами играли колоссальную роль в жизни советского общества.

по совести. М., 1988. С. 107–117; *Он же*. О милосердии // Личное мнение. Вып. 2. М., 1988. С. 295–305; *Он же*. О милосердии // Писатель и время. М., 1988. С. 216–224; *Он же*. Как стать добрее // Неделя. 1988. 28 марта — 3 апр. С. 10–11.

1 *Гранин Д. А.* Причуды моей памяти. С. 262.

2 Там же. С. 430.

3 *Гранин Д. А.* «Коммунист — это прежде всего порядочный человек» // Строительная газета. 1988. 28 июня.

Народ был увлечен этой новой идеей. От надвигавшейся XIX партконференции ожидали каких-то чудодейственных результатов. Д. А. Гранин был ее делегатом, гостем был и беспартийный Д. С. Лихачев. Это было новшество — активное участие беспартийных в делах КПСС. Идея очень нравилась Даниилу Александровичу: «Такой открытости не знал ни один из партийных форумов. На конференцию были приглашены беспартийные. Я встретил там Д. Лихачева, С. Залыгина...»¹ Странно. Мне и тогда казалось, и сейчас кажется это откровенной глупостью. Если человек не хотел быть коммунистом, с какого перепуга он должен был активничать в партийных делах? Это была очередная придумка горбачевских фантазеров, которая многим людям, любившим тогда называть себя демократами, казалась верхом демократичности.

Конференция не принесла советскому обществу ничего, кроме болтовни о скрытых резервах социализма. Советских людей, молчавших долгие десятилетия, вдруг прорвало и понесло, как замечательного литературного героя Остапа. Мы, современники, смотрели на участников той конференций, как советские люди в 1960-е гг. смотрели на космонавтов. У меня был однокашник по Политологическому институту, который в качестве делегата участвовал в той конференции. Человек замечательный, добросердечный, с прекрасным чувством юмора, но совершенно не хотевший учиться. А может, и некогда ему было, поскольку занимал он тогда большую и хлопотную должность. Так вот, он на всех экзаменах — от политэкономии до истории международных отношений — рассказывал всегда одно и то же: про то, как проходила XIX партийная конференция. Педагоги слушали его раскрыв рты и дружно ставили пятерки. Однажды он опоздал на сессию и сдавал экзамены в частном порядке. Как-то он пришел в преподавательскую кафедры философии (на ней тогда работали и политологи) сдавать профессору экзамен по политологии. Взяв билет, мой товарищ без подготовки

1 Гранин Д. А. Дорога к здравому смыслу // О наболевшем. Л., 1988. С. 91.

стал рассказывать профессору о партийной конференции, о составе ленинградской делегации, о М. С. Горбачеве. Показал наручные часы — подарок каждому из участников форума. Профессор долго кивал, уважительно смотрел на часы и на самого студента, а когда тот замолчал, взял его зачетную книжку и записал: «Философия — отлично». Мой однокашник, увидев запись, вежливо кашлянул и сказал, что он вообще-то сдавал политологию. Профессор извинился, зачеркнул слово «философия» и над ним твердой рукой написал: «политология». Так что XIX партийная конференция впитала в себя многое, в том числе философию, политологию и, не исключая, Закон Божий тоже.

Казалось бы, Перестройка замышлялась как созидательная стратегия, а стала разрушительной силой. Она создала основу для усугубления исторических противоречий армянского и азербайджанского народов. Если в рамках застойного СССР они со скрипом, шаг за шагом преодолевали историко-национальные и конфессиональные проблемы (увеличивалось число смешанных браков, азербайджанцы переезжали на жительство в Армению и наоборот), то в годы Перестройки проблемы стали вылезать, как тараканы. Д. А. Гранин и другие влиятельные деятели культуры пытались воздействовать на интеллигенцию обеих республик¹, но это не помогло.

Я воспринимал ту ситуацию как личное несчастье. Мой отец с войны дружил с азербайджанцем Али Рзаевым из Кировобада, а я с начала 1970-х гг. — с его сыновьями Джаванширом и Вагифом, их общим другом Ханларом. На мою свадьбу в августе 1973 г. дядя Али прислал тридцать литров коньяка тридцатилетней выдержки. Гости только его и пили — коньяк был отменный! Его залил в дубовую бочку отец дяди Али, когда провожал сына на фронт в 1943 г.

Что же касается армян, то к ним у меня тоже было самое сердечное отношение. Летом 1985 г. в аэропорту «Борис-

1 Гранин Д. А. и др. Опомниться, остановиться: (обращение к интеллигенции Азербайджана и Армении) // Лесная промышленность, 1988. 3 дек.

поль» в Киеве у меня украли бумажник, в котором, кроме денег, был билет на самолет в Ленинград, вылетающий через пару часов. Незнакомый армянин лет сорока увидел мое растерянное лицо и спросил: «Что случилось, брат?» Я объяснил. Он достал из кармана фиолетовый двадцатипятирублевик, вложил мне в руку и с улыбкой сказал: «Потом отдашь». Тут же он пошел на посадку, а я, простояв, как в столбняке, с минуту, побежал покупать новый билет. Успел, купил на тот же рейс. А долг тому армянину много раз отдавал. Правда, во сне. Так что должник я перед всем армянским народом.

Метастазы Перестройки поразили не только организм Советского Союза, но и перебрались в другие социалистические страны. Польские писатели, ученые, актеры и общественные деятели в феврале 1988 г. обращались к советским коллегам, в том числе и к Д. А. Гранину, с просьбой публично высказаться о катынском расстреле 1940 г.¹ Спору нет, убийство людей — явление отвратительное. Но пытаться тушить тлеющие «исторические пожары» с помощью «бензина публицистики» — либо глупость, либо заведомая провокация. Пример польских братьев показался полезным чехословацким деятелям науки и культуры, которые в июле 1988 г. попросили советских ученых, актеров, писателей, в том числе и Д. А. Гранина, дать «переоценку» событиям в Чехословакии 1968 г.² Что ж тут переоценивать — просто фарс какой-то. Общественное мнение и так складывалось в пользу правды. Зачем было подливать масла в огонь? Чтобы народы рассорить? Оставалось только советским писателям обратиться к монгольским коллегам или хотя бы к руководству советской Татарии с просьбой покаяться в сожжении Киева, Козельска, Москвы и других древнерусских городов.

В то время Д. А. Гранина очень беспокоила проблема строительства дамбы в Финском заливе. Он был категорически против ее строительства, считая, что она нарушит экологию акватории залива. Мне, не специалисту в этой

1 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 5. Д. 489. Л. 1–4.

2 Там же. Д. 490. Л. 1–4.

области знаний, трудно судить о его правоте или неправоте. Теперь хорошо известно, что дамба работает, надежно защищает город, хотя и обходится государству недешево. Вроде бы и вреда от нее нет. Но могу предположить, что если бы не борцы за экологию, если бы не участие Даниила Александровича, защитные сооружения были бы созданы с некоторыми упрощениями в ущерб природе Финского залива. Так что усилия были не напрасными.

Филолог О. Н. Кузнецова писала, что вскоре после XIX партийной конференции, итоги которой очень повысили оптимизм всего советского общества и его веру в перспективность социализма, Д. А. Гранин дал интервью, в котором говорил: «Мы, наше поколение, были лишены этого смысла. Мы – дети сталинского социализма, социализма чрезвычайных мер и принудительного насильственного оптимизма. Мы давно перестали понимать, что такое коммунизм и что такое социализм, находясь в недрах сталинского социализма, который не был социализмом. Он отнимал самое важное – цель и смысл жизни»¹.

По мнению О. Н. Кузнецовой, в сознании Д. А. Гранина возникла «путаница»: «В течение одной и той же беседы Гранин называет сталинский социализм “социализмом чрезвычайных мер и принудительного, насильственного оптимизма”, – с одной стороны, рассуждая о счастье удовлетворения, которое человек должен получать от своего труда, он справедливо напоминает о том обстоятельстве, что в полную силу, по-настоящему творчески российский народ трудился именно “во времена Сталина, как мы их называем, хотя это не времена Сталина, а времена индустриализации, подъема ударничества, стахановского движения”»².

В 1988 г. у Д. А. Гранина стотысячным тиражом вышел из печати сборник воспоминаний, рассказов и публицистики,

1 Цит. по: Кузнецова О. Н. Категория жизнеустроительного пафоса в потоке интеллектуально-деловой и «деревенской» прозы 2-й половины XX столетия: монография. Краснодар, 2015. С. 12.

2 Там же. С. 13.

написанных в конце 1970–1980-х гг.¹ То была брошюра в мягком переплете, в которой был собран самый животрепещущий материал для размышлений. Экземпляр этого сборника я обнаружил в личной библиотеке легендарного советского военного разведчика Кента – А. М. Гуревича, которую после кончины Анатолия Марковича мне передала его вдова Л. В. Круглова. Кент был чрезвычайно эрудированным человеком. Случайных книг в его библиотеке не было. Желая понять, что же интересовало и волновало бывшего разведчика в конце 1980-х гг., я внимательно изучил содержание сборника. Интереснейшие воспоминания-наблюдения о А. Н. Косыгине, о М. М. Зощенко, только ради которых стоило приобретать эту книгу! Наблюдательность и аналитический ум Д. А. Гранина поражали. Он подмечал детали, мимо которых прошли бы многие. Об Алексее Николаевиче он писал: «...лицо узловатое, давно усталое, безулыбчивое»². Но в то же время писателю было симпатично, что А. Н. Косыгин бережно хранил память о детстве, побывал в Ленинграде в здании Нахимовского училища, где когда-то располагалось его родное Петровское реальное училище: «Мне нравилось, что он любил свое детство и бывал там»³.

Даниилу Александровичу удалось разыскать стенограмму выступления М. М. Зощенко во время судилища над ним в Ленинградском Доме писателя в 1954 г., где Михаил Михайлович, кроме всего прочего, говорил: «...Все же некоторые рассказы и фельетоны мои были неплохи. По одному моему рассказу, как вам известно, был изменен режим продажи водки»⁴. Кстати, стенограммы в архивах не оказалось, она чудом уцелела у стенографистки, работавшей в тот день в Доме писателя. Другие материалы, вошедшие в сборник, тоже интересны, но воспоминания – уникальны.

Читая статьи Д. А. Гранина того времени, невольно сравниваю ситуацию тех лет с сегодняшней. В 1988 г. Даниил

1 Гранин Д. А. О наболевшем. Л., 1988.

2 Гранин Д. А. Запретная глава // О наболевшем. С. 5.

3 Там же. С. 15.

4 Цит. по: Гранин Д. А. Мимолетное явление // О наболевшем. С. 30.

Александрович писал о том времени: «...наряду с теневой экономикой существовала теневая нравственность. Росло совсем другое — потребление водки, наркомания, проституция, взятки. Гласность, журналисты помогли всеобщему прозрению. Оказалось, что у нас существуют рэкет, мафия, коррупция»¹. Когда осознаешь, насколько Россия «преуспела» во всех этих делах за последние тридцать лет, невольно понимаешь масштаб пагубности внутренней политики нашего государства.

Десять лет назад, когда Д. А. Гранин брал интервью у А. Н. Косыгина, писатель, тогда еще шестидесятилетний человек, размышлял о возрасте Алексея Николаевича: «Времени впереди немного. Восьмой десяток идет, возраст критический, когда ничего нельзя откладывать»². В 1988 г. ему самому исполнилось семьдесят. Наверняка писатель тоже торопился сделать в своей жизни что-то важное. Даже когда позади столько случившегося, взгляд все равно устремлен вперед.

К началу 1989 г. Даниил Александрович уже и сам привык, похоже, что его день рождения отмечается с годичным опозданием. Почему он не вносил ясность, не знаю. Не секрет, что деятели такого масштаба, каковым он стал к старости, в круглые даты часто щедро награждаются государством. Казалось бы, было бы логичным не откладывать этот миг признания на год. А он откладывал. Семидесятилетие отпраздновал не 1 января 1988 г., а 1 января 1989 г. 1 марта 1989 г. его наградили вторым орденом Ленина и присвоили звание Героя Социалистического Труда.

В том году были переизданы и успешно разошлись существенно дополненная «Блокадная книга», повести «Зубр» и «Клавдия Вилор», а также неустаревавший роман «Иду на грозу». Трехсоттысячным тиражом вышла из печати повесть «Наш комбат» и вместе с ней под единой обложкой — ряд других произведений писателя о войне³. В течение 1989–1990 гг. было опубликовано пятитомное собрание его сочинений⁴.

1 Гранин Д. А. Дорога к здравому смыслу // О наболевшем. С. 94.

2 Гранин Д. А. Запретная глава // О наболевшем. С. 16.

3 Гранин Д. А. Наш комбат. М., 1989. 461 с.

4 Гранин Д. А. Собр. соч.: в 5 т. Л., 1989–1990. (Т. 1. 1989; т. 2. 1989; т. 3. 1989; т. 4. 1990; т. 5. 1990).

Одним словом, все шло своим чередом, несмотря на сверхсложную обстановку в стране. Но к семидесяти годам, или сразу после семидесяти, в сознании Д. А. Гранина, как мне представляется, стали происходить радикальные перемены. По инерции он еще ратовал за Перестройку, за социализм «с человеческим лицом». Выступал среди умных людей на заседании «круглого стола», организованного журналами «Коммунист» и «Вопросы философии» по поводу будущего Человека и Человечества¹. Я показал выпуск журнала «Коммунист» с материалами того заседания своему коллеге. Он скептически полистал страницы и сказал: «А ты знаешь, что “Коммунист” решено объединить с журналом “Playboy”»? Я опешил. Вроде понимал, что это шутка. Но где-то в глубине души шевельнулось сомнение: в стране в тот год появилась уйма советско-американских предприятий. «И что?» – осторожно спросил я. «Да ничего, уже и договор подписали, – бодро заявил коллега. – У издания теперь будет общее название – “Член КПСС”».

Я вспомнил этот эпизод, чтобы обратить читательское внимание на одно важное обстоятельство: 1989 г. стал годом, когда советские люди массово разочаровывались в идее Перестройки. Еще недавно восхищавшая смелость политических разговоров и исторических экскурсов с новыми сведениями и новыми выводами стала восприниматься как приевшаяся болтовня. Ситуация усугублялась развалом экономики страны, что особо заметно было на бытовом уровне. Например, из продажи пропали сигареты и папиросы. Мне, человеку в ту пору много курившему, это было очень трудно перенести. К счастью, я спокойно относился к отсутствию спиртного. В многочисленных ларьках начало появляться всякое зелье, люди травились, умирали. У моего друга из-за некачественного алкоголя умер отец. Обстановка в обществе накалялась. В печати непонятно зачем началась травля военных. В Ленинграде были случаи избиения офицеров. Я в парадной военной форме пришел в ресторан, где праздновалась свадьба

1 Гранин Д. А. Выступления на заседании «круглого стола» // Коммунист. 1989. № 15. С. 73, 75–78.

дочери моих друзей, меня официанты не хотели пускать в зал. Если бы уже захмелевшие гости не пообещали, что выкинут официантов в окно, возможно, и не пустили бы. По воинским частям и учреждениям прошла команда: военнотружущим на службу ездить в гражданской одежде.

Странное было время. Неуютное и злое. В наших головах был такой винегрет, что сейчас даже не представить. Воспитанные на социалистических ценностях, мы стремительно погружались в новую реальность. Кто-то, в том числе и очень умные люди, в своих убеждениях упорствовал. Среди них был, например, будущий нобелевский лауреат академик Ж. И. Алферов, оставшийся по своим убеждениям коммунистом. Даже спустя многие годы после тех событий он как-то сказал мне: «Больше всего в жизни я жалею о том, что развалился Советский Союз». Сказал это с такой болью, что и не передать.

Д. А. Гранин тоже жил в Ленинграде. И в его сознании, вероятно, тоже происходило что-то важное. Он упорствовал, не хотел терять оптимизм, призывал к терпению, немного иронизировал по поводу настроений людей¹. Но сам-то он тоже менялся. Конечно, нельзя что-то додумывать за другого человека. Но я «того» Д. А. Гранина понимаю так. Ему было тяжело расставаться с социалистическими идеями, со своим коммунистическим воспитанием, со своими коммунистическими богами. С В. И. Лениным, например. Но он постепенно отходил от прежних убеждений. Не сразу. Мучительно, но отходил. Конечно, на самом деле все было гораздо сложнее, но я, говоря техническим языком, изложу упрощенную схему динамики его взглядов. Даниил Александрович был нерелигиозным человеком, но, образно говоря, он не мог жить без Бога в душе. Лет до тридцати он свято верил во В. И. Ленина и И. В. Сталина. Потом, лет до семидесяти, только во В. И. Ленина. После семидесяти и до конца дней он верил в П. А. Романова, то есть в Петра Великого. Вот такая нехитрая схема его жизненных ориентиров. Но это, повторяю, упрощенная,

1 Гранин Д. А. Нетерпение – горячее нашей жизни // Крокодил. 1989. № 14. С. 7.

даже очень упрощенная схема. На самом деле все было куда сложнее и болезненнее.

За долгие годы издания своих произведений Даниил Александрович опробовал разные по эффективности способы, как любят теперь говорить, «раскручивания» новых работ. Он убедился, что нужно сначала опубликовать небольшой фрагмент и посмотреть, какова будет реакция читателей и критики. Хотя мнение критики Д. А. Гранина действительно мало интересовало, он всегда с ней считался, осознавая ее влияние на судьбу литературного произведения. В 1989 г. ситуация была особой. Впереди маячила ни много ни мало смена нравственных парадигм. Государство устало от хаоса и смутно стало желать порядка и сильной власти. И. В. Сталин в качестве нравственного ориентира в силу известных причин не подходил, хотя попытки «очеловечить» Иосифа Виссарионовича предпринимались регулярно, а вот фигура Петра Великого, затуманенная далеким прошлым, подходила для смены нравственных ориентиров вполне. В начале 1989 г. фрагмент из будущего романа Д. А. Гранина «Вечера с Петром Великим» был опубликован в скромном журнале «Искорка»¹. Существенным «довеском» к далекому по времени Петру стал совсем недавний нравственный пример академика А. Д. Сахарова, переведенного партией из опалы в г. Горьком непосредственно в советские герои и депутаты. Если о его высокой нравственности писал сам Д. А. Гранин², значит, нравственность действительно была высока.

Но за Перестройку Даниил Александрович по-прежнему ратовал, убеждая всех и, вероятно, себя тоже в том, что в истории Советского государства наступил переломный момент³.

Забываясь о советской духовной культуре, Д. А. Гранин вместе с академиками Д. С. Лихачевым и А. Ф. Трешни-

1 Гранин Д. А. Учитель истории: Отрывок из романа «Вечера с Петром Великим» // Искорка. 1989. № 1. С. 11–15.

2 Гранин Д. А. Нравственный пример: Слово об А. Д. Сахарове // Ленинградская правда. 1989. 16 дек.

3 Гранин Д. А. и др. Переломный момент: Обращение к народным депутатам СССР // Литературная газета. 1989. 27 дек. С. 4.

ковым выступил в поддержку инициатив, нацеленных на сохранение культурных ценностей на острове Валаам на Ладожском озере¹.

Так совпало, что месяца за два до их письма в «Известия» я побывал на Валааме в командировке, поскольку там дислоцировалась отдельная радиотехническая рота, входившая в соединение, где я тогда служил. У меня было очень хорошее представление об условиях жизни людей на острове. Небольшой рыбацкий поселок жил бедно, пожалуй, даже убого. Мужской монастырь тоже не отличался богатством и находился в тесном сотрудничестве с ротой, руководство которой постоянно выделяло солдат на хозяйственные работы в монастырь. За это настоятель монастыря выделял для роты масляные краски, древесно-волокнистые и древесно-стружечные плиты и что-то еще для хозяйственных нужд. Бедность спланивала рабов Божьих, воинов и аборигенов: они жили странным, но довольно сплоченным коллективом. Храмы, часовни, кельи, правда, рушились, поскольку сил содержать это культурное достояние страны не было: радиотехническая рота, в которой было от силы человек сорок, и горстка монахов с этим явно не справлялись. Рыбаки как пассивная часть населения острова в расчет не брались.

На мой взгляд, к тому времени Д. А. Гранин стал для многих советских людей, простите за патетику, Совестью Перестройки.

К концу 1989 г. Советское государство начало пятиться от собственной Перестройки, которой удалось разворошить множество насущных проблем, но не получилось справиться со спровоцированным ею хаосом. Мы не понимали тогда простейшую истину: разогнаться на автомобиле до предельной скорости — дело нехитрое, а вот управлять им на небывалой прежде скорости — это искусство. Мы таким искусством не обладали и не справлялись с управлением. Государственную машину несло по колдобинам, которые мы же и создали. Управлять ею было все сложнее.

¹ Гранин Д. А., Лихачев Д. С., Трешников А. Ф. Судьба Валаама // Известия. 1989. 14 сент.

Д. А. Гранин во многом взял на себя моральную ответственность за то, что было затеяно в стране в ту пору. Многие люди в него по-прежнему верили, считая его одним из самых умных и порядочных людей того времени. Думаю, так оно и было на самом деле. Со всех концов Советского Союза ему присылали письма, в которых люди писали о своей душевной боли. Из Ульяновска присылали воспоминания очевидцев Новочеркасской трагедии 1962 г.¹, из Ташкента — документы о национальном движении крымских татар².

Д. А. Гранин не был оппозиционером, поскольку по характеру, по воспитанию был созидателем, а не разрушителем. Но он понимал, что власти не справляются с взятыми на себя обязательствами по модернизации страны. Поэтому он сам взял на себя ряд социальных обязательств, которые могли хоть как-то выправить положение. Участвовал в работе историко-просветительного общества «Мемориал»³, в деятельности Ленинградского народного фронта⁴, поддерживал Всесоюзную писательскую ассоциацию «Апрель»⁵, объединявшую сторонников Перестройки.

Надо признать, что вся эта околополитическая активность, как и депутатская работа, скоро разочаровали его. Более того, опротивели ему. Далеко не сразу, скорее, только с распадом СССР, он понял, что участвовать в политических затеях, где в центре была не забота о гражданах страны, а передел собственности, смысла нет. Плетью обуха не перешибешь. Так что относительно недолгий период политической активности для него завершился даже чуть раньше распада страны, еще на рубеже 1989–1990 гг.

Боль, стыд, горечь, а может быть, и отчаяние, которые переживал он в то смутное время, готовили его к переосмыслению многого из прожитого. Переосмыслить прошлое, не согласиться с самим собой прошлым — это не приспособленчество, как считают многие. Это во многом тяжелая и болезненная работа совести, которая под силу

1 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 5. Д. 126. Л. 1–8.

2 Там же. Д. 264. Л. 1–23.

3 Там же. Д. 485. Л. 1–58.

4 Там же. Д. 567. Л. 1.

5 Там же. Д. 569. Л. 1–4.

не многим. У каждого человека свой метод выяснения отношений с самим собой. Писатель размышляет в своих литературных произведениях.

В этом отношении значительной для самого автора, пожалуй, стала небольшая повесть «Неизвестный человек». Ее главный герой Сергей Игнатьевич Ильин в силу обстоятельств проделал за короткий срок большую работу по осмыслению своего места в жизни. Он сумел восстать над суетой, обратившись для укрепления души к истории своих предков. Произведение философское, во многом мистическое. Оно, как мне кажется, показало на рубеже 1980–1990-х гг. работу интеллекта и души самого писателя. Д. А. Гранин, как и его литературный герой, сделал собственный нравственный выбор. В условиях рушившихся нравственных ценностей он нашел внутреннюю опору в понимании чести и достоинства, опираясь на представление о совести порядочных людей, живших почти за двести лет до него. Возможно, повесть «Неизвестный человек» — это своеобразный интеллектуальный мостик, переносивший Даниила Александровича из советского прошлого в постсоветское будущее. Повесть сначала была опубликована в авторитетном журнале «Дружба народов»¹, а позже — в отдельном сборнике повестей².

Примерно в то же время был написан небольшой документальный рассказ «Братья Елисеевы». В нем коротко говорилось о выходцах из ярославских мужиков Елисеевых, ставших знаменитыми российскими предпринимателями. Как новая музыка, звучат в рассказе фамилии Елисеев, Мамонтов, Третьяков, Морозов, Бахрушин, Юдин, Алексеев, Леденцов. Многие они сделали для России. На таких, дескать, совестливых россиян нужно держать равнение. Сладко и доверительно звучали гранинские слова: «Мы мало что знаем о промышленниках, заводчиках, банкирах тех предвоенных лет, а были среди них люди яркие, талантливейшие, с заслугами немалыми...»³ Даниил Александрович

1 Гранин Д. А. Неизвестный человек // Дружба народов. 1990. № 1. С. 5–40.

2 Гранин Д. А. Неизвестный человек // Запретная глава: Повести. Л., 1991. С. 3–60.

3 Гранин Д. А. Братья Елисеевы // Там же. С. 168.

в 1989 г. разглядел новых героев старого времени и стал в своих работах отмечать их симпатичные человеческие качества. Вроде бы и хорошо, ведь старые идеалы рушились — нужны были новые.

Но, вероятно, тогда Даниил Александрович не все преуспедал, не все предвидел. За уничтожением пороков «социализма с нечеловеческим лицом» не последовало обновление совести, основанное на идеалах предков. Наступила лишь борьба за передел бывшей социалистической собственности, главным героям которой было не до нравственного очищения: нужно было успеть урвать побольше от бывшего общественного пирога. Но Даниила Александровича захватила идея поиска нравственных ориентиров в событиях далекого прошлого. Он сбавил обороты своей общественной деятельности. Возможно, во многом из-за того, что, как и большинство советских людей, был политически дезориентирован.

Каждое произведение Д. А. Гранина — следствие процесса изучения писателем окружающего мира и себя в этом мире. По его романам, повестям, рассказам, новеллам вполне, на первый взгляд, можно проследить¹ динамику его миропонимания. Но среди всего, написанного Даниилом Александровичем, есть одно произведение, которое для меня остается загадкой. Речь идет о небольшой повести «Наш дорогой Роман Авдеевич», представлявшей собой сатирическое произведение, главным героем которого был человек, очень похожий на бывшего первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романова.

Хорошо помню, что Григория Васильевича в Ленинграде очень не любили. Считали, и, наверное, не без основания, классическим партократом, человеком высокомерным и нечистоплотным. По городу ходили, обрастая подробностями, разговоры о его интимных отношениях с известной эстрадной певицей, о шикарном свадьебе его дитятки, проведенной в одном из дворцов пригорода Ленинграда. Вряд ли то были сплетни: тогда еще не придумали фей-

1 *Гранин Д. А. Наш дорогой Роман Авдеевич: Отрывок из повести // Литературная газета. 1990. 11 июля. С. 8.*

ковых новостей, да и с воображением у населения в силу хорошего воспитания было как-то не очень.

Не секрет, что Г. В. Романов, сам участвовавший в защите блокированного Ленинграда, смотрел на историю блокады города совсем не так, как Д. А. Гранин. Первый секретарь обкома КПСС видел в ней исключительно образец героизма, оставляя за скобками «прозу жизни», которая, по сути, и была для ленинградцев блокадной поры самой жизнью и смертью. Позиция Д. А. Гранина, безусловно, не была парадно-выходной, она была честней, чем романовская, и в силу этого стремилась к исторической правде. Г. В. Романов считал взгляды Даниила Александровича на историю блокады идеологически вредными, не способствовавшими укреплению патриотической позиции советского человека. Поэтому всячески препятствовал продвижению «Блокадной книги», да и вообще не жаловал писателя. Даже много лет спустя он не скрывал своего отношения к нему и его творчеству: «Плохо отношусь к Д. Гранину, точнее, к тому, что он говорит и пишет о блокаде. Это все неправильно, необъективно. Что бы он ни говорил, его мысли склоняются к тому, что «город надо было сдать», а это вообще неправильная постановка вопроса. Если бы мы его сдали, от него бы ничего не осталось, жертвы были бы страшнее блокадных... Руководители страны, включая Жданова, делали все, чтобы спасти Ленинград»¹.

Г. В. Романов лукавил по поводу гранинской позиции, упрощал ее, сводя к примитиву. Разумеется, это не могло вызывать уважения, но все же реакция Д. А. Гранина на персону бывшего, как он писал, «персека» мне непонятна до сих пор. Почему душа писателя так вспылала, что потребовалась сатирическая повесть, чтобы «затушить бушующий в ней пожар»? Зачем нужно было «лягать умиравшего льва» – пенсионера какого-то там значения, когда он уже был слаб и беззащитен? Мечь? Не вяжется у меня она как-то с моим пониманием Человека по имени Гранин. Д. А. Гранин – мудрый и честлюбивый человек. Зачем

¹ Романов Г. В. Я против недостоверных версий // Российская газета. 2004. 27 янв.

ему была нужна эта откровенная пародия на произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина?

Алгоритм ее прихода к читателю был таким же, как и у многих других романов и повестей Даниила Александровича. В июле 1990 г. отрывок из нее был опубликован в «Литературной газете», а осенью она вышла из печати в журнале «Нева»¹ и стотысячным тиражом — отдельным изданием в одном из совместных предприятий, которых тогда в Советском Союзе было великое множество².

Эта повесть, на мой взгляд, самое неинтересное из всего, что было написано Д. А. Граниным. Цель ее написания непонятна. Литературные достоинства? Не мне судить, я не литературовед. Как читателю мне было скучно. Ничего нового. Пересказ того, что и так было известно ленинградцам. Сарказм у Михаила Евграфовича куда как сарказмей. Стыдно признаваться, но я так и не понял, зачем повесть была написана.

Одна из моих догадок состоит в том, что 1990 г. был кризисным не только для страны, но и для многих жителей страны, в том числе для Д. А. Гранина. Он, как и многие из нас тогда, не знал, куда идти, что делать, чем жить. Позже Даниил Александрович с иронией писал, что советские люди во все времена жили «на пороге прекрасного будущего»³. Вот и подошла тогда пора треснуть лбом о тот самый порог.

В то время как Д. А. Гранин пытался осмыслить время, в которое ему довелось жить, и свое место в этой жизни, находились исследователи, которые пытались понять Д. А. Гранина и его героев. Среди них — С. Л. Скопкарева, посвятившая изучению прозы писателя небольшую монографию⁴. Светлана Леонидовна подметила, что Д. А. Гранин в своем творчестве всегда обращался к фактам, содержащимся в документах⁵. Ей удалось взять у Даниила

1 Гранин Д. А. Наш дорогой Роман Авдеевич // Нева. 1990. № 11. С. 3–44.

2 Гранин Д. А. Наш дорогой Роман Авдеевич. Л., 1990.

3 Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 145.

4 Скопкарева С. Л. В поисках идеала: Концепция личности в прозе Д. Гранина 60–80-х гг. М., 1998.

5 Там же. С. 140.

Александровича интервью, из которого можно составить представление о миропонимании Д. А. Гранина на пике Перестройки. Ее скоротечность сегодня удивляет. В конце же 1980-х гг. «заряженность» ею удивляет не меньше. Сейчас, оглядываясь на минувшие события спустя почти 30 лет, нельзя не поражаться: за два-три года до краха СССР никто, даже такой проницательный человек, как Д. А. Гранин, не предвидел скоропалительного завершения советской эпохи. Это видно из содержания беседы.

— *В Вашем творчестве наблюдается своеобразное сочетание черт беллетристического и документального повествования. Расскажите подробно, как это сложилось?*

Д. Гранин: Я думаю, это потребность. Она вызвана тем, что мне надоедает сочинять. Сочинительство — это ложь, хотя в нем, конечно же, есть высокая прелесть искусства, без него нет писательского воображения. Но у меня есть и другая не менее сильная потребность — воссоздавать достоверность жизни, подлинность героев, это всегда художественное открытие.

Я, грубо говоря, коллекционирую людей и их судьбы. И бывают они так интересны, что мимо них пройти просто грех. Вот, например, судьба Любищева или Тимофеева-Ресовского: во-первых, это литературно интересно, во-вторых, это открытие оригинальной личности. Судьба Тимофеева-Ресовского вызвала огромную дискуссию в печати. Моя книга открыла крупного ученого, мимо которого прошла наука, взяв его имя в скобки. То же самое произошло с Любищевым, отчасти это было и с Клавдией Вилор.

— *Как Вы работаете с документом, с фактом, трансформируя их в художественный образ?*

Д. Гранин: В документальном повествовании я более или менее точно следую фактам, но не всегда. Тут есть своя конкретика. Например, Клавдия Вилор как человек у меня вызывала страх. Страшная женщина, фанатичная, жестокая. Я пытался показать, что она «вытворяла» после войны, даже в конце войны, но цензура не пропустила книгу в печать.

Клавдия Вилор искала среди военнопленных предателей, тех, кто отказывался от звания коммуниста. Она беспощад-

но отдавала людей СМЕРШу, контрразведке и КГБ. Эту ее фанатичность я хотел показать, и мне это было не очень приятно, я понимал: такие люди нужны были на войне, именно война порождала их. Но когда наступил мир, это были немилосердные, беспощадные люди. Эту вторую сторону ее биографии цензура не пропустила в печать. Образ героини получился несколько односторонний, даже идеализированный. Но если внимательно вчитаться в текст, то можно почувствовать мое отношение к ней.

Когда работаешь над судьбой какого-нибудь человека, то хочешь найти противоречивость в человеческом характере, его сложность. Меня не интересует простая канва событий. Мне интереснее увидеть и показать, что за ней стоит внутренний характер. Когда, допустим, я писал о Тимофееве-Ресовском, я пытался найти корень независимости этого человека.

И я нашел его во внутренней свободе, в нежелании подчиняться условностям и правилам жизни, будь то в Германии или в России. Он хотел и умел оставаться самим собой всегда. Как это трудно и как замечательно — не подчиняться давлению политических требований, исторических, научных и т.д. Вот эту черту я нашел у своего героя и пытался ее воплотить писательски.

— *Вы знакомы со своими героями?*

Д. Гранин: Да, с Клавдией Вилор, Тимофеевым-Ресовским, Любищевым. Для меня всегда очень важно личное ощущение. Его не могут заменить никакие документы.

— *Как Вы отнесетесь к тому, что в некоторых Ваших произведениях я обнаружила черты житейского повествования? («Эта странная жизнь», «Клавдия Вилор», «Зубр»).*

Д. Гранин: Вы правы. Типичные люди меня не интересуют. Я считаю, что они вне литературы. Писателю интересно необычное. Понятие «герой» — это уже необычное. Я написал «Эту странную жизнь» об удивительном стремлении человека овладеть временем, о его благоговейном отношении ко времени. Любищев вызвал такой интерес у людей, пошла лавина писем. Появилось столько людей, которые хотели подражать моему герою. Я не знаю, сколько из них повторили его опыт, сколько остались верны его образу жизни,

сколько — нет. Но в течение нескольких лет очень много людей к этому стремились, я об этом знал. Я думаю, что эта проблема овладения своим временем постоянна. Это вечная проблема. В удивительной верности своей системе люди увидели подвиг. Они поняли, что это возможно повторить, так как увидели, что эта жизнь была на самом деле и что можно так жить. И это очень привлекает, ведь выдуманный герой никогда бы не возбудил к себе такого внимания.

— *Вы изображаете, как правило, людей незаурядных. Каков принцип отбора материала?*

Д. Гранин: Самое дорогое для меня — дойти до противоречия в характере. Меня мало интересуют ясные ответы на вопросы. То, что я понимаю, — это мне малоинтересно. Мне интересно добраться до непонимания человека. Если исходить из того, что человек — это тайна, надо и добраться до тайны. Когда писатель знает все о человеке, почему он так поступает, все его мотивировки и т.д. — это неинтересно.

Если вы внимательно читаетесь в «Преступление и наказание», вы все равно не поймете до конца, во имя каких идей, принципов герой пошел на преступление. То ли потому, что вообразил себя Наполеоном, то ли потому, что он хотел обогатиться, то ли потому, что он считал бесполезной старушку-процентщицу и хотел потратить свои деньги более правильно. Ф. Достоевский не знает одной причины, он перебирает все. Гениальность Ф. Достоевского в том, что он не знает тайну в поведении, поступках своих героев.

— *Как Вы выбираете своих героев?*

Д. Гранин: Они достаются мне случайно. Кто-то с кем-то познакомил, где-то я о ком-то услышал. Поскольку круг моих знакомых, как правило, нелитературный.

— *Как Вы работаете над языком своих произведений?*

Д. Гранин: Я пишу медленно и много раз переписываю. Бывают места, которые пишутся сразу. Как написано, так и остается. «Два лика» сразу написал, без переделки. А бывает, что очень много раз надо переписывать — четыре, пять, шесть раз.

— *В Ваших произведениях часто встречается река. Это Ваш любимый образ?*

Д. Гранин: Да, я люблю этот образ.

— *Следуете ли Вы строго правилам реалистического письма?*

Д. Гранин: Понятия не имею. Есть у меня вещь — «Место для памятника», и я осознаю, что в ней не реализм, а фантастика. Есть еще несколько рассказов полуфантастических. Они мне очень нравятся.

— *Кому-то Вам хотелось подражать, когда Вы начали писать?*

Д. Гранин: Есть несколько писателей, которых я считал кумирами, учителями. Когда я начал писать, мне очень нравились Хемингуэй, Ремарк. А после мне нравился Толстой, потом Достоевский, теперь опять Толстой и Чехов. Вот этот круг писателей.

— *Какими еще качествами Вы стремитесь наделить своего героя?*

Д. Гранин: Я не знаю. Я хотел бы создать такого героя, который бы вышел из моей книги и жил бы отдельно и от меня, и от моей книги. Так, как живет солдат Швейк, как живет д'Артаньян, как живет Дон Кихот. Вот если б такого героя создать — об этом должен мечтать писатель.

— *Как Вы относитесь к своим ранним произведениям?*

Д. Гранин: Я их не стыжусь. Некоторые вещи я не стану издавать, например роман «После свадьбы», хотя там ничего стыдного для меня нет. Просто он художественно меня не устраивает. А остальные все, начиная с первого рассказа «Вариант второй», я буду издавать.

— *Согласны ли Вы с анализом Вашего творчества у критиков, литературоведов?*

Д. Гранин: О моем творчестве написано четыре книги. Я их почти не читал. Мне они неинтересны. Мне было интересно читать не о том, что я написал и как написал, а о том, какую роль сыграли мои книги в жизни моих современников, читателей. Я, разъезжая по стране, встречал много людей, чья судьба, жизненный выбор, как они говорили, зависели от моих книг. Кто-то стал ученым, кто-то — инженером. Кто-то прочел «Искателей», «Иду на грозу», и ему понравилась романтика, поэзия творческой работы. <...>

Надеяться на то, что тебя будут читать через сто лет, вряд ли. Важнее понять, какую роль ты сыграл в жизни своих современников, как ты им помог поверить в себя, в свои силы, найти свое призвание, стать принципиальным, честным, полюбить свою работу и т.д. Но этим критики никогда не занимаются.

— *Вас много ругали?*

Д. Гранин: Меня много ругали. Мне доставалось. У меня был рассказ «Собственное мнение», за который меня ругали Хрущев, Молотов. Меня прорабатывали в Ленинграде на обкоме партии и т.д. У меня была повесть «Наш комбат», по поводу которой было решение секретариата ЦК партии: запретить печатать, запретить говорить о ней, не упоминать в критике. Ее разрешили напечатать спустя двадцать лет. Меня прорабатывали за безобидный рассказ «Певучий туман». У «Блокадной книги» тоже были большие неприятности. Так что критики хватало в мой адрес. Иногда это, конечно, очень мешало. Когда переставали печатать и заставляли каяться, я не каюсь. Ни разу, нигде я не подписал письма с покаянием.

— *Критики утверждают, что женские характеры у Вас не всегда получаются.*

Д. Гранин: Да. За женский характер меня упрекали много. Хотя, например, в повести «Дождь в чужом городе» женщина у меня получилась. Была постановка по телевидению, там играла Людмила Зайцева. Мне очень понравилось, единственный раз совпало с тем, что я хотел увидеть.

— *Экранизация «Иду на грозу» Вас устраивает?*

Д. Гранин: Их было три. Самая первая была лучше — Микаэляна.

— *Кто Ваши друзья среди писателей-современников?*

Д. Гранин: Моими друзьями были Тендряков, Виктор Некрасов, Адамович, Юра Трифонов, Сергей Орлов.

— *В каком литературном окружении Вы представляете свое творчество?*

Д. Гранин: К названному выше окружению добавьте — Булат Окуджава, Ваншенкин, в Петербурге — Валерий Попков, Вера Федоровна Панова, Александр Кушнер.

— *Каковы Ваши социальные взгляды? Менялись ли они в течение жизни? Как это отразилось на Вашем творчестве?*

Д. Гранин: Вопрос трудный для меня. Я вступал в партию на фронте, мальчишкой, я был воодушевлен тем, что сделал это в самое тяжелое время для страны — в начале января 1942 года, когда положение под Ленинградом было безнадежным, я не стыжусь этого. Это было совершенно искренне, честно. Я пошел добровольцем в армию, это была романтическая пора в моей жизни. Я оставался убежденным коммунистом очень долго, даже в 50-е и 60-е годы. Но постепенно я начал видеть недостатки, несправедливости строя, но то, о чем я писал, к счастью, было областью жизни, где люди подчинялись красоте и поэзии научного творчества. «Искатели», «Иду на грозу» мало соприкасались с политикой, экономикой, партийными делами. Герои увлечены научным творчеством. Любовь, быт — это довольно независимые области от политической жизни. Я думаю, что мои произведения читаются как поэзия науки, поэзия творчества, искусства. Эти вещи не так быстро стареют, как политические идеи. Допустим, когда я писал роман «Картина», от меня требовали обязательного изображения партийных структур, а мне не хотелось об этом писать. Лосев и люди вокруг него — Поливанов, художник Астахов и другие — не связаны напрямую с политикой. Поэтому они сегодня остаются интересны для читателей. Время их не разоблачило.

— *Ваши планы на будущее?*

Д. Гранин: Я пишу роман о Петре I¹.

Автор книги о Д. А. Гранине С. Л. Скопкарева накануне защиты кандидатской диссертации в 1996 г. отправила Даниилу Александровичу автореферат своего исследования «Концепция личности в творчестве Д. Гранина 60–80-х гг.». В ответе Д. А. Гранин писал:

¹ Скопкарева С. Л. В поисках идеала: Концепция личности в прозе Д. Гранина 60–80-х гг. С. 140–145.

Уважаемая Светлана Леонидовна!

В наше неуверенное время писать диссертацию, да еще о литературе, да еще о той, которая вышла из моды, — это уже геройство. Во всяком случае, свидетельство истинной любви к нашей изруганной советской литературе. За одно это Ваш труд достоин признательности.

Автореферат был мне интересен. Вспомнились мои попытки создать не положительного героя, а любимого. Когда-то эта задача увлекала меня. Жития? Это виденье неожиданное. Я всегда думал, что среди нашего дефицита не хватает нам святых.

Нынче они не появляются. Не светят. Может, один за десятилетия был — А. Д. Сахаров. А жаль. Не хватает, хочется любить и верить кому-то. Потребность в этом стала общей.

Желаю Вам успеха. Вы его заслужили.

Д. Гранин
Октябрь 1996 г.¹

В этом письме как минимум две интересные детали. Во-первых, начало второй половины 1990-х гг. Д. А. Гранин охарактеризовал как «неуверенное время». Во-вторых, он заявил, что литература, которую представляют его произведения, «вышла из моды».

Но я немного забежал вперед. Есть еще один сюжет, который невозможно обойти стороной. Это политическое противостояние М. С. Горбачева с Б. Н. Ельциным. Его итоги теперь известны. Но тогда, в 1990 г., совершенно непонятно было, кто из них прав и чем дело закончится. Помню свои ощущения: мне было жаль М. С. Горбачева, казавшегося мне недостаточно волевым в достижении своих перестроечных задумок. Б. Н. Ельцина я не уважал еще со времен его присутствия в Политбюро ЦК КПСС. Причина, возможно, покажется странной. В 1990 г. зимой я побывал в Свердловске, где работал в архивах, собирая материал для своей докторской диссертации. В то время как раз в местной прессе шла дискуссия: переименовывать город

¹ Скопкарева С. Л. В поисках идеала: Концепция личности в прозе Д. Гранина 60–80-х гг. С. 146.

в Екатеринбург или нет. Помню статью какого-то веселого человека, который напомнил, что город в прежние времена был назван в честь Екатерины I, а не в честь Екатерины II. «Так, может быть, нам назвать город Шлюхенбургом?» — спрашивал читателей автор.

Помню, как меня поразило то, что местные жители относились к своему земляку Б. Н. Ельцину, мягко говоря, с прохладцей. Мне захотелось разобраться в причинах такого отношения к Борису Николаевичу, благо было кого спросить: в архиве вместе со мной работал с документами симпатичный въедливый краевед преклонных лет. Краевед сказал, что лучше показать, чем рассказать. Он отвел меня на какую-то площадку и сказал, что раньше на ее месте стоял дом Ипатьевых. Но однажды Б. Н. Ельцину в его бытность первым секретарем Свердловского обкома КПСС позвонили из Москвы и велели дом уничтожить. К утру бульдозеры дом разрушили до основания. Меня покорила такая его исполнительность. Потом мой знакомый отвел меня к шикарному зданию местного обкома и сказал, что его построили в бытность Бориса Николаевича. «А раньше где был обком?» — спросил я. Мне показали замызганное здание в центре города. Позже, вспоминая местечковые партийные амбиции Б. Н. Ельцина, мне было противно слушать его рассуждения о вредоносности КПСС.

Одним словом, в 1990 г. злила меня борьба этих двух партийцев. Думаю, не меня одного. Когда из печати вышла книга Б. Н. Ельцина «Исповедь на заданную тему», каюсь: не смог пересилить себя и читать не стал. До сих пор не знаю, о чем в ней говорится. Да и какой из него писатель? Помню, когда его именем назвали Президентскую библиотеку в Петербурге, я смеялся до слез. А отсмеявшись, написал в газету «Санкт-Петербургские ведомости», что лучше бы его именем назвали ликеро-водочный завод. Не думал, что мои слова напечатают, но напечатали.

Д. А. Гранин книгу Б. Н. Ельцина прочитал и даже опубликовал в «Литературной газете» на нее отзыв¹. Получился талантливый панегирик. Даниил Александрович писал

1 Гранин Д. А. Читая Ельцина // Литературная газета. 1990. 5 сент. С. 10.

о книге: «Она действительно исповедальна, личностна...»¹ Он сравнивал «неуправляемость» Б. Н. Ельцина с неуправляемостью А. Т. Твардовского, А. Д. Сахарова, А. А. Тарковского. Борис Николаевич представлялся ему героем, который под давлением КПСС «удержался на краю отчаяния, может, и гибели, но удержался»². По мнению Даниила Александровича, «Исповедь Ельцина конкретна <...>. Она в стиле его работы как руководителя: поступки, а не речи, стремление к реальным делам, а не к декларациям»³.

Мне очень интересно: верил ли Даниил Александрович в то, что Б. Н. Ельцин сам писал свою «Исповедь»? Мне с моим скромным воображением трудно представить Бориса Николаевича пишущим такие откровения. Скорее, представил бы себе Л. И. Брежнева, пишущего «Малую землю». Хотя и это проблематично. Думаю, то был момент, когда «социалистический» писатель Д. А. Гранин стал «пост-социалистическим». На статью поступили многочисленные читательские отклики, которые были совершенно разными⁴. У писателя появились новые сторонники, но мне кажется, что противников стало больше. Особенно среди людей старого закала. Скорее всего, это не имело значения для Даниила Александровича. Свой политический выбор он сделал, хотя многое в себе переломал и превозмог.

О своем отношении к М. С. Горбачеву и Б. Н. Ельцину в период их противостояния Д. А. Гранин написал очень красочно, вспоминая о начале одного из съездов: «Перед началом сидели оба в первом ряду – Горбачев и Ельцин. Объявили президиум. Первым встал и пошел Ельцин. За ним – Горбачев. Пока Ельцин поднимался, тот все пытался обогнать его. То с одной стороны, то с другой. Непонятно, видел Е[льцин] или нет его старания. Наконец у выхода к столу на прямой, Горбачев обогнал и пошел по сцене первым. За ним Ельцин. Горбачев шел запыхавшись, еле сдерживая злость. Пока длились эти гонки, я то

1 Гранин Д. А. Читая Ельцина // Литературная газета. 1990. 5 сент. С. 10.

2 Там же.

3 Там же.

4 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 5. Д. 312. С. 1–75.

сочувствовал Горбачеву, то становилось стыдно за него¹. Вот так от сочувствия к стыду и проложил Д. А. Гранин свою личную тропинку от М. С. Горбачева к Б. Н. Ельцину.

Гранинские публикации о временах социализма стали обретать другую окраску. Перемена в его взглядах напоминала воду в стакане, в который художник-акварелист время от времени опускает кисть: сначала она была прозрачна, потом слегка зеленовата или голубовата, потом появлялся фиолетовый оттенок, но в конце концов вода просто мутнела.

Весь оставшийся 1990 г. Даниил Александрович продолжал писать о милосердии, правда, при этом немилосердно сражался с чиновниками писательских организаций СССР и РСФСР. Нешуточными были баталии, которые теперь кажутся ненужной суетой на фоне надвигавшихся глобальных событий.

В начале 1991 г. Д. А. Гранин фактически отрекся от идеи Перестройки, заявив о ее несостоятельности, о том, что советские люди просто «купились на мечту»². В феврале 1991 г. Даниил Александрович еще пытался «сидеть на двух стульях» сразу. В одном и том же интервью он заявлял: «Да, Ельцина я люблю»³ — и при этом объяснял, почему не выходит из КПСС: «Потому что я еще надеюсь на Горбачева»⁴.

Отказавшись от поддержки политики М. С. Горбачева, к лету 1991 г. он стал активным сторонником Б. Н. Ельцина, аргументируя в печати свою позицию⁵. У меня нет сомнения в том, что Даниил Александрович сыграл важную роль в пиаре Бориса Николаевича в решающий для будущего российского президента момент. В момент предвыборной кампании «Российская газета» в рубрике «Выбираем президента — выбираем судьбу России» Даниил Александрович писал про Б. Н. Ельцина: «Его уверенность помогает его

1 Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 77.

2 Гранин Д. А. Мы купились на мечту // Российская газета. 1991. 5 февр.

3 Там же.

4 Там же.

5 Гранин Д. А. Почему Ельцин? Он побывал на том берегу // Российская газета. 1991. 11 июня.

...ты так — мой внучек
Д. А. Гранин

Даниил ГРАНИН:

МЫ КУПИЛИСЬ НА МЕЧТУ

...ты так — мой внучек
Д. А. Гранин

...это засекретный, запоро-
щенный, потоп, который об-
рушивается на нас, и который
будет сложнейшим переодо-
лом, который придется пере-
жить и государственной системе,
и ее гражданам, и каждому из
нас, и каждому из нас...

...это засекретный, запоро-
щенный, потоп, который об-
рушивается на нас, и который
будет сложнейшим переодо-
лом, который придется пере-
жить и государственной системе,
и ее гражданам, и каждому из
нас, и каждому из нас...

...это засекретный, запоро-
щенный, потоп, который об-
рушивается на нас, и который
будет сложнейшим переодо-
лом, который придется пере-
жить и государственной системе,
и ее гражданам, и каждому из
нас, и каждому из нас...

...это засекретный, запоро-
щенный, потоп, который об-
рушивается на нас, и который
будет сложнейшим переодо-
лом, который придется пере-
жить и государственной системе,
и ее гражданам, и каждому из
нас, и каждому из нас...

...это засекретный, запоро-
щенный, потоп, который об-
рушивается на нас, и который
будет сложнейшим переодо-
лом, который придется пере-
жить и государственной системе,
и ее гражданам, и каждому из
нас, и каждому из нас...

...это засекретный, запоро-
щенный, потоп, который об-
рушивается на нас, и который
будет сложнейшим переодо-
лом, который придется пере-
жить и государственной системе,
и ее гражданам, и каждому из
нас, и каждому из нас...

...это засекретный, запоро-
щенный, потоп, который об-
рушивается на нас, и который
будет сложнейшим переодо-
лом, который придется пере-
жить и государственной системе,
и ее гражданам, и каждому из
нас, и каждому из нас...

...это засекретный, запоро-
щенный, потоп, который об-
рушивается на нас, и который
будет сложнейшим переодо-
лом, который придется пере-
жить и государственной системе,
и ее гражданам, и каждому из
нас, и каждому из нас...

...это засекретный, запоро-
щенный, потоп, который об-
рушивается на нас, и который
будет сложнейшим переодо-
лом, который придется пере-
жить и государственной системе,
и ее гражданам, и каждому из
нас, и каждому из нас...

...это засекретный, запоро-
щенный, потоп, который об-
рушивается на нас, и который
будет сложнейшим переодо-
лом, который придется пере-
жить и государственной системе,
и ее гражданам, и каждому из
нас, и каждому из нас...

...это засекретный, запоро-
щенный, потоп, который об-
рушивается на нас, и который
будет сложнейшим переодо-
лом, который придется пере-
жить и государственной системе,
и ее гражданам, и каждому из
нас, и каждому из нас...

...это засекретный, запоро-
щенный, потоп, который об-
рушивается на нас, и который
будет сложнейшим переодо-
лом, который придется пере-
жить и государственной системе,
и ее гражданам, и каждому из
нас, и каждому из нас...

...это засекретный, запоро-
щенный, потоп, который об-
рушивается на нас, и который
будет сложнейшим переодо-
лом, который придется пере-
жить и государственной системе,
и ее гражданам, и каждому из
нас, и каждому из нас...

...это засекретный, запоро-
щенный, потоп, который об-
рушивается на нас, и который
будет сложнейшим переодо-
лом, который придется пере-
жить и государственной системе,
и ее гражданам, и каждому из
нас, и каждому из нас...

...это засекретный, запоро-
щенный, потоп, который об-
рушивается на нас, и который
будет сложнейшим переодо-
лом, который придется пере-
жить и государственной системе,
и ее гражданам, и каждому из
нас, и каждому из нас...

...это засекретный, запоро-
щенный, потоп, который об-
рушивается на нас, и который
будет сложнейшим переодо-
лом, который придется пере-
жить и государственной системе,
и ее гражданам, и каждому из
нас, и каждому из нас...

...это засекретный, запоро-
щенный, потоп, который об-
рушивается на нас, и который
будет сложнейшим переодо-
лом, который придется пере-
жить и государственной системе,
и ее гражданам, и каждому из
нас, и каждому из нас...

Статья Даниила Гранина «Мы купились на мечту»

стемелости»¹. И это было правдой. Даниил Александрович был очень опытным полемистом. Он умел даже чьи-то недостатки обернуть преимуществом: «Политика всегда делала нечто. Она марает любого. И Ельцину тоже приходится маневрировать, чем-то поступаться. Однако при этом он не боится света. Недостатки Ельцина отличаются тем, что они известны. В этом тоже, если угодно, есть преимущество»². Немудрено, что такого искусного агитатора, способного, как говаривал один мой знакомый, «из навоза сделать конфетку», команда Б. Н. Ельцина очень ценила.

После попытки государственного переворота 19 августа 1991 г он без колебаний поддержал Б. Н. Ельцина и питерского политического лидера А. А. Собчака. К чему сводились его идеи того времени? Он определил их простой фразой: «Собраться с духом, чтобы выжить»³. Других идей к тому времени у Д. А. Гранина еще не родилось.

- 1 Гранин Д. А. Почему Ельцин? Он побывал на том берегу // Российская газета. 1991. 11 июня.
- 2 Там же.
- 3 Гранин Д. А. Собраться с духом, чтобы выжить // Известия. 1991. 19 дек.

Зато у новой власти идеи были. 3 июля 1991 г. был принят закон РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий». Команда Б. Н. Ельцина готовила Россию к обнищанию ее граждан.

Но время новых надежд и новых разочарований было впереди. А это — уже повод для оптимизма.

Одним из главных достижений Д. А. Гранина того времени стала написанная в соавторстве с А. М. Адамовичем «Блокадная книга». Как известно, она переиздавалась несколько раз. Тенденция была такова, что от издания к изданию она постоянно дополнялась новыми документами. Некоторые фрагменты «Блокадной книги» публиковались в отдельных изданиях, в которых были представлены произведения других отечественных писателей. Например, В. Ф. Тендрякова, С. П. Антонова, В. Т. Шаламова, Ю. О. Домбровского¹.

Но за последующие годы жизни Д. А. Гранин сделал ряд новых открытий в собственной жизни. Пожалуй, главным его открытием стало то, что он осознал: «...когда жизнь подходит к завершению, оглядываясь назад, я понял то, что раньше не то что не понимал, но считал, что это не главное. Я понял, что главное в жизни, в моей жизни, для меня — это любовь. Можно по-разному расширять это понятие: любовь к женщине, любовь к детям, любовь к своим друзьям»². И далее писатель замечал: «Может быть, любовь — это лучшее, что способен дать человек другому человеку, людям. Это гораздо больше, чем всякое другое творчество»³. На мой взгляд, это главное, до чего додумался в своей жизни мыслитель и писатель Д. А. Гранин. Кто-то скажет мне, что идея не нова. Как посмотреть. Одно дело — прочитать это как тезис. Другое дело — прийти к этому как к главному выводу своей жизни.

1 Тендряков В., Домбровский Ю., Шаламов В., Адамович А., Гранин Д. Кн. для чтения для изучающих рус. яз. / Сост. Я. С. Духан и др. СПб., 1993.

2 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 433.

3 Там же. С. 434.

Советская Россия была
понятней. Нынешняя — страна
абсурда. Немудрено, если она
развалится.

Д. А. Гранин¹

1 *Гранин Д. А.* Все было не совсем так. С. 366.

«Воспаленный нерв»
постсоветской России

Д. А. Гранин был обескуражен распадом Советского Союза. Но распад и все, что предшествовало ему, было не просто его личной трагедией, а толчком к поиску новых жизненных ориентиров. Он разуверился в политиках и политике как в инструменте созидания. Он брезгливо посматривал на растаскивание и разворовывание страны. Ему пришло в голову, что только гуманитарная деятельность способна помочь людям жить. Тогда ни он, ни другие люди в нашей стране не понимали, что эта гуманитарная работа — тоже политика, только другая ее грань. Выброшенные в капитализм бывшие советские люди были в своем большинстве «испорчены» идеями социалистического гуманизма, и это их делало беззащитными перед надвинувшейся реальностью. Почти через двадцать лет после событий 1991–1992 гг. Д. А. Гранин написал о М. С. Горбачеве и о ситуации в стране, сложившейся после его ухода: «Его можно было назвать “Михаил-отступник”. Это почти предательство. Мягкое, безмолвное... Так было с партией. Генеральный секретарь, он, когда стало совсем опасно и раздался грозный запрет Ельцина, когда престиж партии упал в России, затем на Украине, в Грузии, когда массовый выход из партии привел к параличу райкомов, невнятно пробормотав об отставке, исчез. Он как бы растворился. Президент остался, а генсека не стало. Миллионы ушли из партии, но миллионы остались. И среди них убежденные коммунисты. Руководители их бросили. Одни сбежали, другие перешли к победителям. Третьи сели в тюрьму как путчисты. Но оставался Генеральный. От него ждали слова. Что он скажет им всем, продолжающим верить,

готовым стоять до конца гвардейцам партии? Не было слова. Оратор, мастер слов, обещаний, увещеваний скрылся с черного хода»¹. Чуть позже писатель добавил: «Чтобы достойно уйти, надо иметь характер. В этих ситуациях и проверялись качества руководителя»².

Я очень хорошо помню тот момент. Я был рядовым коммунистом, вступившим в партию по глубокому убеждению в 18 лет. Помню тоску, охватившую меня от непонимания того, куда же мне дальше деваться с моей искренней верой в то, что на земле должна быть обыкновенная социальная справедливость. Помню, как в один из тех дней увидел на стене у входа в метро о том, что на каком-то заводе в ближайшее воскресенье состоится партийное собрание всех желающих участвовать в нем членов партии. «Собрание неприкаянных» — так я назвал его для себя. Завод находился, кажется, где-то в Выборгском районе города. В помещении местного клуба набралось человек триста, зал был заполнен до отказа. Среди собравшихся я увидел одного из преподавателей нашего университета. Поздоровались, сели рядом. Его неожиданно избрали в президиум собрания, состоявший из трех человек. Один из членов президиума, человек пожилой, выступил с докладом. Говорил очень взволнованно. Во время доклада он вдруг схватился за сердце и упал прямо на сцену, где стояла трибуна. Собрание остановило свою работу, кто-то вызвал «Скорую», которая приехала мгновенно. Но было поздно — докладчик умер от инфаркта. Все были потрясены. Мой коллега из президиума вдруг шепнул мне, что у них с докладчиком были политические разногласия, так что президиум лучше не доизбирать, чтобы провести то решение, с которым покойный член президиума не согласился бы. Собрание продолжилось, и мой коллега предложил всем собравшимся оставить покойного товарища «почетным членом президиума». Проголосовали единогласно: все были под впечатлением от случившегося. Но подноготная предложения моего коллеги, похоже, была

1 *Гранин Д. А.* Все было не совсем так. С. 149—150.

2 Там же. С. 151.

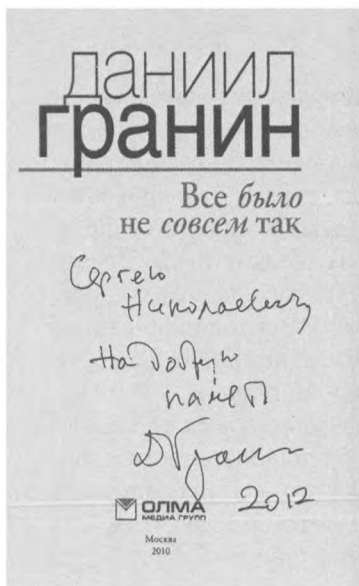
известна только ему и мне. Я растерялся от цинизма моего товарища. Тот маленький эпизод как-то «укрупнил» в моем сознании ситуацию, показал ее в масштабе всей страны. Происходили тяжелейшие события, страна разваливалась на части, а кто-то в тот момент думал о каких-то фракционных интересах, играл в политические игры. В моей душе произошел какой-то надлом. Я навсегда возненавидел все, что касалось борьбы за власть. Меня тошнило от всех политиков, независимо от их партийной принадлежности. Думаю, в своих настроениях я был не одинок.

Даниил Александрович в то безумное время попытался уйти от наступившей реальности в прошлое: основательно занялся историей. Говоря словами его же литературного героя, «история привлекала его неточностью. Там был простор домыслу»¹. Его необычайно привлек образ Петра Великого. В каком-то смысле он занял в его сердце место В. И. Ленина.

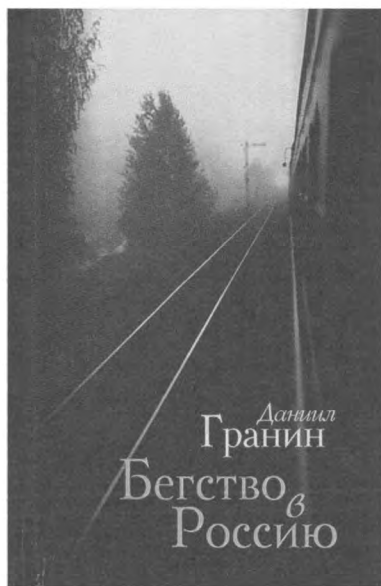
Даниил Александрович стал налаживать отношения с талантливыми историками, особенно с петербургскими. Он был хорошо знаком с академиками РАН А. А. Фурсенко, Б. В. Ананичем, членом-корреспондентом РАН Р. Ш. Ганелиным, профессорами В. И. Старцевым, В. М. Ковальчуком, Д. Н. Альшицем, Е. В. Анисимовым, Ю. Н. Беспятым. Из молодежи очень ценил О. Н. Кена и С. В. Ярова. Два этих ярких историка, к огромному сожалению, рано ушли из жизни. Они были не только самобытными исследователями, но и замечательными людьми. Мне до сих пор очень не хватает наших с ними встреч, телефонных звонков и долгих разговоров о событиях 1917–1945 гг., да и обычного житейского общения, которое было пропитано взаимной приязнью. Не сомневаюсь, что Д. А. Гранину общения с ними тоже не хватало.

У писателя сложились прочные отношения с талантливой супружеской парой, переехавшей много лет назад из нашей страны на жительство во Францию, — Д. Ю. и И. Д. Гузевич. Даниил Александрович принимал участие в осуществлении их замечательного проекта, связанного с деятельностью

1 Гранин Д. А. Однофамилец: Повести. С. 119.

Титульный лист книги «Все было не совсем так»

Обложка книги «Бегство в Россию»

Петра Великого. В 2003 г., в частности, вышло в свет их исследование «Великое посольство»¹, о котором профессор Е. В. Анисимов писал, что оно займет в историографии «особое место», поскольку «ничего более полного, а в некоторых аспектах даже исчерпывающего, на эту тему до сих пор в России и за границей не издавалось»².

Д. А. Гранин стал основательно интересоваться вопросами генеалогии и даже участвовал в работе одной из генеалогических конференций в Петербурге³. Со временем в сфере истории у него образовалось пять основных направлений интересов: история Петра Великого и его времени, история Петербурга-Петрограда-Ленинграда, история блокады Ленинграда, история науки и история

1 Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство. СПб., 2003. 312 с.

2 Там же. С. 5.

3 Гранин Д. А. Возвращение старой науки, которая заставляет гордиться своими предками или стыдиться их поступков // Новое время. 1992. № 50. С. 52–53.

персоналий. Такое разделение, конечно, весьма условно. Некоторые из этих направлений вбирали в себя другое или его часть. Думаю, сам Даниил Александрович таким дроблением не занимался. Он просто с увлечением занимался тем, о чем мечтал в раннем детстве. Его потенциал историка-исследователя был огромен. У него было редкое сочетание способностей: внимание к деталям он соединял с масштабным видением исторических проблем.

Разочаровавшись в политике и в политиках, он все же не сумел отказаться от участия в политической жизни России. Вероятно, время было такое, что он со своим авторитетом порядочного человека был необходим новому руководству страны. Под разговоры Б. Н. Ельцина и его команды о демократии набиравшие силы олигархи бодро занимались распилом того, что осталось от СССР. Д. А. Гранин искал успокоение в продвижении идеи милосердия и поисков силы России в ее историческом прошлом. По существу, он занимался исторической алхимией, что вполне устраивало новых аппаратчиков.

Потеряв какие-либо политические ориентиры, Даниил Александрович пытался нащупать новый стержень своих взглядов в православной культуре, хотя продолжал оставаться атеистом. 1 января 1992 г. «Литературная газета» выпустила интервью с ним под заголовком «Уныние — великий грех»¹. Если честно, обращение к человеческим эмоциям как к главному мотиватору его поступков мне кажется сомнительным. Невольно вспомнилась последняя, кажется, предвыборная кампания Б. Н. Ельцина, который, исчерпав ресурсы доверия россиян, с подачи своих политтехнологов взывал: «Голосуй сердцем, а то проиграешь». Полный бред, если вдуматься, но сработало. Не знаю, по этому поводу или по какому-то другому, писатель спустя годы афористично заметил: «Не от большого ума, но от чистого сердца»².

Но суть христианства писатель понимал прекрасно: «В христианской религии есть жертвенность. Человек

1 Гранин Д. А. Уныние — великий грех // Литературная газета. 1992. 1 янв. С. 3.

2 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 229.

приносит в жертву себя, эта религия не требует приносить в жертву других»¹. В каком-то смысле он и о себе говорил, потому что был воспитан в православных традициях.

Не смог Д. А. Гранин отказаться от борьбы внутри бывшей Всесоюзной писательской организации, которая разделилась на сторонников и противников Б. Н. Ельцина. Даниил Александрович отказался от участия в работе IX съезда писателей, обличив многих своих коллег в непонимании сути происходивших событий².

После распада СССР Д. А. Гранин вошел в состав Президентского Совета Б. Н. Ельцина. Подтрунивал сам над собой, подчеркивал свой непрофессионализм, но видел в этом органе некое Знамение³. В очередной раз проявил какую-то детскую доверчивость к нечистоплотным людям! Рассуждал о том, что в сложившихся в стране условиях россияне должны рассчитывать только на себя⁴. Тут он расходился во взглядах с президентской администрацией. Те вели государство к еще большей зависимости от США, но делали это не от глупости, а по «необходимости»: многие российские политики и олигархи, как известно, вкладывали свои деньги в американскую экономику.

Надо отдать должное Даниилу Александровичу, он всей душой восстал против российского олигархата: «Вот олигархи, которые захватили народные достояния лесов, недр, земель, жилья и получили миллиарды — за что? Они ничего не изобрели, не открыли в науке, ни в экономике, ни в производстве, ничего не дали обществу, тем не менее стали владельцами огромных состояний, в основном по праву захватчиков, «окупантов»»⁵.

1 Гранин Д. А. Бегство в Россию. М., 2014. С. 235.

2 Гранин Д. А. и др. Открытое письмо делегатам IX съезда писателей // Литературная газета. 1992. 13 мая; Он же и др. Участвовать не намерены // Там же. 1992. 20 мая С. 4.

3 Гранин Д. А. О Президентском Совете глазами обывателя // Общая газета. 1993. 17–23 сент. С. 1.

4 Гранин Д. А. «Нам надо надеяться только на себя...» // Невское время. 1993. 6 февр.

5 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 38.

Летом 1992 г. в России началась «ваучеризация всей страны» — одно из самых циничных надругательств власти над своим народом. Трогательная идея государства: каждый взрослый россиянин получал свой кусочек общегосударственной собственности в виде ваучера, которым мог распорядиться по своему усмотрению. Огромное количество россиян обменяли свои ваучеры на бутылку спирта, которую можно было «приватизировать» в любом ларьке. Люди непьющие и малопьющие, которые в России тоже были, попытались стать акционерами каких-либо предприятий или продали им ваучеры. Не знаю, во что вложил свой ваучер Д. А. Гранин. Думаю, он и сам не помнил.

Во время осенних событий 1993 г., которые чуть не привели к гражданской войне в России, писатель продолжал оставаться сторонником Б. Н. Ельцина. Он не лез в гущу политической борьбы, но и позицию свою не скрывал: надо лишить коммунистов власти, за которую они еще пытались держаться¹. Странно это было слышать от человека, который еще недавно ратовал за Перестройку, но перестроечники ничего не перестроили, а только завели страну в тупик. Политические, экономические завалы, да и культурные тоже, кому-то надо было в России разгрести.

Вроде бы актуально звучали слова о том, что «коммунисты по-хорошему не уходят»², но почему только коммунисты? Никакая власть ни в одной стране просто так не уходит. Это аксиома, которую деятели культуры не могли не знать. Но им хотелось порассуждать на злобу дня. На злобу — получилось.

Если с процессом политического предвидения у Даниила Александровича дела обстояли не очень хорошо, то с волевыми качествами все было прекрасно. На 76-м году жизни он сохранил интуитивное понимание того, что при всех политических ситуациях, меняющихся непрерывно, есть более глобальное явление — процесс развития Человечества и Человека. Вот именно ему, Человеку, и продолжал служить

1 Гранин Д. А., Адамович А. М., Рязанов Э. А. Коммунисты по-хорошему не уходят // Известия. 1993. 30 нояб. С. 4.

2 Там же.

писатель. Он писал о том, что в его годы уже нельзя быть пессимистом¹, и это была достойная человеческая позиция.

Бескомпромиссная борьба политиков за власть в России, подстегивавшаяся переделом «постсоветского пирога», конечно, усиливала хаос в стране и доводила обнищание ее жителей до крайности. Особенно страдали старики, не имевшие сил и не знавшие в силу советского воспитания, как приспособиться к новым временам. Страдала и значительная часть интеллигенции, не умевшая или не желавшая подстраиваться под новые нравственные ценности. В 1993 г. инфляция набирала обороты с невероятной скоростью. Студенты на занятиях в Петербургском политехе доносили меня множеством вопросов, на которые я и сам искал ответы. Так что порой искали сообща. Помню, на одной из лекций по истории России меня спросили, что такое гиперинфляция. Я ответил, что это когда покупаешь пирожок за десять рублей, а откусываешь от него сразу на сто. Помню, что аудитория смеялась и я вместе с ней. Чувство юмора выручало, и оптимизм, о котором писал и говорил Даниил Александрович, тоже.

К счастью, в россиянах сохранялось, кроме этого, часто и сострадание к ближнему. Не забуду, как в декабре 1993 г. в один из дней я возвращался домой поздно, проведя со студентами-вечерниками две пары занятий. Позади были и шесть часов занятий со студентами дневного отделения. Мне тогда еще не было и сорока лет, так что я спокойно переносил большие нагрузки, но вот есть хотелось очень. Подойдя к станции метро «Площадь Мужества», я решил купить что-нибудь перекусить. Денег было немного, и я стал расспрашивать пожилую лоточницу, сколько какая булочка стоит, поскольку ценников на лотке не было. Она, задумчиво глядя на меня и на мой потертый портфель, вдруг спросила:

- Сынок, ты из Политеха?
- Да.
- Доцент?

1 Гранин Д. А. Мне уже поздно быть пессимистом // Вечерний Петербург. 1993. 22 нояб.

– Да нет, профессор...

– Профессор?!.. Ну, возьми булочку бесплатно...

На булочку у меня денег хватило, и я расплатился.

31 декабря 1993 г. случилось большое несчастье: умер замечательный поэт и близкий друг Д. А. Гранина М. А. Дудин. Они были почти ровесниками: Михаил Александрович лишь на год с небольшим старше Даниила Александровича.

У меня с этим поэтом были странные ассоциации. Мне казалось, что это – Д. А. Гранин, только не в прозе, а в поэзии. Я очень любил и люблю его стихи, в том числе и те, что были написаны «на грани фола». И человек он был очень симпатичный. Я видел и слышал его только раз. Это было в 1975 г. в Доме книги на Невском проспекте. Он и другие ленинградские поэты читали свои стихи, раздавали автографы. Запомнились его подтянутость и веселое подвижное лицо. Внешне и по характеру он совсем не походил на Д. А. Гранина, но я видел в них обоих близкое родство душ.

Декабрь 1993 г. – тяжелое для России время. Страна еще не пришла в себя после расстрела «Белого дома» в Москве. По-моему, в газетах не было даже статей в память об этом талантливом поэте. Лишь год спустя, за день до годовщины смерти М. А. Дудина, в «Санкт-Петербургских ведомостях» были опубликованы воспоминания Д. А. Гранина о нем¹. В 1995 г. из печати вышел сборник воспоминаний о Михаиле Александровиче, в котором был и материал Д. А. Гранина².

Д. А. Гранин весь 1993 г. напряженно работал над романом «Бегство в Россию». Втягивание России в орбиту политических и экономических интересов США у многих россиян вызывало реакцию отторжения. Часто просто срабатывал инстинкт самосохранения. Российские средства массовой информации того времени дружно вдалбливали россиянам, что нам во всем нужно учиться у Штатов, что мы – их глупые ученики и всякое тому подобное. Дани-

1 Гранин Д. А. Будь! // Санкт-Петербургские ведомости. 1994. 30 дек.

2 Гранин Д. А. Будь! // «Будьте, пожалуйста!»: Друзья вспоминают М. Дудина. СПб., 1995. С. 5–10.

ил Александрович писал роман о другом: о том, как два американских инженера-радиотехника в 1956 г. приехали в Советский Союз из США, чтобы развивать советскую радиоэлектронную промышленность. Правда, в конце концов они «сломались» из-за взаимодействия с нашей управленческой машиной, но сам факт, что американцы работали на СССР, был моментом оптимистичным.

Роман «Бегство в Россию» писался и издавался уже в новых условиях – в условиях постсоветской нищеты. О головокружительных тиражах времен СССР мечтать не приходилось, но технологии «раскручивания» гранинских произведений были отработаны до мелочей. В апреле и в сентябре 1994 г. фрагменты нового литературного труда были опубликованы в газетах¹, а во второй половине того же года – в журнале «Новый мир»². Лишь в 1995 г. роман удалось издать в Москве тиражом 10 000 экземпляров³. В том же году небольшой отрывок из романа был опубликован в газете «Труд»⁴.

В начале 2014 г. роман скромным тиражом 4000 экземпляров был издан на русском языке в Германии⁵. Но его мало кто заметил, поскольку он растворился мгновенно.

В этом произведении Даниилу Александровичу по-прежнему удавалось «держать планку» классика современной литературы. Роман держал в напряжении от начала до конца. Это был не шпионский детектив, а интересная история двух иностранных ученых, пытавшихся приложить свой талант к советской действительности. Автор обличал советскую систему, в которой новые технологии пробивались, как в замедленном кино, а порядочные предприимчивые уче-

1 *Гранин Д. А.* Рассказ врача. М.: Отр. из романа «Бегство в Россию» // Россия. 1994. 13–19 апр. С. 12; *Он же.* Бегство в Россию: Отрывок из романа // Санкт-Петербургские ведомости. 1994. 16 апр.; *Он же.* Жена для пана Брука: отрывок из романа «Бегство в Россию» // Крестьянские ведомости. 1994. 26 сент. С. 8–9.

2 *Гранин Д. А.* Бегство в Россию // Новый мир. 1994. № 7. С. 88–131; № 8. С. 73–154; № 9. С. 70–147.

3 *Гранин Д. А.* Бегство в Россию. М., 1995.

4 *Гранин Д. А.* Склероз разума: Отрывок из романа «Бегство в Россию» // Труд. 1995. 28 янв.

5 *Гранин Д. А.* Бегство в Россию. М., 2014.

ные – организаторы производства – становились белыми воронами. Обидно читать такое. И еще обиднее от того, что это правда. Произведение, как всегда у Д. А. Гранина, насыщено короткими емкими формулировками. Например: «История американских фирм – это история остроумных идей»¹. Симпатичное наблюдение. Или другое, про тех же американцев: «После войны они чувствовали себя победителями больше, чем русские»².

В романе дана великолепная характеристика У. Черчиллю и его шагов по развязыванию холодной войны³.

Высказывания героев романа порой афористичны, что не может не нравиться: «...меня, например, спросили в том же райкоме, зачем я пью, я им сказал – затем, чтобы выпить, и они сочли мой ответ исчерпывающим»⁴.

Роман «Бегство в Россию» был замечен читателями и критикой. Отдельное издание этой книги купить было трудно. Мне повезло: я купил последний экземпляр с лотка на Московском вокзале, заплатив за нее ненамного меньше, чем стоил мой билет из Петербурга в Москву на «Красную стрелу».

В конце января 1994 г. в возрасте 66 лет скоропостижно, после второго инфаркта, умер А. М. Адамович, один из душевнейших друзей Даниила Александровича. Д. А. Гранин, как известно, не любил соавторство. Но с Алесем Михайловичем он очень успешно занимался сотворчеством. Их «Блокадная книга» – образец не только документальной прозы, но и авторского сопереживания героям книги. Алесю Адамовичу Д. А. Гранин посвятил проникновенные строки, опубликованные в «Вечернем Петербурге»⁵. Через год статью-воспоминания о своем друге он поместил в журнале «Вопросы литературы»⁶.

1 Гранин Д. А. Бегство в Россию. М., 2014. С. 13.

2 Там же. С. 308.

3 Там же. С. 24–26.

4 Там же. С. 297.

5 Гранин Д. А. Умер, как на войне (памяти А. Адамовича) // Вечерний Петербург. 1994. 27 янв.

6 Гранин Д. А. Мой друг Алесь // Вопросы литературы. 1995. Вып. 1. С. 315–322.

А. М. Адамовича не стало, но в жизни Д. А. Гранина, кроме печали о друге, осталась верность теме блокады Ленинграда. Она была для него темой непарадной, болезненной. Но при этом он никогда не спекулировал на страданиях ленинградцев – он просто их понимал, ценил и сострадал им.

Д. А. Гранин в первой половине 1990-х гг., в период первых постсоветских лет, вновь искал жизненные ориентиры, перемалывая собственное прожитое. Он не отказывался от него, а переосмысливал его. В дальнейший путь по жизни он брал то, что, как ему представлялось, выдерживало испытание временем. В прошлом оставлял то, что стало казаться ему ложным. Мне часто приходилось слышать о том, что Д. А. Гранин «умел держать нос по ветру», приспособиваясь к любой власти. Каждый видит то, что желает видеть. Не стану спорить со сторонниками такой точки зрения, потому что споры никогда не приводят к выявлению истины, а порождают лишь новые споры.

Но, как я понимаю, для Д. А. Гранина в первую очередь было важно жить в ладу с собственной совестью. С ней он не умел заключать компромиссы. Однако мог переосмысливать время и свое место в нем. Мог признавать собственные заблуждения. Но все это он делал исключительно сам. Любое вторжение в свою духовную жизнь пресекал, как вторжение врага на территорию родного государства. Не любил советы, критику со стороны – они его раздражали и выводили из себя, даже если были обоснованными. Он работу в своей душе всегда делал сам. И эта работа была его постоянным делом.

Да, в 1990-е он поддержал Б. Н. Ельцина. Но поддержал не его, а перемены в России, на которые очень надеялся. К Борису Николаевичу, как и к власти вообще, он симпатии не испытывал. Изучал его с любопытством биолога, рассматривавшего лягушку в разрезе, и не более.

Даниил Александрович четко знал свое место в социальной жизни государства. Он осознавал благосклонность постсоветского руководства, но никогда не пользовался ею в своих интересах. Попросить за кого-то – мог и просил часто, но для себя никаких привилегий не просил: он был

фантастически гордым и самолюбивым человеком. Не знаю, что могло бы заставить его унизиться перед кем-либо.

Он был совершенно безразличен к материальным благам: жил просто, одевался скромно, ел по-стариковски обычную здоровую копеечную пищу. Он не был аскетом, но жил только писательством. Все остальное было для него приложением к той, главной, жизни.

Весной 1996 г. в России, насколько я помню, проходила мощная предвыборная кампания. Главными претендентами на президентский пост были Б. Н. Ельцин и Г. А. Зюганов. Шансы коммунистов были очень велики, чему способствовали разруха в стране и война в Чечне. Положение по сравнению с казавшимся прежде ужасным 1991 г. было гораздо более тяжелым. Конечно, мои воспоминания субъективны, но помню, что очень многие люди собирались голосовать за коммунистов, но при этом все понимали, что Б. Н. Ельцин все равно победит. За неделю до выборов одна очаровательная молодая женщина, дочь депутата Государственной думы, рассказала мне анекдот про то, как Борис Николаевич проснулся утром после выборов и помощник сообщил ему, что Г. А. Зюганов набрал 51% голосов. Увидев испуганные глаза Б. Н. Ельцина, помощник поспешил сказать: «Не беспокойтесь, Борис Николаевич, у вас голосов — больше!» По-моему, так в конце концов и получилось. Но сейчас не об этом. Важно то, что в первой половине 1996 г. Д. А. Гранин активно призывал голосовать за Б. Н. Ельцина. В печати Даниил Александрович сообщал о том, что в советские времена он не имел возможности писать в своих произведениях правду, а при Б. Н. Ельцине такая возможность появилась¹.

Мне как читателю это казалось очень странным, потому что все то, о чем писал Даниил Александрович в разные годы, мне виделось верхом искренности. Этим-то во многом его произведения и подкупали. Ну как можно сказать, что в романе «Иду на грозу» писатель что-то недосказал? В таких заявлениях я видел неискренность, которой в его

1 Гранин Д. А. У меня не было свободы писать // Литературные вести. 1996. № 2. С. 3 («Я выбираю Ельцина».)

литературных трудах не было. Но это мое восприятие. Я мог и ошибаться.

В «Российской газете» Д. А. Гранин сообщал, что в былые времена он не мог говорить то, что считал нужным¹. В этом тоже у меня были сомнения. Во всяком случае, к моменту публикации той статьи в апреле 1996 г. он мог говорить все что угодно уже 11 лет. За такое время многие люди даже успели устать от правды. Так что подобные выступления в печати Даниила Александровича мне не казались искренними, а скорее, наоборот, отдавали конъюнктурой. Но ведь он никогда не был конъюнктурщиком! В таких случаях обычно говорят: «Бес попутал». Не знаю, бес ли, но что-то на ту гранинскую неискренность влияло. Были какие-то мне неизвестные рычаги. Д. А. Гранин, как и миллионы россиян, видел неэффективность ельцинской политики. Да и сама persona Бориса Николаевича, часто несшего с экрана телевизора полнейшую околесицу, не вызывала симпатии. Но дело ведь не в конкретном формальном лидере, а в тех людях, которые стояли за его спиной и реально определяли государственную политику. Политика была явно антинародная. Зачем ее нужно было поддерживать, я не знаю. Как-то не по-гранински это.

Как известно, в июне 1996 г. Б. Н. Ельцин президентские выборы выиграл, над чем зло и обреченно смеялись те, кто голосовал против него. Я тогда голосовал за А. Г. Тулеева. Я всегда голосовал за него, если он выдвигал свою кандидатуру на президентские выборы. Мне что Б. Н. Ельцин, что Г. А. Зюганов, было почти все равно.

Анализируя с разных сторон внутривнутриполитическую ситуацию в стране, поступки, совершавшиеся Д. А. Граниным, я пришел к выводу, что во многом середина 1996 г. стала для него переломным периодом. Он окончательно разуверился в российских политиках. У него сформировался новый замысел, суть которого состояла в том, чтобы способствовать гуманитарному развитию страны, не столько

¹ Гранин Д. А. У меня не было свободы говорить // Российская газета. 1996. 6 апр. С. 3 (Прил. «Дом и отечество», № 3).

отойдя от политической борьбы, сколько вообще воспарив над политической схваткой в России. Именно с середины 1996 г. Даниил Александрович особенно четко стал воспринимать свою страну, которую по-прежнему искренне любил, частью мирового пространства. Он был убежден, что Россия должна развиваться, опираясь на достижения мировой цивилизации. Мысль не новая. Новым было то, что Д. А. Гранин брал на себя личные обязательства быть посредником между Россией и Западом в гуманитарной сфере.

Спустя многие годы, когда Даниила Александровича уже не стало, в одной из интернет-публикаций я прочитал слова, с которыми согласиться не могу, но считаю, что их нужно процитировать: «...для самого Гранина не стало ничего страшного в том, что он стал сотрудничать с Институтом Сороса в “Открытом обществе”. Главная цель этого института — формирование общественного сознания в прозападном духе, издании книг, учебных пособий, в которых фальсифицируются события российской истории, навязываются западные ценности и утверждается превосходство западной культуры над российской. В исполнительный комитет и наблюдательный совет Института Сороса вошли Г. Бакланов, Д. Гранин, В. Войнович, О. Басилашвили, Т. Заславская. Общий размер финансовых средств, направленных через фонд Сороса на подрывную деятельность в России, превышает 100 млн долларов»¹.

Фонд Сороса активно работал в России с 1996 по 2001 г. Я не сторонник и не противник этого фонда. Не сторонник, потому что не ощутил от его присутствия в нашей стране никакой пользы. Не противник, потому что не испытал, по крайней мере на себе, его вредоносной силы. Но это не все. Ситуация вокруг фонда нуждается в пояснении. Все то, о чем писала в своей публикации И. Сачева, я не могу ни оспорить, ни подтвердить. Мне неизвестно, откуда появились у нее сведения о 100 миллионах долларов и насколько они достоверны. Что касается вредоносного

1 Сачева И. Умер Даниил Гранин. URL: <http://www.stihi.ru/2017/07/08/6252> (дата обращения — 24.08.2018).

влияния фонда на формирование мировоззрения россиян, то хочу высказать свое мнение.

Сам процесс прихода структур фонда Сороса в РФ нужно рассматривать в динамике, иначе мы ничего не поймем. Хочу напомнить, что в середине 1990-х гг. нашему государству было не до духовной жизни россиян. Оно, это государство, точнее, его политическая верхушка и те, кто ею руководил, активно занимались присвоением себе бывшей общенародной собственности. 2–3% российской новоиспеченной элиты были сами по себе, 97–98% населения – сами по себе. По существу, эти самые 97–98% были бесхозными. Старики загибались и умирали от нищеты, люди среднего возраста, особенно мужчины, спивались и садились в тюрьмы, молодежь пыталась как-то выкарабкаться, а дети жили своей детской жизнью – кому как повезет. Мозги россиян были свободны от какого-либо влияния. Кто-то довольствовался интеллектуальной базой, приобретенной при социализме. Кто-то просто хотел вкусно поесть и попить, одеться в красивое, покататься на чем-нибудь быстром и престижном. Но значительная часть жителей страны нуждалась в том, чтобы разобраться в ситуации, и еще небольшая часть (в основном ученые-гуманитарии) были готовы изложить свои мысли по поводу ситуации в России и в мире на бумаге. Желательно – за деньги. А еще лучше – за большие деньги. Вот тут-тот фонд Сороса пришелся как нельзя кстати. Но не будем забывать о нашей ментальности. Россияне, особенно вышедшие из советского общества, а не родившиеся в постсоветское время, – люди искренние и доверчивые. Творческие люди – в особенности. При бездействии власти писателям, артистам, художникам очень легко было поверить в западный гуманизм. Тогда в России вообще очень многие верили, что Запад хочет спасти рухнувший Советский Союз, в том числе и его главный осколок – Российскую Федерацию. Д. А. Гранин при всей своей мудрости и житейском опыте, попав в новую внутривнутриполитическую ситуацию, поверил Соросу и согласился на активное сотрудничество с ним. То, что при этом он не нажил себе капитал, я знаю точно. Мне приходилось много раз бывать в его доме: очень скромная квартира,

очень скромная мебель. Правда, много книг. Насколько я знаю, и автомобиля у Даниила Александровича не было. Какое-то время был служебный автомобиль. По-моему, он появился после того, когда Даниил Александрович стал почетным гражданином Санкт-Петербурга. Еще была дача в Комарово. На даче Д. А. Гранина мне бывать не приходилось, но мимо проходил несколько раз. Дача как дача, ничего особенного. Так что сотрудничество с фондом Сороса — это лишь очередное проявление писателем своей доверчивости к людям. И не более того.

В 1996 г. случилось и еще одно важное изменение в мировоззрении и в поступках Даниила Александровича. Он во многом переосмыслил свое отношение к бывшим противникам — к военным служащим вермахта. На эту крайне болезненную тему мне трудно размышлять, поскольку я до сих пор воспринимаю позицию Д. А. Гранина по этому вопросу с очень большими оговорками. Понимаю, что в этом больше эмоций, чем разума, но все равно это так. Я не понимаю, как Даниилу Александровичу, человеку, прошедшему войну, перенесшему многочисленные тяготы фронтовой жизни, ранения, удалось преодолеть себя и, будучи атеистом, настолько полюбить ближнего. В частности, того ближнего, который стрелял в него и его близких.

Наше поколение, рожденное вскоре после войны, было воспитано не только на ненависти к фашизму, но во многом и на ненависти к немецкой нации. Мы имели представление о Шиллере и Гете, с почтением приходили на могилу Канта, но при слове «немец» всегда внутренне сжимались. Даже я, человек много десятилетий дружащий с немцем Александром Бернгардтом (мы дружим и сейчас, ездим друг к другу в гости), до сих пор не могу побороть в себе не ненависть, но чувство боли от того, что на войне погибли мои родные. Хотя не все так просто. Во время Великой Отечественной войны село на Украине, откуда родом мои родители, находилось в оккупации. Когда я был ребенком, видел в каждом дворе перевернутые немецкие каски, в которые хозяева наливали курам и уткам воду. У многих мужчин хранились немецкие кинжалы, которыми жители села резали поросят. Из таких вот мелочей у меня

в детстве выросло представление о немцах, об оккупации. Сосед из того села рассказывал мне, как, будучи ребенком, танцевал в красных шароварах на огромном сундуке в хате под аккомпанемент немецкого солдата, игравшего на губной гармошке. А человек десять других немецких военнослужащих сидели вокруг сундука, как в театре, смеялись и аплодировали. Испуганной матери ребенка они говорили, показывая на красные шаровары малыша: «Russische Partisanen!» – и добродушно гоготали. Правда, известно было и то, что километрах в пяти от нашего села, в карьере, немцы расстреляли несколько сотен евреев, которых пригнали по шляху из городка Златополя, где традиционно, еще с доекатерининских времен, проживало много евреев. Так что мое отношение к немцам формировалось непросто. Непросто и становилось иным.

Д. А. Гранин ничего не забывал о той войне. Его боль от того, что он потерял во время боев своих сослуживцев, в том числе и близких друзей, наверно, с годами притуплялась, но совсем пройти не могла. Однако приходило осознание того, что смерть – мощное средство сглаживания отношений между живущими. 22 июня 1996 г. неожиданно для очень многих в «Невском времени» появилось интервью с писателем, которое было озаглавлено «Мертвые не воюют. Они призывают к примирению»¹. Спустя два месяца в газете «Час пик» появилась его статья о солдатских кладбищах в Европе². Меньше чем через год в общероссийской газете «Труд» появилась его статья «Мертвые не воюют»³.

Хорошо помню, что большинство соотечественников, по крайней мере из числа тех, с которыми мне приходилось в то время общаться, расценивали позицию Даниила Александровича как непатриотичную, а порой даже как враждебную, предательскую. Я с ними не был согласен. Но и с Д. А. Граниным тоже не соглашался. Не могу точно сформулировать свою позицию. Могу лишь сказать, что

1 Гранин Д. А. Мертвые не воюют. Они призывают к примирению // Невское время. 1996. 22 июня.

2 Имя его известно Богу...: Д. Гранин о солдатских кладбищах в Европе // Час пик. 1996. 29 авг. С. 3.

3 Гранин Д. А. Мертвые не воюют // Труд. 1997. 19 июня.

сейчас я, пожалуй, ближе к тому, что писал Д. А. Гранин более двадцати лет назад. Но для этого мне нужно было многое переосмыслить, подружиться со многими немецкими историками и простыми немцами, побывать в Германии, поработать в архивах Берлина и Фрайбурга. В общем, много чего должно было произойти, прежде чем во мне что-то переменилось. Думаю, что на моих взглядах, как ни странно, сказалась и давняя поездка в Подмоскowie, на место Бородинского сражения. Помню, как меня поразило то, что там почти рядом были две ухоженные братские могилы: одна – могила русских солдат, другая – французских воинов. Глядя на братскую могилу французов, я вдруг очень четко осознал, что во мне нет ненависти к французам. Есть лишь глубокая печаль по поводу того, что так сложилась История, что погибло так много людей, которые могли не только прожить еще долгие годы, но и дать жизнь другим поколениям. Размышления об этом были, а вот ненависти – нет. Вероятно, та поездка в Бородино стала одной из ступенек восхождения к пониманию какого-то нового смысла событий, происходивших в 1941–1945 гг. Печаль и скорбь начали постепенно вытеснять ненависть. Думаю, что так и должно быть.

Даниил Александрович не скрывал своей человеческой позиции: «Мы виноваты в том, что уничтожили немецкие воинские кладбища, финские кладбища на Карельском перешейке. Сейчас наконец появилось воинское захоронение под Петербургом – Сологубовское, где перезахоронено 20 тысяч немецких воинов. Работы проводились вместе с Немецким народным союзом по уходу за воинскими кладбищами. Есть в Германии такой, довольно солидная организация. Главная их забота – уход. Воинские кладбища немецких солдат раскиданы по всей Европе, и всюду Союз содержит их в порядке»¹.

Много лет назад один мой знакомый показал мне страшную фотографию: в Екатерининском парке г. Пушкина, на фоне знаменитой скульптуры «Девушка с кувшином», воспетой А. С. Пушкиным и А. А. Ахматовой, – стройные

1 Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 268.

ряды немецких надгробных крестов с касками. Я сказал, что этого не может быть, что я много раз проходил рядом с этим местом — там просто зеленый газон! «Да, теперь там просто зеленый газон», — со значением сказал он. В 340 метрах от того места — Камеронова галерея, где в начале сентября 1941 г. располагался штаб полка, в котором воевал Д. А. Герман. Прямо мистика какая-то.

1996 г. стал еще одной важной точкой отсчета в творческой жизни Д. А. Гранина и в его жизни вообще. Он с головой ушел в размышления о Петре Великом. Размышления подкреплялись чтением научной литературы, активным общением с крупными специалистами в области изучения петровской эпохи, в том числе с петербургскими докторами наук, профессорами Е. В. Анисимовым и Ю. Н. Беспятыми. Эти два совершенно разных, но по-своему удивительно одаренных ученых существенно повлияли на мировоззренческую позицию Даниила Александровича. Юрий Николаевич Беспятых даже стал научным редактором его романа «Вечера с Петром Великим». Что же касается Евгения Викторовича Анисимова, то хорошо помню, что Д. А. Гранин очень ценил его не только как историка, но и как человека. Мне почему-то импонировало то, что Е. В. Анисимов иногда подвозил Даниила Александровича на различные научные мероприятия, в том числе на презентации книг по истории, не только связанные с Петром I, но и по другой проблематике. Было в таком общении что-то доверительное, очень человеческое.

Формирование в сознании Д. А. Гранина представлений о первом русском императоре — процесс очень сложный. А его описание, думаю, еще более трудное дело. Там были свои ступеньки восхождения на вершину познания. Как мне представляется, только осенью 1996 г. Даниил Александрович решился поделиться своими размышлениями о Петре Великом с читателями. В октябре в «Российских вестях» была опубликована глава из его будущего романа «Вечера с Петром Великим»¹, а через полтора месяца

1 Гранин Д. А. Два самодержца: [Глава из романа «Вечера с Петром Великим»] // Российские вести. 1996. 10 окт.

появилась публикация под названием «Иной вариант Петра»¹. Д. А. Гранин действительно представил государя не таким, каким его видели читатели и даже профессиональные историки. В его интерпретации Петр Алексеевич был человеком мятущимся, эмоциональным, сомневающимся и, несмотря на суровость времени, бесконечно добрым. Я до сих пор не могу привыкнуть к такому видению Петра. Помню, после прочтения книги «Вечера с Петром Великим», которую в 2001 г. Даниил Александрович мне подарил, я посмел сказать, что роман мне далеко не во всем понравился. Свое мнение я кое-как аргументировал, хотя, общаясь с Даниилом Александровичем, всегда робел. Д. А. Гранин встретил мои аргументы очень резко. Ни с чем не согласился и насупился, надолго отбив у меня охоту высказывать ему в глаза мнение, которое противоречило бы его взглядам.

Не только роман «Вечера с Петром Великим», до окончания написания которого было еще далеко, но и вообще многочисленные проекты, связанные с изучением личности Петра I и его вклада в развитие России, были не просто долгосрочным, а, может быть, главным социальным проектом его жизни. Фактически осмыслением могучей фигуры Петра Великого и всего того, что он сделал для истории не только России, но и всей Европы, он занимался весь постсоветский период своей жизни.

Когда отшумели предвыборные баталии весны-лета 1996 г. и средства массовой информации взяли небольшой тайм-аут от обслуживания власти, наружу, как тараканы, стали вновь выползать насущные социальные проблемы. Нищета россиян, рост преступности, торжество хамства и жлобства стали так давить на сознание людей, что Д. А. Гранин не мог этого не замечать и не мог об этом молчать. Еще до выборов он предрекал, что вместо «новых русских» в России появятся прежние завмаги², но он не учел масштабов этого процесса. Он говорил о причинах,

1 Гранин Д. А. Иной вариант Петра: [Глава из романа «Вечера с Петром Великим»] // Вечерний Петербург. 1996. 29 нояб.

2 Гранин Д. А. И вместо «новых русских» воскреснут прежние завмаги // Вечерний Петербург. 1996. 29 марта.

повлекших за собой взрыв вагона в московском метро¹, писал об увеличении масштабов уличной преступности², увязывал внутривластную ситуацию с внешней политикой России³. Но то была больше констатация фактов, обличение той власти, к утверждению которой он еще недавно призывал избирателей.

Особенно заметным было то, что Д. А. Гранин никак не комментировал события, в той или иной мере связанные с Чечней. Не знаю, почему он ничего не писал о войне в Чечне и о той трагедии, которая тогда захлестнула всю нашу страну. Возможно, потому, что не ощущал в себе силы сказать о сложившейся ситуации правду.

Д. А. Гранин всегда был символом советской, российской интеллигенции, олицетворял ее лучшие качества. Во всяком случае, так мне казалось в прежние годы, так я считаю и сейчас. Он словно прививал себе все ее болезни, переболел ими, чтобы не быть в стороне от печалей, которые одолевали общество. На мой взгляд, к 1997 г. писатель окончательно разуверился в способности интеллигенции эффективно влиять на жизнь нашего государства. Он отмечал, что ее роль в происходивших в стране процессах стремительно уменьшалась, что интеллигенция очень быстро растворяется в коммерциализации, пронизавшей всю Россию насквозь⁴. Он с горечью писал об исходе интеллигенции под воздействием бездушного прагматизма, который так быстро охватил страну⁵. Об интеллигенции он много размышлял и писал. Его рассуждения были пессимистичными, но, к сожалению, они честно отражали тенденции времени. Интеллигенция уничтожалась и еще больше самоуничтожалась, не выдерживая напора новых перемен. Сложилась парадоксальная ситуация: люди, пришедшие

1 *Гранин Д. А.* [О взрыве вагона в московском метро] // *Коммерсант-daily*. 1997. 2 июля. С. 20.

2 *Гранин Д. А.* [Об уличной преступности] // Там же. 12 нояб. С. 16.

3 *Гранин Д. А.* Величие страны определяется не ядерными боеголовками, а мудрыми головами // *Комсомольская правда*. 1997. 27 дек. С. 4.

4 *Гранин Д. А.* Интеллигенция: что с ней? Где она? // *Час пик*. 1997. 17 сент. С. 5.

5 *Гранин Д. А.* Русский интеллигент уходит // *Известия*. 1997. 5 нояб.

во власть, считали себя интеллигенцией, сохраняя в себе лишь внешние ее атрибуты: образованность, вежливость, чистоту речи. Но они начисто лишились стержня интеллигентности – сострадания к ближнему, сопереживания его боли. Эти люди были даже не технократами. Политократы и бизнесократы подменили собой большую часть интеллигенции, выдавив ее на обочину истории. Так, вероятно, в древности сильные племена выдавливали со своих территорий более слабые.

К началу второй половины 1990-х гг. в Петербурге осталось не так уж много заметных представителей творческой и научной интеллигенции. Академики Д. С. Лихачев, Ж. И. Алферов, Ю. С. Васильев, Б. В. Ананьич, А. А. Фурсенко, композитор А. П. Петров, совершенно удивительная семья Таймановых: талантливейший телережиссер Ирина Евгеньевна Тайманова и ее муж – замечательный композитор Владислав Александрович Успенский, знаменитый старший брат Ирины Евгеньевны – выдающийся шахматист и музыкант Марк Евгеньевич Тайманов. Скромный и всегда старавшийся быть в тени их родной брат – ученый с мировым именем, книголюб редкого калибра Роальд Евгеньевич Тайманов и его удивительная жена, коллега и соратник Ксения Всеволодовна Сапожникова.

Все эти и другие интеллигенты, за редким исключением, таким, например, как Ж. И. Алферов, не проявляли ярко выраженной политической позиции. Им давно было ясно, что борьба за власть, страх потерять ее делают человека нравственно уродливым; понимали, что это бессмысленная трата жизни в ущерб творчеству. Они добровольно ушли в себя и свое творчество, понимая при этом, что оно социально значимо. Но, повторю, таких людей с каждым годом становилось все меньше. В вызревавшем новом общественном мнении интеллигент в России почти стал синонимом современного юридивого. Быть интеллигентом стало немного неудобно. Сын Н. С. Гумилева и А. А. Ахматовой – видный историк, географ, мыслитель Л. Н. Гумилев в одном из телеинтервью того времени, отвечая на вопрос: «Считаете ли вы себя интеллигентом?» – сказал не

задумываясь: «Нет, я не интеллигент, потому что я ругаюсь матом». Очень интеллигентный ответ.

Во второй половине 1990-х гг. мне часто приходилось участвовать в научных конференциях по истории интеллигенции, проходивших в разных российских городах. Особенно хороши были конференции в Ивановском государственном университете, которые организовывал очень талантливый историк профессор В. С. Меметов. Несмотря на трудные времена, нищенское существование исследователей, на них съезжалось множество ученых из разных регионов страны. Кто-то из коллег на одной из конференций с иронией заметил: «В России интеллигентоведов стало больше, чем интеллигентов». Это было смешно, но было близким к правде.

Д. А. Гранин в конце 1990-х гг. уже не видел в интеллигенции той силы, которая могла влиять на политическую и экономическую ситуацию в Российской Федерации. На рубеже 1980–1990-х гг. повторилась ситуация 1917–1920-х гг., когда интеллигенция, породив коренные социально-политические преобразования в стране, оказалась для государственной машины социальным шлаком: интеллигенты кое-где еще были, но интеллигенции не стало. Вечная ей память.

Не знаю, чего было больше в душе Даниила Александровича — душевной боли или любопытства, когда он в конце 1990-х наблюдал за динамикой человеческой души. Он, пожалуй, первым заметил изменения, происходившие в нравственной сути россиян. «Пощечина перестала считаться оскорблением»¹, — заявил он, и в этой хлесткой фразе аккумулировалась суть произошедших в постсоветские времена перемен. Новые времена спровоцировали процесс формирования россиян новой формации. Россияне стали другими людьми — злыми, нервными, недоверчивыми, циничными и прагматичными до крайности. Разумеется, не все. Но тенденция развития была такой. Люди были поставлены государством в такие условия, что им нужно было выживать. Беда лишь в том, что биологическое

1 Гранин Д. А. Пощечина перестала считаться оскорблением // Известия. 1997. 7 авг.

начало, наполнение которым становилось в человеке все значительней, формировалось за счет убыли социального начала. Проще говоря, люди в постсоветские времена стремительно стали превращаться в скотов. Кто сопротивлялся, становились непригодными для жизни в России. Умные социологи и политологи говорили, что эти люди не сумели адаптироваться в новой среде. Д. А. Гранин пытался обратить на это внимание. Его мнение печатали¹. Но, как известно, громкость паровозного свистка не пропорциональна КПД этого транспортного средства.

В 1998 г. настроения и размышления Даниила Александровича были пессимистичны. По-другому вряд ли могло быть: Россия в Чечне воевала сама с собой, летом был объявлен дефолт. Так что поводов для оптимизма не было. Д. А. Гранин размышлял о «беспризорном» будущем нашей страны², дефолт шокировал его³. В печати и в ходе публичных дискуссий писатель заявлял, что россияне перестали доверять власти⁴, но это и без него все знали. В каком-то смысле Б. Н. Ельцин повторил политическую карьеру М. С. Горбачева: наобещал соотечественникам с три короба, разорил их и ничего не сделал. Правда, дал обогатиться горстке не самых чистоплотных людей. Не очень радостный результат. Загнав себя в тупик, Борис Николаевич начал подумывать об отставке, которая, как мы знаем, вскоре и случилась.

Страна устала от болтовни, которой так радовалась весной 1985 г. Государство объективно нуждалось в созидателях. Но где их было взять? Наиболее энергичные и умные россияне, не имея или утратив совесть, работали только на собственное обогащение. Многие из них вкладывали

1 Гранин Д. А. Не стыдно: Борьба за существование ужесточилась. Люди приспособляются к жизни за счет морали // *Общая газета*. 1997. 23 нояб. — 3 дек. С. 15.

2 Гранин Д. А. Беспризорное будущее России // *Известия*. 1998. 26 марта.

3 Гранин Д. А. После обвала: Диалог с самим собой // *Общая газета*. 1998. 24–30 сент. С. 5; *Он же*: После обвала: Диалог с самим собой // *Тарбут*. Самара, 1998. Сент. (№ 17/18). С. 1.

4 Гранин Д. А. «Люди не верят никому»: [Выступление на дискус.] // *Комсомольская правда*. 1998. 13 нояб. С. 6.

прибыль в зарубежные банки, оставляя собственной стране лишь крохи. Россия очень нуждалась в честных тружениках, которые были бы настроены патриотично по отношению к собственной стране. Беда в том, что средства массовой информации на протяжении многих лет высмеивали многие нравственные ценности, которые позволяли нашему государству оставаться государством. Едва ли не центральное место занимал патриотизм. СМИ часто ставили знак равенства между патриотизмом и «совковостью». Между тем патриотизм по большому счету – это всего лишь чувство любви. Любви к своей стране, к соотечественникам, и если кому-то нравится, то и к тем пресловутым березкам, по поводу которых наши газеты и журналы иронизировали. Парадоксальная ситуация: навязывалась мысль, что любовь – это пошло. Зато не пошлостью стали жадность и ненасытная жажда денег.

В том безнравственном болоте формировались предпосылки развала Российской Федерации. Слишком мало было людей, которые хотели созидать. Но они были, и заслуга Д. А. Гранина состоит в том, что он начал активно поддерживать этих людей¹. Возможности у него были небольшие: личный авторитет, добрые отношения со многими деятелями культуры, благосклонность властей, видевших в нем «совесть» того времени. Он помогал, как мог, талантливым ученым, писателям, издателям, просто порядочным людям. Поддерживал создателей различных благотворительных фондов, стараясь по мере сил отличать людей искренних, увлеченных от жуликов. Это получалось не всегда. Но чаще получалось.

К концу 1990-х гг. Даниил Александрович окончательно утвердился во мнении, что Россия должна ориентироваться на мировой культурный опыт, на общечеловеческие ценности². Сейчас, спустя 20 лет с той поры, становится

1 *Гранин Д. А. «Я буду поддерживать людей дела» // Пятница. 1998. 27 нояб. С. 5.*

2 См., например: *Гранин Д. А. Наш ориентир – общечеловеческие ценности // День знаний в Университете: актовые лекции, прочитанные 1 сент. 1996 г. / Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. Вып. 2. 1997. С. 5–11.*

заметным, что писатель несколько переоценивал и идеализировал мировой культурный опыт, недооценивая самобытность отечественной культуры. Это тем более странно, что тогда он был основательно погружен в исследование отечественной истории, особенно истории XVIII в.

Могу ошибаться, но примерно в 1998 г. Д. А. Гранин стал особенно часто говорить о некой особенной миссии Санкт-Петербурга. Мне как человеку, рожденному и выросшему в этом городе, такие мысли были симпатичны. Но немного настораживало то, что иногда Даниил Александрович словно противопоставлял Петербург всей остальной России. Эта тонкая грань была едва заметна в его выступлениях и публикациях, но помню, что позиция Д. А. Гранина, видевшего в Петербурге колоссальный культурный феномен, подталкивала некоторых людей к тому, чтобы пойти в своих умозаключениях дальше. Время от времени в печати, на радио и на телевидении стало проскальзывать мнение о том, что Петербург в своей социальной жизни вполне мог бы справиться и без России. Мне такие заявления казались глупостью. Думаю, что Даниилу Александровичу они тоже были не по душе. Но, повторяю, по моему мнению, пищу для таких идей он невольно дал сам тем людям, которые хотели радикальных перемен.

Если пытаться охарактеризовать общественную позицию Д. А. Гранина в конце 1990-х гг., то нужно признать, что он был, скажем так, в «мягкой» оппозиции к власти. То есть он отказался от всецелой поддержки Б. Н. Ельцина и его команды и стал «сам по себе», не поддерживая ни власть, ни ее противников. Тем не менее свое дело он уже сделал, приложив усилия для прихода Б. Н. Ельцина к власти в 1996 г. Думаю, Борис Николаевич помнил это и считал писателя своим союзником. Так это было или не так, точно не скажу. Но есть минимум два факта, говорящие о лояльности властей к Даниилу Александровичу. 1 июня 1998 г. он был удостоен премии Правительства Санкт-Петербурга за выдающиеся достижения в области литературы, искусства и архитектуры. Конечно, оценивался его вклад не в развитие архитектуры, но такова была официальная формулировка номинации. На самом же деле

премия ему вручалась «за вклад в современную литературу». Кроме «местного» признания, было и признание на федеральном уровне. 12 января 1999 г. Д. А. Гранин был награжден премией Президента Российской Федерации в области литературы и искусства. Вероятно, премия была приурочена к 80-летию Даниила Александровича. Он, наверно, и сам уже привык к тому, что его юбилеи праздновались с опозданием на год. 1 января 1999 г. Д. А. Гранин был удостоен ордена «За заслуги перед Отечеством» III степени с формулировкой «за заслуги перед государством и большой вклад в развитие отечественной литературы».

Думаю, что 1999 г. был для писателя одним из самых трудных из последних лет того времени. И дело не только в том, что он физически начал заметно ощущать свой возраст. Ситуацию усугубляла беспросветная обстановка в стране. И что особенно страшно, продолжали уходить товарищи, друзья и коллеги. В самом начале 1999 г. не стало замечательного поэта-фронтовика Г. Б. Гопле. Герман Борисович был глубоко симпатичен Д. А. Гранину. У него были прекрасные стихи о войне, хотя он многим был больше известен как автор замечательных детских стихов. Герман Борисович, человек внешне очень жесткий и принципиальный, долгие годы вел в редакции ленинградской газеты «Смена», располагавшейся в здании «Лениздата» на Фонтанке, так называемые «Поэтические пятницы», на которые приходили талантливые и бесталанные молодые поэты, порой шокировавшие своим поэтическим напором. Не забуду, как однажды во время очередной «пятницы» в комнате, где заседали молодые поэты, появился новый автор очень экстравагантной внешности. Когда ему предоставили слово почитать свои стихи, он заорал громовым голосом: «Твои груди как два прожектора!..» Дальше читать он не смог, потому что все собравшиеся, а нас было в комнате человек двадцать, так хохотали, что наш смех было слышно, возможно, и на набережной Фонтанки. Деликатный Герман Борисович потер ладонью свой шрам у виска и, сдерживая улыбку, сказал: «Ну что ж, пойдемте дальше». И предоставил слово следующему гению.

Некролог памяти Г. Б. Гоппе был написан, кроме Д. А. Гранина, руководившим в то время ленинградской писательской организацией М. М. Чулаки и историком, писателем, драматургом Д. Н. Альшицем (Д. Алем). То была большая потеря не только для петербургских литераторов, но и для молодого поколения поэтов, многим из которых, таким, например, как Наташа Гуревич, Герман Борисович помог в творческом отношении заявить о себе.

Настоящим потрясением стал для Даниила Александровича уход из жизни академика Д. С. Лихачева. Случилось это 30 сентября 1999 г. Не стало человека, который олицетворял культуру и науку всей России, а может быть, и всего славянского мира.

Насколько я знаю, Д. С. Лихачев и Д. А. Гранин никогда не были друзьями. Но их объединяло очень многое. Во-первых, бесконечная взаимная человеческая симпатия. Они, сохраняя преданность эпистолярному жанру, состояли в переписке, которая достойна отдельной публикации. Во-вторых, они во многом были единомышленниками. Если бы их душевная боль за Россию, за россиян обладала материальной силой, они бы излечили от печалей великое множество народа. Хотя, конечно, и так помогли многим. Д. А. Гранин с трудом смирялся с мыслью о том, что не стало Дмитрия Сергеевича¹. Мне кажется, что с уходом Д. С. Лихачева Даниилу Александровичу в известном смысле стало очень одиноко. Он лишился могучего источника вдохновения. Он лишился нравственного ориентира, который помогал ему самому претерпевать многие душевные муки. Наверное, вполне обоснованным было создание в Санкт-Петербурге Фонда Д. С. Лихачева, президентом которого стал Д. А. Гранин. Главной задачей этой общественной организации стала поддержка культурных инициатив, возникавших в разных регионах России.

1 Гранин Д. А. [Памяти Д. С. Лихачева] // Литературная газета. 1999. 6–12 окт. С. 9 (Слова прощания); Он же: Наша печаль, наша любовь: [Памяти Д. С. Лихачева] // Санкт-Петербургские ведомости. 1999. 10 нояб. С. 5; Он же: Феномен Лихачева: [Выступление на заседании ПЕН клуба] // Нева. 1999. № 12. С. 143–148; Он же: Он умер в день Веры, Надежды, Любви: Завтра — девятый день, как не стало Дмитрия Лихачева // Общая газета. 1999. 7–13 окт. С. 9–10.

Чем тяжелее становилось положение в стране, тем больше писатель запутывался в самом себе. «Я думаю, что я так и не понял себя. Человек — больше, чем его жизнь. Иногда гораздо больше. Человек состоит из упущений, неосуществленных желаний и стремлений, возможностей. То, что осуществлено, — это жизнь. Но огромная часть человека — это неосуществленное»¹, — написал он через некоторое время. Минувшие жизненные ориентиры казались ему ошибочными. Осознать это на девятом десятке жизни, пожалуй, очень трудно и горько. Но ведь нужно было найти силы, чтобы жить дальше. Нужно было найти смысл в той дальнейшей жизни.

Д. А. Гранин продолжал осмысливать прошлое, самые трудные этапы своей жизни, совпавшие с главными трудностями страны. Он очень часто, может быть, каждый день, вспоминал блокаду Ленинграда. Писатель пытался понять глубинный смысл ее итогов. И мне кажется, что он его понял. Он осознал, что главная ценность пережитого ленинградцами состояла в том, что они остались людьми. Именно Даниилу Александровичу принадлежит мысль о том, что «Блокада не расчеловечила людей»². Очень емко звучит этот глагол. В последующие годы он повторял его много раз, отмечая ценность высокой нравственности ленинградцев, проявленной в тех нечеловеческих условиях.

Тема блокады была одной из главных в его размышлениях и трудах до последних дней жизни.

2000 г. стал новой вехой в жизни России и в его личной жизни. Приход к власти преемника Б. Н. Ельцина петербуржца В. В. Путина в начале 2000 г. вселил робкую надежду на перемены к лучшему. Но обманутые множество раз россияне, как и Д. А. Гранин, не спешили радоваться. Они почти с безразличным спокойствием наблюдали за тем, что будет в стране дальше. Даниил Александрович не только наблюдал, но и продолжал

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 440–441.

2 Гранин Д. А. Блокада не расчеловечила людей // Слово. 1999. 8–9 сент. С. 1.

свой писательский труд. Тот год стал для него годом выхода романа «Вечера с Петром Великим» на широкий читательский простор. В условиях общероссийской нищеты невозможно было мечтать об огромных тиражах. Издательство «Историческая иллюстрация» выпустило произведение тиражом в 5 000 экземпляров. Для 2000 г. тираж очень хороший¹.

Поскольку желающих прочитать новый роман было много, главы из него публиковались в «Российской газете», в журнале «Дружба народов»². Уже не первый раз средства массовой информации подчеркивали, что Д. А. Гранин создал такой образ Петра Великого, которого прежде в литературе не было³. Вскоре роман «Вечера с Петром Великим» был вновь выпущен отдельным изданием⁴, а небольшой фрагмент, не вошедший в роман, был опубликован в журнале «История Петербурга»⁵. Публикация того небольшого материала в только-только зародившемся журнале состоялась по инициативе самого Даниила Александровича. Весной того года мы с ним встретились впервые. Нас познакомил бывший вице-губернатор Санкт-Петербурга по культуре В. П. Яковлев. Встреча проходила в доме писателя на Малой Посадской улице. Помню, как я волновался перед встречей. Приехал к Даниилу Александровичу прямо со службы в военной форме. Меня очень смутило то, что, когда я поднялся на лифте на лестничную площадку, Д. А. Гранин встретил меня возле лифта. Я этого не ожидал, и вид у меня, вероятно, был растерянный. Но потом, при следующих встречах, Даниил Александрович всегда ожидал меня на лестничной площадке. Думаю, что так он встречал всех, кто приезжал

1 Гранин Д. А. Вечера с Петром Великим. СПб., 2000.

2 Гранин Д. А. Вечера с Петром Великим: [Главы из романа] // Российская газета. 2000. 7 апр. С. 30–31; Вечера с Петром Великим: Сообщ. и свидетельства господина М. // Дружба народов. 2000. № 5. С. 7–71; № 6. С. 65–119; № 7. С. 86–137.

3 Гранин Д. А. Такого Петра Первого, мне кажется, никто еще не видел // Комсомольская правда. 2000. 23 нояб. С. 19.

4 Гранин Д. А. Вечера с Петром Великим. СПб., 2001.

5 Гранин Д. А. Заметки о Петре I / [Предисл. С. Полторака] // История Петербурга. 2001. № 2. С. 57–61.

к нему, выражая тем самым свое расположение к гостю. Это было по-человечески очень трогательно. В этом не было никакой показухи. Просто такое сердечное отношение к людям. Во время нашей первой встречи Даниил Александрович долго расспрашивал меня о моих научных интересах. Вопросы задавал очень профессионально и въедливо. Меня охватило уже почти забытое чувство ответа на экзамене. Он очень удивлялся тому, что я, несмотря на военную службу, издавал сразу два научных журнала: «Клио» и «Историю Петербурга». Я принес ему очередной номер «Клио» и недавно вышедший из печати первый номер «Истории Петербурга». Хозяин квартиры цепким взглядом просмотрел оба издания, более внимательно проглядел статьи, которые показались ему особенно интересными, и очень просто сказал, что готов предложить для «Истории Петербурга» кое-что из написанного и еще не опубликованного им о Петре I. С тех пор наши встречи стали частыми. Тогда еще почти не было сотовых телефонов, поэтому мы нередко звонили друг другу домой.

Я всегда воспринимал Даниила Александровича как талантливого историка. К примеру, нам и сейчас трудно анализировать события первых постсоветских лет, потому что они еще не успели улечься в сознании. А Д. А. Гранин сумел уместить историю первого постсоветского периода в шесть строк:

1992–2000 гг., вдруг:
Все надели кресты.
Исчезли очереди.
Появились герои шоу-бизнеса.
Куда-то пропали коммунисты.
Прекратились собрания¹.

По-моему, исчерпывающий портрет России того времени.

¹ Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 242.

В начале сентября 2001 г. на телевидении были завершены съемки сериала по книге «Вечера с Петром Великим»¹. Признаюсь, фильм я не смотрел. Сейчас уже не вспомню: то ли нечаянно пропустил, то ли не испытал интереса. Скорее, первое. Но в силу этой причины своего мнения о фильме не составил. Мне почему-то кажется, что он не вызвал очень большого интереса зрителей. Возможно, в силу того, что все российские каналы уже тогда активно начали потчевать зрителей многочисленными сериалами, от которых разбегались глаза. Но таких бестселлеров, как «Семнадцать мгновений весны» или, предположим, «Место встречи изменить нельзя», создавать не удавалось и не удается до сих пор. Практически все сегодняшние сериалы, как известно, забываются почти сразу.

Даниил Александрович исследовал не только личность Петра, но и личности его ближайших сподвижников, первым из которых был, конечно, А. Д. Меншиков. У Д. А. Гранина дома я как-то познакомился с президентом фонда А. Д. Меншикова С. В. Филипповым, человеком очень интересным, увлеченным. Да и сам Д. А. Гранин, как мне кажется, был очень увлечен личностью светлейшего князя, о чем рассказывал в своих интервью². Та увлеченность была не сиюминутной. О ближайшем сподвижнике Петра он писал и годы спустя, подчеркивая, что А. Д. Меншикову Россия обязана очень многим³.

В 2000 г. произошло неожиданное событие. Президент ФРГ наградил Д. А. Гранина орденом – Крестом «За заслуги» I класса. Орден предназначался для награждения офицеров «за заслуги перед Федеративной Республикой Германия». Не знаю, какие чувства пережил при том награждении Даниил Александрович. Думаю, в чем-то смешанные чувства. Спустя время я прочитал где-то его слова о том, что

1 [Об окончании съемок сериала по книге «Вечера с Петром Великим»]; [О телевизионной передаче, посвящ. программисту Д. Склярону] // Общая газета. 2001. 13–19 сент. С. 9. (Впечатления недели.)

2 Гранин Д. А. Мы многим обязаны Александру Даниловичу Меншикову // Вечерний клуб. 2001. 6 июля. С. 11.

3 См., например: Гранин Д. А. Мы многим обязаны Меншикову // Новости Югры. Ханты-Мансийск. 2004. 19 июня.

он положил немецкий крест в коробочку с советскими боевыми наградами, но потом почувствовал, что им рядом с германским орденом неуютно, и стал хранить его отдельно. Похоже, что этот поступок говорит об отношении писателя к тому награждению.

Но Даниил Александрович действительно много делал для того, чтобы внести свой вклад в процесс примирения российского и немецкого народов. В частности, в июне 2001 г. он как фронтовик и писатель обратился к немецкой нации, выступил на торжественном заседании в Берлинском музее «Карлхорст»⁴.

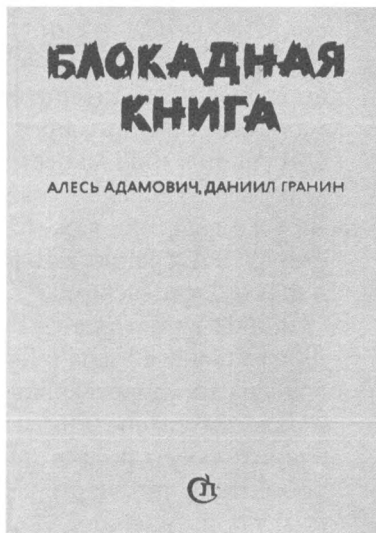
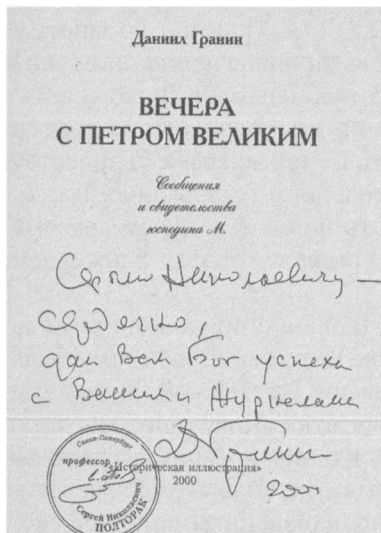
Д. А. Гранин как писатель и как личность менялся и в то же время не менялся. Динамика его взглядов сказывалась на творчестве, вне всякого сомнения. Но при этом он оставался прежним: жил в писательстве, словно белка в собственном дупле. Он по-прежнему не обращал внимания на мнение читателей и уж тем более критики. В читательских конференциях участие принимать продолжал, хотя ездил на них гораздо реже, потому что просто физически уставал. Годы сказывались. На конференциях он неизменно выступал очень интересно, умно. Он никогда не повторялся. Его слова всегда исходили из сердца и ума. Чувства и интеллект в нем не просто соседствовали, а создавали тот самобытный коктейль, который и формировал гранинское творчество.

Даниил Александрович не бравировал своей независимостью от взглядов критики и читательской аудитории. Но всегда признавался честно, если спрашивали, что пишет для себя, а читательское мнение его не интересует⁵. Более того, для него труд писателя ассоциировался с образом жизни отшельника, погруженного в мирозерцание. Он подчеркивал, что «писательство — дело одинокое»⁶.

4 Последние солдаты уходящего времени: Д. Гранин, фронтовик и писатель, обращается к немецкой нации: [Выступление на торжественном заседании в Берлинском музее Карлхорст] // Общая газета. 2001. 21–27 июня. С. 1.

5 Гранин Д. А. «Я пишу для себя. Меня не интересует мнение читателя» // Вести. СПб., 2002. 15 янв. С. 4.

6 Гранин Д. А. Писательство — дело одинокое // Труд. 2002. 16 февр. С. 5.

Титульный лист книги
«Вечера с Петром Великим»

Обложка «Блокадной книги»

Слева направо: политолог В. П. Островский, член-корреспондент РАН Н. Н. Скатов, профессор В. П. Яковлев, член-корреспондент РАН Р. Ш. Ганелин, академик РАН Б. В. Ананьич, профессор Е. В. Анисимов, профессор С. Н. Полторака, Д. А. Гранин, соредaktor журнала «Звезда» Я. А. Гордин, профессор В. С. Измозик. 24 апреля 2002

Однако время от времени он раскрывал свою творческую лабораторию. Внимательному читателю становилось понятно, что успех писателя Д. А. Гранина во многом состоит в том, что он в своих произведениях выступал не столько как литератор, а как психолог. В этом, я думаю, он брал пример с Ф. М. Достоевского, которого боготворил, и во многом с И. С. Тургенева, к творчеству которого относился уважительно, но сдержанно. На самом же деле мне кажется, что по своему писательскому стилю Д. А. Гранин к И. С. Тургеневу гораздо ближе, чем к Ф. М. Достоевскому.

В 2002 г. состоялось официальное признание романа Д. А. Гранина «Вечера с Петром Великим». В июне ему была вручена Государственная премия Российской Федерации в области литературы и искусства. Могу ошибаться, но значительную роль в присуждении премии сыграло то обстоятельство, что роман был не только художественным произведением, но и произведением политического характера. В тот момент по инициативе В. В. Путина в России осуществлялись попытки поиска национальной идеи. Ее, как грибы в лесу, искали все кому не лень. Политики, ученые, литераторы, деятели культуры, а порой и душевнобольные люди были увлечены этим поиском. Думаю, ничего толком найдено не было. Но, возможно, роман «Вечера с Петром Великим» способствовал консолидации российского общества. Точно утверждать не могу, из Кремля виднее.

В марте 2002 г. Д. А. Гранин предложил мне по моему выбору собрать небольшой круг петербургских ученых, чтобы обсудить вопросы, связанные с историей России XX в. Общее название дискуссии в конце концов мы сформулировали так: «Век, ставший прошлым». Мне эта идея очень понравилась. Бывший вице-губернатор Санкт-Петербурга по культуре профессор В. П. Яковлев, являвшийся моим заместителем по журналу «История Петербурга», предложил собраться в «Литературном кафе» на Невском проспекте, 18. Место поистине историческое. Когда-то там располагалась знаменитая на весь Петербург кондитерская Вольфа и Беранже. Именно оттуда А. С. Пушкин в том зло-

получном январе 1837 г. уехал на дуэль с Ж. Ш. Дантесом на Черную речку.

Кстати, зная о любви Д. А. Гранина к произведениям А. С. Пушкина, острый на язык поэт-пародист Александр Иванов за несколько лет до этого написал:

Онегин, добрый мой приятель,
Весьма прилежный был читатель.
Судьба Евгения хранила:
Он не дожил до Даниила...¹

На встречу в «Литературное кафе», которая состоялась 24 апреля 2002 г., приехали политолог, бывший депутат В. П. Островский, директор Пушкинского дома, член-корреспондент РАН Н. Н. Скатов, профессор Санкт-Петербургского университета культуры и искусств В. П. Яковлев, член-корреспондент РАН Р. Ш. Ганелин, академик РАН Б. В. Ананьич, профессор Е. В. Анисимов, писатель Д. А. Гранин, соредaktor журнала «Звезда» Я. А. Гордин, профессор В. С. Измозик и я.

Д. А. Гранин во время своего выступления сказал: «Почему в XX в. в России создалась такая неслыханная система коррупции, взяток, воровства и криминала? Эта система существовала, конечно, и в петровские времена, и во времена Екатерины II, но все-таки не в таких масштабах.

Почему в России возник столь ожесточенный культ денег? Недавно я прочел в одной газете список миллиардеров и обратил внимание на то, с какой грустью автор заметки пишет о том, что наши миллиардеры отстают. Один находится на 117-м месте, а другой — и вовсе на 160-м. И мы в этом смысле, как вы понимаете, некрасиво выглядим на мировом рынке...

Есть ли в России возможность не догонять Запад, как нынче опять стоит задача, а искать другой путь развития?

При тоталитарном режиме существовала, на мой взгляд, золотая пора поэзии, литературы, для нашего кино, театра,

¹ Иванов А. «Онегин, добрый мой приятель...» // Двадцатый век в эпиграммах от А до Я: Из собр. Льва Куклина. С. 96.

для музыки — почти для всех жанров искусства и для науки. Неужели для такого развития необходимы тяжелейшие социальные условия?

Меня очень волнует вопрос: оправданно ли то неравенство людей, возникшее в последние годы? На моей памяти такое наглядное представление о неравенстве российское общество получило впервые. Оно, конечно, существовало в какой-то мере и раньше, в том числе и в сталинские времена, но нынешнее неравенство касается несоизмеримо большего слоя людей. И они стали людьми второй категории»¹.

В начале 2000-х гг. Даниил Александрович время от времени говорил о том, что период его популярности прошел, что его романы и повести перестали быть востребованными. Думаю, что он немного лукавил. Строгое мужское кокетство ему было свойственно. Меня это больше забавляло, чем удивляло. Но все равно я осознавал, что Д. А. Гранин и в начале наступившего столетия — один из крупнейших писателей России. Для меня он был да и сейчас остается самым ярким писателем нашей страны за последние десятилетия. Возможно, даже второй половины XX в. — начала XXI в.

В 2003 г. о стабильности и востребованности Д. А. Гранина как писателя говорило многое. Например, то, что в солидных московских издательствах у него вышло в том году четыре книги², одна из которых — «Керогаз и все другие: Ленинградский каталог» — впервые.

Хорошо помню, как я мечтал купить его книгу «Керогаз и все другие», поскольку в ней шла речь о довоенном быте Ленинграда, что мне было очень интересно как читателю и как историку. Я много раз заходил в разные книжные магазины, но встретить ту книгу не удавалось. Наконец в одном из книжных магазинов мне повезло, но она стоила так дорого, что я просто пожалел денег. Сколько раз

1 Встреча петербургских историков // История Петербурга. 2002. № 4(8). С. 3.

2 Гранин Д. А. Блокадная книга. М., 2003.; Он же: Зубр: Романы. М., 2003.; Он же: Иду на грозу. М., 2003.; Он же: Керогаз и все другие: Ленинградский каталог. М., 2003.

я потом ругал себя за это! Книгу так и не купил, хотя позже прочитал ее в Публичке. Я и сейчас, заходя в букинистические магазины, надеюсь ее встретить, но напрасно.

Хорошо помню, что в 2003 г. Даниил Александрович очень много размышлял об истории финского народа, о связи Финляндии и России. Он часто заводил со мной разговор на эту тему. Ему доводилось в то время бывать в Финляндии, где он общался со многими людьми, в том числе с чиновниками высокого уровня. Однажды он позвонил мне и совершенно неожиданно предложил познакомиться с мэром города Лаппеенранта, который в то время находился по каким-то делам в Петербурге. Я был готов познакомиться с кем угодно, если это предложение исходило от Д. А. Гранина. Мы встретились на площади Искусств и пошли в Малый театр оперы и балета, где проходила какая-то встреча с финнами. В фойе театра было очень шумно. Финны, когда их много, по-моему, мало чем отличаются по темпераменту от итальянцев или, предположим, бразильцев. Они непрерывно так громко что-то кричали друг другу, что Даниил Александрович поморщился и предложил мне уйти. Я с удовольствием согласился, потому что и сам люблю тишину.

Но «финская тема» по-прежнему «не отпускала» писателя. Он объяснил мне, что его очень интересует феномен финской экономики: каким образом маленькая страна Финляндия, находясь в суровых климатических условиях, пережив влияние таких соседей, как Швеция и Россия, пройдя через войны, сумела не только сохранить свое национальное достоинство, но и многое сделать для развития промышленности и укрепления благосостояния своих жителей. Не сомневаюсь, что писателю было важно понять механизм прогресса в этой стране, чтобы попытаться в своих размышлениях переложить его на российскую почву.

Мне и самому была интересна эта тема, поскольку когда-то я основательно занимался изучением истории российско-финляндских отношений 1917–1918 гг., много внимания уделял истории финских красноармейцев, воевавших в РККА в период Гражданской войны в России. Я перечитал все, что было об этом написано, в том числе

и основательные публикации замечательного историка профессора М. М. Коронена, включая его двухтомную докторскую диссертацию. Д. А. Гранин предложил мне организовать встречу петербургских историков, которым была близка финская проблематика, чтобы порассуждать на эту тему. Условно наш «междусобойчик» мы назвали «Финны и русские: на перепутьях общей истории». Состоялось то заседание круглого стола, как мы его официально назвали, в середине ноября 2003 г. По предложению В. П. Яковлева во второй раз встретились в «Литературном кафе» на Невском проспекте, 18. Было нас человек десять. Кроме Д. А. Гранина, был член-корреспондент РАН Р. Ш. Ганелин, профессора В. Е. Триодин, В. С. Измозик, О. Н. Кен. Были также директор Института Финляндии в Санкт-Петербурге и президент общественной организации «Ингерманландия». По существу встреча представляла собой мозговой штурм. Каждый участник встречи был очень самобытным ученым, обладавшим собственным мнением по обсуждавшемуся вопросу. Мы не были ограничены какими-то формальными рамками, поэтому каждый выступавший свободно делился своими суждениями. Встреча была по-домашнему уютной и очень неформальной. Даниилу Александровичу мы присвоили статус «главного закоперщика междусобойчика». Он молча встретил такое определение его роли в той встрече, и все поняли, что он в принципе не возражает. Краткий конспект того интереснейшего заседания я вскоре опубликовал¹. Он вызвал читательский интерес: в редакцию журнала «История Петербурга» было много телефонных звонков, приходили письма читателей.

Почему-то запомнилась небольшая деталь. Выступавший на той встрече директор Института Финляндии сказал, что финнам для того, чтобы войти в мировую историю, немного не хватило куража. Д. А. Гранин на это ответил: «Вот и хорошо, кураж — это страшная штука».

1 [Выступление на заседании круглого стола «Финны и русские: на перепутьях общей истории», 18 нояб. 2003 г.: Фрагм. / Примеч. ред.] // История Петербурга. 2003. № 6 (16). С. 3–4.

В 2003 г., 27 мая, Санкт-Петербург отмечал свое 300-летие. Не буду описывать празднование юбилея — об этом есть горы литературы. Замечу лишь, что к городу отношение центральной власти и высокопоставленных иностранцев стало другим, чем прежде. Москва стала относиться к Петербургу более внимательно, потому что чуть ли не пол-Петербурга вслед за новым президентом переехало в Москву. Оставшиеся петербуржцы с некоторым беспокойством ожидали развития событий. Многим жителям города и мне в том числе не импонировали проскальзывавшие в печати сообщения о том, что Санкт-Петербургу будут постепенно даваться какие-то столичные полномочия. Парадоксально, но петербуржцы при всей своей революционности — очень консервативный народ. Мы недоверчиво относимся к переменам. В менталитете петербуржцев, на мой взгляд, очень много самодостаточности, которая ничего общего не имеет с самоуверенностью. Так это или нет, но юбилейные празднования привели к тому, что историки, культурологи, философы, краеведы разной квалификации начали размышлять на тему исторического предназначения Санкт-Петербурга и его роли в жизни России. В жизни минувшей, настоящей и будущей. В эти дискуссии было втянуто великое множество людей, преимущественно гуманитариев. Разумеется, многих интересовало и мнение Д. А. Гранина. Даниил Александрович охотно делился своим мнением¹.

Думаю, что юбилей по-разному повлиял на Петербург и петербуржцев. Конечно, в преддверии праздника было отремонтировано много исторических памятников города, в том числе и зданий, которые, если бы не юбилей, еще бы десятилетиями пребывали в плачевном состоянии. Город помыли и почистили, снесли многочисленные ларьки у метро. Он стал выглядеть поприличнее. Но, похоже, вместе с этим произошли и заметные перемены в сознании некоторых петербуржцев. Д. А. Гранин несколькими штрихами обо-

1 Гранин Д. А. Свет и тени 300-летия // Литературная газета. 2003. 28 мая — 3 июня. С. 2; Он же: «Европа открыла для себя Петербург» // Московские новости. 2003. 10–16 июня. С. 20–21.

значил новую мысль, суть которой была выражена в одной из его публикаций с длинным названием: «Я склоняюсь к мысли, что единая Россия нам больше не нужна». Этот материал был опубликован в сборнике статей под общим названием «Петербург без России»¹. Инициатором издания сборника был талантливый петербургский историк и журналист, двойной тезка Д. А. Гранина, Д. А. Коцюбинский. Даня Коцюбинский, как звал тогда его, молодого ученого, в 1990-е гг. его Учитель и, если я правильно помню, научный руководитель профессор В. И. Старцев, был очень интересен и симпатичен Даниилу Александровичу. Он с охотой давал ему интервью, сам с интересом слушал умного и смелого парня, всегда имевшего жесткий взгляд на действия властей. Сборник статей был издан скромным тиражом в 1 тысячу экземпляров, но среди ученых вызвал большой интерес. Он привлекал нестандартностью оценок места Петербурга в жизни страны. Не могу сказать, что взгляды авторов публикаций, в том числе и Д. А. Гранина, были близки мне по духу, но прочитал я их с большим интересом. Идея «самостийности» Санкт-Петербурга мне никогда не казалась разумной. Наш город не похож ни на один на свете, у него относительно короткая, но очень трудная история. У него величайшее множество других особенностей, других отличий от иных городов России. Но одна из главных особенностей Петербурга всегда состояла в том, что петербуржцы трепетно относились к российской провинции, никогда не выпячивая свою индивидуальность. Д. А. Гранин, по существу, в том сборнике статей выступил как один из бунтарей. Правда, его бунтарства начальство не оценило. Точнее, оценило, но что-то другое: 29 декабря 2003 г. Д. А. Гранину Президентом Российской Федерации была объявлена благодарность за многолетнюю плодотворную литературную и общественную деятельность.

Не знаю, изменились ли взгляды Д. А. Гранина на этот счет, но по поводу будущего России он рассуждал очень пессимистично: «Не знаю, уцелеет ли Россия. Слишком

1 Гранин Д. А. Я склоняюсь к мысли, что единая Россия нам больше не нужна // Петербург без России: Pro Et Contra. СПб., 2004. 344 с.

много бед на нее свалилось, и все разом. Даже думать об этом больно. Демография. Население уменьшается, коренное население, причем быстро, быстрее, чем в других странах Европы. Поток мигрантов растет, таджики, узбеки, китайцы... Сегодня они на всех стройках, они прокладывают трубопроводы. Кабели. 750 тысяч бездомных детей, наших, русских, беспризорники, больные, голодные волчата. Больше миллиона сидит по тюрьмам и лагерям. Растет количество больных СПИДом, алкоголиков, наркоманов тоже счет на миллионы. Казнокрадство угрожает национальной безопасности — триллионы рублей из бюджета исчезают бесследно. Промышленность не растет. <...> Да и вся наша индустрия исчезла, ничего своего Россия не производит, не создает. Русских товаров в Европе не найти. Только нефть и газ. И еще лес, да и то кругляк, даже досок не экспортируем, только цельными бревнами¹. Простые, но верные наблюдения. Что же касается выводов о будущей судьбе России, то, как показывают результаты исследований, ничего эти самые исследования не стоят: выводы ошибочные, рекомендации неэффективные. Да и не смотрит их никто из тех, кто мог бы как-то влиять на ситуацию. Откуда у меня такие сведения? Если бы смотрели и анализировали, ситуация в стране изменялась бы к лучшему. А то все как в 1919 г.: забота о населении подменяется агитками. Как всегда в России, руководству не до людей, поскольку за власть бороться надо — кому за ее удержание, а кому за ее захват. Ничего, в принципе, нового не происходит: «Паны дерутся, у холопов чубы трещат».

2004 г. был годом повышенного внимания к творчеству Даниила Александровича и к нему лично. Во многом это было связано с тем, что он праздновал свое 85-летие. Никому и в голову не приходило, что оно прошло год назад. Может быть, и сам Д. А. Гранин привык к такому странному стечению обстоятельств. В электронике есть термин «линия задержки». День рождения писателя стал его собственной «линией задержки», причину которой мне разгадать так и не удалось.

1 Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 104.

К тому времени Даниил Александрович стал, вероятно, старейшим российским писателем такого уровня. Конечно, были и писатели постарше возрастом, но известны они были гораздо меньше. Д. А. Гранин же был величиной всероссийского масштаба. Даже несколько больше: он был фигурой всего постсоветского пространства. Это обстоятельство во многом делало его «достоянием нации». Думаю, что эти два слова можно было бы написать и без кавычек, если бы не усилия, которые прикладывались властью к его возвеличиванию. Ни для кого не было секретом, что к Д. А. Гранину с почтением и почитанием относятся первые лица государства. Это было важным сигналом и для местных властей, которые считали своим долгом также присоединяться к чествованию «полуюбиляра». Многим такое внимание казалось неискренним, неестественным. Но Даниил Александрович относился к нему снисходительно. Когда пять лет спустя, уже в канун 90-летия, я заметил ему, что величайшее множество его портретов на улицах Санкт-Петербурга – это уже «перебор», он на меня обиделся. А я очень пожалел о том, что сказал ему это в глаза.

В тот «полуюбилейный» год у Д. А. Гранина вышли из печати шесть книг¹. Возможно, то был один из своеобразных рекордов в его жизни. Они представляли собой переиздания уже известных произведений; иногда включали в себя различные комбинации из его романов, повестей, эссе, рассказов. Зачем это делалось, я не знаю. На мой взгляд редактора научных журналов, собрать несколько произведений под одной обложкой просто так нельзя: должна быть какая-то внутренняя логика. Просматривая оглавления гранинских книг, я такой логики почти никогда не видел. Но это и не главное. Куда важнее, чтобы она, эта логика, существовала в сознании автора. А у него она, наверно, была.

В начале 2004 г. многие издания по случаю 85-летия брали у него интервью. Среди них были, конечно же, «Ли-

1 *Гранин Д. А. Вечера с Петром Великим. М.; СПб., 2004; Он же. Жизнь не переделать... М.; СПб., 2004; Он же. Иду на грозу. СПб., 2004; Он же. Картина: Роман. М., 2004; Он же. Жизнь не переделать. М., 2004; Он же. Наш комбат. М., 2004.*

тературная газета», «Российская газета» и другие издания¹. Юбиляр размышлял о жизни, анализировал прожитые годы, призывал к объективной оценке истории.

К середине первого десятилетия нового века, думаю, не только у меня, но и у многих стало складываться к Д. А. Гранину несколько иное отношение, чем прежде. Если в былые годы в нем виделся только яркий писатель, то в силу прожитых им лет Даниил Александрович стал восприниматься гораздо шире. Мне он порой представлялся российским гуру. Действительно, колоссальный жизненный опыт давал ему право смотреть на прошлое, настоящее и будущее с какого-то своего собственного Олимпа. И я его за это не упрекал. Наоборот, мне было интересно знать его мнение по величайшему множеству вопросов. Я слушал и читал его суждения, и он удивительным образом убеждал меня в своей правоте. Даже если его правота полностью перечеркивала все то, что он говорил пару лет назад.

Но не только меня, но и других людей восхищало то, что он очень решительно осуждал многие тенденции государственного развития современной России. Вроде бы об очевидном говорил и писал, но его слово всегда было более весомым, чем чьи-то другие слова. Может быть, потому, что он умел создавать очень своеобразные словесные конструкции, может быть, потому, что имел большой человеческий авторитет, а может быть, все это работало в совокупности. Например, он размышлял в печати на тему низкой эффективности участия олигархов в жизни страны². Это и без него все знали, испытывали в своей повседневной жизни. Но Д. А. Гранин заострял на этом внимание, и появлялась надежда на то, что его голос будет услышан. Он размышлял на тему тотального воровства чиновников всех уровней³. Тоже вроде бы не

1 Гранин Д. А. «Я помню...»: Даниилу Гранину — 85 // Литературная газета. 2004. 14–20 янв. С. 8; Он же. Не надо приспосабливать историю // Российская газета. 2004. 27 янв. С. 1–4; Он же. Вся жизнь моя в литературе // Петербург — классика. 2004. № 1. С. 16–17.

2 Гранин Д. А. Олигархи есть, а настоящей помощи нет... // Невское время. 2004. 1 апр. С. 1.

3 Гранин Д. А. Отчего у нас так воруют? // Смена. 2004. 10 нояб. С. 7.

новость. Но читателям было в радость, что крупный писатель видит в этом государственную проблему. И верилось в то, что его боль и озабоченность прочувствуются и на самом верху. На злобу дня были и другие его писательские выступления. Особенно важным было то, что он восставал против культа денег¹.

Я никогда не надоедал Д. А. Гранину своими телефонными звонками, хотя часто хотелось просто позвонить и услышать его голос. Просто так, без всякого повода. Иногда моя деликатность приводила к курьезам. Как известно, Даниил Александрович родился 1 января. Для празднования дня рождения сложный день: с одной стороны – начало отсчета года, день жизненного обновления, а с другой – любимый народный праздник, в котором день рождения одного отдельно взятого человека может легко затеряться на фоне новогодних торжеств. Я всегда понимал, что Д. А. Гранина с днем рождения поздравляют многие десятки людей. Понимал и глубоко сопереживал ему: ведь этот поздравительный марафон в его годы нужно было выдержать! Но все равно ежегодно 1 января звонил ему, поздравлял, высказывал свои пожелания. В какой-то раз, кажется, это было в «полуюбиелей», в 2004 г., звонить не стал. Не позвонил, потому что увидел по телевизору в каких-то новостях, что Д. А. Гранина по телефону поздравил В. В. Путин. «Ну, – думаю, – не хватало еще мне соваться с поздравлениями: куда конь с копытом, туда и Полторак с клешней». В общем, мысленно поздравил, но звонить не стал. Погода была хорошая, ясная и не очень холодная, и я надолго ушел гулять с собакой. Когда часа через полтора вернулся, моя тетушка, с которой мы много лет проживаем вместе, мне сообщила: «Тебе Гранин звонил, просил передать новогодние поздравления». Глупейшая ситуация: Даниил Александрович звонил мне в собственный день рождения, а я, бессовестный человек, не удосужился ему позвонить! Пострадав пару часов, я нашел выход

1 *Гранин Д. А. Мучительные вопросы бытия // Литературная газета. 2004. 24–30 нояб. С. 5; Он же: Сейчас культ денег. А от совести – только неудобства?! // Аргументы и факты. 2004. Ноябрь. № 46. С. 3.*

из положения: послал Д. А. Гранину поздравительную телеграмму. Не сомневаюсь, что он понял курьезность ситуации, потому что когда через несколько дней мы встретились в Российской национальной библиотеке на открытии какой-то очередной выставки, мы, глядя друг на друга, рассмеялись довольно громко, чем удивили ничего не понимавших окружающих.

Встречались мы с Даниилом Александровичем обычно у него дома. Предварительно я звонил ему и просил о встрече, реже он сам приглашал. Иногда кто-нибудь из моих друзей или коллег просил познакомить его с Д. А. Граниным. Я всегда неохотно откликнулся на такие просьбы, потому что знал: писатель настороженно относится к незнакомым людям. Как-то на научной конференции по исторической психологии, проходившей в редакции журнала «Клио», ко мне подошел мой коллега из Сибири, узнавший от кого-то, что я знаком с Даниилом Александровичем, и попросил меня организовать с ним встречу. В тот же вечер мы с коллегой пришли на Малую Посадскую, 8. Сибиряк немного робел, но в целом общение получилось, на мой взгляд, интересным. Правда, я заметил, что мой знакомый чем-то раздражает хозяина дома. Чем, я понять не мог да и сейчас не понимаю. В тот же вечер, когда мы созвонились с Даниилом Александровичем по какому-то делу, разговор зашел и о минувшей встрече. Он вдруг неожиданно спросил меня: «Кстати, откуда вы взяли этого мудака?» Я растерялся от вопроса, тем более что писатель крайне редко употреблял такие выражения. Мои слова о том, что мой коллега — хороший ученый, доктор наук, еще больше вывели Д. А. Гранина из себя. Мне было по-человечески обидно за моего товарища, тем более что он искренне восхищался творчеством писателя.

Как-то в канун Дня Победы меня пригласили выступить с небольшим докладом на каком-то торжественном мероприятии, проходившем в музее на площади Победы. Признаюсь, я поехал без желания, потому что выступать предстояло перед «смешанной» аудиторией — перед школьниками и ветеранами войны. Выступать я должен был

Д. А. Гранин у памятного знака родного батальона, в составе которого защищал блокированный Ленинград. Май 2017. Фото Ю. Лебедева

как военный историк, офицер запаса. Я постарался так построить свое выступление, чтобы оно было близким для всех присутствовавших. Я упомянул Д. А. Гранина, который в 1941–1942 гг. в нескольких километрах от того места, где проходила встреча, защищал блокированный Ленинград. Когда я сказал о Д. А. Гранине, кто-то из ветеранов резко прервал меня и выкрикнул из зала, что писатель своими произведениями о войне позорит звание фронтовика.

До сих пор искренне сожалею, что не сдержался в тот момент и крайне резко ответил старому человеку. Как военный со стажем я за мгновение разглядел «иконostas» на груди того ветерана. Было ясно, что он фактически не воевал: на пиджаке теснились юбилейные медали, многочисленные значки и орден Великой Отечественной войны второй степени, которым весной 1985 г. только-только пришедший к власти М. С. Горбачев наградил всех, кто до

9 мая 1945 г. хотя бы день числился в рядах Вооруженных сил. По этому поводу я, каюсь, и прошелся. Повторяю, сожалею, что не сдержался! Но по моему глубочайшему убеждению, ни в коем случае нельзя всех ветеранов ставить в одну шеренгу. Кто-то, как Д. А. Гранин, воевал на передовой, а кто-то успел только присягу принять и врага в глаза не видел. Есть разница?! Сам же Д. А. Гранин с грустью писал про это: «Теперь уже не разобрать, кто воевал в артиллерии, кто в редакции, кто в банно-прачечном отряде»¹.

В произведениях Д. А. Гранина о войне нет парадности и напускного патриотизма, которого, вероятно, так не хватало тому старому человеку в значках. Но я всегда восхищался военной прозой Д. А. Гранина, потому что в ней нет фальши. Она как репортаж из того времени, талантливейший репортаж. Д. А. Гранин в своих военных произведениях всегда очень скромен и искренен. И фотографически точен. В той войне до сих пор много непонятого. Наверное, как и в любой другой войне. Я с первого курса военного училища дружил с замечательной советской писательницей В. В. Чудаковой (1925–1989), автором вышедшей в 1965 г. и ставшей знаменитой автобиографической повести «Чижик – птичка с характером». Удивительная книга! Весело и не пошло писать о Великой Отечественной войне кроме нее мог, кажется, только А. Т. Твардовский (1910–1971). Однажды Валентина Васильевна рассказала мне, как в июле или в августе 1941 г. наши солдаты сбили немецкий самолет. Немецкий летчик – ас с железным крестом на шее – выпрыгнул из самолета с парашютом и сломал ногу, упав прямо на наши позиции. Красноармейцы к тому времени германских военнослужащих еще не видели, ненависти к ним не накопили. Они обступили лежавшего на земле летчика, жалели его даже: санитаров, то есть В. В. Чудакову, позвали. Но когда немец в порыве ярости вдруг укусил за руку шестнадцатилетнюю Валу, делавшую ему перевязку, бойцы растерзали его у нее на глазах. Вот и пойми ее, войну.

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 17.

Подвиг наших воинов в той Великой войне огромен, но сама война — это сложнейший срез человеческой жизни; это архисложные взаимоотношения людей в экстремальных условиях. Недопустимо пытаться их понять только под звуки победных маршей. Их надо изучать как многогранное социально-политическое явление. Похоже, Д. А. Гранин так и делал: постигал сложное во всем его многообразии, а читателям объяснял простым языком. Это и есть талант.

Я мечтал съездить с Д. А. Граниным под Пулковку, в места, где во время блокады Ленинграда стоял его батальон. Затея моя не осуществилась — Д. А. Гранин к ней как-то без энтузиазма отнесся. А я так мечтал побывать там именно с ним! Сам-то я бывал там величайшее множество раз. Даже моя дорога из родного дома в военное училище пролегла мимо его боевых позиций: жил я на Средней Рогатке, а учился в военном училище в Пушкине. Ездил туда-сюда на 287 автобусе по тому самому шоссе, которое разделяло наши и вражеские позиции. Мне в память врезались слова Д. А. Гранина о том, что когда они с товарищами сидели в окопах и ветер дул со стороны противника, было слышно, как немцы скребли ложками по своим котелкам. Этот скрежет мне часто чудится. Кажется, я и сейчас его слышу.

Иногда мы с Д. А. Граниным говорили о литературе, о литераторах, хотя в этом я был плохим собеседником: мало прочитал, мало понимаю в литературе. Я опасался сказать какую-нибудь глупость. Однажды решился и признался ему, что не люблю произведений А. И. Солженицина. В ответ Гранин только пожал плечами и обронил единственную фразу: «Что о нем говорить? Непорядочный человек». Я не стал спрашивать, что он имел в виду. А надо было бы спросить.

Новой темой в 2004 г. стали размышления об истории Советского Союза. Во время президентства Б. Н. Ельцина Даниил Александрович высказал много критики в адрес Советского Союза, который в прежние годы так талантливо воспевал. Но наступил момент, когда критика нашей недавней истории переросла в опасное состояние: в общественном мнении россиян стала прочно утвер-

ждать идея о том, что вся история СССР — это черная страница. В том, что такой взгляд прочно начал входить в сознание наших соотечественников, особенно молодежи, я убеждался, общаясь со студентами. Они с умилением говорили о Киевской Руси, о Московском царстве, об имперской России, но презрительно отзывались обо всем, что было связано с событиями 1917–1991 гг. Это было большим упущением государства, которое за несколько лет сумело навязать миллионам россиян презрение к советской истории. Д. А. Гранин раньше многих почувствовал «перебор» и вступился за многое из того, что было при советской власти.

В частности, в интервью журналу «Огонек» он обратил внимание на то, что в советские времена был не только культ личности И. В. Сталина и крупные ошибки в политике Н. С. Хрущева, Л. И. Брежнева, но и было немало достижений, было и обычное человеческое счастье, которое упорно не желают замечать современники¹.

Он не уходил от острых вопросов, заявляя, что «огульное осуждение советского прошлого несправедливо»².

Мне очень важно то, что Д. А. Гранин, как и другие порядочные люди, такие как Ж. И. Алферов, Л. А. Вербицкая, протестовал против оболванивания россиян, отлучения их от российской классической литературы³.

Они объясняли, что для оболванивания людей вовсе необязательно им что-то запрещать, достаточно просто сместить акценты, что, к сожалению, у нас часто и делается.

Он посмеивался над усилиями современных политиков, рассуждавших о том, что современные россияне — свободные люди: «Быть свободными, чтобы выбрать себе хозяина?»⁴

1 Гранин Д. А. Советская жизнь стала белым пятном // Огонек. 2004. № 36. С. 29–30.

2 Гранин Д. А. Огульное осуждение советского прошлого несправедливо» // Известия. 2006. 27 янв. С. 5.

3 Гранин Д. А. Мы еще не доросли до Льва Толстого» // Санкт-Петербургский курьер. 2004. 16 дек. С. 20; Алферов Ж. И., Вербицкая Л. А., Гранин Д. А. Достоевского хотят уплотнить // Санкт-Петербургские ведомости. 2004. 9 июня. С. 2.

4 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 337.

Похоже, что Даниил Александрович очень удивлялся тому, что так долго живет. Свое удивление он никогда не высказывал вслух, но оно невольно проскальзывало в его интервью, в различных выступлениях перед небольшими аудиториями, в частных беседах. Он изумлялся тому, что чем дольше жил, тем меньше понимал самого себя¹. Мне кажется, это нормально, когда взгляды человека на жизнь под воздействием самой жизни корректируются, а порой и радикально меняются. Можно ходить по земле, но по воде можно только плыть. Ходить по воде – удел святых. Д. А. Гранин святым не был. Поэтому там, где нужно было ходить, он ходил, а там, где приходилось плыть – плыл. И надо признать, что далеко не всегда по течению.

В 2004 г. случилась большая беда: из жизни ушла жена Даниила Александровича Римма Михайловна. Не могу понять, как у Д. А. Гранина хватило сил выдержать это горе. Позже он написал: «Смерть жены после многолетнего брака – это потрясение. Сметаются все устои, все привычки. Прежде всего обнаруживается пустота. Пустое место за ужином. Кресло, где она сидела, – пустое. Ни в одной комнате ее нет. По привычке торопился домой, она там одна-одинешенька, ждет. Вошел – понимание, что никто не ждет. Несу домой новость, не терпится рассказать – никого нет. Каждый раз забываю, что ее нет.

Платяной шкаф. Там всегда было тесно от ее кофточек, блузок, юбок. Мы их раздали. Покачиваются пустые плечики. Мне надо узнать, когда к нам приезжал Роберт Фрост, какие стихи он читал. Спросить не у кого, она была единственная, кто помнил. Все больше и больше вещей, которые она знала, а я не знаю, не помню, и уже не узнать, кругом посторонние люди. Набирается целый материк безответного, того, что мне уже никогда не выяснить. Кругом необитаемый мир»².

1 Гранин Д. А. Я так себя и не понял... / Записал Н. Крыщук // Первое сентября. 2005. 28 июня. С. 3.

2 Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 454–455.

В 2005 г. из печати вновь вышло немало его книг. Дважды переиздавалась «Блокадная книга»¹. Появились новые издания романа «Вечера с Петром Великим» и повести «Зубр»². Но особенно меня радовала востребованность его романа «Иду на грозу», который был издан московским издательством «Вече»³.

Многие интервью писателя по-прежнему поражали своей остротой и резкостью. Чего стоило только его заявление о том, что «во власти нет людей, болеющих за Россию»⁴. Я не знаю, почему он не боялся во весь голос заявлять об этом. Верил в демократию? Вряд ли. Знал, что власти его не тронут, не накажут? Не уверен. Скорее всего, дело просто в его смелости и честности. Я твердо верю в то, что он никогда не был «карманным» оппонентом власти. Он просто писал и говорил то, что думал, не задумываясь над последствиями. Его авторитет в то время был уже столь высок, что вряд ли кто-нибудь осмелился бы его даже пожурить.

В 2005 г. Д. А. Гранин стал почетным членом Российской академии художеств и почетным гражданином Санкт-Петербурга. И то и другое было вполне справедливо. Даниил Александрович был не только тонким знатоком и ценителем живописи, но и очень многое сделал для пропаганды отечественного и зарубежного искусства, живописи — в особенности.

Что же касается его избрания почетным гражданином Санкт-Петербурга, то и оно мне кажется вполне справедливым. Насколько я знаю, почетным гражданином города он был избран не с первого раза. Я хотел разобраться в деталях и для этого попытался записаться на прием к председателю Законодательного собрания Санкт-Петербурга В. С. Макарову. Я очень рассчитывал на то, что мне

1 *Адамович А. М., Гранин Д. А. Блокадная книга: в 2 кн. М., 2005.; Адамович А. М., Гранин Д. А. Блокадная книга. М., 2005.*

2 *Гранин Д. А. Вечера с Петром Великим. М.; СПб., 2005; Он же: Зубр. М., 2005.*

3 *Гранин Д. А. Иду на грозу. М., 2005.*

4 *Гранин Д. А. Во власти нет людей, болеющих за Россию // Дело. 2005. 21 нояб. С. 1, 6–7.*

удастся добиться встречи с ним, поскольку когда-то мы вместе учились в аспирантуре исторического факультета Ленинградского университета под руководством замечательного историка и педагога профессора И. В. Погорельского. Кстати, под его руководством чуть позже учился в аспирантуре и С. В. Степашин, наш будущий премьер. Но я оказался слишком самонадеянным. Мне не удалось преодолеть заслон помощников В. С. Макарова, дававших мне обещание организовать такую встречу, которая так обещанием и осталась. Жаль, ведь эта книга могла бы быть более информационно насыщенной.

Мне особенно запомнился 2006 г. – год 50-летия со дня работы XX съезда партии. Д. А. Гранин очень много говорил о значении его решений в дальнейшей жизни Советского Союза. Многое в тех событиях он хотел понять еще глубже и считал, что это возможно только в результате общения с ведущими историками.

По инициативе Д. А. Гранина в 2006 г. в Доме ученых в Лесном состоялась интереснейшая встреча петербургских историков. Она была посвящена обсуждению истории работы XX съезда. Историков на ней было, как всегда, немного, человек десять, если не меньше. Но то были удивительные интеллектуалы. Среди них в первую очередь выделялись Р. Ш. Ганелин, А. З. Ваксер, В. С. Измозик. Формой встречи по традиции был мозговой штурм, хотя никто никогда формат наших встреч так не формулировал. Те встречи не вмещались в официальные форматы научного общения. Форма встреч вызрела как-то сама собой, но именно с подачи Д. А. Гранина. Получать приглашения на гранинские «междусобойчики» считалось среди историков огромной честью, поэтому никто из приглашенных прийти на них никогда не отказывался. Тогда, в 2006 г., я, как и в прежние встречи, открыл собрание и сразу же передал слово Даниилу Александровичу – «закоперщику» мероприятия. Слово «закоперщик» у нас вошло в обиход. Оно, хоть и не имело отношения к науке, довольно точно передавало суть статуса Даниила Александровича на наших посиделках. Д. А. Гранин в коротком выступлении, которое, по сути, было основным докладом, «набрасывал»

множество интереснейших, порой очень неожиданных, идей. Тут же разгоралась дискуссия, от которой у всех присутствовавших от удовольствия просто слюнки текли. Накал споров был удивительным, а идеи участников мне казались интереснейшими. Прав я или не прав, при желании можно проверить, потому что протоколы всех таких встреч мы публиковали в «Клио». Так что для истории те встречи не утрачены. Помню, как тогда в Лесном блистал интеллектом несравненный Александр Завельевич Ваксер. Потрясающая мощь научного мышления, знания невообразимой глубины! От такого общения было много пользы всем, и участники встреч этим общением очень дорожили. Запомнилось мне и выступление Д. А. Гранина. Особенно то, что он говорил не в начале встречи, а подводя ее итоги. Говоря о творчестве, он произнес совсем неожиданные слова. Он заметил, что, описывая характер своего героя, пишет о своем персонаже до тех пор, пока не перестает его понимать. Герой словно выходил из-под контроля и начинал жить самостоятельной жизнью. Если такой момент наступал, то, по мнению Д. А. Гранина, формирование образа удалось. Мне эта идея показалась ценной, поскольку было в ней что-то от историко-психологических подходов к реконструкции внутреннего мира исторических персоналий. В дальнейшем я не раз пытался использовать такой прием в своей работе. Мне и сейчас он представляется эффективным.

Помню, на ту встречу в Дом ученых в Лесном пришли на правах хозяев президент Политехнического университета академик РАН Ю. С. Васильев и будущий академик РАН, а тогда еще член-корреспондент РАН М. П. Федоров, на тот момент ректор Политеха. Юрий Сергеевич Васильев, человек с колоссальным кругозором, блестяще выступил на встрече, а М. П. Федоров хмуро молчал. После завершения работы академик Ю. С. Васильев подошел к Д. А. Гранину, сказал, что гордится таким выпускником Ленинградского политехнического института, как Даниил Александрович, и представил ему М. П. Федорова. Д. А. Гранин рассеянно кивнул, а когда мы через минуту сели в машину, чтобы ехать на Малую Посадскую, спросил у меня, кивая в сторо-

ну М. П. Федорова: «А кто этот толстяк?» Не очень любил Д. А. Гранин официальных людей.

Д. А. Гранин менялся со временем, как менялось и само время. На процесс изучения истории в России смотрел с грустью: «Наше историческое прошлое все время в ремонте, в лесах»¹. В последние годы мне часто приходилось слышать от коллег и друзей словосочетание «новый Гранин». Что вкладывали они в эти слова? То, что он по-новому стал смотреть на мир, пересмотрел свое отношение к политике вообще и к коммунистической идее в частности. В том, что он, пробыв много лет в КПСС, стал критиковать партию, многие усматривали его приспособленчество к новой жизни. Людей, которые так расценивали перемены в его взглядах, я встречал много, особенно среди пожилых своих знакомых. Думаю, они поверхностно относились к тому, что происходило в душе Даниила Александровича. Перемены в его сознании были следствием мучительных раздумий над жизнью, над тем, что произошло в нашей стране на рубеже веков. Как «прежний Гранин» стал «новым Граниным», мне понятно, потому что таких разуверившихся в советском прошлом у нас в стране были миллионы. Каждый приходил к новым мыслям по-своему. Кто-то легко переживал перемены, порой даже с радостью. Кто-то очень трудно приходил к новому осмыслению действительности.

Мы никогда не говорили о политике и политиках, но я видел, как неприятно ему все, что связано с властью. Мне почему-то было жаль Даниила Александровича — «нового Гранина». Получалось, что многое из того, что он отстаивал, к чему призывал миллионы людей десятилетиями, было зря. Возможно, он сам осознавал это и от этого страдал. Я же к идеям К. Маркса относился и отношусь иначе. По-моему, человечество пока не придумало ничего лучше идеи социальной справедливости. Прикрытие всего того, что происходит сейчас в России, «идеей здравого смысла» — слабое прикрытие. Нет «здравого смысла» ни в обнищании россиян, ни в беззащитности стариков, ни в безумных шагах по «скрещиванию ужа с ежом» — объединению в кучу

¹ Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 338.

совершенно разных по профилю вузов в неуправляемые махины якобы образовательных учреждений. Под разговоры об инновации российскую науку уничтожают на корню: закрывают высококвалифицированные диссертационные советы, оценивают эффективность ученых не по их таланту и результатам интеллектуального труда, а по глупейшим критериям, которые ловкачи от науки научились раздувать до невероятных размеров. Реальная зарплата доктора наук в Санкт-Петербургском университете в 2018 г. – в два раза меньше зарплаты водителя петербургского троллейбуса. Ну и куда мы на всем этом приедем?

Д. А. Гранин разочаровался в идеях марксизма. Но стоит ли разочаровываться в столовых приборах только потому, что к ним подали протухшую еду?

В 2006 г. Даниилу Александровичу было 88 лет. Возраст почтенный. Писатель считал, что вся жизнь его уже позади¹. К счастью, это было не так: впереди было немало сомнений, разочарований и радостей, вылившихся в конце концов в несколько замечательных книг. Тиражи его изданий в постсоветские годы были совсем не такими, как в СССР. Например, вышедший из печати в 2006 г. трехтомник был издан тиражом всего лишь в 1500 экземпляров, сразу же став библиографической редкостью².

В том же году Д. А. Гранин на практике подтвердил, что он стал в России духовным преемником Д. С. Лихачева. Может быть, такая формулировка не очень удачна, но по существу так оно и было. Дмитрий Сергеевич отстаивал интересы отечественной культуры; силой своего авторитета убеждал власти правильно выбирать приоритеты культурного развития страны. При необходимости, а она возникала часто, заступался за людей слабых, но одаренных и приносивших пользу духовной жизни страны. Наверное, Даниил Александрович в этом смысле у него многому научился, хотя на все в жизни имел свой собственный взгляд. Возглавив фонд Д. С. Лихачева, писатель по мере

1 Гранин Д. А. «Так торопился, а жизнь прошла...» // Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2006. 17 окт.

2 Гранин Д. А. Собрание сочинений: в 3 т. М., 2006.

сил содействовал своим авторитетом развитию науки, культуры, искусства в нашей стране. Особое внимание уделял Петербургу, который любил тихо и преданно. Именно Д. А. Гранину принадлежит идея о том, что академик Д. С. Лихачев был своеобразным министром по защите культуры в одном лице. Если разобраться, то оба они немного по-разному делали одно и то же: отстаивали те «закоулки» культуры, которые государство либо не могло разглядеть, либо считало явлением второстепенным. Но из таких вот «второстепенностей» и складывались очень важные фрагменты духовной жизни России в бездуховные постсоветские времена.

За короткий промежуток времени Д. А. Гранин сделал многое для того, чтобы дело Д. С. Лихачева, дух его созидания укрепился на российской почве и дал новые побег¹. Даниил Александрович объяснял смысл создания Фонда: «Фонд им. Д. С. Лихачева ежегодно отбирает со всей России сведения о подвижниках (15–20 человек). Из них мы отбираем четырех бескорыстных человек, которые спасают памятники истории, помогают школам, детям, художественным коллективам, краеведческим музеям. Они не рассчитывают ни на какие награды, но годами жертвуют своими

1 Гранин Д. А. Совместный проект газеты «Невское время» и Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева // Невское время. 2006. 10 мая. С. 8; Он же: Предисловие: К публикации «Путешествия в иноземства: О Д. С. Лихачеве» // Там же. 20 мая. С. 7; Он же: Французская беседа — впервые на русском: [Предисл. к публикации «Беседы академика Д. С. Лихачева с искусствоведом Л. Смирновым»] // Там же. 26 мая. С. 7; Он же: Тайный код Д. С.: Д. Лихачев был целым министерством по защите культуры: [Выступление на шестых Лихачевских чтениях в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов] // Российская газета 2006. 30 мая. С. 1–6; Он же: Уроки Лихачева // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Междунар. Лихачев. науч. чтения, 26–27 мая 2006 г. СПб., 2006. С. 15–18; Он же: Декларация культуры: [Выступление на шестых Лихачевских чтениях в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов: В сокр.] // Трибуна. 2006. 2–8 июня. С. 34; Он же: Лихачев был министром защиты культуры // Известия. 2006. 9 июня. С. 8; Он же: Он был министром той культуры, которой власть не занимается // Очень УМ. 2006/2007. № 1. Спец. вып.: к 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 16–23.

материальными благами, временем и силами, занимаясь этим делом. Конкретных фамилий не назову, их много»¹.

По мнению писателя, в начале XXI в. интеллигенция в России исчерпала себя. Она перестала играть какую-либо роль в жизни общества².

Даниил Александрович, размышляя о состоянии современного российского общества, часто приводил различные исторические параллели. Он сравнивал тенденции развития духовной жизни россиян в постсоветский период с теми состояниями, которые утверждались внутри немецкого общества на рубеже 1920–1930-х гг., когда мировой экономический кризис сильно потрепал не только экономику, но и человеческую духовность. Как известно, немецкий народ после Первой мировой войны в целом ощущал себя раздавленным политическими событиями своего времени. В Германии царила апатия, которая во многом дала возможность прийти к власти А. Гитлеру, пообещавшему возрождение немецкой нации. Чем закончилась та попытка возрождения, хорошо известно. Д. А. Гранин считал, что ситуация в постсоветской России в духовном плане во многом напоминала Германию³.

Большим поводом для печали писателя было то, что формировавшаяся новая российская элита прибирала к рукам не только материальные ценности, но и духовные. Широкому кругу населения страны подсовывались культурные суррогаты, которые оказывали разрушительное действие на сознание людей. Примитивное чтение, засилье литературы и кинофильмов, культивировавших насилие, безнравственность, материальное благополучие, делали свое дело. Из россиян за короткий период времени вылепливался среднестатистический экземпляр гражданина, имевшего нехитрые жизненные ориентиры. Таким существом государству было легко управлять, но опираться на таких граждан в деле развития государства было невоз-

1 Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 46.

2 Гранин Д. А. Что делать интеллигенции, когда ее роль кончилась // Московские новости. 2006. 2–8 июня. С. 9, 37.

3 Гранин Д. А. «Мы не отличаемся от немцев, поверивших Гитлеру...» // Час пик. 2006. 21 июня. С. 12.

можно. Д. А. Гранин хорошо осознавал все это. Он считал, что стремление государства на практике отвадить народ от истинных достижений культуры — явление не только безнравственное, но и социально опасное¹.

Д. А. Гранин в 2001–2006 гг. читал все номера журнала «История Петербурга» и журнала «Клио». Это позволяло ему быть в курсе последних достижений в изучении прошлого его любимого города, давало возможность проследить основные тенденции развития исторической науки в России. Когда весной 2006 г. в Российской национальной библиотеке проходило празднование пятилетия журнала «История Петербурга», Даниил Александрович выступил на нем, сказав трогательные слова.

В 2007 г. был выпущен пятитомник собраний сочинений Д. А. Гранина². Это событие прошло незамеченным. В канун 90-летия писателя отношение общества к нему несколько изменилось. Молодежь почти не знала его. Преподавая в высших учебных заведениях много лет, я часто на лекциях по истории России задавал студентам вопрос, приходилось ли им читать произведения Д. А. Гранина. Как правило, в аудитории, где находилось 200–250 человек, поднимались две-три руки. По моей просьбе мой коллега уже в 2018 г. задал этот вопрос на лекции, которая читалась магистрантам одного из ведущих вузов России. Никто из них не слышал о таком писателе. Такова печальная действительность.

Но Даниил Александрович по-прежнему оставался хорошо известным людям старшего поколения. Помнили о нем и те, кому в начале 2000-х гг. было 40–50 лет. Они его считали писателем знаменитым, деятелем культуры, мнение которого играет важную роль в осознании всего того, что происходит в нашей стране³. К их числу относились и руководители России, которые в конце 2008 г.

1 Гранин Д. А. Почему искусство для народа. Настоящая культура становится недоступной // Российская газета. 2006. 8 сент. С. 1, 9.

2 Гранин Д. А. Собрание сочинений: в 5 т. М., 2007.

3 «Святые на Руси есть — не хватает честных»: Знаменитый рус. прозаик Д. Гранин считает, что деятели культуры должны заниматься культурой, не политикой / [Беседа вели Д. Каралис и В. Желтов]; Мате-

очень высоко оценили заслуги Д. А. Гранина перед обществом. 28 декабря 2008 г. он был награжден орденом Святого апостола Андрея Первозванного за выдающийся вклад в развитие отечественной литературы, многолетнюю творческую и общественную деятельность.

В том же году ему была присвоена и Международная премия «Балтийская звезда», врученная за развитие и укрепление гуманитарных связей в странах Балтийского региона. Она была учреждена Министерством культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Союзом театральных деятелей РФ, Комитетом по культуре Санкт-Петербурга, Всемирным клубом петербуржцев и фондом «Балтийский международный фестивальный центр».

Но если награждение премией «Балтийская звезда» прошло не особенно заметно, то вручение ордена Святого апостола Андрея Первозванного широко освещалось в печати¹ и на телевидении. С тем событием у меня связаны личные воспоминания. В конце двадцатых чисел 2008 г. Даниил Александрович позвонил мне в редакцию и сказал: «Сегодня я встречаюсь с начальством. Пришлите мне с кем-нибудь из сотрудников по одному из последних номеров журналы “Клио” и “Истории Петербурга”». Помню, я тогда мысленно удивился: «Какое у Гранина может быть начальство? Господь Бог, что ли?» Спрашивать о начальстве мне было неудобно. Но я, конечно, отправил по указанному Д. А. Граниным адресу с сотрудницей редакции журналы и тут же забыл об этом. Вечером я сидел на кухне перед телевизором. Передавали программу «Время». Вдруг показали сюжет о том, как Д. А. Медведев, бывший в ту пору президентом России, вручал Д. А. Гранину орден Андрея Первозванного, а потом они пили чай. Во время чаепития Д. А. Гранин начал говорить Д. А. Медведеву про меня и протянул ему журнал «История Петербурга». Тот взял

риал подгот. Д. Каралис и А. Циопа // Невское время. 2008. 11 сент. С. 21.

1 См., например: Президент наградил Даниила Гранина орденом [Святого апостола Андрея Первозванного] // Вечерний Петербург. 2009. 28 янв. С. 6.

журнал в руки, начал листать. Потом Д. А. Гранин рассказал президенту, что я свой автомобиль продал, чтобы журнал открыть, так, дескать, хорошо бы помочь товарищу, то есть мне, как-то компенсировать затраты. Президент уточнил у Д. А. Гранина какие-то детали и пообещал материально помочь. Тут же начались непрерывные телефонные звонки в мой адрес, поздравления, как будто это меня президент орденом наградил. Даже с Кипра знакомые позвонили: отдыхали там и увидели по телевизору репортаж. А мне что им отвечать? Сижу, киваю, забыв, что в трубку-то не видно, что киваю. Странная была ситуация. Через пару дней приехала ко мне в редакцию съемочная группа программы «Время». Сняли про меня сюжет прямо в помещении редакции. А потом режиссеру захотелось простора, и она (это была очень милая и профессиональная дама) предложила мне съемку на улице. Дело было, кажется, в сентябре. Дождик шел мерзкий. Я брел под зонтом на троллейбусную остановку. Мне и вправду домой нужно было ехать на троллейбусе. Я и поехал. Съемочная группа запрыгнула в троллейбус следом за мной. Я встал на задней площадке. Мне режиссер начала задавать какие-то вопросы, я что-то отвечал. Очень скоро в программе «Время» показали этот сюжет. Друзья потом шутили надо мной: «Не зря ты продал машину – Медведев тебе троллейбус подарил». Никаких денег я не дождался. С Д. А. Граниным у нас о них разговора не было. Но он меня отчитал: «Почему только “Историю Петербурга” передали?! Почему “Клио» забыли?!» Но я не забывал. Лично своей сотруднице номер «Клио» для передачи Д. А. Гранину вручал. Тут, к сожалению, не обошлось без гаденькой интрижки. Не стану об этом писать, противно. Лишь замечу, что Д. А. Медведев слово свое сдержал: на поддержку моих журналов было направлено 4,5 млн рублей. До меня не дошло ни копейки. Я знал, кто и каким способом украл те деньги, но Д. А. Гранину говорить не стал, чтобы не травмировать его ранимую душу. Да и сам не искал правды: не живет она в наших местах.

Д. А. Гранин время от времени дарил мне свои книги с автографами. Дарил и разные другие книги. Дарил как-то

очень удачно: они пригождались мне в работе. Особенно воспоминания генерала от инфантерии Н. А. Епанчина, в которых говорилось об учебе в Пажеском корпусе будущего военного министра Временного правительства А. И. Верховского. Об Александре Ивановиче я много лет собирал материалы для монографии, и мемуары Н. А. Епанчина мне очень помогли.

Но однажды я набрался смелости и подарил Даниилу Александровичу свою книгу, которая была посвящена истории жизни легендарного советского разведчика Кента. Писатель принял мой подарок сдержанно, даже с какой-то настороженностью. Я невольно подумал о том, что многие авторы дарят ему свои работы. И ему это, наверное, порядком надоело. Но вскоре я забыл об этом.

Недели через три Д. А. Гранин позвонил мне и сказал, что прочитал мою монографию о Кенте. Обычно не очень многословный, он говорил о книге минут десять. Даниил Александрович находил очень точные слова для характеристики работы, а в конце разговора сразил меня фразой: «За последние пять лет это первая книга, которую я дочитал до конца». Привожу эту цитату, которую запомнил слово в слово, совсем не для того, чтобы похвастаться высокой оценкой мэтрот моего труда. «Инстинкт самосохранения» мне подсказывает, что лучше бы я не писал об этом, чтобы не прослыть хвастуном. Но показать Д. А. Гранина таким, каким он был в моем понимании, каким остался в моей памяти, мне еще важнее. Так что я просто сделал выбор, осознавая последствия. Мне всегда было ясно, что интерес к моей книге связан не с моими «литературными талантами», а с пронзительно печальной судьбой выдающегося разведчика. К тому моменту Анатолий Маркович Гуревич еще был жив, ему было тогда 92 года. Гранин попросил меня, чтобы я организовал ему встречу с легендой советской военной разведки. С Кентом мы были близкими друзьями много лет, несмотря на огромную разницу в возрасте. Я сердечно любил этого отважного и скромного человека. Люблю и сейчас. Д. А. Гранину Кент был очень интересен своей необычной судьбой, своим выдающимся даром разведчика и огромным личным вкладом в историю. Кент жил на по-

Даниил Гранин на праздновании пятилетия
журнала «История Петербурга». 2006
Фото С. Н. Полторака

Титульный лист книги
«Причуды моей памяти»

следнем этаже обычной пятиэтажки в проезде Раевского, который часто по ошибке называют проспектом. Его дом находится в тихом дворе неподалеку от метро «Политехническая». В назначенный день и час мы с Д. А. Граниным подъехали к дому бывшего резидента советской военной разведки в Бельгии и во Франции. Я заранее предупредил Даниила Александровича, что лифта в доме нет: придется подниматься на пятый этаж. «Справлюсь», — коротко отреагировал Д. А. Гранин. К квартире Кента мы поднялись довольно быстро. Даниил Александрович почти не отдыхал, поднимаясь по лестнице, чем удивил и порадовал меня. В доме Кента его с нетерпением ждали. Сам Анатолий Маркович к тому времени уже не ходил, сидел в инвалидной коляске. Его жена Лидия Васильевна Круглова всегда славилась гостеприимством и умением готовить. Ее отец когда-то был личным поваром Л. П. Берии. Она пригласила нас к чаю. Я стал расхваливать приготовленное Лидией Васильевной печенье, а Д. А. Гранин не отрываясь смотрел на Кента. Мне почему-то запомнился облик писателя в тот

день. Он, как обычно, был без галстука. Под стареньким пиджаком была какая-то курточка спортивного покрова на молнии. Застежка у молнии отсутствовала. Вместо нее в отверстие замка молнии была вставлена обычная канцелярская скрепка. Странно устроена память. Детали той встречи мне не особо запомнились, а вот та скрепка почему-то так и стоит перед глазами. Встреча не очень врезалась мне в память, потому что все, о чем рассказывал Кент, я и так знал. А Д. А. Гранин почти все время молчал. Он изредка задавал вопросы и слушал, слушал. Он умел замечательно слушать! Запомнилась еще одна деталь. Кент во время встречи очень разволновался. Таким взволнованным я его не видел никогда. То ли из-за волнения, то ли из-за того, что почувствовал с Д. А. Граниным родство душ, Кент в какой-то момент заговорил с ним на «ты», что ему, глубоко интеллигентному человеку, было совсем несвойственно. Кент был на пять лет старше писателя, но они встречались впервые, и, разумеется, такое обращение было неожиданным. Лидия Васильевна мягко поправила мужа, но Д. А. Гранин только улыбнулся глазами и сказал ей: «Все хорошо». Пробыли мы в гостях примерно час. Когда вышли на лестничную площадку и дверь за нами закрылась, Д. А. Гранин сделал пару шагов, в задумчивости остановился и произнес тихо: «Какая судьба...» Больше мы о Кенте никогда не говорили. Я надеялся, что когда-нибудь Даниил Александрович что-нибудь о нем напишет, но, кажется, не написал.

То было немного странное время. В ходу было слово «инновации», но были они во многом на удивление бестолковыми. Помню, как однажды меня пригласили в Москву для участия в семинаре главных редакторов научных журналов. Семинар проходил в Политехническом музее. В актовом зале перед двумя-тремя сотнями главредов выступали разные знающие люди. Они объясняли, как следует руководить научными изданиями. Особенно запомнился «креативный» молодой человек из Министерства образования. Он объяснял нам, поглядывая на нас свысока, что нужно уметь улавливать интеграционные процессы в науке. В качестве примера рассказал об одной из последних «ин-

новаций» в издательском деле: «Были журналы “Физическая химия” и “Химическая физика”. Мы их объединили в одно издание, поскольку это почти одно и то же». Зал долго не мог успокоиться от смеха от такого заявления, а оратор не понимал причины реакции аудитории.

В 2008 г. неожиданно для многих читателей из печати вышел новый роман Д. А. Гранина «Причуды моей памяти»¹. Мне приходилось встречать критические отзывы об этой книге. В основном они касались якобы фальсификаций писателем сведений собственной биографии. Не могу согласиться с такой формулировкой. Писатель не очень четко придерживался каких-то дат, но он и не претендовал на точность. Его произведения – литературные, а не научно-исторические труды. Этот роман Д. А. Гранина, как и другие его последующие крупные по объему работы, по форме во многом напоминает «Записки и выписки» академика М. Л. Гаспарова². Даниил Александрович хорошо знал это произведение, ссылался на него в своих работах.

Что же касается литературных достоинств романа, то они велики. Во-первых, я не знаю писателей, которые отваживались бы писать столь масштабные произведения в 90 лет. Во-вторых, в этом романе, который очень афористичен, много новых идей.

Мне представляется необычайно интересной динамика мышления советских военнослужащих в самом начале войны, которую Д. А. Гранин сумел зафиксировать поэтапно:

- 1) уверенность в том, что «мы их раздолбаем»;
- 2) разочарование в прежних представлениях о ходе войны с Германией;
- 3) отчаяние от военных неудач Красной армии;
- 4) злоба «и на немцев, и на своих начальников»;
- 5) уверенность в будущих победах над врагом – «угрюмая, исступленная»³.

В этом произведении, которое автор назвал «книга-размышление»⁴, нет оглавления. Она представляет собой

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти.

2 Гаспаров М. Л. Записки и выписки. М., 2001.

3 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 10–11.

4 Гранин Д. А. Там же. С. 3.

собранные под общей обложкой небольшие зарисовки на темы, которые в разное время особенно волновали автора. Вполне возможно, что Даниил Александрович сделал ревизию своих писательских записных книжек и выстроил их содержимое в рамках единой концепции — размышлений и воспоминаний о жизни, которая уже прожита. Концепция грустная, но книга увлекательная и поучительная. Я отработал ее с карандашом в руке, сделав многочисленные пометки почти на каждой странице. Когда Даниил Александрович увидел мои пометки, он был искренне изумлен тем, что его книга отработана, как студенческий конспект накануне экзамена. Его, человека внешне несентиментального, растрогало такое внимание к его работе. Он оставил на ее титульном листе короткую надпись: «Сергею Николаевичу сердечно Д. Гранин». Он и вправду был сердечным человеком.

«Причуды моей памяти» — это очень точное определение писателем своего отношения к прожитой жизни. Не столько к фактам, сколько к минувшим ощущениям. Чего только стоит, например, оброненная им ненароком фраза: «Когда была советская жизнь, я не чувствовал себя советским человеком, а теперь очень часто чувствую»¹.

Д. А. Гранину за время его деятельности вручили множество наград, премий. Знаю, что некоторых людей это очень раздражает, хотя, по моему мнению, все звания, премии и награды Даниил Александрович заслужил по совести. Среди всех этих многочисленных поощрений есть одно, которое почти никем не было замечено. В 2009 г. писателю был вручен приз «Золотой пеликан», которого он был удостоен за большую благотворительную работу. Его благотворительность — это не перечисление денег в какие-то нуждающиеся организации. Она сводилась в первую очередь к пропаганде добра, доброжелательности людей друг к другу, к стремлению понять и прочувствовать боль других людей. Эта награда традиционно вручалась в Духовно-просветительном центре Александро-Невской лавры. Д. А. Гранин выступил на церемонии вручения на-

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 358.

грады с проникновенной речью, посчитав, что «Золотой пеликан» – это аванс за его скромный писательский труд¹.

Большой жизненный опыт, осознание ошибок, которые довелось ему совершать, привели Д. А. Гранина к пониманию того, что нет ничего важнее на свете общечеловеческих ценностей.

Он был убежден в том, что такое нравственное понятие, как Совесть, должно быть присуще каждому человеку, что важно разбудить ее в тех людях, которые о ней ничего не хотят знать². По мнению Даниила Александровича, самое главное в жизни человека – это Любовь в самом широком смысле слова³.

С тех пор, то есть с 2009 г., тема любви стала центральной в его произведениях. Казалось бы, странно: 90-летний писатель вдруг начал так много писать и говорить о любви. Но любовь – понятие всеобъемлющее. Д. А. Гранин трактовал ее в самом широком смысле, ставя на первое место среди всех других нравственных приоритетов. Возможно, именно эти усилия были оценены, когда Д. А. Гранину в 2009 г. был вручен орден Святого благоверного князя Даниила Московского II степени.

Даниил Александрович с интересом ученого изучал перемены, происходившие в сознании россиян. Как-то он написал: «В 2009 г. кинофильм “Адмирал” прошел по стране с неожиданным успехом. Фильм, на мой взгляд, прямолинейный, донельзя упрощенный. Но! Адмирал Колчак – герой, благородный красавчик, воплощает славные

1 [Выступление: На церемонии вручения наград благотворительного обществ.-политич. движения «Золотой пеликан Северо-Запад» в духов.-просветит. центре «Святодуховский» Александро-Невской лавры, март 2009 г.] // Санкт-Петербургские ведомости. 2009. 19 марта. С. 5. В ст. Д. Александровой. За милосердие и душевную щедрость.

2 [Выступление на заседании круглого стола «Совесть: Беспольное свойство души?», 30–31 янв. 2009 г.: Фрагм. стеногр.] / Подгот. к публ. А. Бузулукский // Санкт-Петербургские ведомости. 2009. 14 мая. С. 1, 4; Известия. 2009. 26 мая. С. 9.

3 Любовь — это лучшее изобретение человечества: [Беседа] / Даниил Гранин — Александр Мелихов; [Предисл. ред.] // Октябрь. 2009. № 7. С. 164–172.

традиции русского офицерства. А большевики – плохие, грубая, темная матросня.

Зрителей привлекал этот перевертыш: восемьдесят лет Колчак был символом белогвардейской жестокости, зверств колчаковщины, и вдруг извлекают его из тлена – и перед нами новообретенный кумир. Душка»¹.

Даниил Александрович писал о «перевертыше», поскольку оценивал фильм с позиций своего жизненного опыта и своих знаний истории. По инерции он думал, что его современники имеют такие же опыт и знания. И тут он ошибся! По поводу этого фильма у меня пытался взять интервью один тележурналист. Я честно признался, что фильм не смотрел и смотреть не собираюсь, поскольку у меня есть плохая привычка: начинаю «редактировать» создателей фильма – анализирую их промахи (пуговицы на кителях офицеров, расположение наград, подаваемые команды, взаимоотношения между военнослужащими и т.д.). Мне, человеку, изучающему историю Гражданской войны в России более сорока лет, такие фильмы смотреть противопоказано. Журналист понимающе кивнул и сказал: «А я посмотрел. Рядом со мной в зале сидела, взявшись за руки, пара влюбленных – девушка и парень лет восемнадцати. Девушка весь фильм проплакала. А когда кинофильм закончился и в зале включили свет, она, вытирая слезы, сказала возлюбленному о А. В. Колчаке: “Я так и знала, что его убьют!”».

Я очень сожалею, что не рассказал эту историю в свое время Даниилу Александровичу. Просто как-то разговор не заходил об этом фильме. Он не представлял, какой провал в знаниях российской истории произошел у наших соотечественников. Какие уж там перевертыши?! Чистый лист, а не сознание: пиши что вздумается. Мне этот случай казался грустным и одновременно курьезным. Я много раз рассказывал о нем коллегам и своим ровесникам, и они всегда искренне смеялись. Но когда я однажды рассказал его студентам-гуманитариям во время лекции по истории Гражданской войны в России, они посмотрели на меня

1 Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 58–59.

с удивлением. Мне кажется, что только один этот пример характеризует результаты нашей современной системы образования лучше, чем несколько диссертаций по истории педагогики.

Но надо признать, что Д. А. Гранин и так понял главное. Он с грустью писал: «TV за 2000–2009 годы добилось-таки, чтобы страна наша поглупела, из христианской превратилась в языческую — жрать, трахать, покупать, продавать, пить, гулять»¹.

Меня всегда поражала работоспособность Даниила Александровича. Он постоянно, несмотря на возраст, бывал на многочисленных культурных мероприятиях не только в Петербурге, но и в других городах и даже в других странах. Всегда выступал на них с глубокими по содержанию речами. При этом он находил время для того, чтобы продолжать заниматься своим писательским трудом. Признаться, когда вышел из печати роман «Причуды моей памяти», я подумал, что оно станет последним крупным произведением Д. А. Гранина. Но, к счастью, я ошибся. В 2010 г. вышло новое крупное произведение писателя «Все было не совсем так»². В нем были собраны размышления писателя, одолевавшие его в разные годы жизни. На первый взгляд они были хаотичными, но ведь и жизнь наша представляет собой набор противоречий, которые и продвигают нас вперед. Эта книга, с одной стороны, подводила итог размышлений всей жизни писателя, а с другой — давала возможность высказаться фрагментарными импульсами-идеями, поскольку выстраивать какую-либо единую концепцию большого масштаба Д. А. Гранину было уже тяжело в силу его преклонных лет.

К этому произведению Даниила Александровича у меня двойственное отношение. По тексту книги рассыпаны многочисленные замечательные наблюдения, озарения, что под силу только выдающемуся таланту. Книга дала возможность во многом лучше понять внутренний мир писателя. Но есть и обстоятельства, омрачающие свет-

1 Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 76.

2 Там же.

лое восприятие книги «Все было не совсем так». Не знаю, как другим читателям, а мне оказалась видна усталость Д. А. Гранина от работы с текстом. Он писал по-прежнему талантливо, но мне трудно было избавиться от ощущения, что книга создавалась наспех. Как будто писатель боялся не успеть ее закончить. Возможно, так оно и было. Удручающее впечатление производили многочисленные повторы в тексте. Автору очень трудно, почти невозможно, удержаться от них, потому что, пока создается текст, не всегда удается удержать в памяти, какая мысль уже легла на бумагу, а какая — нет. Но для этого и существуют редакторы, которые должны выполнять свою работу. Их вклада в подготовку этой книги к изданию я не вижу.

Но в книге были очень точные наблюдения, характеризовавшие важнейшие тенденции развития, точнее, деградации духовной жизни в стране. Даниил Александрович очень точно тогда подметил: «Опасность для существования литературы в России состоит ныне в том, что она, литература, стала безопасной. Политическая власть перестала обращать внимание на нее, ибо ее не читают. Читают газеты, и то мало. Вот телевидение — это влиятельно. А поскольку телевидение субсидирует государство, то сделаем его безопасным. Наполним развлекухой. Массовкой. Шоу»¹. Горько осознавать правоту этих слов. Особенно если учесть гранинский афоризм: «Человек — существо одноразовое»².

2010 г. был годом противоречивым. С одной стороны, Д. А. Гранин признавался на международном уровне одним из выдающихся мыслителей современности³, а с другой — его стабильный успех у читательской аудитории не давал покоя людям с амбициями, которые желали самоутвердиться за счет известного человека. Они писали о том, как Д. А. Гранин гнобил И. А. Бродского, и вообще как он все в своей жизни и творчестве делал неправильно.

1 Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 152.

2 Там же. С. 156.

3 Гранин Д. А. «Мне лично нужны простые человеческие ценности». Петербург, 20 нояб. 2002 — 30 окт. 2009 / [Беседу вели К. фон Барлёвен и Г. Наумова] // Барлёвен К., фон, Наумова Г. Книга знаний: Беседы с выдающимися мыслителями нашего времени. М., 2010. С. 148–167.

На десятом десятке жизни Даниил Александрович пришел к убеждению, что есть вечные ценности, которые куда важнее власти и денег. Он писал, казалось бы, о том, что и так должно быть понятно. Например, писал о человеческой совести, которая хотя и не приносит дохода, все же у человека должна быть¹.

Писатель размышлял о культе личности, о социальной справедливости и о том, возможна ли она в условиях всеобщей российской несправедливости².

Мне он представлялся одним из немногих, кто вступался за слабых и обделенных в России и к кому хоть в какой-то степени прислушивалась власть. Помогало ли это людям? Думаю, что не очень. Но само осознание того, что есть человек, которому небезразлична судьба обычных порядочных людей, придавало сил.

История Петра Великого по-прежнему увлекала Даниила Александровича. Он был убежден, что Петр I никогда не отличался жестокостью. При этом Даниил Александрович очень верно замечал, что «судить любого государственного деятеля надо по законам не нашего, а того времени. Расправа, которую он учинил над стрельцами, стала результатом их бунтов, во время которых они проявили невероятную жестокость»³. Вскоре состоялась экранизация проекта «Петр Первый. Завещание», где Д. А. Гранин выступил соавтором сценария. Д. А. Гранин создал образ государя таким, каким он его чувствовал и понимал. Этот образ очень отличался от того, который ему навязывали в детстве: «Я слушал в школе, как учительница рассказывала, как Петр любил брить бороды бояр, рассказывала так, что Петр восприни-

1 Совесть не приносит дохода: Писатель Д. Гранин — о власти и пустых пьедесталах / [Беседу вел М. Володин] // Аргументы и факты: Санкт-Петербург. 2011. 19–25 окт. С. 3.

2 Победим ли мы культ наличности?: Писатель Д. Гранин о справедливости, Сталине и национальной мечте / [Беседу вел М. Володин] // Труд-7. 2011. 20 окт. С. 4–5.

3 Творческая встреча с Даниилом Граниным: презентация книги «Интеллегенды», СПбГУП, 9 февраля 2016 года: [сборник]. СПб., 2016. С. 42.

мался как парикмахер, любил бороды брить и занимался этим, оставив все свои царские дела»¹.

2012 г. стал для Д. А. Гранина в творческом отношении очень удачным. Из печати вышло несколько новых работ, среди которых следует отметить роман «Мой лейтенант»² и книгу «Три любви Петра Великого»³.

Д. А. Гранин не любил, когда кто-нибудь рассуждал о его творчестве. Я несколько раз пытался ему что-то говорить, но он реагировал довольно прохладно, а иногда даже резко.

Спорить с ним вообще было сложно. Пожалуй, даже бесполезно. Мне, во всяком случае. Помню, приехал я к нему на Малую Посадскую вскоре после визита к нему В. В. Путина. Вошел я в подъезд и ахнул: подъезд был отделан всякой современной красотой, чуть ли не мрамором. Я не удержался и сказал Д. А. Гранину, что если бы в каждый подъезд в России приезжал президент страны, то, глядишь, и подъезды стали бы на подъезды похожи. Д. А. Гранин слегка вспылил, но быстро отошел.

Вышедшая из печати в 2012 г. книга «Три любви Петра Великого» была и новой, и не новой. В принципе, то была немного доработанная и дополненная уже известная книга «Вечера с Петром Великим».

Д. А. Гранин любил «обновлять» свои работы: издавал их с дополнениями или, что бывало гораздо чаще, в разном сочетании. Мне как редактору двух журналов всегда было интересно анализировать такой подбор повестей, очерков, рассказов, поскольку я сам это делаю постоянно: думаю о совместимости соседствующих в журнале статей. На мой взгляд, Даниил Александрович очень осторожно и бережно относился к такому соседству. По-моему, он стремился к тому, чтобы у читателя создавалось впечатление, будто одно произведение вытекает из другого, даже если они не близки по своей

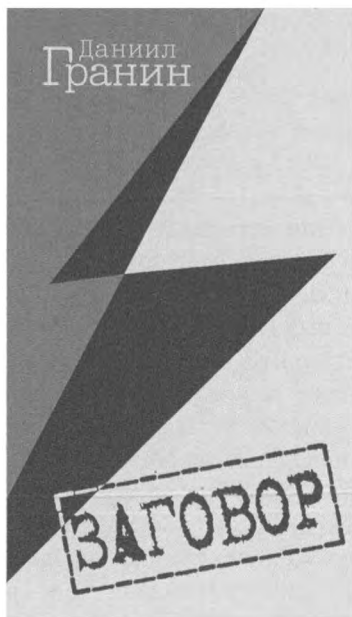
1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 79.

2 Гранин Д. А. Мой лейтенант.

3 Гранин Д. А. Три любви Петра Великого. М., 2012.

Обложка книги «Три любви Петра Великого»

Обложка книги «Заговор»

проблематике и написаны с интервалом лет в десять, а то и больше.

В 2012 г. Даниил Александрович был удостоен сразу нескольких премий. В номинации «За честь и достоинство» ему была вручена премия «Большая книга». Также ему присудили Царскосельскую художественную премию за книги «Заговор», «Все было не совсем так» и «Причуды моей памяти». Напомню, писателю к тому времени было 94 года. Поразительная работоспособность. Эти три книги очень похожи. Они написаны в виде крохотных самостоятельных произведений: зарисовок, диалогов, афоризмов, а порой и просто риторических вопросов. Как читатель я очень люблю эти три книги и часто их листаю вновь и вновь. Они создают ощущение присутствия Даниила Александровича рядом. Во мне начинает звучать его удивительный голос, который я всегда воспринимал с внутренним трепетом.

В 2012 г. книгу «Заговор» мне купить не удалось. Д. А. Гранин не предложил, а сам я попросить ее в подарок не решился. Купил только издание 2014 г. и прочитал, как обычно, сделав по привычке множество пометок. Д. А. Гранину очень не нравилось, что я чиркаю в его книгах. Однажды он увидел у меня в руках одну из своих книг с многочисленными пометками, ничего не сказал, только укоризненно покачал головой. А я его книги уже не мог читать просто так. Я работал с ними, спорил с ними и восхищался. То же самое случилось и с книгой «Заговор». Д. А. Гранин размышлял в ней о разном. Например, о стихах. Казалось бы, простой вопрос: зачем нужна поэзия? Объяснить он этого не мог. Только констатировал: «Радость эта высшая, ни с чем не сравнимая. Необъяснимая»¹.

В этой книге нет отдельного сюжета, но есть множество интересных наблюдений. Он писал о «роскоши семейного одиночества», считая, что она представляет собой «жизнь вглубь»², ставил в этом смысле всем в пример японцев и норвежцев, которые, по его мнению, первыми догадались, что современное семейное «отшельничество» — это огромная роскошь.

Д. А. Гранин восхищался людьми, создавшими «мелочи», получившие всемирное распространение: нож для резки сыра, застёжки-«молнии», «вечное перо», шариковые ручки, носки с резинками и носки без резинок. Этих изобретателей Даниил Александрович сердечно называл «малыми Эдисонами»³.

В этой книге меня привлекла и гранинская классификация литературы, которая, по его мнению, делится на два типа: «одна убаюкивает совесть, а другая ее тревожит»⁴.

Я очень дорожу мыслью Д. А. Гранина о том, что воинские кладбища — это средство воспитания мира⁵. К сожалению, мы до сих пор этого не поняли. Я, может быть, и понял умом, но до сердца пока еще не дошло. Это большая

1 Гранин Д. А. Заговор. С. 24.

2 Там же. С. 51.

3 Там же. С. 54.

4 Там же. С. 56.

5 Там же. С. 72.

работа – понять такое. Начал ее Даниил Александрович теперь уже много лет назад. Начал раньше всех в России. И за это мы должны быть ему благодарны.

В октябре 2013 г. не стало видного исследователя истории блокады Ленинграда В. М. Ковальчука, много лет проработавшего в Санкт-Петербургском институте истории РАН. Валентин Михайлович много лет исследовал историю блокады, делая акцент на изучение коммуникаций, благодаря которым городу удавалось жить и сражаться. Д. А. Гранин относился к его трудам с большим интересом и уважением. Когда осенью 2013 г. историк ушел из жизни, Даниил Александрович очень переживал эту утрату. Они были почти ровесниками: Валентин Михайлович был на два года старше Даниила Александровича. Оба были участниками Великой Отечественной войны, оба много лет посвятили изучению блокадной поры. Д. А. Гранин считал необходимым написать и опубликовать материал, посвященный памяти заслуженного деятеля науки РФ В. М. Ковальчука, который был опубликован в «Санкт-Петербургских ведомостях»¹.

В июне 2013 г. на одном из петербургских телеканалов демонстрировался документальный фильм «Даниил Гранин. Прямой разговор». Фильм, на мой взгляд, очень удачный. Писатель многое рассказал о своей жизни, о том, какие ценности ставит выше остальных. Восприятие любого фильма, в том числе и документального, всегда очень индивидуально. Но меня поразило не столько фильм, сколько то, что в газете «Невское время» был опубликован материал С. Ильченко «Следовать за мыслями великого человека»². В России как-то не принято при жизни называть человека великим. Мне эта традиция не нравится. И то, что Д. А. Гранин был назван великим человеком, хотя и было непривычным, в целом у меня вызвало понимание и даже симпатию. Признавать заслуги и таланты людей только после их смерти мне представляется неправильным. Это

1 Гранин Д. А. Памяти историка В. М. Ковальчука // Санкт-Петербургские ведомости. 2013. 11 окт. С. 3.

2 Ильченко С. Следовать за мыслями великого человека // Невское время. 2013. 14 июня. С. 5.

своеобразная лжескромность. Воздаваться должно по заслугам, и очень желательно, чтобы при жизни. Конечно, Д. А. Гранин имел величайшее множество наград. В том же 2013 г. он был удостоен ордена Александра Невского за вклад в развитие отечественной литературы и многолетнюю общественную деятельность, армянской медали «Маршал Баграмян». В Китайской Народной Республике ему присудили премию «Лучший роман года» за книгу «Мой лейтенант». Последнее для меня осталось загадкой. Я не ожидал, что в Китае могут оценить творчество писателя. Возможно, я считал, что его лучше знают в Европе. Не так давно я спросил у своей коллеги – очень известного турецкого филолога, доктора филологических наук профессора заведующей кафедрой русского языка и литературы Стамбульского университета Тюркан Олджай, знают ли произведения Даниила Александровича в Турции, и получил следующий ответ: «К сожалению, Гранина в Турции рядовой читатель не знает. В Турции больше всего популярна русская классика. Популярны и некоторые имена XX века. У нас, к сожалению, издаются книги, на которые есть спрос. Издательства не ставят цели увеличения знаний и культуры населения. Книги Гранина в переводе на турецкий язык мне не попадались. Но имея в виду, что в Турции более 15 кафедр русского языка и литературы, можно с уверенностью сказать, что их выпускникам известны его имя и краткая биография. И все же я написала своим бывшим студентам, нынешним ответственным за публикацию русской литературы. Если получу какую-то информацию, напишу. Успеха Вам и всех благ»¹. Признаюсь, ответ меня немного огорчил, поскольку в Советском Союзе и в постсоветской России труды современных турецких писателей все же известны. Надеюсь, что нашим соседям из Турции еще предстоит открыть для себя писателя Д. А. Гранина.

Каждый год давался Даниилу Александровичу все труднее. Я восхищался его волей, которая позволяла пре-

1 Из переписки автора с Тюркан Олджай по электронной почте от 28.08.2018.

возмогать возрастные недуги и продолжать заниматься творчеством, а также общественной работой. Продолжали выходить из печати его книги. В 2014 г. вновь были изданы его романы «Человек не отсюда»¹ и «Бегство в Россию»². Секрет своего вдохновения писатель раскрыл в одном из своих выступлений в январе 2014 г., подчеркнув, что «все в жизни решает духовное состояние человека»³.

Чуть позже, 27 января 2014 г., состоялось выступление Д. А. Гранина в бундестаге ФРГ. Я много раз пересматривал то его выступление. Оно достойно того, чтобы над ним размышляли политики, историки, политологи, философы, психологи. Для каждого из них найдется свое поле для размышлений. Меня поразило в том выступлении многое. Например, то, с каким удивительным вниманием его слушали присутствовавшие в зале депутаты, особенно молодые. Меня поразило почтение, с которым отнеслись к Даниилу Александровичу политические лидеры Германии, особенно А. Меркель. Не знаю, почему, но мне очень понравилось, что писатель отказался от предложенного ему стула и выступал перед аудиторией стоя. Это подчеркивало не только его уважение к присутствовавшим людям, но и солдатскую стойкость ветерана войны. Не буду скрывать, не все из того, о чем говорил Даниил Александрович, принимала моя душа. Не знаю, зачем писатель стал рассказывать депутатам о том, как в блокадном Ленинграде одна из матерей кормила свою дочь мясом другой, уже умершей, дочери. Конечно, такие случаи были, но думаю, что формат выступления в бундестаге был не тот, при котором следовало говорить о таком человеческом горе. Возможно, многие со мной не согласятся. Как-то я заговорил на эту тему с академиком РАН Ю. С. Васильевым, которого тоже потрясло гранинское выступление в бундестаге ФРГ. Юрий Сергеевич сказал, что такие блокадные примеры — наше горькое достояние. Это та часть нашей отечественной ис-

1 Гранин Д. А. Человек не отсюда.

2 Гранин Д. А. Бегство в Россию. М., 2014.

3 Гранин Д. А. «Все в жизни решает духовное состояние человека»: [Выступление в Большом зале Санкт-Петербургской консерватории, 13 янв.] // Невское время. 2014. 15 янв.

тории, которую мы должны хранить в сердце и в памяти, но которую вряд ли стоит выплескивать на официальных встречах в других странах. Я разделяю такой взгляд.

К середине второго десятилетия XXI в. Д. А. Гранин сосредоточил все свои усилия писателя и общественного деятеля на изучении и пропаганде вклада Петра Великого в историю России. Один из его выдающихся проектов – культурно-просветительская программа «Международные конгрессы петровских городов». Мне довелось быть лишь на одном из этих конгрессов, но я убедился в том, что они имеют колоссальное значение для отечественной культуры и науки. Не случайно за создание этой программы Д. А. Гранин в 2014 г. был удостоен премии Правительства Российской Федерации.

Очень высоко оценила этот проект истинный подвижник изучения истории Петербурга З. А. Рудая, много лет работающая в Центральной городской публичной библиотеке имени В. В. Маяковского в Санкт-Петербурге. Она сообщила, что Маяковка располагает материалами всех прошедших Петровских конгрессов, включая последний, посвященный теме «Петр Первый и Восток»¹.

В 2015 г. Даниил Александрович больше, чем прежде, был вынужден уделять внимание своему здоровью. Главной проблемой были боли в суставах, что мешало ему полноценно двигаться. Но он превозмогал боль, продолжал активно работать, хотя все меньше и меньше выходил из квартиры. Больше внимания стал уделять общению с людьми по телефону. К нему чаще стали приезжать новые люди – историки, писатели, журналисты, работники учреждений культуры, особенно музеев. Д. А. Гранин был одним из последних воинов, защищавших Ленинград в дни блокады. Блокадная тема по-прежнему оставалась для него святой. Нередко он перекидывал виртуальный мостик между далекими событиями 1941–1944 гг. и современностью. Как ни странно, получалось, что в период тяжелейших испытаний людям удавалось больше сохранить в себе

1 Из переписки по электронной почте О. И. Молкиной с З. А. Рудой от 22.06.2018.

человеческого, чем в относительно спокойные и уж всяко менее голодные наступившие годы. Писатель рассуждал о причинах такой ситуации, высказывал свое мнение по поводу источников героизма ленинградцев в дни блокады. Как и раньше, он считал сострадание одной из главных добродетелей человека. Он сам очень сопереживал то, что многие россияне за последние годы обнищали, в то время как небольшая часть их соотечественников имела возможность жить всласть. По его мнению, помогать людям, оказавшимся в беде, было и остается проявлением высоких нравственных качеств¹.

Еще в 1999 г. Д. А. Гранин опубликовал статью «Потерянное милосердие»², в которой писал о том, как милосердие недостает нашему обществу. Многие годы спустя, в 2016 г., он говорил: «В годы Советской власти мы считали, что милосердием занимается государство. Когда я организовал Общество милосердия, меня вызвали и сказали: “У нас милосердием занимается собес, и нечего показывать, что в нашей стране плохо обстоит дело с милосердием, что требуется ваша помощь”. Сейчас это кажется смешным и нелепым. Милосердие — это свидетельство прогресса, понятие сострадания — самое важное в человеческом обществе»³.

Тема милосердия в жизни Д. А. Гранина возникла не случайно. Прежде чем попытаться сделать что-нибудь для укрепления милосердия в душах россиян, Даниил Александрович много лет размышлял о нем и пропускал через собственное сердце. Но еще в далекие 1970-е гг. он справедливо заметил: «Мы никогда не ведаем, от какой любви мы рождаемся, какие слова, надежды витали над нашим зачатием.

Одна старая акушерка говорила мне, что почти всегда можно отличить младенца, рожденного по любви, от мла-

1 «Сегодня герои — те, кто помогает несчастным»: В 71-ю годовщину полного освобождения Ленинграда от фашист. блокады Д. Гранин стремится напомнить людям о главном // Невское время. 2015. 27 янв. С. 1, 2.

2 Гранин Д. А. Потерянное милосердие // Нева. 1999. № 8. С. 114–139.

3 Творческая встреча с Даниилом Граниным: презентация книги «Интерлегенды», СПбГУП, 9 февраля 2016 года: [сборник]. С. 44.

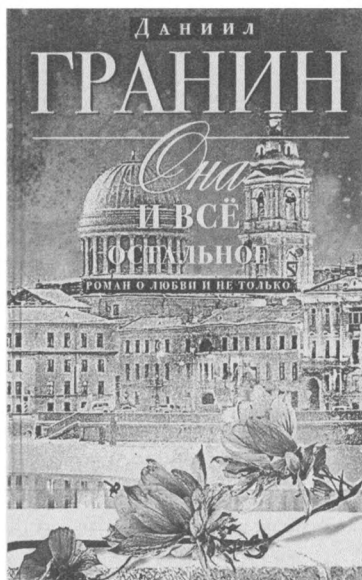
денца нежеланного или зачатого случайно. Если человечество до сих пор развивается, творит, становится все же несколько умнее, милосерднее, то это лишь за счет детей, рожденных в любви. Их большинство. Любовь, прежде всего любовь улучшает человеческий род»¹. Кому-то, возможно, покажется странным, что человек, приближаясь к своему столетию, стал часто говорить и писать о любви. В этом есть какая-то загадка. Я не однажды замечал, что люди, осознававшие близость смерти, во многом становились мягче и добрее. Даниил Александрович в этом отношении не стал исключением. Он с грустной улыбкой смотрел на окружающий мир и понимал, что все то, что он так любил, скоро останется без него. Думаю, что осознание этого порождало в нем не только горечь и светлую печаль, но и желание как можно больше добра сделать людям.

В некотором смысле Д. А. Гранин опережал свое время. В частности, это отражалось в осмыслении им последствий Великой Отечественной войны, в осознании перемен, которые происходили в российско-германских отношениях. Более того, он сам существенно влиял на развитие этих отношений, делал все для того, чтобы два великих народа крепили свои связи, свои дружеские отношения. Многие из того, что делал Д. А. Гранин, не видел никто. Например, мало кто знает, что он предпринял колоссальные усилия для того, чтобы к захоронениям военнослужащих вермахта на российской земле наши соотечественники стали относиться не так, как прежде. Это очень трудный и болезненный вопрос. Кажется, у нас в крови ненависть к захватчикам, которые пришли на нашу землю не с добрыми намерениями. Но есть очевидный факт: многие немцы и их союзники заплатились за это жизнью. Даниил Александрович считал, что смерть человека во многом примиряет его с оставшимися в живых. Странно было бы желать чувства любви к захватчикам, но скорбеть по уходу из жизни людей, оставивших у себя дома родных и близких, писатель призывал. Делал он это деликатно и осторожно. При этом проявлял удивительную последовательность и настойчи-

1 Гранин Д. А. Обратный билет // Однофамилец: Повести. С. 305.

Обложка книги «Человек неотсюда»

Обложка книги «Она и все остальное»

Обложка книги «Возвращение. Военные рассказы»

вость. Немало людей у нас в стране рассматривали это как предательство по отношению к своей стране, к своим соотечественникам. Возможно, если не мы, то последующие поколения с большим пониманием будут относиться к тому, что делал на рубеже XX–XXI вв. фронтовик Д. А. Гранин для того, чтобы примирить живых и павших.

В 2016 г. за особый вклад в укрепление германо-российских отношений Д. А. Гранин был удостоен немецкой премии имени доктора Фридриха Йозефа Гааза. В России за эти усилия писатель отмечен не был. Наоборот, многих его взгляды и практические действия по этому поводу раздражали.

Но надо знать характер Даниила Александровича! Он очень часто совершал поступки вопреки чьему-то мнению. Вероятно, отголоски недовольства его примиренческой деятельностью до него все-таки доходили, и он сделал из этого по-настоящему писательский вывод — написал новое произведение. Роман, который по объему, скорее всего, претендовал на повесть, назывался «Она и все остальное. Роман о любви и не только»¹. Это произведение не совсем обычное. Оно вышло из печати, когда писателю было 99 лет. По содержанию книги чувствуется, что Даниилу Александровичу в силу возраста уже было трудно «управлять» таким сложным литературным организмом. Невольно появлялись сугубо технические несоответствия, которые в иные времена Д. А. Гранин не допустил бы. Главное из них: героиня романа — Магда Вернер — «плод мимолетной насильственной связи русского лейтенанта с ее матерью»², как отмечалось в аннотации, должна была бы к моменту описываемых событий, т.е. после распада Советского Союза, быть уже весьма зрелой дамой, а не молодой женщиной. «Английская зона», в которую по сюжету романа сбежал лейтенант-насильник, прекратила свое существование в 1949 г. Стало быть, Магда родилась не позже 1950 года. Описываемые события — явно постсоветского периода.

1 Гранин Д. А. Она и все остальное. Роман о любви и не только. М., 2017.

2 Там же. С. 4.

Причем очевидно, что они происходят не в начале 1990-х гг., поскольку второй герой романа — Антон — россиянин, командированный в Берлин для переговоров с представителями фирмы «Сименс», не выглядит постсоветской попрошайкой, что было свойственно зарождавшемуся российскому бизнесу ельцинской поры, а выступает как полноправный партнер прославленной фирмы. Стало быть, речь идет о событиях, разворачивавшихся после 2000 г.

Кстати, Антону вообще должно быть очень много лет, если учесть, что согласно сюжету романа он студентом бывал на строительстве Куйбышевской ГЭС. Строилась она, как известно, с 1950 по 1957 г. Стало быть, Антон примерно 1935 года рождения, если не раньше. Получается, что с Магдой он встретился, когда ему было к семидесяти. Не совсем молодой паренек.

Любовь, конечно, вечна, но в роман двух влюбленных, которым лет по семьдесят, почему-то верить не хочется. По описанию автора оба они тянут по возрасту от силы лет на тридцать пять. Вроде бы и мелочь, арифметика, так сказать, а сугубо техническое несоответствие не оставляло меня как читателя на протяжении всего чтения произведения.

Во время чтения романа у меня складывалось ощущение, что автор очень спешил дописать его. Это ему мешало, приводило к погрешностям в описании. В сюжете о посещении Антоном храма говорится: «Вдоль стен тянулись скамьи. Антон нашел свободное местечко, присел, чтобы лучше видеть лица, преображенные праздничной молитвой»¹. Но уже вскоре писатель забыл, что «усадил» героя на скамейку, и продолжил: «У стен стояли скамейки. Антон нашел свободное место, присел»². Автор может допускать такие промахи. Это нормально. Но зачем тогда у этого издания были ответственный редактор, художественный редактор, технический редактор?

Однако есть в романе другое, главное: Д. А. Гранин даже в таком солидном возрасте сумел сохранить накал разви-

1 Гранин Д. А. Она и все остальное. Роман о любви и не только. С. 168.

2 Там же. С. 172.

тия сюжета, увлек чтением. В этом произведении много «сочной фактуры», интереснейших деталей, не говоря уже о философском осмыслении прошлого и настоящего. Иногда кажется, что автор использовал в романе заготовки, написанные много лет назад. Но даже если это и так, они очень удачно скомпонованы, сведены к общему знаменателю концепции романа.

В том же году вышел сборник военных рассказов Д. А. Гранина¹. Вероятно, то было последнее прижизненное издание произведений Даниила Александровича. К печати книга «Возвращение» была подписана 24 марта 2017 г. Очень хочется верить, что он успел поддержать ее в руках. Этот сборник военных рассказов был опубликован крохотным тиражом – всего 2000 экземпляров. В книге были опубликованы в основном уже известные произведения. Но собрание под общей обложкой многого из того, что было написано Даниилом Александровичем о войне, придавало сборнику особое значение. Среди новых произведений выделялся рассказ «По ту сторону»². В главном персонаже рассказа Шагине легко угадывается сам Д. А. Гранин. Это видно не только по биографическим совпадениям, но и, я бы сказал, по «повадкам» литературного героя и самого Даниила Александровича. Очень уж похожи характеры. Шагин, приехав в Германию по приглашению немецкого ветерана войны Эберта, вместе с ним посетил военное кладбище, где были похоронены на отдельных площадках военнослужащие разных государств, в том числе Германии и Советского Союза. Проходя мимо немецких могил, которых были тысячи, «Шагину вновь подумалось: “Неплохо мы поработали”»³. Честно подмечено. И, как говорится, есть пространство для душевной динамики.

К сожалению, в рассказе есть неточности в описании персонажей. На с. 182 пишется о ветеране вермахта майоре Кнебеле, с которым главный герой рассказа Шагин общается вместе с Эбертом. Но к концу рассказа автор почему-то

1 Гранин Д. А. Возвращение. Военные рассказы. М., 2017.

2 Гранин Д. А. По ту сторону // Возвращение. Военные рассказы. М., 2017. С. 154–208.

3 Там же. С. 184.

«разжаловал» Кнебеля в рядовые, который во время войны, по мнению Эберта, «не мог даже до обер-фельдфебеля добраться»¹. Вроде бы мелочь, редакторская оплошность. Но с другой стороны, получается, что Д. А. Гранин не особо размышлял над образом этого персонажа.

Этот новый рассказ на события той войны дает во многом новый взгляд. Шагин утверждает, что священная война со временем стала грязной: «Любая война, самая справедливая, вырождается. И наша тоже. Ради званий и наград мы своих не жалели. Мой полк разбомбили, чтобы я первым вошел в Тильзит»². Старые идеалы советского солдата не предаются. Просто солдат становится с годами мудрее.

В 2017 г. Д. А. Гранин был удостоен трех премий. Первая из них — премия Министерства обороны Российской Федерации в области культуры и искусства в номинации «Литературное искусство». Вторая — Премия Правительства Санкт-Петербурга в области культуры и искусства за создание книг «Он и все остальное» и «Мой лейтенант». Третья — Государственная премия Правительства Российской Федерации за выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности 2016 г.

Вероятно, многим было понятно, что дни выдающегося писателя уже сочтены. Он редко появлялся на телеэкране, хотя размышлял по-прежнему здраво и глубоко. Но лично мне было очень больно видеть его на костылях. Д. А. Гранин очень обижался на меня, когда я долго ему не звонил. Звонил мне сам и отчитывал меня, а я оправдывался, что-то говорил невпопад. Я не тревожил его, потому что понимал: десятки людей добиваются его внимания, чтобы потешить свое самолюбие, дескать, вот, с Д. А. Граниним общаюсь. Хотя, конечно, были у него наверняка и друзья, и просто искренние знакомые вроде меня.

Д. А. Гранин был не просто прямолинейным человеком. Он был искренним, как ребенок. В 2007–2008 гг. я пере-

1 Гранин Д. А. По ту сторону // Возвращение. Военные рассказы. С. 203.

2 Там же. С. 191–192.

живал сложный период личной жизни. Кое-чем делился с Д. А. Граниным, и он всегда сопереживал, поддерживал меня. В конце концов я пришел к нему в очередной раз совершенно счастливый и сказал, что второй раз в жизни женился, что очень счастлив в браке. Показал фотографию своей жены. Гранин посмотрел на фотографию долгим пронизывающим взглядом и с искренним восхищением воскликнул: «Удивительная красавица!» Никогда еще наши взгляды так не совпадали.

Иногда Д. А. Гранин рассказывал мне совершенно удивительные истории. Однажды он сообщил мне, что незадолго до очередной нашей встречи к нему приезжала одна московская писательница, фамилию которой я запомнил. Она совершила экстравагантный, но удивительно симпатичный поступок: наняла такси и проехала в нем от Москвы до Владивостока и обратно. Гранин сказал, что свои впечатления его знакомая сформулировала одной фразой: «Не понимаю, как Россия до сих пор не развалилась».

Под настроение Д. А. Гранин любил рассказать анекдот. Меня, большого любителя этого жанра устного творчества, новым анекдотом удивить сложно. Но анекдоты от Д. А. Гранина всегда были эксклюзивом. Последний, который я от него слышал, был такой. Муж с женой прожили в любви и согласии много-много лет. В награду за это Господь позволил им умереть в один день и попасть в рай. Идут они по раю: солнышко светит, птички поют, цветочки пахнут. В общем, красота неземная. Муж наслаждается всем этим и говорит: «Дорогая, если бы не твои диеты, мы бы с тобой всем этим уже лет десять наслаждались!» Я человек нерелигиозный, но скажу: дай Бог, дорогой Даниил Александрович, чтобы все у вас теперь так и было!

Наша последняя встреча произошла весной 2017 г. Она была для меня совершенно неожиданной. Мы с моими девятилетними сыновьями-близнецами возвращались из школы домой. Проходили мимо торгового центра «Максидом», что на Гражданском проспекте, и вдруг я увидел Даниила Александровича. Он был на костылях. Рядом находился молодой мужчина. Вероятно, то был внук. Моим первым

желанием было подбежать к нему, обнять. Я так соскучился по нему! Но вдруг подумалось, что ему на костылях тяжело стоять. И вообще, что занесло его с Петроградской стороны к нам на Гражданку?! Короче, смалодушничал я. Лишь взял своих сыновей за руки и сказал: «Посмотрите: это – гениальный писатель и выдающийся человек. Прошу вас, запомните его!»

Через несколько месяцев Д. А. Гранина не стало. Мне трудно с этим смириться, мне больно с этим жить. Только поэтому я и написал эту книгу.

Чем дольше я живу, тем
обиднее покидать жизнь.

Д. А. Гранин¹

1 *Гранин Д. А.* Все было не совсем так. С. 403.

Глава 10 /

Такие люди не уходят

Когда Д. А. Гранину едва исполнилось пятьдесят, он в одной из повестей написал: «Стареть – это искусство»¹. Откуда узнал? Как догадался? И уж точно не знал, что проживет еще столько же.

В последние годы и месяцы жизни Д. А. Гранин прожил в условиях почета и уважения государства, городской власти и множества читателей, которые сохранили писателю свою преданность. За месяц до кончины он был удостоен Государственной премии РФ. О нем без конца писали газеты и журналы, создавались фильмы, посвящались телепрограммы. Но слава – не эквивалент счастья. С каждым годом сужался круг близких людей. В 2004 г. умерла жена Римма Михайловна Майорова, бывшая для Даниила Александровича другом, единомышленником, соратником. Долгие годы она поддерживала его в не очень-то стабильном писательском ремесле, помогала вести переписку с сотнями читателей, критиков, режиссеров, издателей, коллег². Мне довелось только один раз видеть Римму Михайловну. Было это, кажется, в 2002 г. Я приехал к Д. А. Гранину домой на Малую Посадскую улицу, но Даниил Александрович еще не вернулся с какой-то встречи. Опаздывать ему было не свойственно. Вероятно, случилось что-то неожиданное. Дверь в квартиру мне открыла Римма Михайловна. Это была красивая статная женщина с выразительными

1 Гранин Д. А. Однофамилец: Повести. С. 50.

2 См., например: ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 3. Д. 119. Л. 1–86; Оп. 4. Д. 55. Л. 1–32; Д. 190. Л. 1–2; Д. 424. Л. 1; Д. 426. Л. 1; Оп. 5. Д. 220. Л. 1–2; Д. 345. Л. 1–3; Д. 357. Л. 1–10; Д. 367. Л. 1–3; Д. 368. Л. 1–9; Д. 381. Л. 1–17; Д. 383. Л. 1–2; Д. 529. Л. 1–54.

глазами. Мы сидели на кухне и вели непринужденный разговор. Нечасто бывает так, что впервые встретишь человека и общаешься с ним легко. С женой Д. А. Гранина общаться было просто. Не помню, о чем мы говорили, но к приходу Даниила Александровича мы с ней общались так, как будто встречались много раз. Д. А. Гранин никогда не рассказывал мне о своей семье, о личной жизни. Но по каким-то мелким деталям, недомолвкам могу сказать без сомнения, что в семейной жизни он был счастлив. Мне трудно представить, как он, пожилой человек, пережил уход из жизни своей жены. А еще раньше один за другим уходили друзья. Не только известные и не очень известные писатели и поэты, но и те, с кем долгие годы в разное время общался Даниил Александрович. То были одноклассники из 15 школы, однокашники по ЛЭТИ и Политеху, коллеги по работе в «Ленэнерго» и, конечно, фронтовые товарищи. Каково пережить все это? Вакуум заполнял душу. Не с кем было оставаться самим собой – шутником, циником, интеллигентом, ворчуном. Нужно было соответствовать своему бронзовевшему облику. Что может быть хуже?! Он сопротивлялся как мог.

Его друзья начали уходить, когда ему не было и шестидесяти. В 58 лет он написал: «Много умерших моих друзей живут со мною. Некоторые навещают меня, вдруг появляются со своими словечками, привычками, что-то подсказывают. Других навещаю я сам. Подхожу к их домам, к тем перекресткам, где мы встречались. Они стоят там, поджидая меня годами. Вот сейчас лето, а мы с Лидой идем заснеженные, на бровях снег, изо рта пар, хохочем, к кому-то забегаем. С ними со всеми, и с Бутыкиным, и с Юрой Константиновым, я молодею. Среди них нет подлецов. Подлецы умерли. А эти живы. Все хорошие, честные – живы. Чем лучше они, тем чаще мы встречаемся»¹.

Впереди был еще 41 год потерь! Мог ли это предположить Д. А. Гранин? Нет, конечно. Не знал он, что ждет его такой жизненный марафон. На смену старым друзьям

1 Гранин Д. А. Обратный билет // Однофамилец: Повести. С. 307.

приходили новые, если не друзья, то благодарные молодые люди, которым был важен Человек по имени Гранин. Они появлялись, но это не компенсировало прежние безвозвратные потери. Одиночество на фоне большого признания... Кто из нас в силах это понять? Одиночество – дорогая плата за долголетие.

Когда Даниил Александрович в конце 1940-х гг. работал в Восточном районе «Ленэнерго», он крепко дружил с Анатолием Ивановичем Полежаевым. Вероятно, их дружба во многом была связана еще и с тем, что они оба жили долгое время в одном доме на улице Пестеля. Спустя многие годы, став известным писателем, Д. А. Гранин непременно присылал Анатолию Ивановичу экземпляр каждой выходящей в свет своей книги¹.

Мне интересно проследить не только то, что произошло в жизни Д. А. Гранина, но и то, чего не случилось. В том числе то, что могло подтолкнуть к развитию новых дружеских отношений с яркими людьми, но по каким-то причинам не произошло. Например, жизнь однажды столкнула писателя с замечательным человеком, великолепным ученым Андреем Глебовичем Булахом. А. Г. Булах – доктор геолого-минералогических наук, профессор. Думаю, в Петербурге ни один человек не знает столько о камнях, в том числе и о тех, из которых выстроен город, как Андрей Глебович. Однажды они случайно встретились, разговорились. Д. А. Гранин был восхищен знаниями профессора и попросил показать ему Санкт-Петербург с точки зрения «истории камня». Андрей Глебович с радостью согласился, но с растерянностью сказал: «У меня нет машины». Д. А. Гранин с грустью сообщил, что у него машины нет тоже. Этим все и закончилось. Досадное какое-то обстоятельство. Оно помешало не только получению очень необходимых писателю знаний, но и, возможно, складыванию более доверительных человеческих отношений.

Похожую историю рассказал мне и мой задушевный друг профессор В. Е. Павлов. Точнее, написал о двух своих

¹ Из переписки по электронной почте С. Н. Полторака с В. М. Баринным от 13.10.2018.

встречах с Д. А. Граниным. Вот текст его коротких воспоминаний: «В середине января 1999 г. я возвращался из Москвы “Красной стрелой” и неожиданно увидел в двухместном купе, где я поселился, Даниила Александровича Гранина. Это было мое первое близкое знакомство с известным писателем. <...> Даниил Александрович спросил: “Чем вы занимаетесь? Чем увлекаетесь?” Я представился: ректор ЛИИЖТа (Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. – С. П.), теперь Университета путей сообщения. “А что вы оканчивали?” – спросил Д. А. Гранин. Я ответил: “Электротехнический институт инженеров железнодорожного транспорта; я инженер-электрик путей сообщения”. – “А я тоже инженер, но инженер-электромеханик, – ответил Д. А. Гранин. – Я учился в ЛЭТИ, а потом в Политехническом”.

Я ответил, что мы с ним – на разных полюсах электротехники. Он на стороне мощной силовой электротехники, а я – на стороне слаботочной электротехники: линии связи, системы управления разнообразной техникой, автоматика и телемеханика.

“А когда и где вы родились?” – спросил Д. А. Гранин. Я ответил и в свою очередь спросил: “А вы?” Ответ: “Родился в сердцевине зимы, не то в 1918, не то в 1919. Сам точно не знаю. А зиму я люблю, видимо, потому что родился зимой. Снежный белый покров, иней или снежок на деревьях – серебряный лесной мир, здоровый воздух, легко дышится. Я в это время расслабляюсь как-то, отдыхаю, отвлекаюсь от многих мелочей и много пишу, готовлюсь к весне. А вы что читали из моих произведений?” – спросил Д. А. Гранин. Я ответил: “Ваших «Искателей» прежде всего. Для меня это был подарок, я стал смотреть на свое будущее по-другому. Когда вышел этот роман, я только что кончил институт и получил рекомендацию ученого совета для поступления в аспирантуру. Раздумывал некоторое время и все-таки решил идти в науку. Был под впечатлением ваших «Искателей»”. “Да! – ответил Даниил Александрович, – книга – как женщина. Она всегда сюрприз, но не всегда – подарок. Вот и книгу оценивают по-разному. Кто-то с восторгом, кто-то с неприятием, а большинство –

равнодушно. Самое главное – книга должна заставлять задуматься о своей личности, о своем предназначении (для чего родился?) и какой след оставить. Не быть соломой, которую затопчут и забудут, как она росла и почему стала соломой – для чего?” “А чем же вы увлекаетесь?” – снова спросил Д. А. Гранин. Я ответил, что сейчас я занят изучением деятельности Бетанкура, первого нашего ректора, и параллельно – изучением истории жизни и творчества Лермонтова, которым восхищаюсь с юных лет.

Д. А. Гранин тут же ответил: “Главная сущность Лермонтова – ценить жизнь любого человека, кроме врага, которому надо противостоять, чтобы сберечь мир и Отечество. Он ни разу никого не вызывал на дуэль, его вызывали. А Пушкин был бретером, его будоражила преддуэльная ситуация, и не однажды, а десятки раз. Человеческую жизнь от не ценил, когда кого-то вызывал на дуэль или когда его вызывали. Правда, потом отходил, мирился, каялся. Но никого не убил. А последняя дуэль состоялась – его вызвал на поединок Дантес (хотя многие пишут, что вызов (второй) получил Дантес, что неверно). Пушкин – как Петр I. Почему? Пушкин считал Петра чуть ли не бесшабашным революционером, не принял его (не завершил поэтому свою работу о Петре), а Петр считал Россию сонной и неподвижной, ее надо было встряхнуть и направить в другое русло. И Пушкин в последние свои годы мечтал разбудить Николаевскую Россию, но как и куда идти – не знал. Лермонтов тоже не принял Николаевскую Россию и мечтал о российском выздоровлении”.

Беседа затянулась. Пора было спать, завтра – рабочий день, надо быть бодрым. <...>

Вторая встреча с Д. А. Граниным у меня состоялась 24 июня 2003 г., когда открывали памятник Бетанкуру в сквере на углу набережной Фонтанки и Московского проспекта. После церемонии многие, в том числе Д. А. Гранин и я, пошли к Юсуповскому дворцу, где были поставлены скамейки для гостей, решивших немного отдохнуть, а потом зайти на выставку, посвященную Бетанкуру.

Мы, поздоровавшись, сели рядом. Даниил Александрович спросил: “Сейчас, я понял, у вас новый ректор, а вы чем

заняты?” Я ответил, что после работы ректором и заведующим кафедрой “Теоретическая механика” я остался в составе кафедры профессором. “Как? Вы специализировались в области механики, а не в электротехнике? — спросил Д. А. Гранин. — Почему?” Я ответил, что студентом был в научном кружке кафедры, даже руководил кружком, выступал на научных студенческих конференциях, был рекомендован в аспирантуру при кафедре, окончил ее, защитив кандидатскую диссертацию по автоматизации сортировочных горок, а потом — докторскую. Мне все пригодилось, что я изучал, обучаясь в Электромеханическом институте, — связь автоматики с механикой. Вот такой синтез. В ответ Д. А. Гранин сказал: “Вот и у меня этот синтез получился: инженер и литератор, сам не ожидал. А теоретическую механику я не любил, ее не понял, получал на экзаменах «тройки» и был доволен. Вот такие мы с вами «синтезеры»”.

Навсегда я запомнил эти две встречи. А когда вышли из печати мои книги о Бетанкуре (2007 г.) и о Лермонтове (2014 г.), я подарил их Даниилу Александровичу, побывав у него дома. Он крепко пожал мою руку и сказал: “О Бетанкуре почти ничего не знаю, буду читать. А вы выберите еще одного корифея литературы, изучайте, трудитесь. Желаю успеха”. И я по совету Д. А. Гранина выпустил еще ряд книжек — о Державине, Жуковском, о последних днях Пушкина»¹.

Среди старых друзей-приятелей Даниила Александровича был Лев Михайлович Рубинштейн, с которым и у меня сложились душевные отношения. Точнее, у него со мной, поскольку инициатором нашей дружбы был он. Я раньше просто не знал, что могут дружить люди, которых отделяют друг от друга полвека. Лев Михайлович делал все, чтобы по возрасту мы с ним словно поменялись местами. Он звонил мне и говорил: «Здравствуйте, Сергей Николаевич! Это Лева Рубинштейн...» Огромный, почти двухметровый ребенок с великолепной осанкой, спортивной фигурой и всегда смеющимися глазами. Он был дважды мастером спорта —

1 Из воспоминаний В. Е. Павлова. Личный архив С. Н. Полторака.

по альпинизму и фехтованию. По альпинизму был даже чемпионом СССР. Он был на шесть лет старше Даниила Александровича. Когда Даниил Герман из ЛЭТИ пришел учиться на четвертый курс в Политех, Лев Михайлович уже был там аспирантом. Потом пришла война. Лев Михайлович начал ее рядовым, завершил майором. В мирное время ему, ветерану, присвоили воинское звание подполковника. После войны он вернулся в Политехнический институт, защитил диссертацию, стал доцентом, а потом профессором. Но после шестидесяти лет вдруг оставил науку и преподавание в высшей школе, стал прекрасным художником и писателем. Его книги о войне не похожи ни на одну из множества книг о Великой Отечественной. Д. А. Гранин рекомендовал его в Союз писателей. Рекомендовал, как говорится, по знакомству: был хорошо знаком с его творчеством, которое высоко ценил. Л. М. Рубинштейн называл его «Доня». Откуда это повелось — я не знаю, не успел спросить. Д. А. Гранин написал послесловие к одной из его книг¹, а самого автора называл «чемпионом поэзии любви». Такие вот были взаимоотношения. Даниил Александрович подчеркивал, что его с Львом Михайловичем связывала долгая дружба².

Одним из последних, если не последним, среди старых друзей был скульптор Г. Д. Ястребенецкий³. Григорий Данилович создал несколько талантливых скульптурных произведений, посвященных другу-писателю. Они очень убедительно передают внутреннее состояние Д. А. Гранина⁴. В них неожиданным образом сочетаются глубина гранинского восприятия мира с его человеческой непредсказуемостью; любовь к людям и одновременная отгороженность от них.

1 Гранин Д. А. ...Ученый, профессор Политехнического института, спортсмен, художник и вот ныне писатель // Рубинштейн Л. М. Исповедь счастливого альпиниста. СПб., 2001. С. 517–518.

2 Там же. С. 517.

3 Потапенко В. Б. Искусство общения: (дружба скульптора Григория Ястребенецкого и писателя Даниила Гранина): к 90-летию Д. Гранина и 85-летию Г. Ястребенецкого. СПб., 2009.

4 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 290.

Словно подводя итог утрат, Д. А. Гранин писал: «Мир был полон – родных, двоюродных, дяди, племянники. Тетки. Школьные друзья, и вот опустело, позвонить некому, на улице давно не встречаю знакомых». Такова плата за долгую жизнь. Очень дорогая плата.

У меня два любимых писателя: И. С. Тургенев и Д. А. Гранин. При всей яркости индивидуальности каждого из них оба они – мыслители, исследователи, психологи, создавшие нравственный портрет своих соотечественников на переломных этапах развития нашего государства. Они предугадывали черты этого портрета и, более того, мощно влияли на его формирование. Для меня Д. А. Гранин – это современный И. С. Тургенев. Они оба раньше многих поняли наступающее время и то, каким должен быть Человек в новом мире.

В чем секрет их видения? И. С. Тургенев жил за границей и, приезжая в Россию, видел происходившие в ней изменения. Д. А. Гранин, часто бывая за рубежом, тоже имел возможность смотреть на свою страну свежим взглядом. В этом одна из причин, по которой И. С. Тургенев и Д. А. Гранин сумели заглянуть вперед раньше остальных писателей и ученых.

Кстати, насколько я сумел понять, Даниил Александрович к И. С. Тургеневу относился без особого трепета, хотя ценил, неоднократно упоминал классика и его литературных героев в своих произведениях. Ему куда ближе были Ф. И. Достоевский и М. Горький. Два этих писателя занимали в его душе особое место. Возможно, для него они были тем внутренним камертоном, по которому он сверял свои мысли и чувства. В последние годы жизни он с особым упорством вдумывался в то, что писали Л. Н. Толстой и А. П. Чехов, желая разглядеть в их творчестве то, что ускользало от других. Зная аналитический ум Д. А. Гранина, не сомневаюсь – разглядел.

Д. А. Гранина справедливо считают знатоком технической интеллигенции, да и интеллигенции в целом. В последние годы жизни он все больше и больше приходил к мнению, что в России интеллигенты по-прежнему есть, но интеллигенции как таковой не стало. Он считал, что это связано

с политикой и экономикой: «Вместо культа знаний, любви к Отечеству у нас появился культ денег, рубля, который имеет другую мораль и нравственность и оттеснил интеллигенцию со всеми ее идеалами и идеями. Она перестала играть существенную роль в жизни нашего общества...»¹ О науке он говорил еще более резко: «...мы стали потребительски и по-хамски относиться к науке. Мы считаем, что дело не в науке, а в политике, экономике и т.д. Наука требует исключительно бережного к себе отношения. Ученый не знает, получится или не получится эксперимент, но он должен получать поддержку, если это, конечно, не лженаука, спекуляция и т.д. Но это всегда можно проверить в той же научной среде: только специалисты должны оценивать друг друга.

Недавно мы провели болезненную и сомнительную реформу Академии наук: объединили Академию наук, которая была все-таки элитарной, с другими учреждениями – Академией медицинских наук и Академией сельскохозяйственных наук, что совершенно недопустимо. Это разные уровни познания. Наука нуждается в общественной любви и почитании. Академик наделен из ряда вон выходящей способностью познавать природу и т.д. Ученые – это избранные люди, которых природа наделила божьей искрой, которые видят и понимают то, что не видят и не понимают даже талантливые специалисты. Одно дело – инженер, другое – ученый-физик. Мы относимся к этим вещам спекулятивно: когда нужно было создавать атомную бомбу, мы почитали ученых и тем самым сформировали авторитет физиков. Сегодня, поскольку у страны иные ценности и интересы, мы считаем, что Академия наук не нужна, наукой могут командовать государство, правительство, власть, которые ничего в этом не понимают»².

Д. А. Гранин, признанный знаток всего, что связано с наукой и техникой, беспощадно заявил: «Цивилизация

1 Творческая встреча с Даниилом Граниным: презентация книги «Интеллегенды», СПбГУП, 9 февраля 2016 года: [сборник]. С. 41.

2 Там же. С. 45.

XX века была технической, а не человеческой, она себя не оправдала»¹. Звучит как приговор. А может, приговор и есть.

В 1990–2000-е гг. Даниил Александрович начал все чаще болеть, хотя старость принимал мужественно и мудро. Терпеть не мог говорить о болезнях. Если можно было не лечиться – не лечился. По природе он был довольно крепким человеком. Война и послевоенная жизнь закалили его. Он себя особо не берег, не был ярким сторонником здорового образа жизни, хотя и здоровье понапрасну не гробил. Жил умеренно неправильно: долгое время курил. К рюмке до поры относился без аскетизма, но и без особой любви. В этом смысле про таких людей часто говорят: «Был нормальным мужиком».

В повседневной жизни Даниил Александрович был консервативен. Консерватизм свой не выпячивал, просто жил по своим правилам. Объездив весь мир, на склоне дней отдых и лечение предпочитал поближе к дому. Дача в Комарове, на Карельском перешейке. После того, как похоронил на местном кладбище жену, дачный поселок стал для него еще больше значимым в жизни. Предусмотрительно рядом с могилой Риммы Михайловны оставил место и для себя.

На лечение далеко не ездил. Неподалеку от Комарово – санаторий «Белые ночи», место тихое, спокойное, по-северному родное. Врачи, медперсонал – хорошо знакомые люди, знающие, деликатные, доброжелательные. С разговорами не лезли, отдыхать и лечиться не мешали. Д. А. Гранин лечиться не любил. Процедуры – по минимуму, только чтоб притупить боли в суставах. Остеохондроз позвоночника, артроз суставов – явления возрастные, от них не упрячешься. Пока мог, ходил не торопясь, без палочки. Потом появилась трость, которую со временем ему пришлось заменить на костыли. Приспосабливался к новым обстоятельствам, как мог. Без боя не сдавался.

В санатории он не столько лечился, сколько отдыхал душой: бродил по отдаленным уголкам парка, часами просиживал в читальном зале библиотеки. Заведующей библиотекой Татьяне Михайловне Свиридовой, с которой

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 329.

с удовольствием вел неторопливые разговоры, передал много книг из своей личной библиотеки.

Отдыхающие санатория редко узнавали в нем писателя Д. А. Гранина. Он был со всеми доброжелателен, но не стремился к общению. Его жизнь и жизнь остальных пациентов шли в основном параллельными курсами, редко пересекаясь. Но исключения были. Близкий мне человек, известный петербургский врач и исследователь истории заболеваний рода Романовых доктор медицинских наук, профессор Ю. А. Молин вспоминал: «Я отдыхал в санатории “Белые ночи” и в библиотеке узнал, что одновременно со мной лечится и Даниил Александрович. Просить о знакомстве не стал, т.к. был предупрежден о том, что писатель навязанных ему знакомств не любит. Я имею привычку ходить быстро. На следующий день, пробегая по четвертому этажу на ЭКГ и опаздывая, я буквально влетел во внезапно появившегося из-за поворота коридора плотного невысокого пожилого человека и только спустя несколько секунд понял, что чуть не сбил с ног Д. А. Гранина. Самое удивительное произошло потом, и от этого мне стыдно до сих пор. Д. А. Гранин произнес: “Извините”, – и посторонился, пропуская меня. Блестящий урок воспитанности, преподанный мне на всю оставшуюся жизнь. Через несколько дней, гуляя в самом отдаленном уголке парка, я увидел на скамье Даниила Александровича и, проходя мимо него, произнес: “Простите мне мою неуклюжесть”. Он знаком предложил присесть и спросил: “Вы всегда так торопитесь жить?” И тут я осмелился представиться. К моему глубочайшему удивлению, Данил Александрович запомнил мою книгу “Романовы. Путь на Голгофу” и отметил необычность и неизвестность для него врачебной информации о Петре I. Неожиданно он заметил: “Вы зависли в вашей работе между исторической публицистикой и исторической беллетристикой. Определитесь с жанром, и ваши работы только выиграют от этого”. Согласитесь, насколько тонкое и справедливое замечание! Я сердечно поблагодарил. Даниил Александрович встал и тихо направился к корпусу, заметив с улыбкой, что ему опять попадет за опоздание на массаж»¹.

1 Из письма Ю. А. Молина С. Н. Полтораку от 13.10.2018.

Писатель, переводчик Ю. М. Лебедев и Д. А. Гранин
на местах боев под Пулково. Май 2017

Как любой человек, Д. А. Гранин думал о смерти, распознавал ее, как распознавал жизнь. Он примерял ее к себе, как скверный наряд. Даром что наряжаться никогда не любил. Про одного из своих персонажей он написал: «Умирал Лазарев тяжело, рвался из смерти, как из капкана. Болезнь свою ненавидел...»¹ Писатель умирал с достоинством и умиротворением. Я думаю, что это было так: не стал бы он себе изменять на самом излете судьбы.

Могу лишь предположить то, что мне совершенно неизвестно о Д. А. Гранине. В силу обстоятельств человек чрезвычайно публичный, он привык к известности и даже благосклонно ее принимал. Так женщина принимает любовь не очень навязчивого нелюбимого мужчины. Внутренне он был очень закрыт для большинства людей. Он был

1 Гранин Д. А. Однофамилец: Повести. С. 74.

идеальным психологическим типом коллекционера. Он сам признавался, что коллекционирует истории жизни людей. Если бы он мог, он ехал бы в поезде всю жизнь, чтобы слушать до бесконечности откровения своих попутчиков.

Он удивительно глубоко разбирался в живописи. Он так чувствовал ее, что мне порой становилось не по себе: как это все можно ощутить, пропустить через себя? Могу даже предположить, что он был коллекционером-любителем произведений живописи. Я никогда не знал его живописных пристрастий, но могу предположить, что из российских художников он любил П. Н. Филонова. Это, в частности, подтверждается тем, что Д. А. Гранин состоял в переписке с сестрой художника Евдокией Николаевной Глебовой-Филоновой¹. Но есть и другой аргумент: Павел Николаевич был не только художником, но и поэтом. Его «аналитическая живопись» привлекала внимание не только художников, но и писателей.

И еще. Мало кто задумывается о том, что Даниил Александрович был не только выдающимся писателем-психологом, но и прекрасным педагогом. Он воспитал несколько поколений соотечественников. Моя жена решила стать ученым только потому, что на первом курсе университета прочитала «Искателей». В результате в 32 года стала доктором наук. У Д. А. Гранина есть свои педагогические открытия: «Есть одно важное педагогическое правило, о котором учителя редко думают: когда учитель выставляет отметку ученику, ученик при этом тоже выставляет отметку учителю — отметку справедливости»².

Думал ли Д. А. Гранин о смерти? Конечно, думал. Вероятно, в разные годы — по-разному. В последние годы жизни его размышления все больше наполнялись философским содержанием: «Уход печален не потому, что мы расстаемся с этим миром — им невозможно налюбоваться, и не потому, что мы чего-то не завершили; сколько бы мы ни жили, всегда приходится уходить посреди работы»³.

1 ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-107. Оп. 5. Д. 87. Л. 1—3.

2 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 128.

3 Там же. С. 25.

Иногда мне кажется, что он часто в последние годы жизни «примерял» смерть на себя. Делал это без страха, а, скорее с каким-то почтительным любопытством. В одной из последних своих книг он опубликовал эпитафию, которую, вероятно, сам и придумал: «Может быть, теперь я пойму, зачем все это было»¹.

1 *Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 284.*

Когда человек умирает, многое выясняется, многое становится известным. И наше отношение к умершему подытоживается.

Д. А. Гранин¹

Заключение

Еще в середине 1980-х гг. Д. А. Гранин написал: «История неделима. Из нее нельзя выковыривать лишь лакомое, светлое»¹. История жизни Даниила Александровича – тоже очень разная. Иногда мне кажется, что если бы ее представить в виде визуальной Линии Жизни писателя, то она была бы не только неровной, но и многоцветной. Самыми замечательными красками, наверное, был бы окрашен период детства. В ярких цветах – отрезок отрочества, юности. Даже военная пора со всеми ее безумствами иногда высвечивалась бы светлыми красками надежды не быть убитым и мечты о мире. Первые послевоенные годы мне видятся в пастельных тонах: любовь к жене, дочери, к новому и главному делу последующей жизни – писательскому труду. А дальше начинались бы цвета поувесистей, но и более блеклые, хотя и с вкраплениями красок ярких, вдохновляющих. Рубеж 1990-х – начала 2000-х гг. мне видится темным, почти черным, или темно-серым. Потом через эти тона стали проскальзывать лучи золотистого цвета – цвета озарения и душевного прозрения. Последний жизненный отрезок мне представляется белым с оттенками теплоты и печали. С оттенками покоя и видения того, что лежит за горизонтом. Я очень сожалею, что я не Ван Гог: я бы написал Линию Жизни Писателя. Мне это было бы интересно.

Филолог О. Н. Кузнецова, пытаясь определить перспективу исследований творчества Д. А. Гранина, писала: «Идейно-эстетическими параметрами дальнейшего переосмысления творчества Гранина явятся: изучение природы творческого

1 Гранин Д. А. О милосердии // О наболевшем. С. 62.

мировоззрения писателя, своеобразии свойств творческого метода, идеологически выходящего за рамки соцреализма»¹. По мере сил я попытался выполнить эту задачу, точнее, подступиться к ее выполнению.

Трудно писать книгу о человеке, который живет рядом. Еще труднее — о том, который ушел из жизни. В каком-то смысле он становится беззащитным: не может оспорить сказанное о нем, не может объяснить непонятное в его биографии. Д. А. Гранин, увы, ушел из жизни. Но его романы, повести, рассказы, очерки дают возможность реконструировать не столько факты биографии писателя, сколько его внутренний мир. Очень точно заметил М. Уэльбек: «Только литература позволяет самым непосредственным образом установить связь с разумом умершего, даже более исчерпывающую и глубокую, чем та, что может возникнуть в разговоре с другом...»²

Персонаж советского анекдота 1930-х гг., заполняя анкету, очень грамотно ответил на вопрос: «Были ли у вас колебания по поводу линии, проводимой большевистской партией?» Опытный большевик записал в анкете ответ: «Колебался вместе с линией партии». Эти слова очень подходят ко многим людям, жившим в Советском Союзе. Д. А. Гранин — не исключение. Но есть существенное добавление. Он в советские и постсоветские времена не просто колебался. Он всегда был на шаг впереди начала этих колебаний в стране. Более того, нередко именно он был среди тех, кто становился толчком к их появлению. Таких «толкачей» было не так уж и много. Из ученых это были академики А. Д. Сахаров, Д. С. Лихачев, Ж. И. Алферов. Из писателей А. И. Солженицын, Д. А. Гранин, да, пожалуй, и все. Кстати, к А. И. Солженицыну Д. А. Гранин относился неуважительно. Однажды, отвечая на мой прямой вопрос, нравится ли ему А. И. Солженицын, Даниил Александрович нахмурился и четко произнес: «Подлый был человек». Почему, я уточнять не стал. Правда, общаясь с широкой

1 Кузнецова О. Н. Категория жизнеустроительного пафоса в потоке интеллектуально-деловой и «деревенской» прозы 2-й половины XX столетия: монография. С. 66.

2 Уэльбек М. Покорность. С. 13–14.

аудиторией, Д. А. Гранин не позволял себе таких откровений. Когда один из студентов спросил его, считает ли Даниил Александрович А. И. Солженицына наследником и продолжателем традиций русской классики, тот дипломатично ответил: «Во многом – да»¹.

В Данииле Александровиче было странное сочетание жесткости и бесконечной терпимости. Иной раз он буравил исподлобья человека и мог запросто сказать ему в глаза какую-нибудь гадость, но был совершенно лоялен к человеческим слабостям, особенно если это касалось персонажей из далекого или недавнего прошлого. Например, он во многом понимал А. Д. Меншикова или, допустим, Н. С. Хрущева.

Д. А. Гранин – удивительно сложный человек. Но кто сказал, что это плохо? Это как минимум интересно. Он сам любил сложных, непонятных, запутанных в самих себе людей. Прямые, как лом, его не интересовали. Он не любил примитив во всех его проявлениях.

Этот писатель, я бы сказал, насквозь пропитан Петербургом. Он умел воспевать этот город так, как никто другой. А. С. Пушкин делал это по-другому. А так, как Д. А. Гранин, никто не мог. При этом он умел ценить и других людей, разглядевших в этом городе что-то особенное, отличное от других городов. Например, он восхищался А. Н. Бенуа, который, по его мнению, «дивно писал про Санкт-Петербург»: «Фонтанка и Мойка – две скромные фрейлины Невы»².

Нам, читателям, очень повезло: этот писатель умел увлекательно и просто излагать свои мысли на бумаге. По счастливому стечению обстоятельств каждый из нас имеет счастливую возможность проследить развитие его таланта из года в год, от книги к книге. Нет сомнения в том, что ему еще будет посвящено немало книг и статей. Будут душевные воспоминания, литературоведческие и культурологические труды. Но предполагаю, что за изучение жизни и творчества писателя в историческом ракурсе исследова-

1 Гранин Д. А. Интеллигенды: статьи, выступления, эссе. [2-е изд., перераб. и доп.]

2 Гранин Д. А. Человек не отсюда. С. 234.

тели возмущаются нескоро. И это будет ошибкой. Стремясь не допустить ее, я попытался взять на себя первый опыт комплексного изучения вклада Д. А. Гранина в развитие отечественной культуры.

Чтобы понять произведения Даниила Александровича, нужно осознать логику его человеческих поступков. Чтобы осмыслить пройденный им путь, следует вжиться в образы его литературных персонажей. Этот замкнутый круг — ключ к пониманию жизненной философии нашего выдающегося современника. Эта книга — эскиз историко-психологического портрета Д. А. Гранина, основанного на материалах российских архивов, опубликованных источников, небольшой пока еще историографии и самое главное — на произведениях самого писателя.

Решиться на написание этой книги мне позволил талант Д. А. Гранина, изучать природу которого — огромное счастье и высокая честь.

Был ли Д. А. Гранин тщеславен? Пожалуй, да. Точнее, он осознавал, чего достиг. В нем не было ложной скромности, но и хвастовства в нем не было никогда. Хвастовство — удел людей недалеких, а Д. А. Гранин был человеком мудрым, глубоким.

Он любил жизнь во всех ее проявлениях. Умел ценить красоту, в том числе женскую красоту, но при этом никогда не был «слаб по женской части». Он и в зрелые годы понимал толк в спиртном. Пиво любил. Но никогда не был пьяницей. Он курил довольно долго, но отказался от этой привычки из-за здоровья. Одним словом, во всем знал меру. Во всем, кроме жажды познания жизни.

Странно, но у него, как мне кажется, не было учеников, последователей, подражателей. Я, во всяком случае, их не знаю. По этому поводу рискну процитировать самого Д. А. Гранина, размышлявшего о Рафаэле и Рембрандте: «...они не годятся в учителя и у них не может быть учеников, потому что в их направлении невозможен дальнейший прогресс, они достигли совершенства»¹. Тем, кто хочет мне

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 371.

по этому поводу возразить, замечу: давайте отложим наш спор лет на сто, а лучше – на двести.

Возможно, исследователи будут спорить, зачем Д. А. Гранин занимался писательским трудом. Не удивлюсь, если кто-то будет искать в этом какой-то глубинный смысл. У меня же на этот вопрос ответ простой: он писал, потому что ему просто это очень нравилось. С детства. С юности. У него всегда это здорово получалось. Когда что-то в жизни получается лучше, чем у других, это вдохновляет. Вот он и прожил свою жизнь на вдохновении.

В последние годы жизни Д. А. Гранин, перечитывая русскую классику, пришел к выводу, что современниками до сих пор недопоняты во многом Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. С. Пушкин¹. То было не просто оригинальное суждение. Он вырастил их в себе, как выращивают яблоню в саду, радуясь потом ее весеннему цветению. Правда, в 2008 г. он сделал небольшое уточнение: назвал четыре лучших, на его взгляд, литературных произведения российских авторов. Среди них были «Станционный смотритель» А. С. Пушкина, «Шинель» и «Студент» А. П. Чехова и «Тамань» М. Ю. Лермонтова².

Конечно, все это очень субъективно, но Д. А. Гранина характеризует. Заметьте, не упомянуты произведения любимых Даниилом Александровичем Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Жизнь и в год девяностолетия писателя продолжала расставлять литературные приоритеты.

Помнил ли Д. А. Гранин свои собственные слова, написанные за 30 лет до кончины? В статье, посвященной 150-летию со дня гибели А. С. Пушкина, он писал: «Сколько человек сделал добра, доброта его нрава, его жизни – перед раскрытой могилой остается прежде всего это как наивысшая ценность»³. С пониманием этой ценности Даниил Александрович шел по жизни несколько последних своих десятилетий.

1 Творческая встреча с Даниилом Граниным: презентация книги «Интеллегенды», СПбГУП, 9 февраля 2016 года: [сборник]. С. 41.

2 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 76.

3 Гранин Д. А. Завещание // Лен. правда. 1987. 10 февр. С. 3.

Д. А. Гранину всегда было интересно слушать человеческие заблуждения¹. Даниил Александрович сам во многом состоял из заблуждений. И если бы он из них не состоял, этот писатель не был бы интересен нам. Пресное и стерильное годится только для особых случаев. А для жизни — не очень.

Как-то он написал: «Можем ли мы до конца представить свою смерть? Кажется, это просто. Солнце будет вставать, автобусы — ходить, родные — горевать. Но это не так просто. Жить мы привыкли, а к смерти привычки нет»². Вот так без привычки и ушел. Случилось это горе 4 июля 2017 г., его похоронили на кладбище поселка Комарово, в сорока километрах от Петербурга. Он покоится рядом со своей женой Риммой Михайловной Майоровой (1918–2004).

Мне очень грустно, что когда Д. А. Гранин был уже в преклонных годах, на него (в основном в Интернете) обрушилось немало незаслуженных обвинений. После смерти Д. А. Гранина их меньше не стало. Даниил Александрович как-то заметил: «С мертвыми, конечно, надо считаться. С их взглядами, их этикой, тем более что защищать себя они не могут»³.

Бороться с ушедшими — последнее дело. Постыдное это геройство. Куда важнее погрузиться в их прошедшую жизнь, чтобы понять, как и зачем они жили и работали. Делать же свою нехитрую карьерку, пританцовывая на костях умерших, может только очень несчастный человек. У Д. А. Гранина всегда к таким людям было сострадание. Если честно, мне их тоже жалко.

Даниила Александровича нет среди нас, но с его благословения и подачи продолжают происходить важные события. В сентябре 2018 г. в Центральном выставочном зале «Манеж» в Петербурге открылась выставка «Хранить вечно», посвященная столетию создания пригородных музеев в бывших царских резиденциях. Директор Государственного музея-заповедника «Павловск» В. А. Дементьева

1 Гранин Д. А. Обратный билет // Однофамилец: Повести. С. 264.

2 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 246.

3 Гранин Д. А. Все было не совсем так. С. 51.

отметила, что «у истоков этой выставки стоял писатель Даниил Гранин. Он одобрил ее идею»¹. Думаю, что и память о Д. А. Гранине мы тоже будем хранить вечно.

У Даниила Александровича было свое понимание космоса: «В начале всего была тишина. Почему-то кажется, что она черного цвета.

После тишины наступило молчание. Оно отличается от тишины тем, что обрело смысл. То было раздумье или ожидание. Космос состоит из тишины. Внутри зерна тоже тишина, тишина созревания. Или ожидания»².

1 Цит. по: *Рябина О.* Могучий рассказал о судьбе музеев // *Метро Санкт-Петербург.* 2018. 19 сент. С. 2.

2 *Гранин Д. А.* Причуды моей памяти. С. 288.

Послесловие

Историко-психологический портрет Д. А. Гранина на фоне его жизни

Д. А. Гранин не любил писать предисловия к книгам, но часто писал послесловия. Он был уверен в том, что читатели останавливают свой взгляд на послесловии лишь тогда, когда им понравилась книга. Вероятно, ему хотелось, чтобы послесловие становилось естественным продолжением книги.

Работа С. Н. Полторака о Д. А. Гранине очень профессиональна. Но главное преимущество ее в другом: она стала успешной попыткой создания историко-психологического портрета писателя на фоне своего времени. Автор не скрывает своей приязни к главному герою книги, но и не бравирует ею. Мне кажется, книга, которую вы прочитали, представляет собой не только научный труд, но и откровенный рассказ историка о духовно близком ему человеке.

В книге прослеживается вся жизнь писателя. Но автор не особенно старательно вырисовывает ее детали, кое-что ускользает от его взгляда. Например, не очень четко обозначен момент перехода Д. А. Гранина от «любительской» писательской деятельности к профессиональной. На мой взгляд, такой переход по времени мог быть обозначен по-разному. Но в любом случае он выпадает на середину 1950-х гг. В книге С. Н. Полторака отмечено, что в августе 1955 г. семья Д. А. Гранина переехала в новую квартиру на Малую Посадскую улицу. В архиве хранится фотография, датированная октябрём 1955 г., т.е. сделанная спустя лишь несколько месяцев после переезда. Вероятно, Даниил Александрович сфотографирован в своем рабочем кабинете.

Писатель Даниил Александрович Гранин за работой
Ленинград. Октябрь 1955. Фото В. И. Капустина
ЦГАКФФД СПб Бр 60526

Обстановка на столе — «творческая». Пепельница — свидетельница мук творчества — полна окурков. В руке Даниила Александровича — папироса «Беломор», рядом — папиросная пачка. Типичная обстановка для того времени. И фотокорреспонденты считали тогда нормальным фотографировать писателей в условиях «нездорового образа жизни». Конечно, фотография постановочная, но все на ней — настоящее: и стопка бумаг в правом углу стола, и выдавшее виды пресс-папье, и старая уже тогда настольная лампа. На столе стоят три совершенно разные фигурки, которые чем-то дороги писателю. Д. А. Гранин еще не знаменит, но уже известен настолько, что к нему в дом пришел профессиональный фотограф, чтобы по чьему-то заданию запечатлеть «восходящую звезду».

В этой книге нет подробностей многочисленных заграничных поездок Даниила Александровича. Между тем Д. А. Гранин обожал путешествия. Он побывал в десятках стран. О большинстве поездок оставил удивительные воспоминания, зарисовки, размышления. Одна из первых стран, в которых ему довелось побывать, была Франция. В Париже писатель общался со многими интересными

людьми, в том числе с женой выдающегося художника Анри Матисса Л. Н. Делекторской.

Как известно, Даниил Александрович очень любил живопись, блестяще разбирался в ней. Он не считал себя поклонником Анри Матисса, хотя гений художника для него был бесспорен¹. По счастливой случайности в архиве удалось обнаружить фотографию, на которой Д. А. Гранин – рядом с супругой А. Матисса Лидией Николаевной Делекторской. В центре фотографии – К. Г. Паустовский. Возле него, слева, сидит известная в то время писательница Е. И. Катерли (Кондакова), а с края – писатель Л. Н. Рахманов. В архиве нет точных сведений о дате съемки. Но благодаря Д. А. Гранину несложно установить, что фото сделано в Париже в 1956 г. Писатель сообщал, что тогда он впервые побывал в Париже. Вместе с другими писателями был участником круиза вокруг Европы. Круизный теплоход делал остановку в Марселе, и Д. А. Гранин со своими товарищами успел на три дня поездом приехать в Париж. Встреча с Л. Н. Делекторской не состоялась бы, не будь Лидия Николаевна страстной поклонницей творчества К. Г. Паустовского. Увидев в Лувре, как К. Г. Паустовский заплакал, глядя на лик Джоконды, она решила подойти к своему любимому писателю. На память о той короткой встрече был сделан снимок². В нем любопытно многое. Например, то, почему именно в такой компании оказался тогда Д. А. Гранин. Он очень любил творчество К. Г. Паустовского, особенно его устные рассказы. Д. А. Гранин вспоминал: «Я мог слушать его часами, и он мог рассказывать часами. Из крохотной детали он выращивал “магический кристалл”. Из рассказа Лидии Николаевны он создал прелестную повесть о любви великого художника и великой женщины, но, к сожалению, так и не написал ее. А я не посмел записать – не моя. Вся история, вернее, истории, связанные с Лидией Николаевной, принадлежали ему, а я был второстепенный персонаж, случайный свидетель»³. Эти строки характеризуют Д. А. Гранина как человека

1 Гранин Д. А. Причуды моей памяти. С. 100.

2 Там же. С. 98–99.

3 Там же. С. 100.

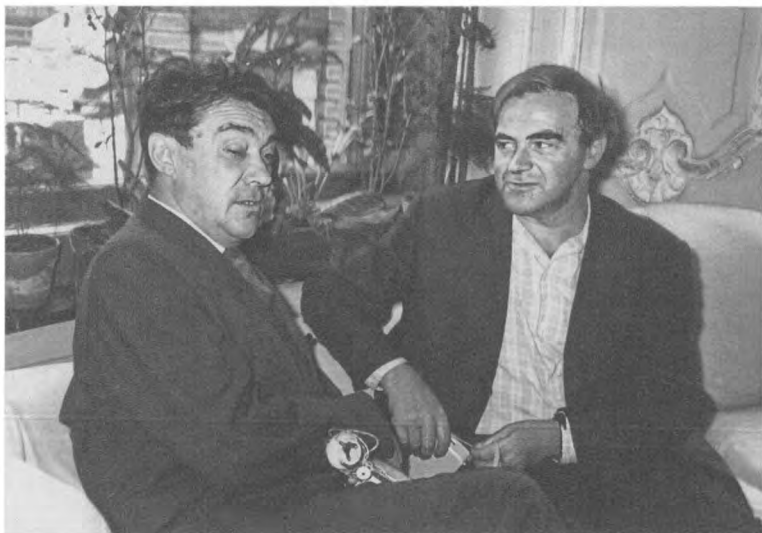
Группа русских писателей с супругой и секретарем живописца Анри Матисса Л. Н. Делекторской (слева направо): Д. А. Гранин, Л. Н. Делекторская, К. Г. Паустовский, Е. И. Катерли, Л. Н. Рахманов
Франция/Париж. 1956. Автор съемки неизвестен
ЦГАКФФД СПб Бр 50810

совестливого, деликатного. Хотя ему была очень интересна история любви томской эмигрантки Л. Н. Делекторской к великому французскому художнику, он не посмел написать о ней, поскольку понимал, что «авторское право» в этом случае за К. Г. Паустовским. Не случайно на фото в том маленьком коллективе оказалась и Е. И. Катерли. Ее духовная связь с Д. А. Граниным, скорее всего, навсегда останется «за кадром» истории. Между тем Елена Иосифовна, без сомнения, была очень симпатична Даниилу Александровичу. Вероятно, в ней для него было привлекательно то, что она на протяжении долгого времени как корреспондент освещала строительство электростанции на реке Свири. Именно той электростанции, на которую после окончания института был направлен молодой специалист Д. А. Герман и куда он, как известно, так и не доехал. Наверняка импонировало Даниилу Александровичу и то, что Е. И. Катерли во время войны была военным корреспондентом. Возможно, ему нравился и ее историко-биографический роман «Некрасов». Очень дорог был Д. А. Гранину и Л. Н. Рахманов – замечательный

писатель-фронтовик, одним из первых признавший талант Даниила Александровича. Так что на той фотографии совершенно не случайные люди. Их отношения пронизаны взаимной симпатией, что нетрудно заметить по их лицам. С позиций нашего времени та фотография очень трогательная. Вызывают умиление, например, очень похожие полосатые носки Д. А. Гранина и Л. Н. Рахманова. Тогда в СССР люди одевались очень похоже, словно были выходцами из одного детдома. В каком-то смысле так оно и было.

Заметна, но слабо изучена роль, которую сыграли в жизни вчерашнего фронтовика Д. А. Германа выдающиеся писатели, сумевшие распознать в Данииле Александровиче его самобытный талант. Их было несколько, но среди них, мне кажется, незаслуженно мало отмечена роль московского писателя Б. Н. Полевого. Борис Николаевич имел дар распознавать нераскрытые таланты. Он был лишь на десять лет старше Д. А. Гранина, но казалось, что это были люди совершенно разных поколений. Б. Н. Полевой, в отличие от Д. А. Гранина, заявил о себе как о ярком писателе уже в 19 лет, написав «Мемуары вшивого человека», покоровшие М. Горького. М. Горький стал всячески поддерживать Бориса Николаевича, и дар согреть своим сердцем истинные таланты, вероятно, передался и Б. Н. Полевому. Имея авторитет корреспондента главной газеты страны «Правды» и автора знаменитой «Повести о настоящем человеке», он уверенно протянул Даниилу Александровичу руку помощи и поддержки. Как известно, Борис Николаевич с 1961 г. на протяжении двадцати лет возглавлял журнал «Юность» — самый авторитетный молодежный журнал в Советском Союзе. На архивной фотографии Д. А. Гранин с интересом смотрит на мэтра советской литературы. Резной узор двери явно из XIX в. контрастирует с неухоженными цветочными горшками на подоконнике: привычное сочетание старинных дворцов, в которых проходили советские писательские форумы с неумением создавать подобающий уют.

Тот факт, что два писателя непринужденно общались между собой, вероятно, в перерыве между какими-то заседаниями, проходившими в Ленинграде, свидетельствует

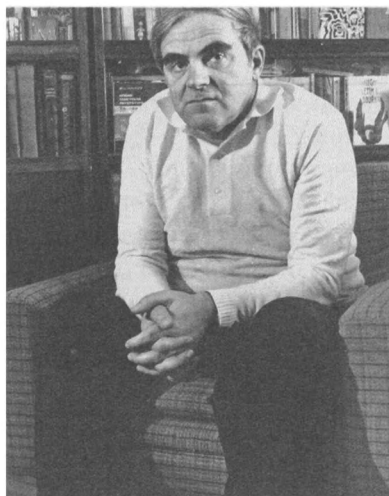
Писатели (слева направо): Б. Н. Полевой и Д. А. Гранин
Ленинград. Начало 1960-х. Фото Н. П. Карасева
ЦГАКФФД СПб Ар 119164

о прочности положения Д. А. Гранина, которое занял он в писательской среде к началу 1960-х гг.

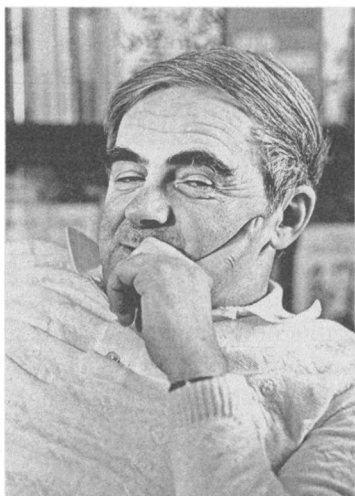
Д. А. Гранин в 1960-е гг. стал очень популярным среди читателей, особенно представителей технической интеллигенции. Его мыслям, высказанным в ходе многочисленных встреч, внимали инженеры, научные сотрудники, студенты. У Даниила Александровича сложился свой неповторимый стиль общения: он был прост, доступен, доброжелателен. Ему нравилось размышлять вслух, и его мысли всегда отличались смелостью, искренностью, исходившей от самого сердца. У него сложился и прочный стиль одежды. Он никогда не носил галстуки. Носил неброские отечественные костюмы или неяркие пиджаки с темными брюками, клетчатые рубашки. Д. А. Гранин всегда говорил четко, неспешно. Его интонации никогда не были поучительными, поэтому в любом коллективе, куда бы он ни приезжал, он быстро становился своим. При этом он никогда не заискивал, не заигрывал с читателями, позволяя себе единственную роскошь — быть самим собой.

Писатель Д. А. Гранин во время встречи с ленинградцами
Ленинград, 1960-е. Автор съемки неизвестен
ЦГАКФФД СПб Ар 68188

Д. А. Гранин в домашней обстановке
Ленинград, 1974.
Фото И. А. Наровлянского
ЦГАКФФД СПб Бр 64692

Д. А. Гранин в домашней обстановке
Ленинград, 1974.
Фото И. А. Наровлянского
ЦГАКФФД СПб Ар 192063

В середине 1970-х гг. Д. А. Гранин, как отмечается в книге С. Н. Полторака, уже занял прочное место в числе корифеев советской литературы. Его книги издавались на иностранных языках и языках народов СССР. Д. А. Гранин не был тщеславным человеком, но при этом в рабочем кабинете несколько книжных полок было отведено для его собственных опубликованных трудов. Этот факт запечатлен на одной из фотографий.

Даже трудно представить, что впереди еще такие ненаписанные шедевры, как роман «Картина», повесть «Зубр», а также многочисленные произведения, созданные в последние годы жизни Д. А. Гранина.

Даниил Александрович при всей своей нелюбви к неестественному в разных его проявлениях, как это ни удивительно, с легкостью соглашался на постановочные снимки, которые сейчас принято называть фотосессиями. На одной из таких фотографий он смотрит в объектив с хитроватым прищуром. Глядя на это фото, невольно понимаешь, что этот человек — всегда большая тайна. Но самое удивительное состоит в том, что он большая тайна не только для читателей, но и для себя самого.

Среди многочисленных фотографий Даниила Александровича есть та, на которой он запечатлен среди работников птицефабрики поселка Русско-Высоцкое Пушкинского района Ленинградской области. Ее никак не назовешь постановочной, поскольку видно, с каким воодушевлением и вниманием относятся сотрудницы к писателю. На их лицах нескрываемый интерес к личности этого человека, радость от общения с ним. Надо признать, что радость эта взаимна. И в этом тоже проявляется человеческая суть Д. А. Гранина.

Никто никогда не подсчитывал, сколько раз довелось Д. А. Гранину выступать перед различными аудиториями. Вероятно, многие сотни раз. Но он никогда не повторялся, никогда не говорил о чем-то в общих чертах. Он всегда говорил по существу. Его было интересно слушать не потому, что он был опытным оратором, а потому, что умел разбудить в человеке его мысль и совесть.

Хотя Д. А. Гранин всегда в своих мыслях опережал события, он все равно оставался сыном своего времени.

Человеческая мудрость странным образом уживалась в нем с детской наивностью и доверчивостью. В советские времена, всегда и во всем проявляя свободомыслие, он вместе с тем полагал, что, находясь в эпицентре общественной и государственной жизни, сумеет повлиять на будущее своей страны. Даниил Александрович был членом Ленинградского обкома КПСС, делегатом XIX Всесоюзной партийной конференции. Свою политическую активность он проявлял не ради собственных амбиций, а для того, чтобы улучшить жизнь простых людей.

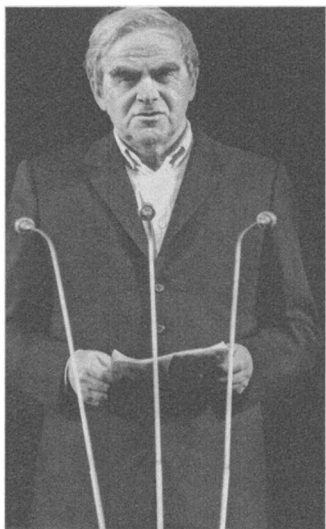
Среди самых душевных друзей Д. А. Гранина был писатель М. А. Дудин. Их объединяло очень многое: они были удивительно талантливы, добросердечны, оба имели боевой опыт. Но было в них еще одно объединяющее начало: в них обоих до преклонных лет сохранилась какая-то удивительная мальчишеская шкодность. Она время от времени прорывалась в гранинских романах-воспоминаниях, где Даниил Александрович писал о своем детстве, в «грешных рифмах», которые были по-дудински талантливы не менее, чем лирические стихи Михаила Александровича. В архиве сохранились фотографии «перестроечного времени», на которых Д. А. Гранин и М. А. Дудин рядом. Их взаимная симпатия очевидна. Великое счастье, что эти два выдающихся таланта встретились и до конца дней сохранили теплые воспоминания о своей дружбе.

У Д. А. Гранина было не так уж много мест, где он отдыхал душой, где ему легко и приятно писалось. Одно из таких мест — его дача в Комарово, под Петербургом. В скромном доме неподалеку от Финского залива он писал свои произведения, встречался с друзьями и коллегами. Фотография, на которой Даниил Александрович снят на фоне своей дачи, вся наполнена светом. И это не только результат хорошей погоды и профессионализма фотографа. Светом наполнялась душа писателя, когда он приезжал в свои комаровские владения.

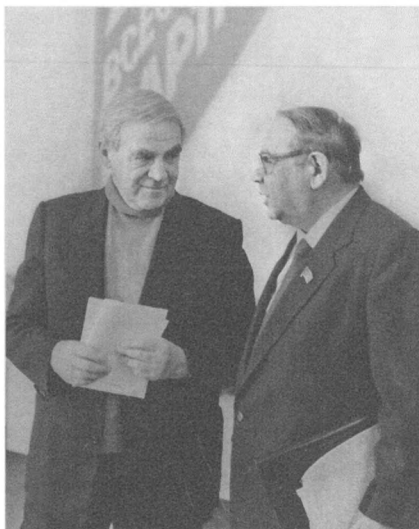
Творческое наследие Д. А. Гранина, конечно, еще будут изучать. В основном, вероятно, лингвисты, литературоведы, возможно, культурологи. Но есть на что обратить внимание и историкам. Произведения Д. А. Гранина — ценный

Писатель Д. А. Гранин среди читателей Русско-Высоцкой птицефабрики Ленинград. 12.02.1976. Фото Б. П. Червякова ЦГАКФФД СПб Ар 173883

Писатель Д. Гранин на сцене во время выступления Ленинград. Октябрь 1980. Фото В. К. Голубовского ЦГАКФФД СПб Ар 229629

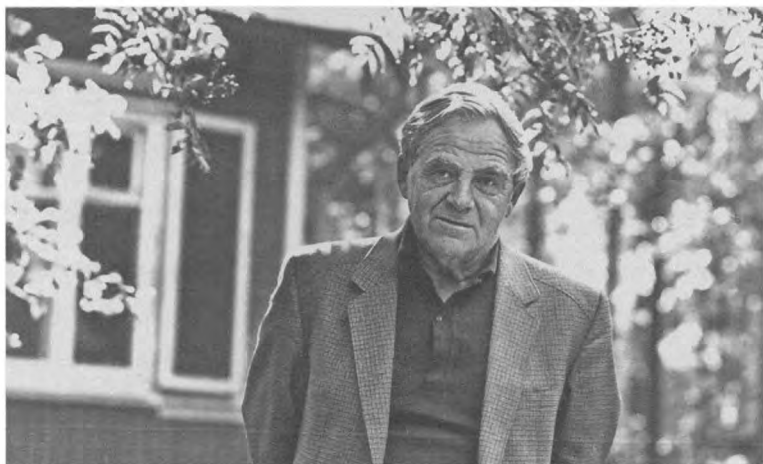
Писатели Д. Гранин (слева) и А. Чепуров на партконференции в здании Ленинградского горкома и обкома КПСС Ленинград. Декабрь 1988. Фото В. К. Голубовского ЦГАКФФД СПб Ар 235545

Председатель Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР поэт М. А. Дудин (справа) во время беседы с писателями. Сидит, крайний слева — писатель Д. А. Гранин
Ленинград. Ноябрь 1986. Фото Ю. Г. Белинского
ЦГАКФФД СПб Ар 204219

Поэт М. А. Дудин (справа) и писатель Д. А. Гранин во дворе дома Д. А. Гранина на улице Братьев Васильевых (ранее и позже — Малая Посадская улица)
Ленинград. Сентябрь 1988. Фото Ю. Г. Белинского
ЦГАКФФД СПб Ар 203797

Писатель Д. А. Гранин перед дачным домом
Ленинградская область. Август 1987. Фото Ю. Г. Белинского
ЦГАКФФД СПб Бр 67810

исторический источник для тех исследователей, которые изучают не только историю Великой Отечественной войны. Довоенный и послевоенный периоды также прекрасно отражены в его произведениях. Кто такой писатель? Это человек, который острее, точнее и ярче своих современников видит жизнь. Так почему же мы считаем историческими источниками мемуары какого-нибудь чиновника, который двух слов связать не может, а рассказ, повесть, роман, основанные необязательно на документальных фактах, а хотя бы на жизненном опыте талантливого писателя, считаем только художественным произведением? Это же добротные исторические источники!

Историк С. Н. Полтораки в своей книге попытался соединить сведения о жизни замечательного человека и писателя Д. А. Гранина с его талантливыми произведениями. И мне кажется, у историка это получилось.

А. В. Зотова

Список источников и литературы

Архивные документы

- Архив ПАО «Ленэнерго». Личное дело Германа Даниила Александровича.
Архив Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). Личное дело студента Даниила Александровича Германа. Л. 1–13.
Архив Университета Петра Великого. Личное дело Германа Даниила Александровича. Л. 1–16.
Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 33; Учетно-послужная карточка Германа Даниила Александровича. Вх. 58302–59.

Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга: Бр 50810 «Группа русских писателей с супругой и секретарем живописца Анри Матисса Л. Н. Делекторской (слева направо): Д. А. Гранин, Л. Н. Делекторская, К. Г. Паустовский, Е. И. Катерли, Л. Н. Рахманов». 1950-е. Автор съемки неизвестен. Место съемки: Франция/Париж.

Бр 60526 «Писатель Даниил Александрович Гранин за работой». Октябрь 1955 г. Фото В. И. Капустина. Место съемки: Ленинград.

Ар 119164 «Писатели (слева направо): Б. Н. Полевой и Д. А. Гранин». Начало 1960-х гг. Фото Н. П. Карасева. Место съемки: Ленинград.

Ар 68188 «Писатель Д. А. Гранин во время встречи с ленинградцами». 1960-е гг. Автор съемки неизвестен. Место съемки: Ленинград.

Ар 192063 «Д. А. Гранин в домашней обстановке». 1974 г. Фото И. А. Наровлянского. Место съемки: Ленинград.

Бр 64692 «Д. А. Гранин в домашней обстановке». 1974 г. Фото И. А. Наровлянского. Место съемки: Ленинград.

Ар 173883 «Писатель Д. А. Гранин среди читателей Русско-Высоцкой птицефабрики». 12.02.1976. Фото Б. П. Червякова. Место съемки: Ленинград.

Ар 229629 «Писатель Д. Гранин на сцене во время выступления». Октябрь 1980 г. Фото В. К. Голубовского. Место съемки: Ленинград.

Ар 204219 «Председатель Ленинградского отделения Союза писателей РСФСР поэт М. А. Дудин (справа) во время беседы с писателями, крайний слева сидит — писатель Д. А. Гранин». Ноябрь 1986 г. Фото Ю. Г. Белинского. Место съемки: Ленинград.

Бр 67810 «Писатель Д. А. Гранин перед дачным домом». Август 1987 г. Фото Ю. Г. Белинского. Место съемки: Ленинградская область.

Ар 203797 «Поэт М. А. Дудин (справа) и писатель Д. А. Гранин во дворе дома М. А. Дудина на улице Братьев Васильевых». Сентябрь 1988 г. Фото Ю. Г. Белинского. Место съемки: Ленинград.

Ар 235545 «Писатели Д. Гранин (слева) и А. Чепуров на XIX Всесоюзной партконференции в здании Ленинградского горкома и обкома КПСС». Декабрь 1988 г. Фото В. К. Голубовского. Место съемки: Ленинград.

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Фонд Даниила Александровича Гранина Р-107.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга:

Ф. 1352. Домовая книга прописки граждан по адресу: ул. Моховая, д. 13. Оп. 11.

Ф. 1953. Домовая книга прописки граждан по адресу: ул. Ракова, д. 15. Оп. 180.

Ф. 1963. Домовая книга прописки граждан по адресу: ул. Ракова, д. 23/12 (она же ул. Садовая, д. 12). Оп. 180.

Ф. 7965. Коллекция домовых книг. Оп. 117. Архивная опись дел постоянного хранения (документы Центрального района).

Государственный архив Курской области. Официальный ответ и.о. директора архива О. В. Пешехоновой от 10.08.2018 № 07/11-712 на запрос С. Н. Полторака.

Государственный архив Липецкой области. Официальный ответ зам. директора архива Е. П. Шукиной от 06.09.2018 № 3927 на запрос С. Н. Полторака.

Государственный архив Орловской области. Официальный ответ директора архива Ю. В. Апаринной и зав. Отделом использования и публикации документов Л. М. Кондаковой от 13.08.2018 № П-99 на запрос С. Н. Полторака.

Личный архив С. Н. Полторака (Документы, переданные Д. А. Граниным С. Н. Полтораку)

Письмо зам. начальника Службы регистрации и архивных фондов управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области П. А. Крылова автору запроса С. Н. Полтораку. № 10/24-П-2800/502 от 12 июля 2018 г.

Письмо зам. начальника Центрального архива ФСБ России Н. А. Иванова автору запроса С. Н. Полтораку № 10/А/П-3945 от 10 августа 2018 г.

Письмо начальника подразделения Управления ФСБ по Новгородской области Г. Э. Кулаковой автору запроса С. Н. Полтораку № П-374 от 31 августа 2018 г.

Письмо начальника Центра реабилитации жертв политических репрессий и архивной информации Центрального архива МВД России Ю. И. Харина автору запроса С. Н. Полтораку № 3/187713717231 от 2 октября 2018 г.

Литература и опубликованные источники

Адамович А. Гранин Д. А. Главы из «Блокадной книги» // Новый мир. 1977. № 12. С. 25–158.

Адамович А. Гранин Д. А. Главы из «Блокадной книги» // Аврора. 1981. № 1. С. 78–101.

- Алферов Ж. И. Вербицкая Л. А., Гранин Д. А. Достоевского хотят уплотнить // Санкт-Петербургские ведомости. 2004. 9 июня. С. 2.
- Аль-Тамири Г. А. Х. Терминологическая лексика в произведениях Д. А. Гранина: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: (10.02.01). Минск, 1981.
- Биография Даниила Гранина // Информационное агентство ТАСС. URL: <http://tass.ru/info/4387865> (дата обращения — 18.07.2018).
- «В "Искателях" сыскался Гранин...» // Двадцатый век в эпиграммах от А до Я: Из собр. Льва Куклина. СПб., 2002. С. 98.
- Войтинская О. С. Даниил Гранин: (Очерк творчества). М., 1966.
- Встреча петербургских историков // История Петербурга. 2002. № 4 (8). С. 3.
- [Выступление на заседании круглого стола «Финны и русские: на перепутьях общей истории», 18 нояб. 2003 г.: Фрагм. / Примеч. ред.] // История Петербурга. 2003. № 6(16). С. 3–4, 10. В публ. С. Полторака. Встреча ученых Петербурга за круглым столом.
- [Выступление: На церемонии вручения наград благотворительного обществ.-политич. движения «Золотой пеликан Северо-Запад» в духов.-просветит. центре «Святодуховский» Александро-Невской лавры, март 2009 г.] // Санкт-Петербургские ведомости. 2009. 19 марта. С. 5. В ст. Д. Александровой. За милосердие и душевную щедрость.
- [Выступление на заседании круглого стола «Совесть: Бесполезное свойство души?», 30–31 янв. 2009 г.: Фрагм. стеногр.] / Подгот. к публ. А. Бузулукский // Санкт-Петербургские ведомости. 2009. 14 мая. С. 1, 4; Известия. 2009. 26 мая. С. 9.
- Гаспаров М. Л. Записки и выписки. М., 2001.
- Герман Д. Борьба за экономию — почетное дело комсомольцев // Кировец. 1940. 25 дек.
- Герман Д. За экономию, за культуру // Кировец. 1941. 25 янв.
- Герман Д. К дальнейшему подъему комсомольской работы в институте! // Индустриальный. 1938. 2 нояб. С. 1.
- Герман Д. Лектора не понимают // Индустриальный. 15 окт. С. 3.
- Герман Д. Лекция // Индустриальный. 1938. 10 окт. С. 2.
- Герман Д. Лучше выполнять обязательства // Кировец. 1941. 17 мая.
- Герман Д. Товарищ И. В. Сталин на Петроградском фронте // Индустриальный. 1939. 23 февр. С. 2.
- Герман Ю. П. Подполковник медицинской службы // Звезда. 1949. № 1. С. 66–108.
- Герра Р. О весьма странной и весьма смрадной книгах. Париж; М., 2017.
- Герцен А. И. Былое и думы: Детская и университет. Тюрьма и ссылка. Владимирна-Клязьме. Москва, Петербург и Новгород. Минск, 1987.
- Гранин Д. А. «Альфабетикадорес» // Комсомольская правда. 1961. 19 нояб.
- Гранин Д. А. Бегство в Россию: Орывок из романа // Санкт-Петербургские ведомости. 1994. 16 апр.
- Гранин Д. А. Бегство в Россию // Новый мир. 1994. № 7. С. 88–131; № 8. С. 73–154; № 9. С. 70–147.

- Гранин Д. А. Бегство в Россию. М., 1995.
- Гранин Д. А. Бегство в Россию. М., 2014.
- Гранин Д. А. и др. Благоустроить Малую Посадскую: Письмо в редакцию // Вечерний Ленинград. 1957. 30 авг.
- Гранин Д. А. Беспокойные люди: листки из блокнота // Новый мир. 1955. № 7. С. 20–23.
- Гранин Д. А. Беспризорное будущее России // Известия. 1998. 26 марта.
- Гранин Д. А. Блокада не расчеловечила людей // Слово. 1999. 8–9 сент. С. 1.
- Гранин Д. А. Блокадная книга. М., 2003.
- Гранин Д. А., Адамович А. М. Блокадная книга. В 2 кн. М., 2005.
- Гранин Д. А., Адамович А. М. Блокадная книга. М., 2005.
- Гранин Д. А. Братья Елисеевы // Запретная глава: Повести. Л., 1991. С. 163–175.
- Гранин Д. А. Будем милосердны // Труд. 1987. 8 июля.
- Гранин Д. А. Будь! // Санкт-Петербургские ведомости. 1994. 30 дек.
- Гранин Д. А. Будь! // «Будьте, пожалуйста!»: Друзья вспоминают М. Дудина. СПб., 1995. С. 5–10.
- Гранин Д. А. и др. В защиту Манолиса Глезоса // Литературная жизнь. 1959. 5 июля.
- Гранин Д. А. В людях ценю неповторимость // Известия. 1984. 9 янв.
- Гранин Д. А. В мастерской художницы Дюрак // Новое время. 1965. № 42. С. 29–30.
- Гранин Д. А. В начале было дело // Литературная газета. 1979. 30 мая. С. 15.
- Гранин Д. А. В нашем городе. Л., 1958.
- Гранин Д. А. В родном городе // Литературная газета. 1979. 7 нояб. С. 7.
- Гранин Д. А. В служении Отечеству // О наболевшем. Л., 1988. С. 65–71.
- Гранин Д. А. В служении Отечеству: [О Д. С. Лихачеве] // Правда. 1986. 12 окт.
- Гранин Д. А. В служении Отечеству: [О Д. С. Лихачеве] // Шаги. 1989. Вып. 13. С. 162–165.
- Гранин Д. А. В служении Отечеству: [О Д. С. Лихачеве] // Книги не молчат. М., 1989. С. 132–138.
- Гранин Д. А. Вариант второй // Звезда. 1949. № 1. С. 52–65.
- Гранин Д. А. Вариант второй // Победа инженера Корсакова. Л., 1950. С. 170.
- Гранин Д. А. Величие страны определяется не ядерными боеголовками, а мудрыми головами // Комсомольская правда. 1997. 27 дек. С. 4.
- Гранин Д. А. Вечера с Петром Великим: [Главы из романа] // Российская газета. 2000. 7 апр. С. 30–31.
- Гранин Д. А. Вечера с Петром Великим: Сообщ. и свидетельства господина М. // Дружба народов. 2000. № 5. С. 7–71; № 6. С. 65–119; № 7. С. 86–137.
- Гранин Д. А. Вечера с Петром Великим. СПб., 2000.
- Гранин Д. А. Вечера с Петром Великим. СПб., 2001.
- Гранин Д. А. Вечера с Петром Великим. М., СПб., 2004.
- Гранин Д. А. Вечера с Петром Великим. М., СПб., 2005.
- Гранин Д. А. Во власти нет людей, болеющих за Россию // Дело. 2005. 21 нояб. С. 1, 6–7.
- Гранин Д. А. Возвращение. Военные рассказы. М., 2017.

- Гранин Д. А.* Возвращение старой науки, которая заставляет гордиться своими предками или стыдиться их поступков // Новое время. 1992. № 50. С. 52—53.
- Гранин Д. А.* Все было не совсем так. М., 2010.
- Гранин Д. А.* «Все в жизни решает духовное состояние человека»: [Выступление в Большом зале Санкт-Петербургской консерватории, 13 янв.] // Невское время. 2014. 15 янв. С. 10.
- Гранин Д. А.* Всегда начеку // Красная звезда. 1963. 1 янв.
- Гранин Д. А.* Вспомним девиз: не хныкать! // Советская Россия. 1986. 12 янв.
- Гранин Д. А.* Встреча науки и литературы: [Из выступления на встрече с учеными в Новосиб. академ. городке] // Огонек. 1978. № 24. С. 6—7.
- Гранин Д. А.* Вся жизнь моя в литературе // Петербург-классика. 2004. № 1. С. 16—17.
- Гранин Д. А.* Выбор цели: Публицистика. Проза. Л., 1986.
- Гранин Д. А.* Выступление на XXVIII ленинградской областной партийной конференции // Ленинградская правда. 1986. 25 дек.
- Гранин Д. А.* [Выступление: На совет.-лит. встрече писателей в Москве на тему «Познавательная функция литературы»] // Иностранная литература. 1973. № 1. С. 206—207.
- Гранин Д. А.* [Выступление на заседании комис. «Формирование коммунистической личности и соц.-нравств. пробл. в жизни и в лит.»] // Шестой съезд писателей СССР: Стеногр. отчет. М., 1978. С. 143—144.
- Гранин Д. А.* Выступления на заседании «круглого стола» // Коммунист. 1989. № 15. С. 73, 75—76, 77—78.
- Гранин Д. А.* Горькая утрата // Известия. 1967. 16 янв.
- Гранин Д. А.* Два острова // Ленинградская правда. 1961. 5 дек.
- Гранин Д. А.* Два самодержца: [Глава из романа «Вечера с Петром Великим»] // Российские вести. 1996. 10 окт.
- Гранин Д. А.* Декларация культуры: [Выступление на шестых Лихачевских чтениях в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов: В сокр.] // Трибуна. 2006. 2—8 июня. С. 34.
- Гранин Д. А.* Дождь в чужом городе: Отрывок из новой повести // Ленинградская правда. 1972. 20 авг.
- Гранин Д. А.* «Доколь в подлунном мире...» // Литературная Россия. 1987. 5 июня. С. 6—7.
- Гранин Д. А.* Дом в Лыкове: [Отр. из романа «Картина»] // Литературная газета. 1975. 15 окт. С. 7.
- Гранин Д. А.* Дом на Фонтанке // Еще заметен след: Повести и рассказы. Л., 1985. С. 188—205.
- Гранин Д. А.* Дорога к здравому смыслу // О наболевшем. Л. 1988. С. 89—96.
- Гранин Д. А.* Евгений Лебедев // Театр. 1977. № 1. С. 80—81.
- Гранин Д. А.* «Европа открыла для себя Петербург» // Московские новости. 2003. 10—16 июня. С. 20—21.
- Гранин Д. А.* Жена для пана Брука: отрывок из романа «Бегство в Россию» // Крестьянские ведомости. 1994. 26 сент. С. 8—9.

- Гранин Д. А. Жизненный подвиг: «Памяти О. Форш» // Ленинградская правда. 1961. 19 июля.
- Гранин Д. А. Жизнь не переделывать... М.; СПб., 2004.
- Гранин Д. А. Завещание // Ленинградская правда. 1987. 10 февр.
- Гранин Д. А. Заговор. М., 2014.
- Гранин Д. А. Заметки о Петре I / [Предисл. С. Полторака] // История Петербурга. 2001. № 2. С. 57–61.
- Гранин Д. А. Запретная глава // О наболевшем. Л., 1988. С. 3–24.
- Гранин Д. А. Значение конфликта // Литературная газета. 1955. 26 апр.
- Гранин Д. А. Золотые рога: Из Алтайской тетради: очерк // Литературная газета. 1959. 14 нояб.
- Гранин Д. А. Зубр // Новый мир. 1987. № 1. С. 19–95; № 2. С. 7–92.
- Гранин Д. А. Зубр. М., 1987.
- Гранин Д. А. Зубр. Л., 1987.
- Гранин Д. А. Зубр: Романы. М., 2003.
- Гранин Д. А. Зубр. М., 2005.
- Гранин Д. А. И вместо «новых русских» воскреснут прежние завмаги // Вечерний Петербург. 1996. 29 марта.
- Гранин Д. А. Идея — общая, участие — личное // Советская культура. 1986. 10 июля.
- Гранин Д. А. Иду на грозу // Роман-газета. 1962. № 23.
- Гранин Д. А. Иду на грозу // Знамя. 1962. № 8. С. 3–89; № 9. С. 65–121; № 10. С. 3–74.
- Гранин Д. А. Иду на грозу. М., 2003.
- Гранин Д. А. Иду на грозу. СПб., 2004.
- Гранин Д. А. Иду на грозу. М., 2005.
- Гранин Д. А. Иной вариант Петра: [Глава из романа «Вечера с Петром Великим»] // Вечерний Петербург. 1996. 29 нояб.
- Гранин Д. А. Интеллегенды: статьи, выступления, эссе. [2-е изд., перераб. и доп.]. СПб., 2015.
- Гранин Д. А. Интеллигент // Литературная газета. 1950. 16 нояб.
- Гранин Д. А. Интеллигенция: что с ней? Где она? // Час пик. 1997. 17 сент. С. 5.
- Гранин Д. А. Искатели // Звезда. 1954. № 7. С. 3–99; № 8. С. 7–119.
- Гранин Д. А. Искатели. Л., 1955.
- Гранин Д. А. Как стать добрее // О наболевшем. Л., 1988. С. 79–88.
- Гранин Д. А. Как стать добрее // Неделя. 1988. 28 марта — 3 апр. С. 10–11.
- Гранин Д. А. Канберра: Из австралийских очерков // Новое время. 1965. № 36. С. 28–29.
- Гранин Д. А. Картина: отрывок из романа // Советская Россия. 1978. 12 марта.
- Гранин Д. А. Картина // Новый мир. 1980. № 1. С. 3–132; № 2. С. 85–176.
- Гранин Д. А. Картина: роман. М., 2004. 399 с.
- Гранин Д. А. Керогаз и все другие: Ленинградский каталог. М., 2003. 126 с.
- Гранин Д. А. Клавдия Вилор. М., 1977.
- Гранин Д. А. Клавдия Вилор // Еще заметен след: Повести и рассказы. Л., 1985. С. 3–93.

- Гранин Д. А. Книга о великом человеке и великом ученом // Звезда. 1980. № 2. С. 198–202.
- Гранин Д. А., Прокофьев А. А. Книга, ставшая редкостью // Литературная газета. 1962. 13 янв. С. 4.
- Гранин Д. А. «Коммунист — это прежде всего порядочный человек» // Строительная Газета. 1988. 28 июня.
- Гранин Д. А., Адамович А. М., Рязанов Э. А. Коммунисты по-хорошему не уходят // Известия. 1993. 30 нояб. С. 4.
- Гранин Д. А. Кто-то должен: Повесть // Звезда. 1970. № 1. С. 48–92.
- Гранин Д. А. Кто-то должен. М., 1970.
- Гранин Д. А. Ленинградский каталог: [Рассказ-воспоминание о Ленинграде 30-х гг.]. Л., 1986.
- Гранин Д. А. Лихачев был министром защиты культуры // Известия. 2006. 9 июня. С. 8.
- Гранин Д. А. Лунатик: Из нового романа «Иду на грозу» // Литературная газета. 1961. 8 июля.
- Гранин Д. А. «Люди не верят никому»: [Выступление на дискус.] // Комсомольская правда. 1998. 13 нояб. С. 6.
- Гранин Д. А. Мертвые не воюют // Труд. 1997. 19 июня.
- Гранин Д. А. Мертвые не воюют. Они зывают к примирению // Невское время. 1996. 22 июня.
- Гранин Д. А. Место для памятника. М., 1982.
- Гранин Д. А. Месяц вверх ногами // Знамя. 1966. № 1. С. 180–212; № 2. С. 180–206.
- Гранин Д. А. Месяц вверх ногами. Л., 1966.
- Гранин Д. А. Милосердие // Советская Россия, 1988.
- Гранин Д. А. Мимолетное явление // О наболевшем. Л., 1988. С. 25–42.
- Гранин Д. А. Мне уже поздно быть пессимистом // Вечерний Петербург. 1993. 22 нояб.
- Гранин Д. А. «Мне лично нужны простые человеческие ценности», Петербург, 20 нояб. 2002 — 30 окт. 2009 / [Беседу вели К. фон Барлёвен и Г. Наумова] // Барлёвен К., фон, Наумова Г. Книга знаний: Беседы с выдающимися мыслителями нашего времени. М., 2010. С. 148–167.
- Гранин Д. А. Мои командиры // Правда. 1985. 8 мая.
- Гранин Д. А. Мой друг Алесь // Вопросы литературы. 1995. Вып. 1. С. 315–322.
- Гранин Д. А. Мой лейтенант. М., 2012.
- Гранин Д. А. Мучительные вопросы бытия // Литературная газета. 2004. 24–30 нояб. С. 5.
- Гранин Д. А. Мы едем по Гаване: Из Кубинских очерков // Ленинградская правда. 1961. 12 нояб.
- Гранин Д. А. Мы еще не доросли до Льва Толстого» // Санкт-Петербургский курьер. 2004. 16 дек. С. 20.
- Гранин Д. А. Мы купились на мечту // Российская газета. 1991. 5 февр.
- Гранин Д. А. «Мы не отличаемся от немцев, поверивших Гитлеру...» // Час пик. 2006. 21 июня. С. 12.

- Гранин Д. А. На берегу // Сергей Орлов: Воспоминания современников. Неопубликованное. Л., 1980. С. 117–120.
- Гранин Д. А. «Нам надо надеяться только на себя...» // Невское время. 1993. 6 февр.
- Гранин Д. А. Наш комбат. М., 1989.
- Гранин Д. А. Наш дорогой Роман Авдеевич: Отр. из повести // Литературная газета. 1990. 11 июля. С. 8.
- Гранин Д. А. Наш дорогой Роман Авдеевич // Нева. 1990. № 11. С. 3–44.
- Гранин Д. А. Наш дорогой Роман Авдеевич. Л., 1990.
- Гранин Д. А. Наш комбат. М., 2004.
- Гранин Д. А. Наш ориентир — общечеловеческие ценности // День знаний в Университете: актовые лекции, прочитанные 1 сент. 1996 г. / Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 1997. Вып. 2. С. 5–11.
- Гранин Д. А. Наша печаль, наша любовь: [Памяти Д. С. Лихачева] // Санкт-Петербургские ведомости. 1999. 10 нояб. С. 5
- Гранин Д. А. Не надо приспосабливать историю // Российская газета. 2004. 27 янв. С. 1–4.
- Гранин Д. А. Не стыдно: Борьба за существование ужесточилась. Люди приспосабливаются к жизни за счет морали // Общая газета. 1997. 23 нояб. — 3 дек. С. 15.
- Гранин Д. А. Неизвестный человек // Дружба народов. 1990. № 1. С. 5–40.
- Гранин Д. А. Неизвестный человек // Запретная глава: Повести. Л.: Советский писатель, 1991. С. 3–60.
- Гранин Д. А. Неожиданное утро. Л., 1970.
- Гранин Д. А. Неожиданное утро. Л., 1987.
- Гранин Д. А. Неразгаданность человека // Собеседник, 1982. Вып. 3. С. 269–271.
- Гранин Д. А. НТР и литература: Выступление на Всесоюзной творческой конференции // Литературная газета. 1980. 4 июня. С. 4.
- Гранин Д. А. Нетерпение — горячее нашей жизни // Крокодил. 1989. № 14. С. 7.
- Гранин Д. А. Нравственный пример: Слово об А. Д. Сахарове // Ленинградская правда. 1989. 16 дек.
- Гранин Д. А. [О взрыве вагона в московском метро] // Коммерсант-daily. 1997. 2 июля. С. 20.
- Гранин Д. А. О живописи Л. Богомольца // Нева. 1966. № 1. С. 161–162.
- Гранин Д. А. О задачах литературы: В связи с решениями XXVII съезда КПСС // Библиотекарь. 1986. № 6. С. 3–5.
- Гранин Д. А. О милосердии // О наболевшем. Л., 1988. С. 58–59.
- Гранин Д. А. О милосердии // Если по совести. М., 1988. С. 107–117.
- Гранин Д. А. О милосердии // Личное мнение. Вып. 2. М., 1988. С. 295–305.
- Гранин Д. А. О милосердии // Писатель и время. М., 1988, С. 216–224.
- Гранин Д. А. О Президентском Совете глазами обывателя // Общая газета. 1993. 17–23 сент. С. 1.
- Гранин Д. А. [Об уличной преступности] // Коммерсант-daily. 1997. 12 нояб. С. 16.
- Гранин Д. А. Обратный билет: Повесть // Новый мир. 1976. № 8. С. 3–48.

- Гранин Д. А.* Общество «Милосердие» — быть ему или не быть? // Вечерний Ленинград. 1987. 20 нояб.
- Гранин Д. А.* Обратный билет // Однофамилец: Повести. Л., 1984. С. 247—319.
- Гранин Д. А.* Огульное осуждение советского прошлого несправедливо* // Известия. 2006. 27 янв. С. 5.
- Гранин Д. А.* Однофамилец: Повести. Л., 1984.
- Гранин Д. А.* Олигархи есть, а настоящей помощи нет... // Невское время. 2004. 1 апр. С. 1.
- Гранин Д. А.* Ольга Дмитриевна Форш: Некролог / Д. А. Гранин, А. А. Прокофьев // Ленинградская правда. 1961. 19 июля.
- Гранин Д. А.* Он был министром той культуры, которой власть не занимается // Очень УМ. 2006/2007. № 1. Спец. вып.: к 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачева. С. 16—23.
- Гранин Д. А.* Он умер в день Веры, Надежды, Любви: Завтра — девятый день, как не стало Дмитрия Лихачева // Общая газета. 1999. 7—13 окт. С. 9—10.
- Гранин Д. А.* Она и все остальное. Роман о любви и не только. М., 2017.
- Гранин Д. А. и др.* Опомниться, остановиться: (обращение к интеллигенции Азербайджана и Армении) // Лесная промышленность, 1988. 3 дек.
- Гранин Д. А. и др.* Остановитесь!: (Протест писателей против вторжения США в Камбоджу) // Литературная Россия. 1970. 8 мая. С. 20.
- Гранин Д. А.* Остановка в Карачи: Путевые впечатления // Новое время. 1965. № 15. С. 28—29.
- Гранин Д. А.* Остаться человеком // В конце семидесятых. Литература наших дней. Л., 1980. С. 5—29.
- Гранин Д. А.* Остров молодых: Сентябрь, 1961. Куба: Путевые заметки // Новый мир. 1962. № 6. С. 190—215.
- Гранин Д. А.* Остров молодых: Рассказы о Кубе. Л., 1962.
- Гранин Д. А.* Ответственность подлинная и мнимая // Литературная газета. 1986. 12 февр.
- Гранин Д. А. и др.* Открытое письмо делегатам IX съезда писателей // Литературная газета. 1992. 13 мая.
- Гранин Д. А.* Отчего у нас так воруют? // Смена. 2004. 10 нояб. С. 7.
- Гранин Д. А.* [Памяти Д. С. Лихачева] // Литературная газета. 1999. 6—12 окт. С. 9 (Слова прощания).
- Гранин Д. А.* Памяти историка В. М. Ковальчука // Санкт-Петербургские ведомости. 2013. 11 окт. С. 3.
- Гранин Д. А. и др.* Переломный момент: Обращение к народным депутатам СССР // Литературная газета. 1989. 27 дек. С. 4.
- Гранин Д. А.* Писатель и социальный и научно-технический прогресс // Нева. 1980. № 1. С. 188—191.
- Гранин Д. А.* Писательство — дело одинокое // Труд. 2002. 16 февр. С. 5.
- Гранин Д. А.* Пламенное равнодушие // Литературная газета. 1950. 25 июля.
- Гранин Д. А.* Пленные // Русский характер. Ставрополь, 1985. С. 37—48.
- Гранин Д. А.* По ту сторону // Возвращение. Военные рассказы. М., 2017. С. 154—208.

- Гранин Д. А. Победа инженера Корсакова. Л., 1950.
- Гранин Д. А. Повести. М., 1979.
- Гранин Д. А. После обвала: Диалог с самим собой // Общая газета. 1998. 24–30 сент. С. 5.
- Гранин Д. А. После обвала: Диалог с самим собой // Тарбут. Самара, 1998. Сент. (№ 17/18). С. 1.
- Гранин Д. А. После свадьбы // Октябрь. 1958. № 7. С. 14–89; № 8. С. 3–109; № 9. С. 3–75.
- Гранин Д. А. Потерянное милосердие // Нева. 1999. № 8. С. 114–139.
- Гранин Д. А. Почему Ельцин? Он побывал на том берегу // Российская газета. 1991. 11 июня.
- Гранин Д. А. Почему искусство для народа. Настоящая культура становится недоступной // Российская газета. 2006. 8 сент. С. 1, 9.
- Гранин Д. А. Пощечина перестала считаться оскорблением // Известия. 1997. 7 авг.
- Гранин Д. А. Правила чести // Правда. 1983. 3 янв.
- Гранин Д. А. Правила чести // Собеседник. М., 1984. С. 89–95.
- Гранин Д. А. Предисловие // Литературная газета. 1979. 31 окт. С. 13.
- Гранин Д. А. Предисловие: К публикации «Путешествия в иноземства: О Д. С. Лихачеве» // Невское время. 2006. 20 мая. С. 7.
- Гранин Д. А. Причуды моей памяти. М., 2008.
- Гранин Д. А. Размышления перед памятником [В. И. Ленину] // Литературная газета. 1970. 29 апр. С. 4.
- Гранин Д. А. Рассказ врача. М.: Отр. из романа «Бегство в Россию» // Россия. 1994. 13–19 апр. С. 12.
- Гранин Д. А. Райком у заставы: отрывки из нового романа «После свадьбы» // Смена. 1957. 22 июня.
- Гранин Д. А. Река жизни // Наука и религия. 1979. № 11. С. 47–50
- Гранин Д. А. Речь: На Восьмом съезде писателей СССР // Ленинградская правда, 1986. 27 июня.
- Гранин Д. А. [Речь на Третьем съезде писателей РСФСР] // Литературная газета. 1970. 1 апр. С. 4.
- Гранин Д. А. [Речь: На Третьем съезде писателей РСФСР] // Литературная Россия. 1970. 3 апр. С. 14.
- Гранин Д. А. Русский интеллигент уходит // Известия. 1997. 5 нояб.
- Гранин Д. А. Сад камней. М., 1972.
- Гранин Д. А. Сентябрь. Куба: Путевые заметки // Ленинградская правда. 1961. 15 окт.
- Гранин Д. А. Сейчас культ денег. А от совести — только неудобства?! // Аргументы и факты. 2004. Ноябрь. № 46. С. 3.
- Гранин Д. А. Сидней: Из австралийских очерков // Новое время. 1965. № 37. С. 25–27.
- Гранин Д. А. Свет Гаваны: Путевые заметки // Литературная газета. 1961. 11 нояб.
- Гранин Д. А. Свет и тени 300-летия // Литературная газета. 2003. 28 мая — 3 июня. С. 2.

- Гранин Д. А. Склероз разума: Отрывок из романа «Бегство в Россию» // Труд. 1995. 28 янв.
- Гранин Д. А. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Л., 1978; т. 2. Л., 1979; т. 3. Л., 1980; Т. 4. Л., 1980.
- Гранин Д. А. Собр. соч.: в 5 т. Л., 1989—1990
- Гранин Д. А. Собр. соч.: в 3 т. М., 2006.
- Гранин Д. А. Собр. соч.: в 5 т. М., 2007.
- Гранин Д. А. Собраться с духом, чтобы выжить // Известия. 1991. 19 дек.
- Гранин Д. А. Собственное мнение (повесть-притча о двуличии советского технократа) // Новый мир. 1956. № 8. С. 129—136.
- Гранин Д. А. Собственное мнение: Рассказ // Неделя. 1987. 20—26 июля. С. 22—23.
- Гранин Д. А. Собственное мнение: Рассказ // Оттепель, 1953—1956. М., 1989. С. 286—299.
- Гранин Д. А. Собственное мнение: Рассказ // Распятые: Писатели — жертвы политрепрессий. Вып. 6: Слово, взятое в цепи. СПб., 2000. С. 91—102.
- Гранин Д. А. Советская жизнь стала белым пятном // Огонек. 2004. № 36. С. 29—30.
- Гранин Д. А. Совместный проект газеты «Невское время» и Международного благотворительного фонда им. Д. С. Лихачева // Невское время. 2006. 10 мая. С. 8.
- Гранин Д. А. Современный читатель ищет героев мысли и души // Социалистическая индустрия. 1978. 4 июня.
- Гранин Д. А. Совсем о другом // Неожиданное утро. Л., 1970. С. 3—32.
- Гранин Д. А., Дудин М. А., Лихачев Д. С. Сохранить дом Дельвига: письмо в редакцию // Литературная газета. 1986. 15 окт. С. 7.
- Гранин Д. А. Спор через океан // Звезда. 1949. № 8. С. 90—133.
- Гранин Д. А. Спор через океан: Повесть. М., 1950. (Библиотека «Огонек», № 2).
- Гранин Д. А. Сто двадцать четыре дня // Сто двадцать четыре дня: Ленин в Смольном. Л., 1970. С. 10—13.
- Гранин Д. А., Лихачев Д. С., Трешников А. Ф. Судьба Валаама // Известия. 1989. 14 сент.
- Гранин Д. А. «Так торопился, а жизнь прошла...» // Новости Югры. Ханты-Мансийск, 2006. 17 окт.
- Гранин Д. А. Такого Петра Первого, мне кажется, никто еще не видел // Комсомольская правда. 2000. 23 нояб. С. 19.
- Гранин Д. А. Тайный код Д. С.: Д. Лихачев был целым министерством по защите культуры: [Выступление на шестых Лихачевских чтениях в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов] // Российская газета. 2006. 30 мая. С. 1—6.
- Гранин Д. А. Тема человеческого счастья // Литературная газета. 1959. 28 мая.
- Гранин Д. А. Творить самого себя // В мире книг. 1979. № 11. С. 65—67.
- Гранин Д. А. Тревожить совесть // Красная звезда. 1984. 1 июля.
- Гранин Д. А. Три любви Петра Великого. М., 2012.
- Гранин Д. А. Тринадцать ступенек. Л., 1984.
- Гранин Д. А. Трудный писатель: В доме на Кузнечном // Новый мир. 1981. № 10. С. 189—191; 193—195.
- Гранин Д. А. Ты взвешен на весах...: Рассказ // Новый мир. 1982. № 9. С. 72—76.
- Гранин Д. А. Ты взвешен на весах // Однофамилец: Повести. Л., 1984. С. 435.

- Гранин Д. А. У меня не было свободы писать // Литературные вести. 1996. № 2. С. 3 («Я выбираю Ельцина»).
- Гранин Д. А. У меня не было свободы говорить // Российская газета. 1996. 6 апр. С. 3 (Прил. «Дом и отечество»; № 3).
- Гранин Д. А. Умер, как на войне (памяти А. Адамовича) // Вечерний Петербург. 1994. 27 янв.
- Гранин Д. А. Уныние — великий грех // Литературная газета. 1992. 1 янв. С. 3.
- Гранин Д. А. Уроки Лихачева // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Междунар. Лихачев. науч. чтения, 26–27 мая 2006 г. СПб., 2006. С. 15–18.
- Гранин Д. А. Участвовать не намерены // Литературная газета. 1992. 20 мая С. 4.
- Гранин Д. А. ...Ученый, профессор Политехнического института, спортсмен, художник и вот ныне писатель // Рубинштейн Л. М. Исповедь счастливого альпиниста. СПб., 2001. С. 517–518.
- Гранин Д. А. Учитель истории: Отрывок из романа «Вечера с Петром Великим» // Искорка. 1989. № 1. С. 11–15.
- Гранин Д. А. Учительница рисования // Советская культура. 1979. С. 6.
- Гранин Д. А. Феномен Лихачева: [Выступление на заседании ПЕН-клуба] // Нева. 1999. № 12. С. 143–148.
- Гранин Д. А. Французская беседа — впервые на русском: [Предисл. к публикации «Беседы академика Д. С. Лихачева с искусствоведом Л. Смирновым»] // Невское время. 2006. 26 мая. С. 7.
- Гранин Д. А. Человек не отсюда. СПб., 2014.
- Гранин Д. А. Читая Ельцина // Литературная газета. 1990. 5 сент. С. 10.
- Гранин Д. А. Что делать интеллигенции, когда ее роль кончилась // Московские новости. 2006. 2–8 июня. С. 9, 37.
- Гранин Д. А. Эта странная жизнь // Однофамилец: Повести. Л., 1984. С. 458–566.
- Гранин Д. А. Это — Куба // Новое время. 1961. № 45. С. 25–27.
- Гранин Д. А. «Я буду поддерживать людей дела» // Пятница. 1998. 27 нояб. С. 5.
- Гранин Д. А. «Я пишу для себя. Меня не интересует мнение читателя» // Вести. СПб., 2002. 15 янв. С. 4.
- Гранин Д. А. «Я помню...»: Даниилу Гранину — 85 // Литературная газета. 2004. 14–20 янв. С. 8
- Гранин Д. А. Я склоняюсь к мысли, что единая Россия нам больше не нужна // Петербург без России: Pro Et Contra. СПб., 2004.
- Гранин Д. А. Я так себя и не понял... / Записал Н. Крышук // Первое сентября. 2005. 28 июня. С. 3.
- Гранин Д. А. Ярослав Домбровский. М., 1951.
- Гранин Даниил Александрович: дополнительные материалы к библиографическому указателю / Российская национальная библиотека [сост.: Д. Б. Азиатцев, Т. В. Котова, ред.: Е. П. Семенова]. СПб., 2015.
- Гранинцы: [очерки о действиях батальона под командованием капитана Гранина во время обороны Ханко]. Б. м., 1942.

- Гранов В., Лустынин М. «Прозаик написал роман “Искатели”...» // Двадцатый век в эпиграммах от А до Я: Из собрания Льва Куклина. СПб., 2002.
- Грекова И. Кафедра Повести // Кафедра. М., 1983.
- Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство. СПб., 2003.
- [Д. Г.] (Даниил Герман. — С. П.). Студентам — полноценные знания // Индустриальный. 1939. 16 февр.
- Довлатов С. Д. Заповедник // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. СПб., 2008. С. 197–324.
- Довлатов С. Д. Литература продолжается // Собр. соч.: в 4-х Т. 4. СПб., 2008. С. 338–353.
- Довлатов С. Д. Ремесло // Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. СПб., 2008. С. 7–212.
- Еремеева А. Н. Российские ученые в условиях социально-политических трансформаций XX века. Курс лекций. СПб., 2006.
- Еремеева А. Н. Проблема взаимоотношений науки и власти в зеркале самиздата и тамиздата // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 3 (32). С. 56–58.
- Зотова А. В. Опыт создания кредитных учреждений в Петрограде в первые годы новой экономической политики // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 2. С. 119.
- Иванов А. «Онегин, добрый мой приятель...» // Двадцатый век в эпиграммах от А до Я: Из собрания Льва Куклина. СПб., 2002. С. 96.
- Иванов А., Рейжевский А. «Смахнув тяжелую слезу...» // Двадцатый век в эпиграммах от А до Я: Из собрания Льва Куклина. СПб., 2002. С. 98.
- Ильченко С. Следовать за мыслями великого человека // Невское время. 2013. 14 июня. С. 5.
- Имя его известно Богу...: Д. Гранин о солдатских кладбищах в Европе // Час пик. 1996. 29 авг. С. 3.
- Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года = A dictionary of russian literature since 1917 / Пер. с нем. Елена Варграфтик и Игорь Бурихин. London, 1988. Кириллов. 1941. 17 мая.
- Кобелева О. Ф. Традиции И. С. Тургенева в современной литературе: (На материале произведений Д. Гранина, Ю. Казакова, В. Солоухина): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н.: Спец. 10.01.01 / Днепропетр. гос. ун-т им. 300-летия воссоединения Украины с Россией. Днепропетровск. 1992.
- Коротцев О. Прикосновение к вечности: (Планеты, названные в честь петербуржцев) // Санкт-Петербургские Ведомости. 1994. 4 авг.
- Коцюбинский Д. А. Петербург без России: Pro Et Contra. СПб., 2004.
- Кредит и банки. Циркуляр НКФ СССР от 25 марта 1926 г. № 398. «О прекращении кредитования обществами взаимного кредита хлебных операций частных лиц и предприятий» // Бюл. финан. и хоз. законодательства. 1926. № 15. 16 апр.
- Кто есть кто в Санкт-Петербурге. Биографический ежегодник. Вып. 18. /Ю. И. Светов, В. Б. Угрюмов. СПб., 2015.
- Кто такой Даниил Гранин? // <https://ivbg.ru/7836512-idushhij-na-grozu-chem-zapomnitsya-pisatel-daniil-granin.html> (дата обращения — 11.07.2018).

- Кузнецова О. Н.* Категория жизнеустроительного пафоса в потоке интеллектуально-деловой и «деревенской» прозы 2-й половины XX столетия: монография. Краснодар: Изд-во Кубанского социально-экономического института, 2015.
- Куклин Л.* Диалог: Стихотворения разных лет. Л., 1988.
- Куклин Л.* Размышления в «Саду камней» в Киото // Диалог: Стихотворения разных лет. Л., 1988. С. 155–156.
- Кулиев К. Ш. Д.* Гранину // Собр. соч. Т. 2. Стихотворения и поэмы / Пер. с балкарского. М., 1987. С. 206–207.
- Ленинградские писатели-фронтовики: Автобиографии, биографии, книги / Авт.-сост. [и авт. предисл.] В. Бахтин. Л., 1985.
- Литературный Санкт-Петербург. XX век: энциклопедический словарь: в 3 т. Т. 1. 2-е изд. СПб., 2015.
- Любовь — это лучшее изобретение человечества: [Беседа] / Даниил Гранин — Александр Мелихов; [Предисл. ред.] // Октябрь. 2009. № 7. С. 164–172.
- Новоукраинский городской новостной портал. URL: <http://novoukrainka.pp.ua/article/a-8.html> (дата обращения — 18.08.2018).
- [Об окончании съемок сериала по книге «Вечера с Петром Великим»]; [О телевизионной передаче, посвящ. программисту Д. Склярору] // Общая газета. 2001. 13–19 сент. С. 9. (Впечатления недели).
- «Он был бы гением, не менее...» // Двадцатый век в эпиграммах от А до Я: Из собрания Льва Куклина. СПб., 2002. С. 96.
- Победим ли мы культ личности?: Писатель Д. Гранин о справедливости, Сталине и национальной мечте / [Беседу вел М. Володин] // Труд-7. 2011. 20 окт. С. 4–5.
- Подписан Указ об увековечении памяти Даниила Гранина // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56463> (дата обращения — 19.09.2018).
- Полторак С. Н.* Блокада Даниила Гранина // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Книга пятая. СПб., 2018. С. 18–23.
- Полторак С. Н.* Военная подготовка политехников Санкт-Петербурга: исторический очерк. СПб., 1996.
- Полторак С. Н. Д. А. Герман и Д. А. Гранин: процесс трансформации энергетика в писателя* // Культурно-историческое наследие России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: исследование и сохранение: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию высшего ист. образования на Дальнем Востоке России (Владивосток, 16–17 октября 2018 г.). Хабаровск, 2018. С. 121–125.
- Полторак С. Н. Д. А. Гранин в моей жизни* // Клио. 2017. № 8 (128). С. 43–50.
- Полторак С. Н.* Не умею поздравлять Д. А. Гранина (к 90-летию со дня рождения писателя) // История Петербурга. 2009. № 1. С. 3–4.
- Полторак С. Н.* Неопубликованный вариант поэмы Б. Д. Четверикова «Ленинград» как исторический источник. (По материалам семейного архива) // 60-летию Великой победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

посвящается: материалы науч.-практ. конф., Санкт-Петербург–Волхов, 27–28 апр. 2005 г. СПб., 2005. С. 60–65.

Полторац С. Н. О студенческой жизни Д. А. Германа — будущего писателя Даниила Гранина // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.). Сб. науч. трудов к 80-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Владлена Семеновича Измолика. СПб., 2018. С. 246–251.

Полторац С. Н. О творчестве Б. Д. Четверикова в дни блокады Ленинграда // 60 лет со дня снятия блокады Ленинграда и освобождения Ленинградской области: Материалы междунар. конф., 27 янв. 2004 г. СПб., 2004. С. 147–150.

Полторац С. Н. Роман Д. А. Гранина «Искатели» как энциклопедия нравственности советского человека середины XX в. // Динамика нравственных приоритетов человека в процессе его эволюции: Материалы XIX международной научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. СПб., 2006. С. 175–181.

Последние солдаты уходящего времени: Д. Гранин, фронтовик и писатель, обращается к немецкой нации: [Выступление на торжественном заседании в Берлинском музее Карлхорст] // Общая газета. 2001. 21–27 июня. С. 1.

Потапенко В. Б. Искусство общения: (дружба скульптора Григория Ястребенецкого и писателя Даниила Гранина): к 90-летию Д. Гранина и 85-летию Г. Ястребенецкого. СПб., 2009.

Президент наградил Даниила Гранина орденом [Святого апостола Андрея Первозванного] // Вечерний Петербург. 2009. 28 янв. С. 6.

Прокофьев А. А. Идут сады за Пулково // Лирика. Л., 1956. С. 55–56.

Прокофьев А. А. На Пулковском меридиане // Лирика. Л., 1956. С. 52–53.

Прокофьев А. А. Премудрый карасик // Известия. 1968. 3 янв. С. 5.

Прокофьев А. А. Пулково // Лирика. Л., 1956. С. 54.

Радиостанция «BBC Radio 4 extra». The 20th-Century North // <https://www.bbc.co.uk/programmes/b07tbkwz#play> (дата обращения — 10.08.2018).

Романов Г. В. Я против недостоверных версий // Российская газета. 2004. 27 янв. Российская биографическая энциклопедия «Великая Россия». Т. 23. СПб., 2016.

Российская еврейская энциклопедия / Гл. ред. Г. Г. Брановер. Т. 1: Биографии: А – К. 1994.

Рубинштейн Л. М. Исповедь счастливого альпиниста. СПб., 2001.

Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги / Биобиблиографический словарь: в 3 т. Т. 1. М., 2005.

Русские писатели, XX век. Библиографический словарь: в 2 ч. Ч. 1. А — Л. М., 1998.

Русские писатели XX века: биографический словарь. М., 2000.

Русские советские писатели-прозаики: Биобиблиографический указатель. Т. 1: Авдеенко — Жестев: [По 1-е янв. 1959 г.]. Л., 1959.

Рябинина О. Могучий рассказал о судьбе музеев // Metro Санкт-Петербург. 2018. 19 сент. С. 2.

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет: биографии. СПб., 2006.

Сачева И. Умер Даниил Гранин. URL: <http://www.stihi.ru/2017/07/08/6252> (дата обращения — 24.08.2018).

«Святые на Руси есть — не хватает честных»: Знаменитый русский прозаик Д. Гранин считает, что деятели культуры должны заниматься культурой, не политикой / [Беседу вели Д. Каралис и В. Желтов]; Материал подгот. Д. Каралис и А. Циопа // *Невское время*. 2008. 11 сент. С. 21.

«Сегодня герои — те, кто помогает несчастным»: В 71-ю годовщину полного освобождения Ленинграда от фашист. блокады Д. Гранин стремится напомнить людям о главном // *Невское время*. 2015. 27 янв. С. 1, 2.

Сжатие банковского кредита и торговля (Беседа с зам. нач. экономического управления НКТорга СССР Л. Б. Залкиндом) // *Торговые известия*. 1926. 13 февр.

Скопарева С. Л. В поисках идеала: Концепция личности в прозе Д. Гранина 60–80-х гг. М., 1998.

Совесть не приносит дохода: Писатель Д. Гранин — о власти и пустых пьедесталах / [Беседа вел М. Володин] // *Аргументы и факты: Санкт-Петербург*. 2011. 19–25 окт. С. 3.

Старков А. Н. Нравственный поиск героев Даниила Гранина. М., 1981.

Суслов В. Н. «Все у Гранина толково...» // *Двадцатый век в эпиграммах от А до Я: Из собрания Льва Куклина*. СПб., 2002. С. 98.

Творческая встреча с Д. Граниным. Творческая встреча с Даниилом Граниным: презентация книги «Интелгенды», СПбГУП, 9 февраля 2016 года: [сборник]. СПб., 2016.

Тендряков В., Домбровский Ю., Шаламов В., Адамович А., Гранин Д. Кн. для чтения для изучающих рус. Яз. / Сост. Я. С. Духан и др. СПб., 1993.

Тимофеев Б. «Писатель, инженер — он многогранен...» // *Двадцатый век в эпиграммах от А до Я: Из собрания Льва Куклина*. СПб., 2002. С. 97.

Тургенев И. С. Хорь и Калиныч / *Собр. соч.: в 6 т. Т. 1.* М., 1968. С. 5–16.

Уэльбек М. Покорность. М., 2016.

Федюрко Н. «Многогранен физик Гранин...» // *Двадцатый век в эпиграммах от А до Я: Из собрания Льва Куклина*. СПб., 2002. С. 98.

Филатов А. В. К читателям этого номера // *История Петербурга*. 2007. № 1 (35). С. 4.

Финк Л. А. Необходимость Дон Кихота: Книга о Д. Гранине. М., 1988.

Чобану И. К. Еще жив (перевод с молдавского языка Д. А. Гранина) // *Нева*. 1978. № 1.

Alan Le May. *The Searchers.* New York, 1954.

Who is who в России. Энциклопедия личностей. Вып. 4. М., 2010.

Содержание

О тех, кто помогал мне в написании этой книги	7
Введение	19
Глава 1. Неточности в биографических сведениях о Д.А. Германе (Гранине)	25
Глава 2. Детство и ранняя юность Даниила Германа	55
Глава 3. Технарь и гуманитарий	67
Глава 4. От ополченца до командира танковой роты	81
Глава 5. Как Д.А. Герман стал Д.А. Граниным	111
Глава 6. Легко ль проснуться знаменитым?	173
Глава 7. Странная жизнь во времена Застоя	191
Глава 8. «Совесьть» Перестройки	261
Глава 9. «Воспаленный нерв» постсоветской России	305
Глава 10. Такие люди не уходят	395
Заключение	411
<i>А. В. Зотова. Послесловие</i>	
Историко-психологический портрет Д.А. Гранина на фоне его жизни	418
Список источников и литературы	430

Сергей Николаевич Полторак — доктор исторических наук, профессор, академик РАН, почетный работник высшего профессионального образования РФ, президент международной ассоциации исторической психологии, вице-президент Ассоциации историков Гражданской войны, главный редактор журнала «История Петербурга» и журнала для ученых «Клио», автор около 700 научных публикаций, в том числе свыше 10 монографий.

Полторак Сергей Николаевич

ГРАНИН

Редактор *О. В. Старкова*

Художественное оформление *М. А. Миллер*

Компьютерная верстка *В. В. Забковой*

Корректоры *Е. А. Клепова, Н. И. Натальяина*

ООО «Издательство «Кучково поле»

Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 420

Тел.: (495) 256 04 56; e-mail: info@kpole.ru

По вопросам приобретения обращайтесь

в отдел продаж: sales@kpole.ru

www.kpole.ru

Подписано в печать 10.01.2019

Формат 125×200 мм. Усл. печ. л. 23,52

Тираж 1000 экз. Заказ 738

ISBN 978-5-9950-0966-5

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тел.: (499) 270 73 59, sales@chpd.ru, www.chpd.ru

Эта книга — первая попытка комплексного исследования биографии выдающегося отечественного писателя Даниила Александровича Гранина (Германа) (1918—2017).

На основе материалов многочисленных архивов, ряда неизвестных прежде публикаций Д. А. Гранина, а также широкого круга его произведений в монографии прослеживается жизненный путь писателя, осуществляется попытка реконструкции его взглядов на жизнь и литературное творчество на протяжении многих десятилетий.

В книге анализируются взгляды Д. А. Гранина на процесс развития нашей страны, дается оценка гражданской позиции писателя-фронтовика.

